

СЕРГЕЙ БЫЧКОВ

БОЛЬШЕВИКИ ПРОТИВ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ
(1917–1941 гг.)

II том

МОСКВА
2006

Грядущему Поместному Собору Русской Церкви

Первый том историка Русской Церкви, доктора исторических наук С.С. Бычкова «Русская Церковь и императорская власть. 1900–1917 гг.» увидел свет в 1998 году. Работа над вторым томом длилась шесть лет. В январе 2004 года она была завершена, и книга отлеживалась ровно год. В январе 2005 года началась редакторская работа, а затем последовал издательский цикл. За прошедшие два года со дня окончания работы над исследованием появились две значимые работы, в той или иной мере затрагивающие этот период бытования Русской Церкви. Это монография А.В. Журавского «Во имя правды и достоинства Церкви» (2004) и А. Мазырина «Священномученик Кирилл (Смирнов) как глава «правой» церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей» (2005). Исследование С.С. Бычкова рассчитано на широкий круг христианских читателей и тех, кто интересуется отечественной историей. Книга написана легко и богато иллюстрирована редчайшими фотографиями, многие из которых публикуются впервые.

© С.С. Бычков. 2006.
© Издательство Sam&Sam. 2006.
© ООО «Тэтис Паблишн». Макет. 2006.

ISBN 5-94892-006-2

В истории мира есть события таинственные, но нет бессмысленных.

Владимир Соловьев

Христианство — религия историков. Незнание прошлого не только вредит познанию настоящего, но и ставит под угрозу всякую попытку действовать в настоящем.

Марк Блок. «Апология истории»

Архиепископ Ярославский Тихон (Белавин)

I. РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИКА-ХРИСТИАНИНА

Методологическое вступление

Эта работа над осмыслением одного из самых трагических периодов русской истории началась давно. В начале 70-х годов, когда были живы многие участники и свидетели тотального большевистского наступления на религию в СССР, я стал собирать документы и свидетельства той далекой эпохи. Перед отъездом в эмиграцию в 1974 году А.Э. Краснов-Левитин подарил мне отпечатанные на машинке и переплетенные тома «Очерки церковной смуты»¹. Это была первая серьезная попытка отечественных историков проследить истоки движения «советских обновленцев» и осмыслить противостояние Русской Церкви натиску большевиков в первые послереволюционные годы. Тогда для исследователей были безнадежно закрыты партийные и государственные архивы. Им приходилось опираться только на опубликованные в советской прессе документы, отпрепарированные и фальсифицированные советскими историками, а также на воспоминания участников описываемых событий и собственные впечатления.

Весной 1976 года Лев Регельсон, с которым в начале 70-х я познакомился у А.Э. Краснова-Левитина, завершил работу над книгой, впоследствии получившей название «Трагедия Русской Церкви»². Он представил свое исследование на суд друзьям и единомышленникам. В солнечный майский день мы собрались на одной из московских квартир. Нас было немного – человек десять. Близкие друзья Льва, священник Глеб Якунин и мирянин Виктор Капитанчук, уже тогда высоко оценили этот труд. Евгений Барабанов выступил с рядом важных критических замечаний. Пришлось выступить и мне – самому молодому среди присутствующих. В одном почти все мы были единодушны – после труда А.Э. Краснова-Левитина и В. Шаврова это было первое серьезное исследование, исполненное в подсоветской России, в котором на суд читателей (весьма узкого круга) была представлена целостная, хотя и спорная концепция пути, пройденного Русской Церковью в XX столетии.

А.Э. Краснов-Левитин.
1974 г.

Осенью того же года архимандрит Таврион (Батозский), служивший в Спасо-Преображенской обители под Ригой, поведал мне о том, как в ноябре 1926 года вместе с двумя курьерами принимал участие в тайных выборах патриарха. С этих событий началось пристальное изучение доступных мне источников по новейшей истории Русской Церкви, встречи с живыми свидетелями тех давних событий и соби́рание материалов. Первая попытка осмысления была предпринята мной в начале 80-х годов, когда работал над биографией архимандрита Тавриона. Завершив к 1982 году черновой вариант, вынужден был отступить. Я по-

нимал — одних догадок и свидетельств очевидцев, порой весьма разноречивых, недостаточно. Необходима кропотливая работа с документами, которые оставались в те годы недоступными в спецхранах. В черновом варианте биографии архимандрита Тавриона немало места было уделено новейшему периоду истории Русской Церкви. Я раздал его моим друзьям и единомышленникам. Отзывы были схожи — меня упрекали в том, что центр тяжести перенесен на историю Русской Церкви, а личность архимандрита Тавриона оттеснена на второй план.

В этой работе немало помогла книга английского историка Уильяма Флетчера «Искусство выживания. Церковь в России 1927–1943 гг»³. Флетчер проанализировал все доступные ему в эти годы документы (несомненно, весьма скудные и изрядно фальсифицированные). Его исследование не утратило своей ценности и в наши дни, когда открылись архивы госбезопасности и ЦК КПСС. Оно ценно прежде всего концепцией: жизнестойкий организм Православной Церкви в годы жесточайших атеистических гонений изменялся, приспособлялся и поэтому сумел выжить. К сожалению, историк не отметил те негативные явления, которые стремительно накапливались в Церкви в процессе борьбы за выживание. Уже в послевоенный период они стали очевидны для многих православных иерархов, особенно из числа тех, кто вернулся из сталинских концлагерей. В 1943 году, после того как был

заключен конкордат между Русской Церковью и Сталиным, в лоно Церкви вернулись уцелевшие после страшных чисток 30-х годов обновленческие епископы и священники. Они были известны не только конформизмом, но и как прямые сотрудники органов НКВД. Они привнесли растлевающий дух наживы и доносительства в повседневную жизнь Церкви. Моральный облик большинства из них был весьма далек от нравственных требований христианства.

В 1965 году увидела свет монография плодovitого американского историка Джона Кертиса «Русская Церковь и Советское государство. 1917–1950»⁴. К сожалению, ценность этого исследования невысока из-за предвзятой концепции. Кертис считал, что так называемая «церковная революция», предпринятая обновленцами, была естественным следствием большевистской революции. Если бы историк имел возможность познакомиться с ныне рассекреченными документами из архивов ЦК КПСС и КГБ СССР, он вряд ли стал бы отстаивать подобный подход. Кертис как историк известен своими симпатиями к марксизму и простодушным доверием к заявлениям, в том числе неофициальным, ряда большевиков (он был одним из немногих зарубежных историков, которые в довоенный период были допущены к работе в архивах и библиотеках СССР, — случай экстраординарный!). Стоит процитировать некоторые места его исследования: «Перед смертью патриарх (Тихон — С.Б.) ввел новую должность для своих преемников, назначив митрополитов Петра, Кирилла и Агафангела Местоблюстителем патриаршего престола. Поскольку и Кирилл, и Агафангел все еще находились в ссылке, митрополит Петр был провозглашен действующим главой Церкви 60 епископами, собравшимися на похороны патриарха. Чтобы избрать патриарха, спустя 40 дней со дня

Лев Регельсон и Глеб Якунин. 1976 г.

его смерти необходимо было созвать Собор. Однако он не состоялся. Церковнослужители утверждают, что Собор не был созван из-за того, что слишком многие епископы находились в ссылках и лагерях. Смидович же, советский высокопоставленный чиновник, ответственный за связи с Церковью, рассказывал доктору Спинке, что церковные деятели никогда не обращались к властям с просьбой о проведении Собора и даже не пытались организовать его»⁵.

Немалую помощь в работе мне оказало многогранное исследование английского историка-советолога Эдгара Карра «История Советской России»⁶. Тщательный анализ исторических данных, скрупулезное изучение историком первых шагов большевиков, захвативших власть в России в 1917 году, значительно облегчили понимание наиболее трудных и малоизученных аспектов этого периода. К сожалению, работы как зарубежных, так и отечественных историков грешат одним общим недостатком — они не только некритически используют данные советской историографии, но и принимают на веру основные положения марксизма-ленинизма. Сегодня, когда XX столетие уже позади, а тоталитарное общество, созданное Лениным и партией большевиков, рухнуло, необходимо заново пересмотреть мифы, созданные партийной пропагандой. Это, быть может, наиболее трудная задача, поскольку в плоть и кровь как отечественных, так и зарубежных историков вошли такие мифологемы, как «социалистическая революция», «классовая борьба», «диктатура пролетариата», «военный коммунизм», «НЭП». Пропагандистская машина большевиков за 70-летний период достигла необычайных успехов, умело манипулируя этими мифологемами и внедряя их в сознание не только советских людей, но и зарубежных исследователей. Хотя еще в начале 20-х годов выдающийся русский ученый с мировым именем Владимир Вернадский записал в дневнике: «Большевизм держится расстройством жизни. При налаженной культурной жизни в мировом масштабе он не может существовать и так или иначе должен измениться. Это форма низшего порядка даже по сравнению с капиталистическим строем, так как она основана на порабощении человеческой личности»⁷.

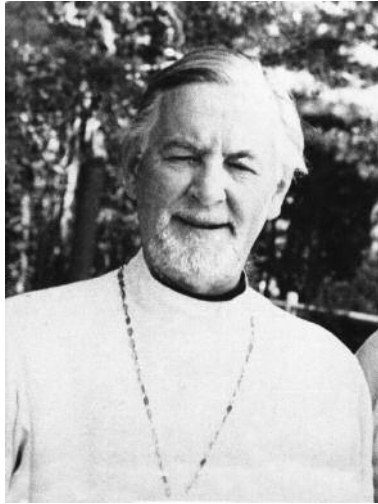
Выгодно отличается своим подходом один из современных западных мыслителей, Ален Безансон: «Теоретически христианский мир, глядя на то, чем закончилась коммунистическая авантюра, должен бы испытывать озабоченность, даже ответственность. Именно в христианском мире расправляла крылья идея истории,

устремленной ко всеобщему спасению, оттачивалось чаяние окончательного освобождения, всеобщего очищения, торжества добра. Никогда, однако, извращение этих идей не влекло за собой столько несправедности, никогда грех не переполнял так землю. Было о чем подумать. Тем не менее христианский мир не только забыл, но по велению своих пастырей еще и счел это забвение благочестивым... Коммунизм тянулся так долго, что его стали воспринимать как ледниковый период, как вечную суровую зиму. Теперь климат потеплел, снова вышло солнышко, и о коммунизме больше не думают, отдавшись повседневным заботам»⁸.

Необходим непредвзятый подход, возможный лишь в том случае, если исторический анализ будет проделан историком-христианином, сознание которого вполне свободно от устоявшихся клише. Важно осознавать ответственность за произошедшую трагедию, унесшую десятки миллионов жизней, остановившую развитие России, быть может, на столетия. «Коммунизм рос за счет массового отступничества христиан. Нельзя быть уверенным, что это отступничество, а тем более всяческие компромиссы и уступки рассматриваются как действительная вина. Их обычно считают простительными заблуждениями и усматривают за ними благие намерения. Причина проста: христиане еще не до конца очистились от коммунистических идей, которые в их умах смешаны с гуманистическими, и посредством этих последних угнездились среди мирян и духовенства. В скрытых и бессознательных формах, действуя окольными путями... эти идеи по-прежнему активны. Еще и сегодня мы слышим разговоры о «третьем пути» между «капитализмом» и «социализмом». Мы до сих пор не осознали, что, подводя наш мир под концепцию «капитализма», мы уже принимаем дихотомическую картину мира, навязанную идеологией, которая, как мы считаем, столь чужда нам. Сохранение подобных навыков мышления — еще одна причина забвения»⁹. Быть может, самое страшное, что после неожиданного крушения коммунизма в

Евгений Барабанов. 1976 г.

Протопресвитер
Александр Шмеман

СССР и в странах Восточной Европы не произошло даже попытки осмысления произошедшей трагедии. Ее масштабы можно сравнить лишь с доисторическими временами, когда во время падения гигантского метеорита на Землю погибли огромные популяции животных, изменился климат планеты и началось великое обледенение. Россия стала первой жертвой тоталитаризма, она за считанные годы превратилась в апокалиптическое царство Зверя, подминая под себя другие страны. И эта трагедия длилась 70 лет, захватывая страны не только Европы, но и Азии, Африки и Латинской Америки. Ко-

личество человеческих жертв исчисляется сотнями миллионов не только в России, но и в странах Европы, Китае, Камбодже, на Кубе, в Никарагуа, Корее, Вьетнаме, Конго и многих других странах. Бациллы коммунизма не побеждены прежде всего в России — они затаились. Задача историка-христианина заключается прежде всего в том, чтобы найти истоки этой трагедии, обозначить их и показать трагические последствия коммунистической идеологии.

Священник и богослов Александр Шмеман заметил: «Что такое идеология? Это учение или теория, не только выдающая себя за абсолютную и всеобъемлющую истину, но и предписывающая человеку определенное поведение, действие. На глубине идеология — это, конечно, эрзац, подмена религии. Но разница, и огромная разница, между религией и идеологией в том, что религия, вера — это всегда нечто очень личное, невозможное без глубокого личного и внутреннего опыта, тогда как идеология, всякая идеология, начинается с того, что просто все личное отрицает и отвергает как ненужное... Закат религии и торжество идеологии привели почти к полному отмиранию идеи личности и стоящего за нею опыта. Опыт же этот, конечно, в первооснове своей религиозный. Только из религии возможна идея личности...»¹⁰. Крушение тоталитарного общества, которым был СССР, открыло перед гражданами России небы-

валые прежде перспективы. Свобода слова помогла россиянам в конце 80-х — начале 90-х годов не только узнать много нового о нашем прошлом, но и преодолеть сковывающий страх. Ведь именно страх был тем цементирующим составом, на котором держалась тирания. Протопресвитер Александр Шмеман напоминал: «Нас призывают к свободе во имя всех возможных идеологий, но на деле... каждая из идеологий поработает человека мертвой догме, мертвым предпосылкам, мертвой системе. Свобода неизбежно на этой земле, в этом мире оборачивается рабством. Поэтому недостаточно сосредоточиться на отрицательном и освободительном понимании свободы. Освобождение во имя чего?»¹¹

Он сосредоточивается на двух проблемах. Сегодня со всех сторон слышатся жалобы — якобы из-за того, что рухнула коммунистическая идеология, в душах наших сограждан образовался вакуум. А поскольку идеологические работники, элита тоталитарного общества, неожиданно остались без работы, то они настойчиво предлагают свои услуги по созданию новой идеологии, без которой якобы не сможет существовать наше общество. Протопресвитер Александр Шмеман прямо говорит об идеологии как о мертвой догме. Не будем тешить себя иллюзиями — идеологии необходимы тем, кто рвется к власти. Душе же человеческой необходимы другие ценности. Возможность общения с Высшим началом, семья, работа, друзья — вот те общечеловеческие ценности, которыми всегда, во все века дорожило человечество.

Вторая проблема — свобода. Важно помнить, что человек — весьма несовершенное существо. Когда герой Максима Горького восклицает: «Человек — это звучит гордо!» — он прав лишь отчасти. Библия постоянно говорит нам об изначальной испорченности человеческой природы. Это гениально выразил апостол Павел в Послании к римлянам: «Чего хочу не делаю, а то чего не хочу — делаю. Несчастный я человек!» Это чувство знакомо каждому из вас. Только приобщение к Высшим ценностям, предстояние перед Творцом дает человеку возможность самоосуществиться. Отец Александр Шмеман говорит о глубинной сущности понятия свободы: «Ибо для христианства понятие это означает не временное освобождение от той или иной зависимости, но прежде всего коренную и внутреннюю перемену человеческого сознания, а потому и всей человеческой жизни»¹².

Еще одна трудность для христианина-историка — постоянная фальсификация коммунистическими историками происходивших

В.Т. Шаламов

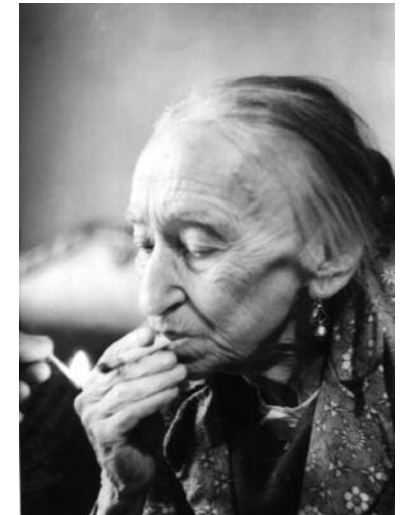
событий. Исторические факты освещались с оглядкой на «генеральную линию ЦК КПСС». Они сознательно фальсифицировались по указке коммунистических идеологов. Поэтому ценность официозных исследований советских историков весьма относительна — рассматривать их труды, посвященные истории СССР и Русской Православной Церкви новейшего периода, необходимо критически.

Как ни парадоксально, огромная заслуга в осознании произошедших с 1917 года событий принадлежит не социологам или историкам, а в первую очередь писателям.

Варлам Шаламов и Александр Солженицын, Надежда Мандельштам и Евгения Гинзбург¹³ первыми показали, что общество, построенное в России большевиками, нельзя назвать социалистическим. Это был возврат назад, в рабовладельческое общество. Большая часть населения, сумевшая выжить в результате большевистских экспериментов в довоенный период с 1917 по 1941 гг., была обращена в рабство. Рабочие получали продовольственный паек, позволявший им лишь не умереть с голоду. Крестьяне были вынуждены сами заботиться о пропитании. За рабский труд им вообще не платили. Более того, они не могли покинуть деревню, так как не имели паспортов. Введение прописки прикрепляло россиян к одному месту жительства. Миллионы мужчин, женщин и детей без какой-либо вины были брошены в концентрационные лагеря, где за тяжелый труд получали лишь пайку хлеба и похлебку. В лагерях россияне вымирали сотнями тысяч. Планомерно коммунистами истреблялись лучшие представители нации. Работники ГПУ-НКВД свидетельствовали уже в 50-е годы, что из Москвы в провинцию направлялись циркуляры, в которых указывалось точное количество людей, подлежащих арестам и уничтожению. Война против собственного населения, развязанная большевиками в 1917 году, длилась вплоть до смерти Сталина. Освобождения не принесла ни победа в Отечественной войне, ни смерть Сталина в 1953 году.

Странно было бы после того, как вскрылась правда о жесточайшем тоталитарном режиме в России, оперировать коммунистическими терминами. Захват большевиками власти осенью 1917 года не был исторической необходимостью. С первых же месяцев 1917 года Ленин начал строить полицейское государство, в котором власть принадлежала небольшой группе партийцев. Ни одно предсказание Маркса не сбылось. Мировая революция, согласно его псевдочению необходимая для построения социализма, так и осталась несбывшейся мечтой российских большевиков. Рыночная экономика и римское право на Западе, постоянно трансформируясь, достигли значимых успехов в развитии демократии и прав человека. В СССР человеческая жизнь обесценилась, а экономика оказалась неконкурентоспособной. Страна, насильственно оторванная от остального мира, вынуждена была в течение десятилетий производить в основном оружие массового поражения, поскольку партия большевиков стремилась к завоеванию мирового господства. Тоталитарная система, созданная Сталиным по рецептам Ленина, оказалась нежизнеспособной еще и потому, что не только игнорировала христианские ценности, но и стремилась уничтожить Церковь, хранительницу духовных традиций. Большевики пытались уничтожить на территории СССР все мировые религии. Спустя десятилетия эта попытка привела к нравственному одичанию россиян. Сегодня «новый человек», выращенный в коммунистическом заповеднике, стал пугалом не только для соотечественников, но и для всего мира.

Еще в начале XIX столетия, осмысливая события французской революции 1789 года, Александр Пушкин писал: «Конечно, должны еще произойти великие перемены, но не должно торопить времени, и без того довольно уже деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политичес-

Н.Я. Мандельштам

А.И. Солженицин

ких, страшных для человечества»¹⁴. Однако XIX столетие выпестовало новый тип человека, создав для него условия жизни, существенно отличающиеся от всех когда-либо бывших прежде. «Никогда за всю историю человек не знал условий, даже отдаленно похожих на современные. Речь действительно идет о чем-то абсолютно новом, что внес в человеческую судьбу XIX век. Создано новое сценическое пространство для существования человека, новое и в материальном, и в социальном плане. Три начала сделали возможным этот новый мир: либеральная демокра-

тия, экспериментальная наука и промышленность. Два последних фактора можно объединить в одно понятие — техника»¹⁵. XIX век встряхнул не только Европу — он существенно изменил лик Нового Света. Возникновение новых государств в Европе, крушение монархий, уничтожение рабства в России и Соединенных Штатах Америки — все это признаки новых времен, существенно отличавшихся от прежних. «Деятнадцатый век был революционным по сути. И суть не в живописности его баррикад — это всего лишь декорация, а в том, что он поместил огромную массу общества в жизненные условия, прямо противоположные всему, с чем средний человек свылся ранее... Революция — не покушение на порядок, но внедрение нового порядка, дикредитирующего привычный... Тот мир, который окружает нового человека с колыбели, не только не понуждает его к самообузданию, не только не ставит перед ним никаких запретов и ограничений, но, напротив, непрестанно берedit его аппетиты, которые, в принципе, могут расти бесконечно... Пора уже наметить первыми двумя штрихами психологический рисунок сегодняшнего массового человека: эти две черты — беспрепятственный рост жизненных запросов и, следовательно, безудержная экспансия собственной натуры и, второе, врожденная неблагодарность ко всему, что сумело обеспечить ему жизнь. Обе черты рисуют весьма знакомый душевный склад изба-

лованного ребенка. И, в общем, можно уверенно прилагать их к массовой душе как оси координат»¹⁶.

В стремительно меняющемся мире Церковь свыше была призвана к переменам. Но на протяжении XIX столетия Церковь в России продолжала находиться под гнетом самодержавия, оставаясь наиболее консервативным из всех социальных институтов. «Церковь в России на протяжении веков заслоняла лик Христов от народа», — сказал мне еще в начале 80-х годов XX столетия архиепископ Михаил (Мудьюгин). В этих словах заключена горькая истина — достаточно ознакомиться с историей перевода Священного Писания на русский язык в начале XIX столетия. И, несмотря на то что уже во второй половине XIX столетия вся Библия была переведена на русский язык, богослужение продолжалось на церковнославянском, который был непонятен простому народу. Проповедь звучала в российских храмах чрезвычайно редко — для этого требовалось специальное разрешение епископа. Церковь почти не участвовала в социальном служении. Духовные училища и семинарии, за редким исключением, напоминали бурсы, в которых царили жестокость и пьянство. Все это подрывало традиционные христианские убеждения среди молодежи. Образовался духовный вакуум, который заполнили революционеры проповедью о построении справедливого общества. «Под маркой синдикализма и фашизма впервые возникает в Европе тип человека, который не желает ни признавать, ни доказывать правоту, а намерен просто-напросто навязать свою волю. Вот что внове — право не быть правым, право произвола. Я считаю это самым наглядным проявлением новой жизнедеятельности масс, исполненных решимости управлять обществом при полной к тому неспособности. Политическая позиция предельно грубо и неприкрыто выявляет новый душевный склад, но коренится она в интеллектуальном герметизме»¹⁷.

Ленин и Гитлер, Муссолини и Троцкий были наиболее яркими представителями масс. Они были абсолютно глухи к любым проявлениям инакомыслия. Это были мономаны, властолюбивые фанатики, носители одной идеи. Герметизм, о котором говорит философ, свидетельствует об узости кругозора, интеллектуальной неспособности этих политиков усвоить какую-либо иную точку зрения или признать правоту другого. Именно поэтому они столь охотно прибегали к самому разнузданному насилию, уничтожая миллионы не согласных с ними людей. «Цивилизация — это преж-

де всего воля к сосуществованию. Дичают по мере того, как перестают считаться друг с другом. Одичание — процесс разобщения... Оттого-то и большевизм, и фашизм, две политические «новинки», возникшие в Европе и по соседству с ней, отчетливо представляют собой движение вспять. И не столько по смыслу своих учений — в любой доктрине есть доля истины... сколько по тому, как допотопно, антиисторически используют они свою долю истины. Типично массовые движения, возглавленные, как и следовало ждать, недалекими людьми старого образца, с короткой памятью и нехваткой исторического чутья, они с самого начала выглядят так, словно уже канули в прошлое, и, едва возникнув, кажутся реликтовыми»¹⁸. Это предсказание испанского философа сбылось на исходе XX века. Но и сегодня Россия, испытывавшая на себе затянувшиеся почти на столетие эксперименты большевиков, еще не осмыслила ни истоков этих кровавых опытов, ни вины, которая до сих пор не исповедана россиянами.

Вторая попытка осмысления событий начала XX столетия была предпринята мною в 1992 году, когда после долгой, казавшейся безнадежной переписки с руководством ФСК я получил наконец кратковременный допуск к архивным делам ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ. Прежде всего меня интересовали тайные выборы патриарха. Я получил дело митрополита Сергия (Страгородского). Ознакомившись с ним и сделав необходимые выписки (о ксерокопировании не могло быть речи — чекисты смотрели на меня, недавнего религиозного диссидента, с явной враждебностью и недоумением!), я еще раз попытался изложить свое понимание произошедшего в те давние годы. Тогда я был вооружен документами, в том числе архивными, о работе с которыми не мог прежде и мечтать. Однако реконструировать события почти 70-летней давности оказалось весьма непросто. Я тонул в подробностях. Мне казалось, что митрополит Сергий (Страгородский), которого мои друзья и современники обвиняли во всех смертных грехах, лишь очередная жертва тотального, всеокрушающего натиска большевиков. Все обвинения, которые обрушивались на него как современниками, так и потомками, казалось мне тогда, были вызваны непониманием тяжести того креста, который он взвалил на свои плечи. Но я не мог доказательно изложить те интуиции, которые возникли при поверхностном знакомстве с архивным делом 1926 года. Тем не менее попытался изложить тогдашнее понимание событий в небольшой статье, так и оставшейся неопубликованной.

В сентябре 1996 года разгорелся скандал, связанный с коммерческой деятельностью одного из подразделений Русской Православной Церкви — Отдела внешних церковных сношений. Коммерческие аферы митрополита Кирилла (Гундяева), председателя ОВЦС, неожиданно вернули меня к оставленной и не до конца осмысленной теме. В течение осени 1996 года стали известны многочисленные факты, свидетельствовавшие о том, что под видом гуманитарной помощи ОВЦС ввозил и продавал в России табачные изделия. Причем сигареты, ввозимые из-за рубежа, складировались в Даниловском монастыре. Позже выяснилось, что представители ОВЦС, создавшие дочерние фирмы, принимали участие в торговле не только сигаретами, но и нефтью, алмазами, недвижимостью. В течение полугода, вплоть до начала Архиерейского Собора РПЦ, который открылся 18 февраля 1997 года, я не возвращался к 1926 году. Но после окончания Собора и пресс-конференции, которая состоялась по результатам Собора 21 февраля, я вновь обратился к давним событиям, осознав, что без их осмысления невозможно понимание сегодняшних процессов, происходящих в Церкви. На пресс-конференции митрополит Кирилл (Гундяев), председатель ОВЦС, отрицал участие отдела в коммерческих аферах, утверждая, что сигареты поступали лишь случайно, среди иной гуманитарной помощи. Это было тем более странно — пресса публиковала документы, из которых явствовало, что под видом гуманитарной помощи в Россию через Русскую Церковь поступали тонны сигарет. Профессор-протоиерей Георгий Флоровский метко заметил: «В действительности ни один историк не начинает с прошлого. Его отправным пунктом всегда является то настоящее, к которому он сам принадлежит. Он оглядывается назад. Отправным пунктом ему служат «источники», источники первичные. Исходя из них и на их основании он принимается за «восстановление» прошлого. Его метод зависит от природы и характера его информации, его источников»¹⁹.

Третий приступ к теме произошел в конце февраля 1997 года. Просматривая вышедшие издания, посвященные церковной истории, я обнаружил, что за эти годы опубликованы важнейшие документы. В первую очередь — «Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925». Два тома документов (второй том увидел свет в конце 1998 года), подготовленные Н.Н. Покровским и С.Г. Петровым, приоткрыли глобальную попытку уничтожения большевиками Русской Церкви и других религий многонациональной России.

Антон Карташев

Эти документы значительно дополняли и углубляли историческое полотно. Оставалось допросить «с пристрастием» главных действующих лиц. «Сами по себе вещи немые, даже тексты речей: они говорят только тогда, когда их понимают; они дают ответы только тогда, когда их спрашивают, подобно тому, как спрашивают свидетелей, задавая правильные вопросы. И первым правилом ремесла историка является именно перекрестный допрос свидетелей, постановка правильных вопросов, заставляющая реликты и

документы на них отвечать... всякое историческое исследование предполагает целеустремленный допрос с самого первого шага. В начале всего должен быть руководящий смысл. Простое пассивное наблюдение, даже если предположить, что такое возможно, никогда не вносило ничего продуктивного ни в какую науку»²⁰. Я понял, что без воссоздания исторического фона и портретов главных действующих лиц той эпохи вряд ли возможно полноценное осмысление произошедшей трагедии. Пришлось вплотную заняться изучением биографий не только церковных деятелей, но и вождей большевизма — Владимира Ульянова, Льва Бронштейна, Иосифа Джугашвили. «История есть поле деятельности, и за ее событиями стоят деятели, даже тогда, когда они теряют свою свободу и следуют шаблону или рутине или же попадают под власть слепых страстей. Человек остается свободным деятелем даже тогда, когда находится в узах»²¹.

Историк-христианин в своих исследованиях призван руководствоваться Халкидонским догматом, который учит, что во Христе сосуществовали нераздельно и неслиянно две природы — Божественная и человеческая. В истории человечества также действуют Божественная воля и человеческая свобода, слишком часто искушаемая злом. Божественная энергия, зримо действующая в истории человечества, не поглощает и не упраздняет человеческой свободы. Мы знаем немного случаев, когда человеческая личность,

достигнув вершин власти, будь то Константин Великий или русский царь Алексей Михайлович Тишайший, действовала в согласии с Божественной волей. Чаще всего в истории мы сталкиваемся с противлением человека Божественным предначертанием. Историк-богослов верит и знает, что существует некий Божественный замысел, который охватывает все человечество. Об этом ярко повествует Священное Писание. Оно прослеживает путь человечества от момента создания первого человека до конечной точки земной человеческой истории. Последняя книга Священного Писания, Апокалипсис, повествует о последних временах земной истории человечества. О том, что когда-то наступят на Земле последние времена, свидетельствует и современная наука. Задача христианского историка сводится не столько к тому, чтобы скрупулезно воссоздавать прошлое. Он призван не препарировать земную ткань истории, отделяя ее от истории христианской Церкви. Необходимо рассматривать ее совокупно, поскольку в нашей обыденной жизни таинственная жизнь Церкви проникает во все поры рутинной повседневности, преображая и наполняя ее смыслом. «Истинная история человека не есть история политическая с ее утопическими требованиями и иллюзиями, она есть история духа, история роста человека в меру возрастания совершенства, под водительством исторического Богочеловека, Господа нашего Иисуса Христа»²².

В процессе работы над историей Русской Церкви XX столетия передо мной как образцы лежали две книги. Первая — «Очерки из истории Церкви» священника Сергея Мансурова (труд, так и оставшийся незавершенным) и «Вселенские Соборы» А.В. Карташева¹⁹. Священник Сергей Мансуров справедливо считал, что «Царствие Божие на земле — тело Христово, одушевленное Духом Святым, так сознает себя Церковь. Вот предмет истории Церкви. История Церкви, чтобы быть истинной и научной, помня завет евангелиста Луки «по тщательном исследовании всего сначала по порядку», должна ли только описывать ход церковных событий, нагромождая без разбора воедино все, что носит или хочет носить имя церковного? Не принадлежит ли к истории Церкви прежде всего и по преимуществу то, что отвечает ее прямому назначению, а не то, что только украшается ее святым именем? Научно ли было бы в истории искусств давать одинаковое место безвкусной пошлости и великому творчеству: затеривать, например, Андрея Рублева и Рафаэля в толпе подражателей и ремесленников изобрази-

тельных искусств? Церковно ли и вместе научно ли отдавать одинаковое внимание и место и подвижникам — святым строителям церковной жизни, и еретикам? Внешнее и случайное — плевелы среди пшеницы — может, и иногда должно иметь место в Истории, но, конечно, не затемнять и не загромождать основное и существенное в истории предмета, о котором должна идти речь... Итак, первое место в Истории Церкви должно принадлежать тем, кто непосредственно в жизни и учении соответствовали этому назначению, сами к нему стремились и его достигали... Поэтому, говоря по существу, «Жития Святых» Святого Димитрия Ростовского много научнее современных церковных историков, ибо именно они знакомят нас с тем, как осуществила в истории свое назначение Церковь. Нечего бояться, что История Церкви превратится в значительной мере в Историю подвижничества...»²³

А.В. Карташев, напротив, воссоздает историю Церкви, не вырывая ее из исторического фона, рисуя портреты святых, императоров, патриархов-отступников и еретиков. Он считал: «История Церкви, как и предшествующая ей библейская история, есть развертывание ступеней все нарастающего откровения Божьего в судьбах земного человечества и, еще точнее, в судьбах некоторых его частей, т.е. отдельных народов. При взгляде на эти народы очами веры они предстают перед нами как избранные сосуды и органы откровения. Таким провиденциальным предызбанием эти народы, со свойственными им качествами и их культурами, нисколько не стеснялись в их естественном свободном развитии, в увлечениях, крайностях, страстях, ошибках, грехопадениях и восстаниях. История избранных народов не останавливается в ее натуральном движении, не коченеет и не мертвеет, подобно механическому инструменту в руках Провидения. Божественное откровение не нуждается в упразднении свободы. Естественная эволюция народов служила лишь наиболее целесообразным фоном и средой, на которых перст Провидения начертывал потребные в домостроительстве спасения мира письмена»²⁴. Нельзя препарировать историческую ткань событий от каждодневной жизни Церкви. Церковь создана ради спасения мира и живет в миру. Она живой организм, представленный живыми людьми, стремящимися к Богу, но слишком часто обуреваемыми вполне земными страстями. Историк-христианин призван различать в горниле земных страстей путь, начертанный свыше, по которому, несмотря ни на что, движется Церковь и человечество. Сотворив мир, Бог продолжает деятельно участво-

вать в его судьбах, при этом не упраздняя человеческой свободы.

Внимательно еще раз просмотрев опубликованные с начала 90-х годов документы, письма, послания, обличения, я понял, что это своеобразная летопись, в которой трудно, а порой и невозможно разобраться не только неискушенному читателю, но и искушенному историку. «Никакая летопись не есть история. Согласно резкому выражению Бенедетто Кроче, летопись есть лишь «труп истории». Летопись есть лишь предмет, собрание звуков и других знаков. История же есть «дело духа». «Предметы» становятся «источниками» только в процессе познания, в связи с испытующим разумом ученого. Вне этого процесса исторические источники просто не существуют»²⁵. До публикации архивов Кремля самая обширная летопись была собрана Михаилом Ефимовичем Губониным. В 1994 году она была издана, к сожалению, с купюрами издателей, Свято-Тихоновским богословским институтом — «Акты Святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917—1943»²⁶. Благодаря подвижничеству труду Губонина Лев Регельсон создал в 1976 году свой труд, который позже, будучи издан в Париже Никитой Струве, получил название «Трагедия Русской Церкви». Потомки вряд ли смогут по достоинству оценить подвиг М.Е. Губонина. Но мы, пережившие последние гонения агонизирующего большевистского режима, обыски и допросы, вполне представляем тот риск, на который сознательно пошел М.Е. Губонин, собирая и храня документы 20—30-х годов. В случае обнаружения этих церковных документов во время обыска он неминуемо был бы осужден на долгие годы тюрьмы или лагеря. Михаил Ефимович был не только собирателем и составителем летописи. Он, быть может, первым попытался осмыслить ключевые события в жизни Русской Церкви.

Печально, что издатели собранной им летописи, преподаватели Свято-Тихоновского богословского института, сочли возможным цензурировать его труд. Вместо того чтобы дополнить его новы-

Михаил Губонин

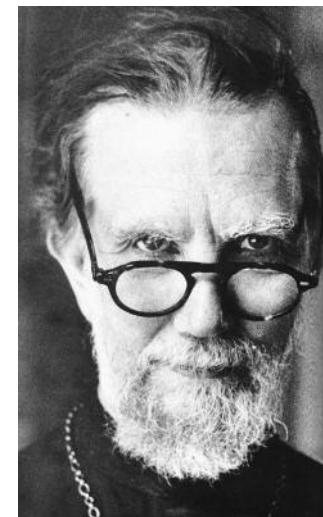
ми, уже опубликованными в начале 90-х годов документами, они сознательно опускали те документы, которые искажали их концепцию. Суть этой концепции можно выразить очень просто — прошлое должно представлять перед нами подобно ученической работе, выправленной всезнающим учителем, без присущих истории трагических ошибок. «Историк-христианин работает не по «христианским принципам», как иногда считается. Христианство не есть набор принципов. Историк-христианин исполняет свою профессиональную задачу интерпретации человеческой жизни в свете своего христианского взгляда на эту жизнь, глубоко искаженную грехом и, однако, искупленную Божественным милосердием, исцеленную Божественной благодатью и призванную наследовать вечное царство»²⁷. В сборник не вошли Послания Святейшего Синода, которые признавали необходимыми смещения архиереев, тесно связанных с Распутиным. Период, предшествовавший созыву Поместного Собора 1917–1918 гг., не освещен никакими документами. И все же мы, потомки, должны склонить голову перед исповедническим трудом М.Е. Губонина.

В этом же 1994 году увидела свет монография профессора Московской духовной академии, протоиерея Владислава Цыпина «История Русской Православной Церкви. 1917–1990»²⁸. Это была первая попытка хотя бы конспективно охватить огромный и сложный период бытования Русской Церкви. Исследование протоиерея Владислава Цыпина, адресованное в первую очередь учащимся духовных школ, вводит в сложнейшую проблематику новейшего периода церковной истории. Не претендуя на полный и всесторонний охват почти столетнего периода, книга удачно освещает наиболее важные события жизни Русской Церкви. В 1997 году протоиерей Владислав Цыпин выпустил более объемный том «История Русской Церкви (1917–1997)»²⁹, завершающий переиздание «Истории Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова). Последний, 9-й том — исследование священника Владислава Цыпина. Ему удалось охватить 80-летний — наиболее трагический — период истории Русской Церкви и приоткрыть завесу над наиболее драматическими моментами ее бытия. В концепции историка немало спорного, но в целом это весьма интересное исследование. Подобный подход, считает профессор-протоиерей Георгий Флоровский, вполне оправдан: «Историческое зрение есть всегда зрение ретроспективное. То, что для людей прошлого было будущим, теперь для историков прошлое. В этом смысле историки знают о про-

шлом больше, чем могли знать сами люди того времени... История, в конце концов, есть не зрелище и не панорама, а процесс... Без ретроспективы, т.е. без перспективы, нет истории»³⁰.

Быть может, поэтому попытки осмысления М.Е. Губониным происшедших процессов были обречены на неудачу. «Исторические документы могут истолковываться как знаки потому, что в них заложен смысл: они выражают или отражают, осознанно или нет, жизнь человека или его усилия. Однако смысл этот доступен другим только в той мере, в какой может быть достигнуто известное тождество между истолкователем и теми, чьи мысли, дела или обычаи он истолковывает. Если по какой-либо причине это общение не установлено или вообще установлено быть не может, то никакое понимание невозможно и никакой смысл не может быть выявлен, даже если документы или реликты исполнены смысла, как, например, нерасшифрованные письма...»³¹ Когда на первое место историком ставится выдуманная им концепция, а уж потом подгоняются под нее документы, свидетельства и источники, никакого тождества возникнуть не может. Не возникает и диалога, который необходим при всяком непредвзятом историческом исследовании: «Совершенно очевидной предпосылкой понимания является «вчувствование» в свидетельство. На самом деле мы и в обычном разговоре расшифровываем слова друг друга, и часто нам мучительно не удается достичь удовлетворительного результата. Проблема семантики, то есть разумного общения между разумными существами, свойственна всему процессу исторической интерпретации в целом. Как сказал Ранке, «история начинается только тогда, когда памятники становятся понятными»³².

На протяжении многих лет возвращаясь к исследованию Льва Ретельсона, я ловил себя на мысли, что основная ценность книги в ее приложениях. И только в начале 90-х годов, ознакомившись с первоисточником — собранием документов, со своеобразной летописью церковной жизни М.Е. Губонина, осознал, что Л.Л. Ре-

Протоиерей
Георгий Флоровский

гельсон первым лишь попытался осмыслить и расшифровать летопись, составленную им. В конце 70-х — начале 80-х годов совершенно автономно попытался составить подобную летопись диакон Владимир Русак, трудившийся в Издательском отделе под руководством ныне покойного митрополита Питирима (Нечаева). Он поплатился за свою деятельность арестом. Позже был выслан за пределы СССР и уже за рубежом издал в трех томах летопись «Свидетельство обвинения». (В начале 90-х трехтомник был переиздан в России.) Сегодня ценность этого труда весьма спорна, хотя в нем встречаются интересные документы. Профессор-протоиерей Георгий Флоровский небезосновательно утверждал: «...личность истолкователя входит как составная часть в самый процесс интерпретации, равно как в разговоре необходимы два собеседника, чтобы получился диалог. Никакое понимание невозможно без известной меры «конгенитальности», умственной или духовной симпатии, без подлинной встречи умов»³³. История не терпит сослагательного подхода. Историк, анализируя ошибки прошлых лет, не имеет права указывать более верные, с его точки зрения, пути, по которым следовало бы шествовать в прошлом. Он имеет право на осторожные оценки, но не должен присваивать себе судебские функции.

В более выгодной ситуации, нежели Лев Регельсон, оказался другой собиратель и летописец Русской Церкви — иеромонах Дамаскин (Орловский)³⁴, единственный из современных русских историков, допущенный с 1991 года ко всем без исключения архивным документам как ЦК КПСС, так и КГБ. Сознательно отказавшись от объемного исторического исследования, от осмысления ключевых событий в жизни Русской Церкви, он прибег к составлению житий российских новомучеников. Он как бы продолжил работу, начатую в первые годы XX столетия православным публицистом Евгением Поселяниным (псевдоним Е. Погожева), который выпустил два тома житий русских святых XVIII-XIX вв. Но уйти от разрешения исторических проблем ему не удалось. К примеру, в житии митрополита Петра (Полянского) он был вынужден дать оценку и свою личную трактовку событий. Повествуя о тайных выборах патриарха в конце 1926 года, иеромонах Дамаскин без каких-либо на то оснований считает, что они были спровоцированы НКВД. Хотя нет ни одного документального подтверждения, ни одного письменного или устного свидетельства этой чересчур смелой гипотезы. В 1996 году увидел свет сборник документов, состав-

ленный академиком Я.Н. Шаповым и кандидатом исторических наук О.Ю. Васильевой: «Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917—1941»³⁵. Это была еще одна, к сожалению, крайне неудачная, попытка собрать воедино наиболее важные документы из отечественных архивов, свидетельствующие о тотальной войне большевиков против всех религий многонациональной России. Неподготовленность и непрофессионализм составителей привели к тому, что в издание вошло множество случайных документов и оно грешит бесчисленными ошибками.

В 1997 году увидела свет монография Н.А. Кривовой «Власть и Церковь в 1922—1925 гг.»³⁶. Это исследование позволило по-новому взглянуть на одну из самых трагических страниц новейшей истории России. На основании прежде секретных документов из архива ЦК КПСС исследователь выстроила наиболее полную картину изъятия церковных ценностей и связанных с ними репрессий против Русской Церкви. «В известном смысле любой акт понимания есть «умственный эксперимент», и в нем разгадывание является необходимым элементом. Разгадывание есть своего рода умственное видение, нерасчленимый акт пронизательности, акт воображения, вдохновляемый и контролируемый всем накопленным опытом. Можно было бы сказать, что это акт «фантазии», но фантазия эта совсем особого рода. Это познавательная фантазия, и, как красноречиво поясняет Бенедетто Кроче, без нее историческое познание просто невозможно. Это, как он говорит, «фантазия в мышлении», известная «конкретность мысли», предполагающая рассуждение, и потому логически дисциплинированная и контролируемая, а тем самым четко отличающаяся от поэтической вольности»³⁷.

В том же 1997 году в Санкт-Петербурге вышел объемный том «История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. 1917—1970»³⁸. Это исследование было создано авторским коллективом, в который вошли М.Б. Данилушкин, Т.К. Никольская, а также доктор исторических наук М.В. Шкаровский, священник Владимир Дмитриев и Б.П. Кутузов. Быть может, этот труд не заслуживал бы упоминания, как некий сборник мифов, внушенных, с одной стороны, болезненной фантазией мифомана Сергея Нилуса, с другой — новейшими фальсификаторами зарубежной Церкви. Это наиболее яркая попытка подменить непредвзятое историческое исследование фальшивой концепцией, согласно которой новейшая история России XX столетия — результат некоего заговора сатанинских сил. Если принять точку зрения

петербургских исследователей, то воздействие Бога на историю человечества ничтожно. История человечества творится дьяволом и злыми силами, которым Бог, согласно концепции петербургских исследователей, не в состоянии противостоять. Вряд ли историк-христианин имеет право на столь болезненные фантазии.

На мой взгляд, наиболее важная и неотложная историческая задача сегодня — распутывание, по меткому выражению А.И. Солженицына, «узлов», то есть ключевых моментов истории Русской Церкви. Первый ключевой «узел» — начало XX века, 1905 и 1906 годы. Второй — 1917–1918 гг. Третий — 1922 год. Первому «узлу» посвящена монография автора этих строк — «Русская Церковь и императорская власть (Очерки по новейшей истории Православной Российской Церкви)» (М; 1998). В первом томе прослежен постепенный, но так и не завершившийся процесс освобождения Русской Церкви от опеки государственной власти. Революцию 1917 года она встретила свободной. Начиная с 1922 года прослеживается обратный процесс. Богоборческая власть медленно, но неотвратно стремилась полностью поставить под государственный контроль церковную жизнь. Патриарх Тихон, а вслед за ним митрополит Петр (Полянский) прекрасно понимали, что большевики вновь пытаются сделать Церковь придатком государства. Они всеми силами сопротивлялись этому. Цель данного исследования — показать, как происходило порабощение Русской Церкви большевиками. Второй узел во многом освещен благодаря недавнему переизданию «Деяний Поместного Собора РПЦ»³⁹, которые были подготовлены к печати ныне покойным архимандритом Иннокентием Просвирниным. Третий «узел» был в немалой степени, хотя и неполно, освещен Анатолием Красновым-Левитиным и Вадимом Шавровым. Монография Н.А. Кривовой существенно восполняет недостатки их труда. До сих пор нетронутым остается лишь «узел» 1926–1927 гг.

В процессе работы над новейшим периодом отечественной истории наибольшую ценность представляли дневники участников описываемых событий. Публикации российским историком М.И. Одинцовым дневников протопресвитера Николая Любимова, участника последнего состава Святейшего Синода и члена Поместного Собора, а также протоиерея Георгия Голубцова⁴⁰ оказали неоценимую помощь в осознании давних событий. В 1999 году М.И. Одинцов издал интересный сборник материалов под общим названием «Русские патриархи XX века». Сравнивая воспоминания

Протопресвитер Иоанн Мейендорф

митрополита Евлогия (Георгиевского), созданные им в начале 40-х годов, с дневниковыми записями протопресвитера Николая Любимова или протоиерея Георгия Голубцова, понимаешь, насколько ценнее непосредственные впечатления. Годы сглаживают остроту восприятия, и многие бесценные подробности исчезают безвозвратно. Следуя указаниям и советам профессора-протоиерея Георгия Флоровского, важно прежде всего обозначить собеседников. Основными моими собеседниками в этом необычном разговоре через десятилетия стали весьма различные люди — патриарх Тихон, причисленный уже

в наше время к лику святых, митрополит Петр Полянский, а также вожди революции — Владимир Ульянов, Лев Bronштейн, Иосиф Джугашвили. Митрополит, а с 1943 года патриарх Сергей (Страгородский) и майор ОГПУ-НКВД (по нынешней табели о рангах полковник) Евгений Александрович Тучков. В церковных кругах Тучков был более известен под кличкой «игумен», а в большевистских как «главпоп». Эти люди самыми необычными способами на протяжении 30 лет вели со мной нескончаемый спор.

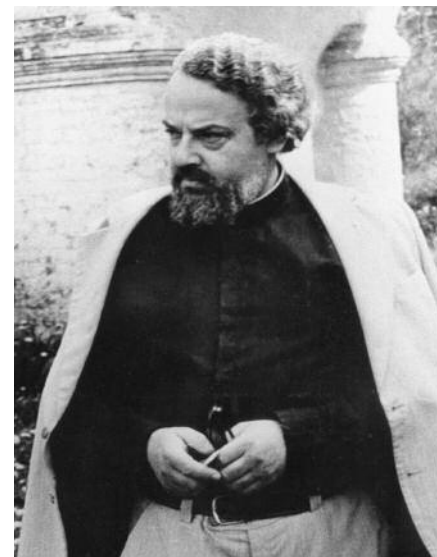
Причем иногда маскировались, принимая обличья моих современников. Наиболее жаркими споры были с бывшим священником-диссидентом Глебом Якуниным, священниками Дмитрием Дудко и Сергием Желудковым, мирянами Евгением Барабановым и Львом Регельсоном. Наиболее ошутимый толчок к распутыванию этого узла дал архимандрит Таврион (Батозский), непосредственный участник тех далеких событий. Пришлось сталкиваться в спорах с историком Дмитрием Поспеловским, автором еще одной летописи⁴¹, и иеромонахом Дамаскиным (Орловским). Немало дали мне беседы с профессором-протопресвитером Иоанном

Мейендорфом. Он первым прокомментировал труд Льва Регельсона, был непонят в России как церковными людьми, так и чекистами, запретившими ему въезд в СССР за его свободный и непредвзятый комментарий. С чекистской стороны спор со мной вели многие следователи, но наиболее последовательным был полковник Владимир Сычев, «курировавший» новодеревенский приход протоиерея Александра Меня. Его аргументы в споре были всегда самыми увесистыми. Но благодаря ему и нескончаемым допросам на протяжении 7 лет я смог в полной мере ощутить ту удушливую и безысходную атмосферу, в которой жили, трудились и вели борьбу мои собеседники. Важную роль в создании этой работы сыграл преждевременно, вследствие тяжелой болезни, в 1992 году ушедший из жизни историк, профессор Ленинградского университета Сергей Николаевич Савельев⁴². Он первым проник в Центральный партийный архив ЦК КПСС и успел поработать с протоколами антирелигиозной комиссии, без которых невозможно понять события 20–30-х годов. Он признавался в разговоре, что после долгих мытарств, получив наконец доступ к протоколам, обнаружил, что к ним за прошедшие полвека не прикасался ни один человек. Впрочем, позже оказалось, что над ними до него уже «поработал» историк из КГБ. Сергей Николаевич первым понял, что протоколы являются ключом ко многим церковным событиям, и успел немало сделать для того, чтобы они стали доступными историкам. Без пристального прочтения протоколов Антирелигиозной комиссии многие факты церковной истории остаются непонятными. Церковные события 20–30-х годов во всей их полноте можно понять только в том случае, если параллельно изучать протоколы.

Важной вехой явилось издание «Следственного дела патриарха Тихона» в 2000 году⁴³. Благодаря этому фундаментальному изданию стали доступными многие сокрытые доселе факты и документы той далекой эпохи. Очень важно, что издатели попытались, пусть не всегда удачно, восстановить краткие биографические данные большинства участников российской трагедии. По жанру данный том также можно отнести к «летописи», но это отнюдь не снижает его ценности для церковного историка. Благодаря изданию следственных материалов впервые стало ясно, что так называемое Завещание патриарха Тихона — не что иное, как промежуточный вариант текста, призванного отразить желаемые отношения Церкви с Советским государством. Многочисленные правки Евгения Тучкова на различных вариантах этого текста,

включая последний, подтверждают сомнения эмигрантских церковных деятелей в его подлинности. В следственном деле отсутствует и текст Завещания, подписанный патриархом Тихоном. Переговоры, которые еще при жизни патриарха Тихона тайно вел Евгений Тучков с митрополитом Сергием Страгородским, проливают свет на его давние отношения с ОГПУ. Об этом свидетельствует еще никем не проанализированный очень важный документ — Записка митрополита Сергия Страгородского «Православная Русская Церковь и Советская власть» (к созыву Поместного Собора Православной Российской Церкви)⁴⁴, датируемая 20 декабря 1924 года.

Но, быть может, самым весомым аргументом, подвигшим меня на создание этого исследования, стала жизнь подвижников, прошедших сталинские лагеря и пронесших эстафету живой христианской веры до 70-х годов XX столетия и сумевших передать ее нам, молодым христианам, выросшим в антирелигиозной атмосфере Советского государства. Прежде всего, хочу с благодарностью вспомнить ныне покойных Елену Семеновну Меня, Марию Витальевну Тепнину, Веру Алексеевну Корнееву, Николая Евграфовича Пестова, Дмитрия Евгеньевича Мелехова, священника Николая Педашенко. Постоянно вдохновлял меня на осмысление новейшей истории Русской Церкви мой духовник, трагически погибший митрофорный протоиерей Александр Мень. Без его духовной поддержки, без долгих бесед с ним на протяжении многих лет этот труд вряд ли бы смог появиться. «Исторические документы — документы жизни. Каждый историк начинает с определенных данных. Затем усилием своего ищущего и пытливого ума он воспринимает их как «свидетельства» или как своего рода «сообщения» из прошлого, т.е. как знаки, исполненные смысла. Силой

Протоиерей Александр Мень

своей умственной интуиции он схватывает смысл этого знака и, таким образом, через акт «индуктивного воображения» находит ту общую обстановку, в которой сходятся все его данные, включаясь в согласованное, т.е. понятное целое. В этом процессе понимания есть неизбежный элемент догадки, или, скорее, «прорицания», равно как такой же элемент догадки необходим и при всякой попытке понять другое лицо. Отсутствие конгениальной догадки может сделать любой разговор невозможным, поскольку не установлено настоящего контакта между умами, как если бы участники разговора говорили на разных языках и сказанное одним лицом не стало обращением к другому»⁴⁵.

Такой догадкой для меня стали коммерческие аферы митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (Гундяева), затеянные им и его сподвижниками спустя 70 лет после разгадываемых событий. Только искажением глубинных норм церковной жизни можно объяснить торговлю табаком и алкогольными напитками возглавляемого им Отдела. Утрата чувства соборности епископатом Русской Церкви привела к тому, что на Архиерейском Соборе в феврале 1997 года только один епископ Новосибирский Сергей и его паства потребовали пресечь аферы митрополита Гундяева. К сожалению, их не поддержали ни патриарх, ни епископат. Их голос остался неслышанным. Никто из епископата не захотел задуматься: как могло произойти, что впервые за тысячелетнюю историю Русской Церкви один из ее иерархов начал торговать табаком и алкоголем? На каких мистических глубинах произошли страшные перемены? Как могло случиться, что монах и епископ Кирилл стал одним из самых богатых людей России? В процессе расшифровки «подвигов» главы ОВЦС я постоянно ощущал присутствие митрополитов Кирилла (Смирнова), причисленного к лику святых на Архиерейском Соборе 2000 года, и Сергея (Страгородского). Казалось, они хотят громко и отчетливо сказать что-то очень важное не только мне, но и всем, кому небезразлична судьба Русской Церкви и России. И я старательно вслушивался, пытаюсь разгадать, что они говорят нам. То, что мне удалось расслышать, предлагаю на суд вдумчивого читателя.

Приношу благодарность тем, без чьей помощи вряд ли бы состоялась эта книга. Прежде всего — митрополиту Астанайскому и Алма-Атинскому Мефодию (Немцову), архимандриту Тихону (Шевкунову), игумену Митрофану (Шкуруну), доктору исторических наук, директору Государственного архива Российской Феде-

рации С.В. Мироненко, доктору исторических наук Р.Г. Пихоя, кандидату исторических наук Л.А. Лыковой, председателю Союза журналистов Москвы П.Н. Гусеву, щедро делившемуся со мной богатым собранием редких фотографий, А.Г. Кравецкому, а также христианскому публицисту Александру Солдатову.

II. НА ПОРОГЕ ПОМЕСТНОГО СОБОРА

К концу 1916 года Россия медленно и неотвратно погружалась в новую Смуту. Поражения на фронтах Первой мировой войны, инфляция, перебои с продовольственным снабжением Москвы и Петрограда, нехватка вооружений — все это привело к всеобщей усталости и ощущению надвигающейся катастрофы. Вступление России в войну в 1914 году было воспринято большинством населения оптимистично — люди наивно верили, что победоносная война завершит в конце концов дальнейшие конституционные реформы. Первые основательные победы на фронте поначалу поддерживали в россиянах эту надежду. Но тыл, как и в эпоху Русско-турецкой войны 1853 года, стремительно разлагал Россию. Реформы, так успешно начатые Сергеем Витте и продолженные Петром Столыпиным, остановились после его гибели в 1911 году. И все же благодаря усилиям этих незаурядных государственных деятелей Россия к 1914 году входила в четверку самых высокоразвитых стран мира. После поражения в Русско-японской войне россияне жаждали реванша — многим казалось, что успех в войне не только принесет России продолжение долгожданных реформ, но и возродит в людях веру в себя.

На самом же деле, как показали ближайшие события, война не только не оправдала надежд, но и ускорила революционные процессы. Николай Бердяев точно определил роль войны в революционных событиях 1917 года: «Уже война выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устройство жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе. Это мировое явление, одинаково обнаружившееся в коммунизме и фашизме. В России появился новый антропологический тип, новое выражение лиц... В новом коммунистическом типе мотивы силы и власти вытеснили старые мотивы правдолюбия и сострадательности. В этом типе выработалась жесткость, переходящая в жестокость... Новые люди, пришедшие снизу, были чужды традициям русской культуры, их отцы и деды были безграмотны, лишены всякой культуры и жили исключительно верой»¹. Распад России, приостановленный в 1906 году Столыпиным благодаря жестким мерам, возобновился с но-

вой силой. Одна из причин распада гигантской империи — бюрократизация и омертвление всех отраслей жизни. Испанский философ Ортега-и-Гассет заметил: «Здесь-то и подстерегает цивилизацию главная опасность — полностью государственная жизнь, экспансия власти, поглощение государством всякой социальной самостоятельности — словом, удушение творческих начал истории, которыми в конечном счете держатся, питаются и движутся людские судьбы... Общество порабощается, и все силы его уходят на служение государству. А в итоге? Бюрократизация всей жизни ведет к полному ее упадку»².

Император Николай II, принявший на себя в 1916 году командование войсками, находился в ставке, в Могилеве. Императрица Александра Федоровна остро ощущала приближающуюся беду. В письме мужу 12 декабря 1916 года она высказывала свои опасения: «...Мой ангел, мы обедали вчера у Ани (Вырубовой — С.Б.) с нашим Другом (Распутиным — С.Б.)... Он умоляет тебя быть твердым, быть властелином и не уступать всегда Трепову — ты лучше все знаешь, чем этот человек (и все же даешь ему руководить тобой), а почему не нашему Другу, через которого нас ведет Бог. Вспомни, за что меня не любят, это показывает, что правильно быть твердым и чтобы тебя боялись, и ты должен быть таким же, ты мужчина — только верь больше в нашего Друга (а не в Трепова). Он живет для тебя и России. А мы должны передать Бэби (царевичу Алексею — С.Б.) сильное государство, и ради него мы не смеем быть слабыми, иначе у него будет еще более трудное царствование, так как ему придется исправлять наши ошибки и крепче натягивать вожжи, которые ты распустил. Тебе приходится страдать за

С.Ю. Витте

Император Николай II

Ночью 17 декабря 1916 года Григорий Распутин был убит в доме Феликса Юсупова. Среди его убийц был и великий князь Дмитрий Павлович — любимец императора и императрицы. Распутин сумел внушить императорской семье, что его жизнь тесно связана с их жизнью. Более того, он часто говорил, что благоденствие России зависит от его жизни. Убийство Распутина было воспринято императорской четой как трагедия. Императрица была настолько сокрушена этим событием, что потребовала от Николая II, чтобы он немедленно покинул ставку и прибыл в Петроград. Император исполнил просьбу супруги и вернулся в столицу, где присутствовал при погребении Распутина. Но убийство Распутина не только не остановило надвигающуюся катастрофу, а напротив, ускорило развязку. 2 марта 1917 года император записывает в дневнике: «Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко (председателем Государственной Думы — С.Б.). По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство

ошибки, сделанные в царствование твоих предшественников... Как давно, уже годы, я слышу, как говорят одно и то же: «Россия любит чувствовать кнут», — это в их натуре — нежная любовь, а потом железная рука, чтобы наказывать и наставлять. Как я хотела бы влить свою волю в твои жилы!.. Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом — сокруши и подомни их всех...»³ Но эти заклинания царицы не могли помочь — император не понимал тех трагических социальных процессов, которые происходили в Российском государстве. Война явилась катализатором, она активизировала процессы распада, которые буквально раздирали Россию.

из Думы будто бессильно что-либо сделать, т.к. с ним борется соц.-дем. партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев — всем главнокомандующим. К 2 1/2 пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с кот. я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, трусость и обман!»⁴ Поразительно, что весь высший генералитет единодушно высказался за отречение императора Николая II. Попытка профессора Московской духовной академии П.А. Флоренского в рецензии на книгу профессора Киевской духовной академии В.З. Завитневича, незадолго до крушения российской монархии, придать самодержавию статус едва ли не догмата уже тогда воспринималась большинством современников как новейшая ересь.

Один из современников и участников тех давних событий, сотрудник английского посольства Брюс Локкарт метко заметил: «Русская аристократия, не очень родовитая и ведущая жизнь более роскошную, чем культурную, жила в своем замкнутом мире... Аристократия исповедовала самодержавие как религию. Оно было скалой, на которой было построено ее собственное благополучие. В ее глазах император был единственным настоящим монархом в мире, и в своих собственных интересах она была готова всегда рассматривать всякую попытку иностранных дипломатов оказать на него влияние как посягательство на императорскую власть. Наи-

Великий князь Сергей Александрович с супругой Елизаветой Федоровной

более активными членами бюрократического мира были балтийские бароны...»⁵ Царская семья жила весьма изолированно. После убийства в феврале 1905 года дяди Николая II, великого князя Сергея, даже круг придворных был сужен до предела. Семья уже не устраивала балов, на которые обычно собирался цвет петербургского общества. Царская бюрократия была также тщательно отгорожена от повседневной жизни простого народа. Столь же далеки от происходящих событий оказались и думские политики, в большинстве своем принадлежавшие к состоятельным слоям населения. Это был ряд сословных, почти не пересекающихся концентрических кругов властных структур. Для большинства из них грянувшая революция была громом среди ясного неба. «Революция произошла потому, что терпение русского народа лопнуло под давлением царящих повсюду непроизводительности и упадка. Ни одна другая нация не выдержала бы стольких лишений, как Россия, в течение такого долгого времени. Как примеры непроизводительности приведу невероятно бесхозяйственное обращение со съестными припасами, окончательную разруху транспорта и бессмысленную мобилизацию миллионного ненужного и негодного войска. Как на пример разложения укажу на бесстыдную погоню за прибылью со стороны военных поставщиков. Ясно, что сам царь как самодержец должен отвечать за систему, провалившуюся главным образом из-за людей, назначенных им для контроля за этой системой, — Штюмер, Протопопов...»⁶ Священник и богослов Сергей Булгаков в своих воспоминаниях, созданных в Крыму в 1920 году, писал: «В сущности, агония царского самодержавия продолжалась все царствование Николая II, которое все было сплошным и непрерывным самоубийством самодержавия. Теперь, после всего, что мы уже знаем о царе и о его царствовании, это выступает с новой очевидностью. Раньше могло казаться, что революцию делали революционеры... К несчастью, революция была совершена помимо всяких революционеров самим царем, который влекся неудержимой злой силой к самоубийству своего самодержавия, влекся через Ялу, Порт-Артур, Цусиму, через все бесчисленные зигзаги своей политики и последний маразм войны... Николай II с теми силами ума и воли, которые ему были отпущены, не мог быть лучшим монархом, чем он был: в нем не было злой воли, но была государственная бездарность и в особенности страшная в монархе черта — прирожденное безволие»⁷. Крушение

самодержавия в России не было исключительно личной виной Николая II.

Крушению предшествовали вполне объективные изменения в обществе, происходившие в течение XIX столетия. Прошло лишь полстолетия со дня отмены крепостного права. Стремительный рост промышленности и населения, миграция крестьян и рабочих, появление на общественной сцене разночинцев — все это, к сожалению, не было учтено правящим классом России. Царская бюрократия постепенно разрасталась, все больше замыкаясь в кругу собственных проблем. Больше всего ее беспокоила проблема самосохранения. И, как ни парадоксально, именно это стремление ускорило процессы разрушения. Отрыв от нужд народа, игнорирование происходящих перемен, нежелание трудиться — все это не последние причины крушения царизма. Подсознательно падения самодержавия ожидало большинство россиян, поэтому отречение императора было встречено как давно назревшее событие. Быть может, именно поэтому оно было воспринято современниками как рядовой этап в органическом развитии российского общества. Отречению императора воспротивилась лишь его мать, императрица Мария Федоровна. При изучении откликов на отречение императора возникает ощущение, что сам он был счастлив, когда непосильное для него тяжелое бремя власти свалилось с его плеч.

Поучительна реакция высшего церковного управления на отречение императора Николая II и последовавшее вслед за этим отречение его брата, великого князя Михаила Романова. 9 марта 1917 года Святейший Синод обратился к пастве с Посланием: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути. Возлюбленные чада Святой Православной Церкви! Временное правительство вступило в управление страной в тяжкую историческую минуту. Враг еще стоит на нашей земле, и славной нашей армии предстоят в ближайшем будущем великие усилия. В такое время все верные сыны Родины должны проникнуться общим воодушевлением. Ради миллионов лучших жизней, сложенных на поле брани, ради бесчисленных денежных средств, затраченных Родиной на защиту от врага, ради многих жертв, принесенных для завоевания гражданской свободы, ради спасения ваших собственных семейств, ради счастья Родины оставьте в это великое историческое время всякие распри и несогла-

Митрополит Киевский Владимир
(Богоявленский)

сия, объединитесь в братской любви на благо России, доверьтесь Временному правительству, все вместе и каждый в отдельности приложите усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвою и повинованием облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы...»⁸ Под Посланием стоят подписи наиболее уважаемых епископов — митрополита Киевского Владимира, митрополита Московского Макария, архиепископа Финляндского Сергия, архиепископа Литовского Тихона (будущего патриарха), архиепископа Новгородского Арсения. Церковь в лице своих епископов встретила отречение императора и переход России к новой форме правления достаточно спокойно.

По исторической случайности митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) оказался в момент революции на самом ответственном посту церковного управления — Первоприсутствующим членом очередной зимней сессии Синода. Для узаконения произошедших реформ необходимо было решение Синода. Между тем, руководимая консервативным митрополитом Владимиром зимняя сессия Синода оказалась недееспособной. Это обстоятельство заставило нового обер-прокурора Синода, назначенного Временным правительством, В.Н. Львова ходатайствовать перед правительством об ускорении роспуска зимней сессии Синода и назначении, согласно действующим в то время старым законам и порядкам, на летнюю сессию нового состава Синода. Правительство удовлетворило эту просьбу. Об этом пишет А.В. Карташев: «Синод старого состава как будто нарочно хотел доказать неприятному для него обер-прокурору, что для успешного продвижения вперед дела неотложных реформ и спешной подготовки к Собору без правительственного давления обойтись невозможно. В.Н. Львов торо-

пил Синод провести давно назревшую, переходного типа, реформу устарелого и фальшивого бракоразводного процесса. Синод упорно ее отвергал. Особенно остро протекал конфликт из-за передачи консервативного синодального издания «Церковно-общественный вестник» в руки либеральной редакции профессоров Санкт-Петербургской духовной академии. Царские обер-прокуроры в подобных случаях просто устраняли из Синода нежелательных членов. В.Н. Львову советовали по старому праву распустить этот Синод и создать новый. Но он стеснялся это сделать...»⁹

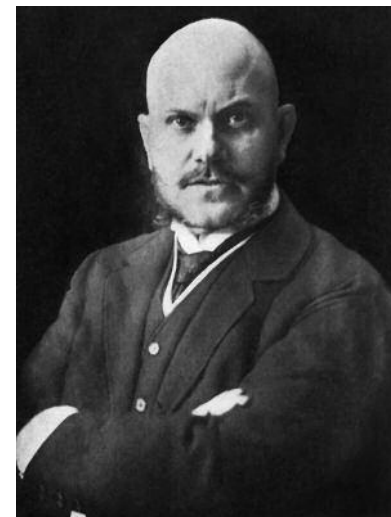
В конце концов упорный саботаж Святейшего Синода вынудил обер-прокурора на решительный акт роспуска Синода. Вот признание самого В.Н. Львова: «Тлетворное влияние гангренизировало Церковь. Не было никаких учреждений, соответствующих духу времени, очевидно, что нужно было прибегнуть к героическим усилиям и властной рукой подавить все, что противоречило свободе Церкви. Нужно было действовать быстро и сильно; иначе, так как значительная часть епископата была заражена, являлась опасность столкновения Церкви с епископатом. Но хотя Святейший Синод, как известно, был составлен темными силами (Распутинным), я не хотел было вмешиваться в его деятельность. Моим стремлением было даровать свободу Церкви, и не мне было бы втыкать палки в колеса, если бы Святейший Синод встал на новый путь. Но, к величайшему сожалению, Святейший Синод встал на иную точку зрения. Он решил, что к нему перешла теперь вся полнота власти и, пользуясь этим, он может еще более усилить свою власть. Тогда я понял, что Святейший Синод, в прежнем его составе, не может идти вперед. Мало того, когда я предпринял некоторые меры к тому, чтобы освободить Церковь от этих гангренозных пятен, которые покрывали ее тело, я опять встретил противодействие Святейшего Синода.

«Кто нам поручится, что вы и нас не удалите?» — говорили мне члены Синода. Такое отождествление членов Святейшего Синода с теми лицами, которые нетерпимы были в составе правящей иерархии (ставленники Распутина), было полным крушением прежнего Святейшего Синода... Вот началось движение к новой жизни; нужно было всячески содействовать этому, но мог ли это сделать прежний Святейший Синод? И как должен был поступить в этом случае обер-прокурор: устраниться и ждать, что будет, или, наоборот, пойти этому движению навстречу, распахнуть

для него как можно шире дверь? Сомнений быть не может: очевидно, нужно было избрать второй путь и заставить идти по нему и Святейший Синод. Меня обвиняют, что я ничего не делаю. Но я все время боролся и все силы направил к тому, чтобы появившееся движение пошло по правильному руслу; не будь этого, могла бы начаться анархия. Церковь могла бы отделиться от епископата. Ничего другого, очевидно, не оставалось, как распустить прежний Святейший Синод и составить новый... Мои усилия увенчались успехом, и жизнь в Церкви забила ключом. Тверской Епархиальный Съезд постановил было отделиться от Святейшего Синода, но, когда узнал о новом составе Святейшего Синода, все это движение за отделение от Синода прекратилось само собой»¹⁰.

Эти объяснения обер-прокурор дал на общем собрании Всероссийского духовенства и мирян, состоявшемся в Москве 1 июня 1917 года. Последовавшие за ними в адрес обер-прокурора аплодисменты большинства присутствующих с троекратным пением «Многая лета» с очевидностью засвидетельствовали, что церковный клир и народ одобряют общее направление деятельности обер-прокурора. А.В. Карташев вспоминал: «Новый обер-прокурор начал выполнять свою «антираспутинскую» программу с устранения всех епископов, занявших свои кафедры при протекции Распутина или вообще бывших его друзьями. Из них на самом видном месте был митрополит Петроградский Питирим... Параллельно во многих городах были случаи ареста архиереев, известных своей активной приверженностью к старому строю и особенно дружбой с Распутиным»¹¹. В составе созванной правительством летней сессии Синода были: первоприсутствующий — экзарх Грузии архиепископ Платон, члены: архиепископ Владимирский Сергий (Страгородский), архиепископ Ярославский Агафангел, епископ Уфимский Андрей (князь Ухтомский), епископ Самарский Михаил, А.В. Смирнов — профессор Казанского Университета, протоиерей А.П. Рождественский — профессор СПб. академии, Н.А. Любимов — протопресвитер кремлевских соборов, протоиерей Ф.Д. Филоненко — депутат Государственной Думы. Новый состав Синода санкционировал особыми «Временными положениями» уже введенные по епархиям церковные реформы. Этим актом было осуществлено их узаконение, хотя, конечно, временное, до проведения Поместного Собора.

В течение двух недель, с 6 по 20 марта, были уволены на покой высшие иерархи, назначение которых было так или иначе связано с деятельностью Распутина. Первым лишился Петроградской кафедры митрополит Питирим (Окнов), затем были уволены митрополит Московский Макарий (Невский), архиепископы Тобольский Варнава (Накропин) и Сарапульский Амвросий. В начале апреля, накануне Пасхи, новый обер-прокурор Владимир Николаевич Львов, назначенный Временным правительством, после долгих препирательств с членами

Обер-прокурор В.Н. Львов

Святейшего Синода, которые постоянно сопротивлялись его натиску, принял решение распустить Синод. Будучи человеком импульсивным, нервным, новый обер-прокурор предпочитал действовать старыми, авторитарными методами. В.Н. Львов все-таки консервативно смотрел на формы своей деятельности. Принадлежа к помещицкому классу, он имел основания издавна мечтать сделаться обер-прокурором Св. Синода. Когда эта мечта внезапно осуществилась, В.Н. Львов не имел достаточно политического воображения и политического радикализма, чтобы расстаться с возделенным титулом обер-прокурора и его подавляющей властью над архиереями. А расстаться с этим титулом и с этой властью было нужно. Сохранение этого титула и его полномочий было недосмотром и тактической ошибкой Временного правительства. Ненавистная прежде фигура обер-прокурора потому только и принималась иерархами и церковным мнением, что она была личным органом царской власти... Лично В.Н. Львов к этому еще прибавил остроту своей вражды к епископам — друзьям Распутина. Он их с шумом арестовал и изгонял, задевая тем больно самолюбие епископата и прежнего, еще царского состава Св. Синода, с которым он бесплодно проработал полтора месяца, до половины апреля, находясь в самых натянутых отношениях...»¹² Большинство цер-

Архиепископ Литовский Тихон
(Белавин)

ковных людей, которые не входили в тонкости отношений между епископатом и новой властью, такое решение нового обер-прокурора было воспринято с пониманием. Важно, что после того, как в Петроград съехались члены нового состава Синода, началась плодотворная работа.

29 апреля 1917 года Святейший Синод нового состава обратился с Посланием к пастве. В нем сообщалось не только о грядущем созыве Поместного Собора, но и о важнейших переменах, уже произошедших в жизни Российской Церкви: «...Давно уже в умах православных людей

жила мысль о необходимости созыва Всероссийского Поместного Собора для коренных изменений в порядке управления Российской Православной Церкви и вообще для устройства нашей церковной жизни на незабываемых началах, данных Божественным Основателем и Главою Церкви в Священном Писании и в правилах св. Апостолов, св. Вселенских и Поместных Соборов и св. Отец. Происшедший у нас государственный переворот (имеется в виду Февральская революция — С.Б.), в корне изменивший нашу общественную и государственную жизнь, обеспечил и Церкви возможность и право свободного устройства. Заветная мечта русских православных людей теперь стала осуществимой, и созыв Поместного Собора в возможно ближайшее время делается настоятельно необходимым... Но начавшееся повсеместно церковное оживление, одушевленное началами свободы, требует немедленного устройства и неотложного принятия самых разнообразных мер для своего упорядочения и должного направления по заповедям Христа Спасителя, и теперь же необходимо произвести некоторые изменения во всех сторонах церковной жизни. Издревле господствующее в Православной Церкви выборное начало должно быть проведено во все доступные для него формы церковного управления.

Широкое участие всех членов Церкви в делах церковных, при нерушимости присвоенных каждому прав и обязанностей, должно привлечь всех к живой деятельности на пользу Церкви и сделаться основой церковного устройства в настоящее время. Необходимы соответствующие изменения и в духовной школе, и в церковном суде...»¹³

Епархиальные съезды, прошедшие весной и летом 1917 года почти по всей России, в ряде мест завершались смещением правящих епископов и выборами новых. Так, на Московскую кафедру был избран архиепископ Тихон (Белавин) Литов-

Митрополит Петроградский
Вениамин (Казанский)

ский, на Петроградскую — епископ Гдовский Вениамин (Казанский), на Владимирскую — Сергей (Страгородский) Финляндский. Епархиальным съездом был смещен один из наиболее авторитетных епископов, запятнавший себя разгромом имяславческого движения на Афоне, архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий). Он просил, чтобы ему позволили остаться на покое и проживать на Валааме, в монастыре. Святейший Синод удовлетворил его просьбу. Движение духовенства и мирян, возникшее весной 1917 года, впоследствии получило название «церковной революции». Радикализм верующих порою достигал такой силы, что требовалось неотложное вмешательство высшей церковной власти, чтобы направить в каноническое русло разбушевавшиеся стихии. К счастью, новый состав Святейшего Синода прекрасно понимал сложившуюся ситуацию. В Послании Синода прозвучало напоминание не в меру ретивым реформаторам: «И вы, пастыри и служители Церкви Божией, будьте в единении и союзе любви со своими архипастырями, помня, что без епископа не может быть Церкви. Всемерно старайтесь и о том, чтобы жить в самом тесном и братском общении со своими прихожанами, их нужды и потребности, не только духовные, но и материальные, пусть станут бли-

же вашему сердцу, чем ваши личные нужды. Вам дарована ныне свобода решать вопросы церковного устройства по собственному разумению. Пользуйтесь этой свободой, но к свободе и пользе Церкви, приводя в исполнение принятые решения о необходимых изменениях в местной церковной жизни только в согласии с церковной властью, ибо, по слову св. апостола, в Церкви Христовой все должно быть благообразно и по чину»¹⁴.

Самое поразительное, что текст этого синодального послания готовил бывший сподвижник Победоносцева, незаменимый чиновник Духовного ведомства Степан Рункевич. Преведший состав Синода, уволенный обер-прокурором В.Н. Львовым, всячески противился каким-либо преобразованиям. Но диктат епископата был сломен. Епархиальные съезды, созывавшиеся повсеместно весной 1917 года, не дожидаясь решений Синода, сами проводили назревшие реформы, начиная от управления Церкви вплоть до реформы прихода. Все эти решения свидетельствовали об одном: время проведения реформ в Русской Церкви было безнадежно упущено. Основная вина ложилась на плечи императора Николая II, который в течение 12 лет откладывал созыв Поместного Собора, являясь «верховным ктиторм» Православной Российской Церкви. Предсоборное Присутствие, созданное в 1906 году, и Предсоборное Собрание, созданное в 1912 году, детально разработали и подготовили весь спектр проблем, которые необходимо было рассмотреть на Соборе. Более того, были предложены и возможные решения. Неверие императора к епископату, лучшие представители которого резко выступали против Распутина, нежелание считаться с нуждами духовенства и мирян — все это в конце концов привело к взрыву. Важную роль в осмыслении и умирении происходивших весной 1917 года изменений в лоне Церкви сыграл профессор Санкт-Петербургской духовной академии Антон Владимирович Карташев, который стал товарищем обер-прокурора В.Н. Львова. Поскольку Львов почти постоянно должен был присутствовать на заседаниях Временного правительства, основное бремя решений ложилось на плечи Карташова и единомысленных с ним священников, членов Святейшего Синода — протопресвитера Николая Любимова и протоиерея Александра Рождественского. Епископы — члены Святейшего Синода (в конце мая на заседаниях стал председательствовать экзарх Грузии архиепископ Платон (Рождественский) понимали, что необходимо как можно быстрее созвать Поместный Собор.

Уже в начале мая на очередном заседании Святейшего Синода было принято решение, ограничившее архиерейский произвол. Значительно ограничены права, а кое-где упразднены консистории — бюрократические структуры, выродившиеся к 1917 году и парализовавшие жизнь епархий и приходов. Этим же решением были легализованы церковно-епархиальные советы при епископе. Сюда поступали отныне все решения консисторий, и только после рассмотрения их на заседаниях советов они утверждались или отвергались епископом. Была значительно ограничена власть благочинных. При них также возникли выборные благочиннические советы. Еще в мае Святейший Синод начал работу над бракоразводной реформой, которая все еще оставалась в ведении Церкви. Этим составом Синода была подготовлена реформа высших духовных школ, и с 1 сентября 1917 года должны были вступить в силу «Временные правила об автономии духовных академий». Ректор отныне должен был избираться и иметь степень доктора или хотя бы магистра богословия. Была упразднена ненавистная многим должность инспектора. Проректор также должен был избираться из числа профессоров духовной академии сроком на 4 года. Профессоры и преподаватели также должны были избираться на свои должности советами академий по конкурсу. Трудно недооценить эту реформу — положение духовных школ в России было рассмотрено и Предсоборным Присутствием и Предсоборным Собранием. Духовные школы России, за редким исключением, выпускали или церковных чиновников, или священников-требоисправителей, или же откровенных революционеров, подобных Николаю Добролюбову, Иосифу Джугашвили или Нестору Лакобе. Так был решен один из наиболее важных и назревших вопросов. Перед новым составом Синода стояла важная задача — как можно скорее созвать Поместный Собор. Был организован Предсоборный Совет — обширная совещательная коллегия, состоявшая из епископов, клириков и мирян. Правительство ассигновало миллион рублей на проведение Собора. Синод, со своей стороны, решил вложить свои церковные капиталы — 2,6 миллиона рублей, а если потребуется, то и все 4 миллиона.

На 1 июня 1917 года было запланировано открытие в Москве Всероссийского съезда духовенства и мирян. На него прибыло около 1200 добровольных представителей почти из всех российских епархий. Накануне открытия съезда, 30 мая 1917 года, на очеред-

Степан Рункевич

ном заседании Синода обер-прокурор поделился своими замыслами. Он рассчитывал вынести на обсуждение съезда две основных проблемы. Первое — решить вопрос о передаче церковноприходских школ в ведение Министерства народного просвещения. Это был довольно болезненный вопрос, поскольку школы в большинстве случаев создавались духовенством, как и епархиальные женские училища, которые также планировалось передать министерству. Вторая проблема, которую В.Н. Львов намеревался внести в повестку съезда, — реорганизация Высшего церковного управления. Он предложил, чтобы члены Синода избирались съездом, а при нем существовал постоянный совет, в который, по его мнению, должны были входить 4 епископа, 4 священника и 4 мирянина. Члены Синода единодушно противостали намерениям обер-прокурора. Архиепископ Платон пригрозил, что в том случае, если Львов решит действовать подобным образом, члены Синода тут же сложат свои полномочия. И только архиепископ Сергей (Страгородский) высказал решимость продчиниться любым решениям съезда. Под влиянием членов Синода В.Н. Львов дал обещание, что не вынесет этих вопросов на рассмотрение съезда, а отложит их до созыва Поместного Собора. Не доверяя обещаниям обер-прокурора, на съезд в Москву поехали два епископа, члены Синода Платон (Рождественский) и Андрей (Ухтомский), а с ними протоиереи Рождественский и Филоненко, а также протопресвитер Николай Любимов.

Съезд был открыт речью архиепископа Платона. Это было приветствие к собравшимся от имени Святейшего Синода, затем протоиерей А.И. Боголюбский произнес пылкую речь о превосходстве православия над католичеством и протестантизмом. Полное единение, заявил он, между членами Церкви возможно лишь в православии. Символом подобного христианского единения, по мнению Боголюбского, является Всероссийский съезд духовенства и мирян. Протопресвитер Николай Любимов, участвовавший в ра-

боте съезда, горько подумал: «...полного единения между членами Церкви Христовой не может быть на этом однобоком съезде, ибо епископат здесь почти отсутствует. Затем говорили о Рождественский (от имени бывшего Предсоборного Присутствия), Филоненко (от духовенства Государственной Думы), и множество других приветствий от других епархий. Болтовни пустой, казалось, и конца не будет, наконец, уже в 2 ч. стали раздаваться протесты, ограничили ораторов 2 мин., а затем и совсем их прекратили... После окончания приветствий дано было слово солдатику, приехавшему с фронта. Сначала, когда этот солдатик стал описывать ужасы и тяготы фронтовой жизни в окопах, я подумал, что он заявит «долой войну», оказалось совсем иное. Описывая ужасы военной жизни, он говорил, что «к этим ужасам присоединяются еще и ужасные вести с тыла от наших жен и детей о недоедании, о разрухе власти, но и это все еще терпимо, а вот когда приходят к нам вести о том, что у нас хотят отнять веру православную, что нам грозят закрытием храмов Божиих, нас прямо это поражает в самое сердце. Ведь только верой Христовой еще и держится наша Родина, а у нас и в тылу, и на фронте хотят отнять эту веру, нас всячески развращают, стараются развить неверие, с этой целью распространяются в армии разные скверные газеты, брошюры, кошунственные листки. Пастыри Церкви, простите за слово упрека, вы нас совсем бросили, идите к нам, учите нас, поддерживайте в нас веру, помогайте бороться с пороками, с развратом, шлите нам Евангелия, листки, брошюры, книги религиозно-нравственного содержания, собирайте нас, беседуйте, уговаривайте, спрашивайте. Поклон вам от армии, поклон низкий и просьба: помогайте нам, слабоверным, укрепите и поддержите в нас веру Христову и верность Церкви Православной»¹⁵.

Протоиерей
Александр Рождественский

боте съезда, горько подумал: «...полного единения между членами Церкви Христовой не может быть на этом однобоком съезде, ибо епископат здесь почти отсутствует. Затем говорили о Рождественский (от имени бывшего Предсоборного Присутствия), Филоненко (от духовенства Государственной Думы), и множество других приветствий от других епархий. Болтовни пустой, казалось, и конца не будет, наконец, уже в 2 ч. стали раздаваться протесты, ограничили ораторов 2 мин., а затем и совсем их прекратили... После окончания приветствий дано было слово солдатику, приехавшему с фронта. Сначала, когда этот солдатик стал описывать ужасы и тяготы фронтовой жизни в окопах, я подумал, что он заявит «долой войну», оказалось совсем иное. Описывая ужасы военной жизни, он говорил, что «к этим ужасам присоединяются еще и ужасные вести с тыла от наших жен и детей о недоедании, о разрухе власти, но и это все еще терпимо, а вот когда приходят к нам вести о том, что у нас хотят отнять веру православную, что нам грозят закрытием храмов Божиих, нас прямо это поражает в самое сердце. Ведь только верой Христовой еще и держится наша Родина, а у нас и в тылу, и на фронте хотят отнять эту веру, нас всячески развращают, стараются развить неверие, с этой целью распространяются в армии разные скверные газеты, брошюры, кошунственные листки. Пастыри Церкви, простите за слово упрека, вы нас совсем бросили, идите к нам, учите нас, поддерживайте в нас веру, помогайте бороться с пороками, с развратом, шлите нам Евангелия, листки, брошюры, книги религиозно-нравственного содержания, собирайте нас, беседуйте, уговаривайте, спрашивайте. Поклон вам от армии, поклон низкий и просьба: помогайте нам, слабоверным, укрепите и поддержите в нас веру Христову и верность Церкви Православной»¹⁵.

Только вечером занялись процедурными вопросами. Долго решали — кто должен возглавить съезд, епископ или священник. В разгар прений появился обер-прокурор В.Н. Львов, который выступил с краткой приветственной речью от имени Временного правительства. Первый день завершился скандалом. От Чрезвычайного Петроградского Собора выступил с речью миссионер И. Айвазов. Он довольно резко предупредил съезд, не выбирая выражений, что не следует отождествлять христианство с демократией. Более того, он предостерег собравшихся от раблепного преклонения перед демократией. Ему столь же резко возразил В.Н. Львов, назвав речь Айвазова возмутительной. «И началась прямая перебранка: обер-прокурор не говорил, а прямо кричал, что «миссионеры теперь вот раскрывают рот, а раньше раблепно молчали». Но Айвазов с места кричал ему: «Вы лжец!» И началась, говорят, ужасная суматоха: одни (большинство) аплодируют В.Н. Львову и кричат: «Вон, долой Айвазова!» Другие шикают и требуют, чтобы дали слово и Айвазову. Но среди этой неразберихи и сумятицы председатель Боголюбский закрывает собрание»¹⁶.

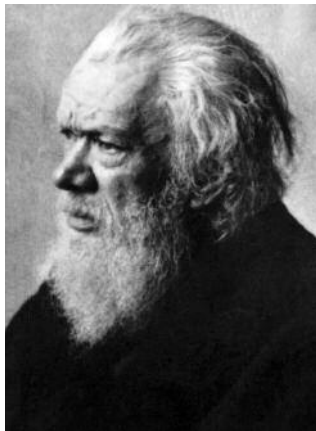
2 июня съезд продолжил свою работу. Заседание открылось тремя интереснейшими докладами: М.И. Струженцева «Об отношении общества к переживаемым событиям», профессоров Е.Н. Трубецкого «Церковь и Россия» и С.Н. Булгакова, в котором он развивал несколько тем: мировое значение переживаемых Россией событий, о свободе и равенстве в жизни Церкви, о противоположности Церкви и демократии. С.Н. Булгаков как бы продолжил тему, начатую накануне миссионером Айвазовым, предостерегая съезд от обожествления демократии. Все три доклада вызвали почти восторг, и было принято решение немедленно отпечатать доклады Трубецкого и Булгакова для раздачи делегатам съезда и для рассылки во все епархии. Непонятно, было ли исполнено это решение или же в сумятице того беспокойного времени оно так и осталось неосуществленным. Вечером, поскольку второй день съезда выпал на субботу, служили всенощную, а утром в воскресенье состоялось торжественное богослужение в Успенском соборе, завершившееся крестным ходом. Последующие дни работы съезда были довольно бурными — рассматривались текущие вопросы, и прежде всего созыв Поместного Собора. Несколько раз на съезде порывался выступить обер-прокурор В.Н. Львов, но решительная позиция председателя, архиепископа Платона, настоявшего на

том, чтобы революционный обер-прокурор воздержался от очередных пламенных призывов сменить состав Синода, в конце концов возобладала. Львов уехал в Петроград, смирившись с мнением владыки и поддержавших его членов Синода. Самым важным решением съезда было постановление о создании Предсоборного Совета, который начал свою работу уже 11 июня. Всероссийский съезд духовенства и мирян решительно поддержал инициативу Временного правительства о безотлагательном созыве Поместного Собора. Именно поэтому А.В. Карташев впоследствии назвал съезд «репетицией Собора». На съезде присутствовали многие члены будущего Поместного Собора: архимандрит Иларион (Троицкий), С.Н. Булгаков, Евгений Трубецкой. За десять дней работы съезд разработал и сформулировал основные требования и предложения по всем пунктам предстоящей церковной реформы для Собора. По признанию А.В. Карташева съезд явился поддержкой и стимулом для официального Предсоборного Совета. Съезд отверг идею отделения Церкви от государства и высказал пожелание, чтобы Православная Церковь оставалась на положении «первенствующей», чтобы все Церкви, все религиозные организации (инославные и нехристианские) получали от государства правовую и материальную поддержку, чтобы Закон Божий был обязательен в школах и чтобы в ведении Православной Церкви оставались руководимые ею народные школы.

Тем временем Святейший Синод продолжал повседневную работу, прерванную Всероссийским съездом. На заседаниях в начале июня был заслушан протокол Ярославского епархиального съезда, который выразил недоверие архиепископу Агафангелу (Преображенскому). Архиепископ Агафангел резко протестовал против обвинений в «недоступности и сановитости» и в покровительстве церковным бюрократам. Протопресвитер Николай Любимов, цитируя слова владыки о том, что большая часть обвинителей его в глаза не видывала, отметил в своем дневнике: «При этих словах мне невольно пришла в голову мысль: вот где и есть полное основание у паствы быть недовольными своим архипастырем, очевидно, он держит себя далеко от духовенства и от народа, малодоступен, именно чересчур «сановит»¹⁷. Синод принял постановление и просил председателя, архиепископа Платона, чтобы он приехал в Ярославль и постарался примирить конфликтующие стороны. Была также рассмотрена просьба делегации от

Владимирской епархии о смещении правящего архиепископа Алексия (Дородницына), которого обвиняли в «деспотическом правлении и дерзком обращении с духовенством». Поскольку архиепископ Алексий уклонился от рассмотрения дела и подал прошение об увольнении на покой, его просьбу и прошение делегатов удовлетворили. Летом 1917 года на Украине резко возросли националистические настроения, охватившие и украинское духовенство. Архиепископ Платон решил выехать в Киев, чтобы на месте разобраться в создавшейся ситуации.

12 июня 1917 года открылось первое заседание Предсоборного Совета. Из епископов присутствовало только двое — архиепископы Арсений Новгородский и Сергей Финляндский. Заседание открыл архиепископ Сергей (Страгородский), который напомнил присутствующим о работе Предсоборного Присутствия и Предсоборного Совещания. По мнению владыки Сергея, Предсоборный Совет стал третьим и, как он выразил надежду, последним этапом на пути к Собору. Затем слово взял обер-прокурор В.Н. Львов. Он высказал мнение, что первоочередной задачей Предсоборного Совета является реформирование Высшего церковного управления и управления епархиального. Поскольку, по мнению обер-прокурора, епархиальные управления уже претерпели реформы на местах, то остается лишь реформировать Высшее церковное управление, чтобы жизнь Церкви текла по каноническому руслу. Протопресвитер Николай Любимов справедливо заметил в дневнике: «Одного я только не понимаю в словах Львова. Ведь все равно Предсоборный Совет, какие бы ни обдумывал и ни выработывал меры, важные или менее важные, — он самостоятельно провести их в жизнь не может, он только подготовит их для решения на Соборе; следовательно, если и можно говорить о степени важности тех или других реформ в Церкви, то только по их качеству и значению для жизни церковной, а не с точки зрения желательности их скорейшего осуществления. И

Протопресвитер
Николай Любимов
(следственное фото, 30-е гг.)

те и другие реформы могут быть только санкционированы Собором и проведены в жизнь по его решению»¹⁸.

Вслед за обер-прокурором выступил архиепископ Арсений (Стадницкий), умелый церковный дипломат, известный особой гибкостью и осторожностью. Он заговорил о том, сумели ли епископы и духовенство подготовить церковный народ к Поместному Собору. По мнению владыки Арсения, церковный народ оказался абсолютно не готовым к Собору. Он высказал опасение — если Собор проведет в жизнь некие скороспелые решения, то это может привести к расколу. Он призвал присутствующих: «Все мы — и епископы, и пастыри, и миряне — должны покаяться в том, что не создали среди верующих желательного для Собора настроения, не подготовили нужной для него почвы. Вот почему еще раз повторяю, что призываю Предсоборный Совет не только к научной, канцелярской и практической подготовке материалов к Собору, но и к подготовке такой почвы для него, при которой он оказался бы действительно цементом, связавшим всех членов Церкви Христовой в один целый, живой организм, на котором таким образом исполнилась бы молитва Господа Иисуса Христа Богу Отцу: «да будут вси едино, якоже и мы», «да будут вси совершенно воедино!»¹⁹

В этот же день было создано 10 отделов с собственным секретариатом для каждого. Первый отдел должен был выработать правила для организации выборов на Поместный Собор. Поэтому он так и был назван: «О производстве выборов на Всероссийский Поместный Церковный Собор, его организации и о составлении наказа для него». Первоначально этот отдел возглавил протопресвитер Николай Любимов. На заседании 15 июня единогласно было принято решение открыть Поместный Собор в Москве 15 августа 1917 года. Накануне Временное правительство объявило, что 17 сентября будут проведены выборы в Учредительное собрание, а 30 сентября должно состояться его первое заседание. В разгар заседания Предсоборного Совета разразился правительственный кризис — 2 июля кадеты вышли из состава Временного правительства. Вспыхнуло Июльское восстание, в котором активное участие приняли большевики. Уже в начале июля, когда среди Временного правительства наметился раскол в связи с проблемой дарования автономии Украине, большевики решили выступить против правительства. На следующий день начались митинги на заводах Петрограда. А 4 июля — самая массовая демонстрация рабочих, которые

Профессор С.Н. Булгаков

шли с лозунгами «Долой 10 министров-капиталистов!». Петроградский гарнизон колебался, а из Кронштадта прибыло несколько тысяч матросов. Многие из демонстрантов были вооружены. Во время демонстрации происходили стычки с полицией и перестрелки в разных частях города. На следующий день правительство подтянуло в столицу с Северного фронта части кавалерии. Но вскоре правительственные войска заняли особняк Кшесинской, где размещался Центральный комитет большевиков. Редакция и типография большевистской газеты «Правда» были

разгромлены вооруженным отрядом юнкеров. Временное правительство выдало ордера на арест вождей большевиков Ленина, Зиновьева и Троцкого. 18 июля начались публикации в прессе, свидетельствующие о том, что Ульянов (Ленин) получал огромные суммы денег от немцев, чтобы вывести Россию из войны. Эти решительные действия переломили ситуацию. Ульянов и Зиновьев решили скрыться. Один из вождей большевиков, Каменев, был арестован. Спустя две недели были арестованы Троцкий и Луначарский.

Несмотря на эти грозные события, уже 5 июля Святейший Синод опубликовал послание, в котором было указано, что Поместный Собор будет созван в Москве 15 августа 1917 года. Более того, в этом послании говорилось и о его составе — среди соборян должны быть епископы, священники, монахи и миряне. В состав Собора автоматически входили лишь члены Святейшего Синода и епархиальные епископы. Викарные епископы и те епископы, которые находились на покое, могли участвовать в заседаниях Собора лишь по приглашениям. Сама процедура выборов планировалась как трехступенчатая. Выборы делегатов из числа духовенства и мирян на Собор должны были состояться не позднее 23 июля. В послании указывалось, что первые собрания должны проходить в приходах. В приходских собраниях на равных основаниях прини-

мали участие мужчины и женщины. На приходских собраниях председательствовал настоятель. Приход избирал выборщиков, которые принимали участие в благочиннических собраниях — вторая ступень, — на которых обязательно присутствовало все духовенство и миряне. Членом Собора мог быть избран только мужчина не моложе 25 лет, не пьяница, не судимый, свободный от пороков прихожанин. Выборы в благочиннических собраниях были назначены на 30 июля. Собрание закрытым голосованием избирало двух представителей духовенства, из которых один обязательно должен был быть священником, и трех мирян. Избранными считались те, кто получил более 50% голосов присутствующих. Собрание завершалось лишь тогда, когда составлялся акт об избрании. Затем третья ступень — епархиальные собрания. Их проведение было намечено на 8 августа. Закрытым голосованием епархиальное собрание избирало 5 членов Собора — двух представителей духовенства и трех мирян.

Предсоборный Совет не смог решить одну из основных задач — о необходимости выборов патриарха. Этот вопрос оставался наиболее болезненным, и вокруг него возникало множество споров. Но Совет, точнее, его II отдел (он так и назывался: «О преобразовании Высшего церковного управления (постоянный Собор и Синод), об образовании церковных округов и об устройстве церковного управления в Грузии и Финляндии») сумел подготовить реформу Высшего церковного управления. Этот отдел, возглавлявшийся архиепископом Сергием (Страгородским), выработал следующую структуру церковной власти. Об этом неоднократно говорилось еще на заседаниях Предсоборного Присутствия в 1906 году. Высшая власть в Церкви должна была находиться в ведении Поместного Собора. Соборы предписывалось созывать периодически. В перерывах между Соборами власть распределялась между двумя палатами — Священным Синодом и Высшим Церковным Советом. Предполагалось, что председатель Синода и Совета будет избираться на Поместном Соборе из числа епархиальных архиереев. Епископ, избранный председателем Синода и Совета, сохранял за собой свою епархию. В состав Высшего Церковного Совета (он должен был состоять из 14 членов) предполагалось ввести двух епископов, членов Священного Синода, четырех представителей духовенства и восемь мирян. Все они должны избираться также Поместным Собором. Отдел предусматривал и разделение тех дел, которые должны

Архиепископ Иларион
(Троицкий)

рассматриваться Синодом и Советом. В ведении Синода находились вопросы вероучения, богослужения, церковной дисциплины и управления. Совет призван был заниматься проблемами церковной администрации, хозяйственными вопросами и школьно-просветительскими делами. Проект отдела предусматривал, что часть наиболее важных вопросов будет рассматриваться на объединенных заседаниях Синода и Совета.

IV отдел Предсоборного Совета разрабатывал решение вопроса о церковном суде. Эта весьма важная церковная структура практически была упразднена в синодальный период. Афонская смута продемонстрировала, что Святейший Синод оказался не в

состоянии решить проблему «имябожия». Отдел предложил сделать церковный суд четырехступенчатым. Первая ступень — благочиннический суд, в состав которого входят три представителя духовенства и двое мирян. Вторая ступень — епархиальный суд, в состав которого входят пять представителей духовенства и двое мирян. Третья ступень — митрополичий округ и церковно-областной суд. В его составе три епископа, четыре представителя духовенства и четверо мирян. И, наконец, последняя — Поместный Собор, который избирает в высший церковный суд трех епископов, трех представителей духовенства и двух мирян. Поместный же Собор является высшей церковно-апелляционной и судебной инстанцией. Отдел предлагал и меры наказаний за преступления, которые находились в ведении Церкви. Предлагалось подвергать отлучению тех членов Церкви, которые принадлежали к партиям, программа которых была враждебна христианству. Анафеме подлежали бы создатели сект и расколов.

Пока шла работа Предсоборного Совета, ситуация в стране продолжала ухудшаться. Большевики развернули агитацию против непопулярной войны, и солдаты тысячами дезертировали с фронта. Наиболее тревожно было в Петрограде. В конце июля Свя-

тейший Синод постановил ввиду приближающего срока созыва Собора перенести свои заседания в Москву. К 1 августа практически завершил свою работу и Предсоборный Совет. В Москве же с 12 по 15 августа было созвано Временным правительством Государственное совещание, в котором приняло участие и православное духовенство. Россия разделилась — по одну сторону находились большевики, пробуждавшие в народе самые низменные чувства и умело игравшие на них, с другой им противостояло меньшинство церковного народа, видевшего в Соборе надежду на исцеление страны.

Брожение, начавшееся в России весной 1917 года, все глубже охватывало и Русскую Церковь. Многим казалось, что рушатся вековые устои. Кто мог еще несколько лет тому назад представить, что епархиальные съезды духовенства и мирян начнут смещать епископов, а Святейший Синод утверждать эти решения? Но это был возврат к древним нормам христианства, когда апостолы жили и трудились вместе с мирянами, а пресвитеры избирались из их числа решением общины. Конечно, в проходивших повсеместно епархиальных съездах, даже на Всероссийском съезде духовенства наблюдались и передержки. Слишком много было болтовни, но вряд ли этого можно было избежать. Изголодавшимся по свободному общению мирянам хотелось выговориться, поделиться теми чувствами, которым долгие годы не было выхода. Крушение самодержавия и окончание синодального управления многими воспринималось как благотворная буря, сметавшая все наносное и тленное. В застоявшуюся, душную атмосферу предреволюционных лет ворвался свежий воздух. Непосредственное и не всегда приятное общение епископов с паствой благотворно влияло в первую очередь на епископат — рушилось устоявшееся представление о епископе как князе Церкви.

Русский мыслитель Николай Бердяев писал в предсоборные августовские дни 1917 года: «Революция ударила по Церкви и разрушила старую связь Церкви и государства. Внешне в строе церковном все пришло в движение. Русская Церковь должна перестроиться снизу доверху. Но в стихийном нарастании революции церковное движение оказалось совершенно затерянным. Церковного голоса не слышно в гуле революции. В дни великой опасности для России Православная Церковь не играет той роли, какую играла в прежнее время, когда св. Сергий Радонежский спасал родину и на-

правлял ее духовно... Но в дни, когда Россия и весь мир переживают небывалые катастрофы, когда все в мире стало зыбким и колеблющимся, христиане не могут не желать, чтобы был услышан голос Свободной Церкви Христовой. Свободная Церковь есть прежде всего Церковь, независимая от власти государства и всякой стихии этого мира. Она в себе Самой черпает источник своих откровений, Она получает свою свободу от Главы своего — Христа»¹⁹.

Мало кто из церковных людей предвидел надвигающуюся на Россию чуму большевизма, хотя уже летом 1917 года состоялась первая проба сил, когда еще в середине июня в Петрограде был созван I Всероссийский съезд Советов. Среди 790 делегатов было всего 103 большевика. На этом съезде вождь большевиков Ульянов (Ленин) вынес приговор Российскому государству, высказавшись за свержение Временного правительства. Меншевик Церетели возразил Ульянову, заявив, что в России пока еще нет такой партии, которая смогла бы взять власть в свои руки. Ульянов самоуверенно ответил: «Есть такая партия!» Его заявление встретили смехом и восприняли как неудачную шутку. Между тем, в стране активно действовал и готовил почву для свержения Временного правительства будущий диктатор. Он был мало известен даже в политических кругах России. Подпольная работа, которую он вел почти четверть столетия, во многом определила облик не только России в XX столетии, но и всего мира.

III. ВОЖДИ БОЛЬШЕВИЗМА

В нормальном государстве вне закона
Находятся два класса:
Уголовный
И правящий.
Во время революций
Они меняются местами...

Максимилиан Волошин

Часто усилия людей, пытающихся исправить или остановить ход истории, на первый взгляд будто бы увенчиваются успехом. Мыслители, социологи, историки склонны видеть в подобных случаях победу человеческой воли над ходом истории, который предначертан свыше. Но проходят десятилетия, и обнаруживается, что те великие политики, которых боготворили современники, на самом деле были ограниченными фанатиками, уничтожавшими миллионы сограждан ради призрачных целей, которым никогда не суждено осуществиться.

Но магия этих политиков настолько велика, что даже самые трезвые мыслители впадали в романтизм. Романтическим флером до сих пор окутаны фигуры вождей большевизма — Владимира Ульянова, Льва Бронштейна, Иосифа Джугашвили. Несмотря на то что трое вождей большевизма родились, росли и мужали в совершенно различных местах и условиях, их объединяло слишком многое. В первую очередь — всепоглощающее стремление к власти. Попытки обрести корни зла, которое они принесли России, в национальных истоках тщетны. В Ульянове смешались калмыцкая, еврейская и русская кровь. Чистокровный еврей Бронштейн воспитывался в традиционной еврейской семье. Джугашвили родился и вырос в Грузии, в юности писал стихи на грузинском языке, с отличием закончил церковноприходскую школу в Гори и прекрасно учился в Тифлисской семинарии. Но так же, как и его соратники, был воспитан на русской литературе и марксизме. Вторая отличительная особенность, объединяющая их, — все трое были недоучками, малообразованными, некультурными людьми. Ульянов не сумел окончить университет, несмотря на то что был богато одарен от природы. Он не получил фундаментального университетского образования, которое способствует построению целост-

Семья Ульяновых. Владимир — первый справа

ния, сузив до предела и без того узкий кругозор будущих вождей большевизма.

Они нашли друг друга в процессе борьбы с самодержавием, которое искренне считали тормозом развития России. Большая часть жизни Ульянова и Бронштейна ушла на борьбу с царской властью. Но они успели заложить основы нового, тоталитарного государства, строительство которого завершил грузин Джугашвили. Всех их роднит одно — они были вожаками. Французский социолог XIX столетия Лебон отмечал: «Лишь только известное число живых существ соберется вместе, все равно, будет ли то стадо животных или толпа людей, они инстинктивно подчиняются власти своего вождя. В толпе людей вождь бывает только вожаком, но, тем не менее, роль его значительна. Его воля представляет то ядро, вокруг которого кристаллизуются и объединяются мнения... Вождь обыкновенно сначала был сам в числе тех, кого ведут, он так же был загипнотизирован идеей, апостолом которой сделался впоследствии. Эта идея до такой степени завладела им, что все вокруг исчезло для него и всякое противное мнение ему казалось уже заблуждением и предрассудком... Обыкновенно вожаки не принадлежат к числу мыслителей — это люди действия. Они не обладают проницательностью, так как проницательность ведет обыкновен-

но к сомнениям и бездействию. Чаще всего вожаками бывают психически неуравновешенные люди, полупомешанные, находящиеся на грани безумия... Напряженность их собственной веры придает их словам громадную силу внушения. Толпа всегда готова слушать человека, одаренного сильной волей и умеющего действовать на нее подобно гипнотизеру. Люди в толпе теряют свою волю и инстинктивно обращаются к тому, кто ее сохранил»¹.

Первым из жизни ушел самый старший из троих — Владимир Ульянов. Его соратники решили оказать ему божеские почести и выстроили в центре Москвы мавзолей, в котором до сих по покоится его тело. Его современник, начинавший, как и он, с увлечения марксизмом, философ Николай Бердяев, знавший Ульянова лично, писал спустя десятилетие со дня его смерти: «Он боролся за целостность и последовательность в борьбе, она невозможна без целостного, догматического вероисповедания, без ортодоксии. Он требовал сознательности и организованности в борьбе против всякой стихийности... И он допускал все средства для борьбы, для достижения целей революции. Добро было для него все, что служит революции, зло — все, что ей мешает... Но став одержимым максималистической революционной идеей, он в конце концов потерял непосредственное различие между добром и злом, потерял непосредственное отношение к живым людям, допуская ложь, обман, насилие, жестокость. Ленин не был дурным человеком, в нем было и много хорошего. Он был бескорыстный человек, абсолютно преданный идее, он даже не был особенно честолюбивым и властолюбивым человеком, он мало думал о себе. Но исключительная одержимость одной идеей привела к страшному сужению сознания и к нравственному перерождению, к допущению совершенно безнравственных средств в борьбе. Ленин был человеком судьбы, роковой человек, в этом его сила»². Если так писал человек, сознательно противостоявший большевикам, высланный в 1922 году из России по прямому указанию Ульянова-Ленина, то что говорить о его последователях. Его воспевали талантливые поэты Борис Пастернак и Владимир Маяковский. Первый — по велению сердца, второй — по прямому приказанию большевиков. Его славословили не только после смерти, но и при жизни.

Портрет, набросанный Николаем Бердяевым, безусловно, романтичен, как романтичны строки Бориса Пастернака, посвященные Ленину. Странно было бы, если бы мы повторяли те

ошибки, которые допускали современники тех давних событий³. Прав Николай Бердяев в одном — Ленин не был с самого рождения исчадием ада. Как всякий живой человек, он эволюционировал, развивался, менял точки зрения, свое отношение к людям и идеям. Был ли он роковым человеком — эта проблема вряд ли входит в задачу историка. Личность Ульянова-Ленина на протяжении столетия привлекала к себе внимание не только отечественных, но и зарубежных историков. Прослежены почти все изгибы его мысли (кстати, очень неглубокой). Тщательно изучены его труды, вплоть до случайных записок. Изданы и неоднократно прокомментированы последователями основные труды. Ульянова до наших дней то возвеличивают как «гения всех времен и народов», то развенчивают как предтечу антихриста. Важно отстраниться, как это ни трудно сделать русскому историку, выросшему в Советской России, от страстей, которые продолжают бушевать вокруг имени и наследия Ульянова-Ленина. Рухнула империя, созданная по его замыслу. Но его набальзамированное тело — предмет поклонения на протяжении 70 лет — продолжает покоиться в центре России.

Ни одно из его предвидений не сбылось. Как и его предтечи — Карл Маркс и Фридрих Энгельс, он оказался лжепророком и в этом смысле — предтечей антихриста. Он пытался, следуя идеям Маркса, создать мировую империю. За тысячи лет до него это пытались сделать правители Ассирии, Вавилона, Рима и других империй. Он прикрывал честолюбивые стремления эфемерными идеями построения на Земле царства добра и справедливости. Он любил прозу Льва Толстого, которого почитал как одного из предтеч русской революции, и ненавидел философскую прозу Федора Достоевского. Но именно он воплотил в жизнь мрачные пророчества Достоевского, высказанные им в «Бесах», железной палкой загоняя россиян в концентрационный лагерь. Советский Союз, государство, созданное Ульяновым и его соратниками, был признан западными демократиями. Он просуществовал чуть более 70 лет. Ульянов-Ленин, а затем его преемник Джугашвили-Сталин построили образцовое тюремное государство, в котором едва ли не половина населения томилась и умирала голодной смертью в тюрьмах или концентрационных лагерях. Воплощение марксистской идеи обошлось России почти в 60 миллионов жизней.

Владимир Ульянов родился 22 апреля 1870 года в Симбирске, в семье действительного статского советника (по дореволюционной табели о рангах этот чин соответствовал генеральскому) Ильи Ульянова. Возможно, что тетка Ильи Николаевича была крещеной калмычкой, проданной своими родителями в рабство в семью астраханского купца. Подобная практика существовала в России вплоть до 1825 года. В Астраханском историческом архиве сохранился приказ за номером 698 от 21 апреля 1825 года: «...отчужденную от рабства проживавшую у астраханского купца Михайлы Моисеева дворовую девушку Александру Ульянову причислить по ее желанию в астраханское мещанство»⁴. Спустя месяц она вышла замуж за старосту Александра Смирнова, с семьей которого в Астрахани был тесно связан отец Ильи — Николай Васильевич Ульянов, также калмык. Илья Николаевич Ульянов закончил Казанский университет и был удостоен звания кандидата математических наук. Он сделал неплохую карьеру и дослужился до директора народных училищ Симбирской губернии. Чин действительного статского советника дал ему право на личное дворянство. Прадед и дед по материнской линии Владимира Ульянова были евреями. Оба крестились и приняли христианство. Его прадед Дмитрий Бланк, проживавший в Житомире, осенью 1846 года подал записку на имя императора Николая I, в которой предлагал «...запретить евреям ежедневную молитву о пришествии Мессии и повелеть молиться за Государя Императора и весь августейший дом Его»⁵. Дмитрию Бланку в то время исполнилось 90 лет, и он предполагал, что подобные меры могут способствовать переходу евреев в христианство.

В семье Ульяновых царили совершенно другие отношения. Любовь и согласие между супругами создавали особую атмосферу. Более того, отношения между родителями и детьми были демократичными, а не авторитарными. Отец глубоко почитал императора Александра II, в царствование которого он не только достиг материального благополучия, но и смог реализовать себя. Илья Николаевич был верующим человеком, но его вера, как, впрочем, и многих его современников, сводилась к нечастому посещению храма, исполнению церковных обрядов. Церковь воспринималась как незыблемая и составная часть государства, необходимая для его существования. Пушкинские строки о супругах Лариных вполне могут быть приложимы к семейству Ульяновых: «Два раза в год они говели, любили круглые качели...» Говение, то есть подготов-

ка в период Великого поста к причастию, вполне сочеталось с другими бытовыми традициями русского народа. Илью Николаевича, как человека консервативного, беспокоили новые веяния, так резко проявившиеся в царствование Александра II. Убийство императора было воспринято старшим Ульяновым как трагедия. Илья Николаевич не был груб с детьми — в семье не поощрялись телесные наказания, а вот усидчивость и трудолюбие всячески отмечались. В большой и дружной семье Ульяновых Владимир был любимцем — ранние фотографии помогают понять нам причины. Живой, с вьющимися волосами, схватывающий все на лету, он от природы был богат одарен. Интеллигентная атмосфера семьи, внимание матери, уделявшей максимум внимания детям, и прежде всего Владимиру, помогли ему уже к первому классу гимназии сформироваться как лидеру. Сметливый, понятливый, порой он бывал жесток даже с младшим братом. Очень любил спорт — особенно гребной. Путешествия на лодке по Волге были излюбленным летним времяпрепровождением.

Учась в гимназии, Владимир, как, впрочем, и его сверстники, влюблялся, но никогда и никому не позволял заглянуть в эту часть своей души. Даже его ближайшие сподвижники получали отпор, когда пытались что-то выведать. Его революционный псевдоним Ленин был достаточно значимым и связан с дорогим для него женским именем. Попытки многочисленных биографов заглянуть в «святыя святых» Ульянова и выяснить, почему талантливый юноша из интеллигентной семьи неожиданно для родных стал на путь борьбы с самодержавием, разноречивы. Одни утверждают, что ранняя смерть отца в 1886 году и пошатнувшееся материальное положение семьи были тому причиной. Другие указывают на казнь старшего брата Александра в 1887 году. Отец скоропостижно умер в январе 1886 года, а в конце этого же года был арестован Александр. Он три года проучился в Петербургском университете, увлекаясь естественными науками. В 1886 году получил золотую медаль за исследование о кольчатых червях. Учась в университете, Александр был глубоко равнодушен к студенческим увлечениям Марксом, Энгельсом и Плехановым — кумирами молодежи, которые проповедовали революционные идеи и считали самодержавие одним из основных зол России. 17 ноября 1886 года полиция разогнала студенческую демонстрацию, посвященную памяти публициста Николая Добролюбова. В университете начались волнения.

Именно они подтолкнули Александра Ульянова, и он примкнул к группе студентов, которые решились убить императора Александра III. Много смутного и неясного остается до сих пор в этой истории — вполне вероятно, что среди студентов был провокатор. Весной 1887 года члены студенческого кружка, в том числе и Александр Ульянов, были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость.

8 мая 1887 года они были казнены. Несомненно, внезапная смерть отца, а затем казнь брата, почти совпавшие по времени, не могли не потрясти юного гимназиста. Быть может, для него это было крушение привычного, устоявшегося мира. Более всего он был потрясен мужеством старшего брата, который, находясь в Петропавловской крепости, отказался писать прошение о помиловании. Мать, получившая свидание со старшим сыном, умоляла его обратиться к царю, но он остался непреклонен. Отношения Владимира Ульянова со старшим братом не были столь близкими и идиллическими, как это рисуют официозные биографы. Казнь старшего брата все же повлияла на 17-летнего гимназиста, который в этот трагический для семьи день сдавал очередной экзамен по арифметике и геометрии. Будучи первым учеником, он и этот экзамен сдал на «отлично». Казнь Александра не помешала Владимиру Ульянову поступить в Казанский университет. Директор симбирской гимназии, отец будущего премьера Временного правительства Федор Керенский выдал Ульянову блистательную характеристику. После смерти отца вдова Мария Александровна вынуждена была жить на пенсию и тот доход, который она как совладелица получала от имени Кокушкино под Казанью. Этого вполне хватало на то, чтобы сохранить те привычные материальные условия, в которых жила семья Ульяновых до смерти отца. Однако учеба Владимира на юридическом факультете Казанского университета продолжалась недолго. 16 декабря 1887 года Владимир Ульянов принял участие в студенческой сходке (они запрещались законом), был исключен из университета и выслан в деревню Кокушкино. Там провел весну и осень 1888 года.

Он подал несколько прошений, но в университете так и не был восстановлен. Именно в этот период началось его знакомство с марксизмом. Живя в Кокушкино, Владимир усиленно занимался самообразованием — читал Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, изучал труды Бокля и Дар-

вина. Николай Вольский (литературный псевдоним Н. Валентинов), близко сошедший с Владимиром Ульяновым в начале XX столетия в Женеве, вспоминал, что на будущего вождя большевиков огромное впечатление произвел роман Чернышевского «Что делать?». Когда Вольский недоуменно спросил Ульянова, чем ему мог понравиться столь «бездарный, примитивный и претенциозный роман», тот резко ответил: «Я заявляю: недопустимо называть примитивным и бездарным «Что делать?». Под его влиянием сотни людей делались революционерами. Могло ли это быть, если бы Чернышевский писал бездарно и примитивно? Он, например, увлек моего брата, он увлек и меня. Он меня всего глубоко перепахал. Когда вы читали «Что делать?»? Его бесполезно читать, когда молоко на губах не обсохло. Роман Чернышевского слишком сложен, полон мыслей, чтобы его понять и оценить в раннем возрасте. Я сам пробовал его читать, кажется, в 14 лет. Это было никуда не годное, поверхностное чтение. А вот после казни брата, зная, что роман Чернышевского был одним из самых любимых его произведений, я взялся за настоящее чтение и просидел над ним не несколько дней, а недель. Только тогда я понял глубину. Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь...»⁶ В Кокушкино Ульянов читал запоем — наперегонки с сестрой Анной учил наизусть стихи Некрасова, внимательно читал Тургенева, творчество которого ценил и знал прекрасно. Достоевского прочел лишь несколько романов, а «Бесов» и «Братьев Карамазовых» отбросил с отвращением. Эти литературные пристрастия весьма важны для понимания того, как формировался внутренний мир будущего революционера.

Утопия Чернышевского настолько глубоко запала в душу молодого Ульянова, что он задался целью воплотить ее в жизнь. Осенью 1889 года семья Ульяновых перебралась в Самару. Ульянов впервые еще в январе 1889 года познакомился с «Капиталом» Маркса и начал изучать его. Последующие 33 года его жизни прошли под знаком этого лжепророка. В нем сказалась чисто русская черта — идеи двух немцев оказались тем самым бревном, о которое он, по меткому выражению Достоевского, споткнулся и которое почти на всю оставшуюся жизнь придавило не только его, но и всю Россию. Николай Вольский вспоминал один из своих споров с Ульяновым в 1904 году. То, что тогда сказал вождь большевизма, являлось его жизненным кредо: «Маркс и Энгельс наметили и сказали все, что нужно сказать. Если марксизм нуждается в развитии, то только в

направлении, указанном его основоположниками. Ничто в марксизме не подлежит ревизии. На ревизию один ответ: в морду! Ревизии не подлежат ни марксистская философия, ни материалистическое понимание исто-

Ленин с родными в Кремле. 1920 г.

рии, ни экономическая теория Маркса, ни теория трудовой стоимости, ни идея неизбежности социальной революции, ни идея диктатуры пролетариата — короче, ни один из основных пунктов марксизма!»⁷ Маркс был близок Ульянову не только своими экономическими теориями (как философ он был беспомощен). Их роднило диктаторское начало — достаточно перечитать характеристику Герцена в «Былом и думах», данную Марксу. Он был человеком властным, не терпящим возражений, чрезвычайно самоуверенным. Но основное, что объединяло обоих, — ненависть к Богу. И Маркс, и Ульянов были богоборцами. Именно этим объясняется их ненависть к Церкви и стремление разрушить ее во что бы то ни стало. Столь яростное богоборчество свидетельствует, с одной стороны, о живом религиозном чувстве (разве можно бороться с тем, во что не веришь?), с другой — о демоническом происхождении той ненависти, которая позже отлилась в учение о классовой борьбе. Ни Маркс, ни Ульянов не были атеистами.

Вскоре матери удалось добиться разрешения министра народного образования Делянова сдать сыну экстерном экзамены за курс Петербургского университета. Владимир Ульянов в 1891 году приехал в Петербург, успешно сдал экзамены и получил диплом юриста первой степени. В январе 1892 года его зачислили помощником присяжного поверенного Самарского окружного суда. Получив диплом юриста и место в Самарском суде, Ульянов не стал работать адвокатом в Самарском суде — историки обнаружили следы всего лишь одного процесса, в котором участвовал молодой юрист. В 1893 году он перебрался в Петербург и примкнул к одно-

му из марксистских кружков. Именно в этот период он решил полностью посвятить себя революционной борьбе. Мать взяла на себя проблемы материального обеспечения, так что молодой юрист мог не думать о хлебе насущном. С этого времени и вплоть до ее смерти в 1916 году Ульянов постоянно получал материальную помощь от матери — она позволяла ему достаточно буржуазно и безбедно существовать как в России, так и за рубежом. Семья Ульяновых считалась по тем временам зажиточной — в 1888 году мать купила хутор Алакаевка за 7 с половиной тысяч рублей. Мария Ульянова купила его, чтобы сын Владимир мог заниматься ведением хозяйства. Весной 1889 года он приехал в Алакаевку и на самом деле начал заниматься хозяйством — был заведен скот, посеяны пшеница и подсолнух. Но все это быстро надоело, и он, как позже признавался Крупской, стал вести барскую жизнь. Алакаевка позже была сдана в аренду. Дом в Симбирске после смерти отца был продан, и приобретен дом в Самаре. Кроме Алакаевки, Мария Ульянова получала часть доходов от села Кокушкино. Но в 1897 году избавилась от недвижимости — Алакаевка была продана, также она получила причитающуюся ей часть доходов от Кокушкино. Вскоре был продан и дом в Самаре. От продажи недвижимости была выручена солидная сумма, которую мать положила в банк, и на проценты вся семья безбедно существовала вплоть до 1917 года. Младший брат Дмитрий и сестра Мария постоянно ездили за границу. Мать Ульяновых была чрезвычайно расчетлива и бережлива. Эти качества позволяли ей содержать уже взрослых детей.

В Петербурге Ульянов активно занялся революционной деятельностью — он ознакомился с жизнью рабочих и даже вел среди них «просветительскую» работу, знакомя с идеями Маркса. Вел нескончаемые споры в марксистских кружках Петербурга, а в одном из них познакомился с будущей женой — Надеждой Крупской. В 1894 году появилась его первая, получившая достаточно скромную известность работа «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?». Она была известна лишь узкому кругу молодых марксистов, поскольку была направлена против «народников». Старшее поколение, так называемые шестидесятники, призывало интеллигенцию идти в народ и просвещать его. Просвещение они понимали по-своему, как знакомство прежде всего с освободительными идеями времен Великой французской революции. Идеи братства, добра, равенства, считали народники, как

только проникнут в народ и будут им усвоены, помогут преобразовать российское общество. Это было широкое движение, и многие народники стали предтечами земского движения, которое оставило заметный след в развитии дореволюционной России. Первоначальная организация «Земля и воля» в конце 70-х годов XIX столетия раскололась на «Черный передел» и «Народную волю». В среде народников возникло крайнее крыло — террористическая организация «Народная воля». Народовольцы стремились к террору и цареубийству. Убийство императора Александра II в 1881 году привело к полному разгрому «Народной воли». Критика Владимира Ульянова сводилась к тому, что народники вели свою работу среди крестьян, а следовало работать, по мнению молодого марксиста, только с рабочими. Слепо следуя Марксу, Ульянов считал, что будущее за рабочим классом. Диктатура пролетариата, провозглашенная Марксом, опьянила его навсегда. Народников он презрительно называл «странствующими рыцарями», их труды, считал он, порождены «пошлым мещанским радикализмом». Завершив свою работу Ульянов пророчеством: «...русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции»⁸.

Весной 1895 года он отправился в свою первую зарубежную поездку, посетив Швейцарию, Германию и Францию. В Швейцарии познакомился с Плехановым, перед которым заочно преклонялся, изучая его труды. Первая встреча с Плехановым произвела на него глубокое впечатление. В Париже и Берлине Ульянов принимал участие в работе марксистских кружков. В Париже познакомился с Лафаргом, а в Германии — с Каутским, крупными деятелями социал-демократического международного движения. В сентябре 1895 года вернулся в Россию, везя в чемодане с двойным дном нелегальную литературу. Сразу после возвращения начал работу над объединением разрозненных марксистских кружков Петербурга в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Возглавили «Союз» Владимир Ульянов и Юлий Цедербаум (Мартов). Было подготовлено все необходимое для выпуска периодического издания «Рабочее дело». В ночь с 20 на 21 декабря по Петербургу прокатились аресты. Они продолжались в январе 1896 года. Был арестован Ульянов и посажен в тюрьму. Следствие длилось год, и все это время он пробыл

в заключении. В этот период проявились волевые качества будущего вождя — он сумел построить свой день таким образом, что ни одна минута не пропадала. Утром занимался гимнастикой (в течение всей жизни он увлеченно занимался спортом: греблей, велосипедом, коньками), а основную часть дня посвящал работе над своим основным трудом «Развитие капитализма в России».

В заключении Ульянов начал серьезную работу над этой книгой, которая не оставила значимого следа в сфере экономической мысли. В основу легло замечательное, но сегодня забытое исследование В.Е. Постникова «Южнорусское крестьянское хозяйство». Ее хорошо знали современники Ульянова. Именно поэтому редакция журнала «Русская мысль» отвергла одну из первых статей Ульянова — «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». Эта статья — прямой пересказ книги Постникова. Сегодня, обращаясь к работам Ульянова, написанным в разное время, приходится признать, что большинство из них безнадежно устарели и представляют относительный интерес только для историка большевизма. Стиль его работ тяжелый, он тяготеет, с одной стороны, к наукообразности (влияние Маркса), с другой — к самой грубой полемике. Незадолго до революционных событий 1917 года Ульянов обратился к изучению философских книг Гегеля. Заметки на полях, опубликованные после его смерти под напыщенным названием «Философские тетради», полны ругани: «Архидлинно, пусто, скучно». Дойдя до места, где Гегель упрекает Эпикура в том, что он не замечает конечной цели бытия и мудрости Творца, Ульянов пишет: «Бога жалко! Сволочь идеалистическая!» Когда в споре Николай Вольский упрекнул Ульянова в злоупотреблении руганью, тот ответил длинной тирадой: «Ленин стал со вкусом рассказывать, как мастерски умел ругаться Маркс, как хорошо ругается его зять Лафарг и вообще как в этом отношении сильны все французские политики, умеющие так «замазать морду противника, что он ее долго не может отмыть»⁹. Процесс ругани порой так увлекал его, что он не останавливался перед матерщиной.

Суда не было — правительственным постановлением Владимир Ульянов был выслан на три года в административную ссылку в Сибирь. Это решение было объявлено ему 10 февраля 1897 года. 26 февраля он покинул дом предварительного заключения. По просьбе матери ему разрешили добираться до места ссылки не в сопровождении полицейских, а как свободному человеку. 20 марта он

достиг деревни Шушенское, в которой ему надлежало отбывать ссылку под гласным полицейским надзором. В мае 1898 года к нему прибыла Надежда Крупская, а 22 июля они были обвенчаны. Все три года ссылки Ульянов провел в Шушенском, продолжая трудиться над книгой «Развитие капитализма в России». Жизнь в Шушенском текла безбедно — как ссыльный он получал от правительства 8 рублей в месяц. При дешевизне продуктов в те времена это была значительная сумма. Как всегда, помогала мать. В Шушенском Ульянов увлекался охотой. Тогда впервые в его характере ярко проявилась особенность, которую Крупская называла «ражью». «В течение его ссылки в Сибирь можно хорошо проследить чередование разных видов ленинского «ража». Купив в Минусинске коньки, он утром и вечером бежит на реку кататься, «поражает» (словами Крупской) жителей села Шушенского «разными гигантскими шагами и испанскими прыжками». «Он любил с нами состязаться», — вспоминал Лепешинский. «Кто со мною вперегонки?» И впереди всех несется Ильич, напрягающий всю свою волю, все свои мышцы, лишь бы победить во что бы то ни стало и каким угодно напряжением сил. Другой «раж» — охотничий. Ленин обзавелся ружьем, собакой и до изнеможения рыщет по лесам, полям, оврагам, отыскивая дичь. Он отдавался охоте, говорит тот же Лепешинский, с таким «пылом страсти», что в поисках дичи был способен пробегать в день «по кочкам и болотам сорок верст». Шахматы — третий «раж». Он мог сидеть за шахматами с утра до поздней ночи, и игра до такой степени заполняла его мозг, что он бредил во сне. Крупская слышала, как во сне он вскрикивал: «Если он конем пойдет сюда, я отвечу турой»¹⁰.

Был и четвертый вид «ража», на который указывала Крупская в своих воспоминаниях, — страсть собирания грибов. Она проявлялась и в Шушенском, и в годы эмиграции: «Ильич заявил, что не любит и не умеет собирать грибы, а теперь его из леса не вытащишь, приходит в настоящую грибную ражу»¹¹. Валентинов справедливо указывает, что вся жизнь Ульянова прошла под знаком подобной «ражи». Он цитирует письмо Ульянова Инессе Арманд, в котором тот признается: «Вот она, судьба моя! Одна боевая кампания за другой... это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Но я все же не променял сей судьбы на «мир» с пошляками». ...Боевая кампания! Лучше и не скажешь. Боевая кампания против народников, кампания за организацию партии, установление в

ней централизма, железной дисциплины, кампания за бойкот Государственной Думы, за вооруженное восстание, кампания против «ликвидаторов-меньшевиков», кампания за идеологическое истребление всех, не разделяющих воззрения диалектического материализма, кампания за поражение России в войну 1914–1917 гг., кампания за свержение Временного правительства, за захват власти, чтобы «или погибнуть, или на всех парах устремиться вперед». Жизнь Ленина действительно прошла в виде кампаний, войны, для которой мобилизовались все его интеллектуальные и физические силы»¹². С одной стороны, это чисто русская черта — война против всех в течение всей жизни. Причем война, обескровливавшая не только врагов Ульянова, но и его самого. Тот же Валентинов вспоминает, как физически и психически истощала его борьба против меньшевиков в Швейцарии: «Чтобы осуществить свою мысль, свое желание, намеченную им цель очередной кампании, заставить членов его партии безоговорочно ей подчиняться, Ленин, как заведенный мотор, развивал невероятную энергию. Он делал это с непоколебимой верой, что только он имеет право на «дирижерскую палочку». В своих атаках, Ленин сам в том признавался, он делался бешеным. «Охватившая его в данный момент мысль, идея властно, остро заполняла его мозг, делала его одержимым. Остальные секторы психической жизни, другие интересы и желания в это время как бы свертывались и исчезали. В полосу одержимости перед глазами Ленина только одна идея, ничего иного, одна в темноте ярко светящая точка, а перед нею запертая дверь, и в нее он ожесточенно, иступленно колотит, чтобы открыть или сломать... С таким «ражем» он сделал и Октябрьскую революцию, а чтобы склонить к захвату власти колеблющуюся партию, не стеснялся называть ее руководящие верхи трусами, изменниками и идиотами»¹³.

Ссылка Ульянова закончилась 10 февраля 1900 года, и он поехал жить в Псков, поскольку полиция запретила ему проживание в столице и других крупных городах. Здесь он встретился с единомышленниками, с которыми вел переписку из Шушенского. Было принято решение издавать марксистскую газету. Уже в этот период Ульянов твердо решил покинуть Россию и обосноваться за рубежом. Он получил от псковского губернатора заграничный паспорт, но решил перед отъездом съездить в Петербург, хотя не имел права этого делать. В Петербурге был арестован, но вскоре отпущен.

Журналист Владимир Бурцев, еще в царское время изучавший провокации российской тайной полицией, не без оснований считал, что это было сделано не случайно. Руководство тайной полиции было заинтересовано в том, чтобы Ульянов уехал за границу и начал там издание газеты. Они предвидели раскол среди зарубежной части русских революционеров и тогда еще едва заметный конфликт марксистов с террористической организацией социал-революционеров и всячески способствовали расколу. Во второй половине августа 1900 года Ульянов был уже в Швейцарии. С этого момента начинается длительный период эмиграции, длившийся почти 17 лет.

В Швейцарии, как и предвидела тайная полиция, произошел конфликт с Плехановым, которого молодой Ульянов поначалу боготворил. Георгий Плеханов был признанным вождем русских марксистов. Он считал, что новую газету должен возглавить именно он, а Ульянову отводил лишь технические обязанности. Но честолюбивый молодой марксист не мог с этим смириться. С самого начала своей революционной деятельности он уверовал, что только он и никто иной может стать вождем революционного движения. Его сподвижник в этот период А.Н. Потресов, который знал Ульянова и работал с ним с 1894 года, вспоминал: «...никто, как он, не умел так заражать своими планами, так импонировать своей волей, так покорять своей личностью, как этот на первый взгляд такой невзрачный и грубоватый человек, по видимости, не имеющий никаких данных, чтобы быть обаятельным... ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладали секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал, господства над ними... только за Лениным беспрекословно шли, как за единственным бесспорным вождем. Ибо только Ленин представлял собою, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, вливающего фанатическую веру в движение, в дело с неменьшей верой в себя...»¹⁴

Французский психолог XIX столетия Густав Лебон, книга которого «Психология масс» была в библиотеке Ульянова и которую он, несомненно, изучал, отмечал важность такого качества, как личное обаяние для вождя: «Теперь я буду говорить о личном обаянии. Этот род обаяния совершенно отличается от искусственного или приобретенного обаяния и не зависит ни от титула, ни от власти: оно составляет достояние лишь немногих лиц и сообщает

им какое-то магнетическое очарование, действующее на окружающих, несмотря даже на существование между ними равенства в социальном отношении и на то, что они не обладают никакими обыкновенными средствами для утверждения своего господства. Они внушают свои идеи, чувства тем, кто их окружает, и те им повинуются, как повинуются, например, хищные звери своему укротителю, хотя они могли бы его легко разорвать. Великие вожаки толпы Будда, Магомет, Жанна Д'Арк, Наполеон обладали в высшей степени именно такой формой обаяния и благодаря ей подчиняли себе толпу»¹⁵. Это меткое замечание отчасти раскрывает тайну воздействия Ульянова-Ленина на окружающих. Если не учитывать этого качества, невозможно понять ту магию, благодаря которой не очень культурный, эгоистичный и самовлюбленный русский буржуа подчинял себе взбудораженную революционную толпу весной и летом 1917 года. Но это личное обаяние действовало преимущественно на толпу или на слабые головы.

Личности, подобные Николаю Бердяеву или Петру Струве, которые знали цену обещаниям и лозунгам вождя большевиков, критически оценивали последствия большевистского переворота уже тогда. Когда Лебон ставит рядом религиозных деятелей и вождей типа Наполеона, это не вполне правомерно. Религиозный порыв, который руководил Магометом, Буддой или Жанной Д'Арк, вряд ли можно сравнивать с властолюбивыми побуждениями Наполеона или Ульянова-Ленина. Религиозные вожди и пророки угадывали Высшую волю и вели за собой людей, которые не всегда понимали глубину предлагаемого им учения. Проходят века, но их служение сторицей приносит добрые плоды, а благодарная память о духовных учителях и героях продолжает жить в сердцах их последователей. Жизнь лжепророков и их учений коротка. Их едва хватает на два-три поколения. Потом наступает жестокое разочарование. Религиозные учителя помогают человечеству в процессе духовной эволюции приближаться к целям, поставленным перед человечеством Богом. Лжеучителя отбрасывают поверивших им на столетия назад.

Осенью 1900 года наметился конфликт между Ульяновым и Плехановым. Былая влюбленность в Плеханова испарилась в мгновение ока. В процессе борьбы за руководство «Искрой» (так было решено назвать газету русских революционеров) до открытого разрыва дело не дошло — был найден разумный компромисс.

Ульянов согласился на введение в редакцию так называемых «легальных» марксистов — Засулич и Потресова. Плеханов считался руководителем газеты, но сама редакция располагалась не в Швейцарии, где жил вождь русских марксистов, а в Германии, в Мюнхене. Здесь Ульянов чувствовал себя гораздо свободнее. В декабре 1900 года вышел первый номер «Искры». Вскоре в Мюнхен приехал из России Юлий Мартов, который взял на себя обязанности редактора. В апреле 1902 года из России прибыл молодой революционер Лев Бронштейн, бежавший из тюрьмы. Его также ввели в редакцию «Искры».

Петр Красиков

Вплоть до 1903 года шла скрытая, но ожесточенная борьба между Ульяновым и «легальными» марксистами во главе с Плехановым. Ульянов (именно в этот период он окончательно избирает себе псевдоним Ленин) постепенно отвоевывает позиции. Статьи, опубликованные в «Искре», сыграли немаловажную роль в подготовке первой русской революции 1905 года. Газета оказала влияние на тактику различных революционных кружков и организаций. Все силы в этот период Ульянов мобилизовал на организацию и созыв съезда российских революционеров. Он открылся в Брюсселе 30 июля 1903 года и продолжался до 4 августа. Поскольку бельгийская полиция пристально следила за революционерами, то по настоянию Ульянова съезд был перенесен в Лондон и продолжался в Англии с 11 по 23 августа. Позже его назвали II съездом Социал-демократической рабочей партии. По численности он не был представительным — присутствовало 43 делегата с правом решающего голоса и 14 с совещательным. Поскольку «искровцы» готовили этот съезд, они обладали перевесом — 33 голосами. Плеханов был избран председателем, а Ленин и Красиков — его заместителями. Съезд принял изменения в партийной программе, которые были разработаны «искровцами». И все же, несмотря на это, на съезде наметился раскол между большинством и меньшинством. После

Иосиф Джугашвили. 1900-е гг.

второго съезда большинство марксистов, пошедших за Ульяновым, получило название «большевиков». На съезде прошла формулировка, предложенная Ульяновым: «Членом партии считается всякий признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Юлий Мартов предложил свою формулировку, но большинство отвергло ее. На этом съезде Ульянову удалось заложить основание будущей пар-

тии большевиков, обладающей идеологией и спяной железной дисциплиной, беспрекословно подчиняющейся вождю. Партия, по замыслу Ульянова, являлась конспиративной организацией, поэтому большинство ее членов находилось на нелегальном положении. Мартов предлагал совершенно иной подход — членом партии мог считаться любой, кто оказывал ей содействие, даже если он не входил ни в одну из ее структур. Ленинская партия с самого начала задумывалась как некая закрытая структура для посвященных в марксистскую доктрину. Причем подразумевалось, что толкование доктрины принадлежит в этой закрытой структуре лишь избранным. Позже, в 20–30-е годы XX столетия, марксистская доктрина в истолковании Ульянова-Ленина и Джугашвили-Сталина отлилась в завершенную и не подлежащую никакой критике идеологию.

Современный французский мыслитель Ален Безансон раскрывает смысл самого понятия «идеология»: «Я разумею под этим термином доктрину, которая обещает примкнувшим к ней спасение на этом свете, которая подает себя как согласующуюся со вселенским порядком, научно расшифрованным в его эволюции, которая навязывает политическую практику, направленную на радикальное преобразование общества»¹⁶. Я бы добавил к этой удачной характеристике еще одну немаловажную деталь. Идеология должна быть предельно простой и доступной даже малокультурному человеку. Ленин продолжил дело выработки идеологии, начатое

Марксом и Энгельсом. Но труды этих классиков коммунизма были наукообразны и тяжеловесны. Сталин гениально упростил их выкладки, сведя наукообразные построения к десятку простых и понятных даже ребенку формул. Именно поэтому они оказались столь живучими не только в России, но и в других странах, пораженных бациллами коммунизма.

Николай Вольский оставил портретную зарисовку Ульянова этого периода: «Его лицо казалось совершенно таким же, как у множества других русских, особенно в районе Средней и Нижней Волги. Пожалуй, немного косят глаза, да и то не оба, а скорее только правый. Глаза были темные, маленькие, очень некрасивые. Но в глазах остро светился ум, и лицо было очень подвижно, часто меняя выражение: настороженная внимательность, раздумье, насмешка, колючее презрение, непроницаемый холод, глубочайшая злость. В этом случае глаза Ленина делались похожими на глаза — грубое сравнение — злого кабана... Говоря или споря, Ленин как бы приседал, делал большой шаг назад, одновременно запуская большие пальцы за борт жилетки около подмышек и держа руки сжатыми в кулаки. Прихлопывая правой ногой, он делал затем небольшой, быстрый шаг вперед и, продолжая держать большие пальцы за бортами жилетки, распускал кулаки, так что ладони с четырьмя пальцами изображали растопыренные рыбы плавники. В публичных выступлениях такая жестикуляция имела место сравнительно редко. При разговорах же, особенно если Ленин вдавливал своим слушателям какую-нибудь мысль, а в каждый данный момент он всегда бил словом только в одну мысль, эта жестикуляция, этот шаг вперед и шаг назад, игра сжатым и разжатым кулаком происходила постоянно»¹⁷.

Валентинов подметил важную черту — Ульянов стремился буквально вколачивать в слабые головы свои мысли. Эта способность присуща манипуляторам — людям, жаждущим власти и способным сколачивать устойчивые сообщества для достижения той или иной цели. Ульянову удалось сколотить небольшую, но верную ему группу единомышленников. Впервые большевики как организованная сила проявили себя в период Первой русской революции, в конце 1905 года. 30 октября 1905 года император Николай II обратился к своим подданным и обещал им совершенно иной строй — конституционную монархию. Это событие вызвало уже на следующий день прекращение забастовок сначала в Москве, а за-

тем и в Петербурге. 3 ноября правительство объявило об амнистии политическим заключенным. Узнав о появлении манифеста, Ленин покинул Женеву и уже 21 ноября приехал в Россию, где до его приезда уже находились два видных социал-демократа — Лев Троцкий и Александр Гельфанд по кличке Парвус. Они создали Петербургский Совет рабочих депутатов, в котором играли ведущую роль. Взяв под свое руководство «Русскую газету», они в короткий срок сумели довести ее тираж до полумиллиона экземпляров, значительно опередив остальные печатные издания.

Израиль Гельфанд (Александр Парвус)

Ленин с запозданием вернулся в Россию. Он с большим подозрением отнесся к Петербургскому Совету, но сместить с руководящих постов Троцкого и Парвуса не смог. С помощью писателя Максима Горького Ленину удалось убедить двух промышленников — Савву Морозова и Николая Шмита субсидировать издание большевистской газеты «Новая жизнь». Но ее тираж достигал лишь 50 тысяч экземпляров. Через газету Ленин начал призывать рабочих к вооруженному восстанию. Правительство не оставалось в стороне — в начале декабря 1905 года председатель Петербургского Совета рабочих депутатов Хрусталева-Носарь был арестован. Во главе Совета встал Троцкий. Но 15 декабря был арестован и он, вместе с другими членами Совета. Парвусу чудом удалось избежать ареста. Он возглавил Совет, которому пришлось уйти в подполье. В это время в Москве Ленин призвал рабочих к вооруженному восстанию. Оно вспыхнуло 20 декабря и продолжалось неделю, пока из Петербурга не прибыли войска и не подавили выступление рабочих. В разгар восстания Ленин покинул Россию и на большевистской конференции в Финляндии обсуждал план дальнейшей

борьбы с правительством. К 30 декабря восстание в Москве было подавлено. Но отряды вооруженных социал-демократов еще долго беспокоили Россию — весьма популярными стали так называемые «эксы». Революционеры нападали на банки, почты и отдельных лиц, грабили их, стремясь пополнить партийную кассу. Большая часть денег уходила чаще всего в карманы вождей.

Последующие 11 лет со времени поражения Первой русской революции Ленин провел в эмиграции. Он продолжал сколачивать партию единомышленников, подбирая людей, которые беспрекословно подчинялись только ему. Февральская революция 1917 года, так же как и манифест 1905 года, застала Ленина врасплох. Он сразу понял, что настал его звездный час, но не знал, как попасть в Россию. «Ленин находился в Швейцарии и был отрезан от России, закупорен, как в бутылке. Он отчаянно искал пути вырваться из создавшейся ситуации. По словам Ленина, он был согласен даже на сделку с дьяволом, лишь бы это сделало возможным его возвращение в Петроград»¹⁸. На помощь пришел тот же Парвус, оказавшийся человеком более дальновидным. За прошедшие годы он превратился в миллионера и тесно сотрудничал не только с немецкими промышленниками, но и с немецкой разведкой. Когда Первая русская революция была подавлена правительственными войсками, Парвус одним из первых революционеров понял, что для революции необходимы большие деньги. Те 11 лет, которые Ленин потратил на подбор людей и укрепление партийных рядов, Парвус зарабатывал деньги и обрстал необходимыми связями. Благодаря своему влиянию Парвус сумел убедить руководство германского Генштаба, что необходимо не только дать возможность проникнуть большевикам в Россию, но и в дальнейшем субсидировать революцию. 9 апреля большевики покинули Швейцарию, и уже 13 апреля 1917 года группа из 40 большевиков вместе с Лениным проехала через Германию в plombированном вагоне. 19 апреля они прибыли в Стокгольм. В Стокгольме Ленин отказался от личной встречи с Парвусом, но для переговоров отправил Карла Радека, который был подданным Австро-Венгерской империи. Уже в начале апреля 1917 года Министерство финансов по приказу Министерства иностранных дел выделило Парвусу для нужд революции в России 5 миллионов марок. Большую часть этих денег он вручил в Стокгольме большевикам. Парвус не ошибся — Ленин, попавший благодаря немцам в Россию, не забыл своих обязательств.

В Стокгольме Ленин организовал единственную иностранную миссию — заграничный филиал Петроградского Центрального комитета большевиков. Несколько верных большевиков — Карл Радек, Воровский и Яков Фюрстенберг, более известный как Ганецкий, остались за рубежом. Через них и шведскую фирму «Нестле» в Россию поступали миллионы немецких марок, обеспечивших развитие Третьей русской революции. Им деятельно помогал шведский социалист Карл Моор, работавший на Австрию и Германию. Схема была довольно простой: немецкие деньги поступали к Ганецкому, на них закупались в нейтральной Дании товары, которые поступали в Россию. Фирма, торговавшая товарами, принадлежала родственнице Ганецкого — Елене Суменсон. Продавая товары, она перечисляла деньги на счета РСДРП в Московском народном банке в Петрограде, в Азовско-Донском коммерческом и Сибирском банках. Большевикам также активно помогала финансированием промышленная группа «Нобель», занимавшаяся в России добычей нефти. До войны эта группа предприятий финансировалась немцами, и большая часть ее акций принадлежала Азовско-Донскому банку. После Октябрьского переворота генерал Людендорф сказал: «За отправление Ленина в Россию наше правительство приняло на себя особую ответственность. С военной точки зрения его отправка была оправданной — Россия пала». Другой генерал Генштаба — Гофман писал: «Точно так же, как я бросаю гранаты по траншеям врага, как я пускаю против них ядовитые газы, как их противник я имею право использовать против врага средства пропаганды»²⁰.

Приехав в Петроград, Ленин вскоре опубликовал так называемые «Апрельские тезисы». В них он сформулировал задачи большевиков: прекращение войны, свержение Временного правительства и захват власти. Деньги, полученные от немцев, пошли на издание большевистских газет, на закупку вооружения для рабочих и

Яков Фюрстенберг (Ганецкий)

создание боевых групп. Несмотря на то что большая часть революционеров не поддержала Ленина в его призывах, считая свержение власти безнравственным в условиях войны с Германией, он начал деятельную подготовку к восстанию. В июле 1917 года, когда обострилась экономическая ситуация в Петрограде, Ленин поднял верных ему вооруженных рабочих и матросов и попытался захватить власть. Однако Временное правительство вызвало с Северного фронта части кавалерии и подавило восстание. Были выданы ордера на арест Ленина, Зиновьева и Троцкого. Более того, русская контрразведка через своих агентов сумела заполучить документы, подтверждавшие факты финансирования большевиков немцами. Они были опубликованы во многих газетах.

Однако Ленин в большевистском издании «Листок Правды» отрицал изложенные факты и даже отрекся от Ганецкого и Козловского, через которых немецкие деньги продолжали поступать в Россию. Вождь большевиков всегда демонстрировал презрение к «буржуазной морали». «В мире, сформированном Библией, эта мораль сжато изложена на второй скрижали десяти заповедей. Коммунистическая этика вполне сознательно им противостоит. Она задается целью уничтожить собственность и тесно связанные с нею право и свободу и преобразовать семейный порядок. Она разрешает себе все виды лжи и насилия как средство преодоления старого порядка и пришествия нового... Большинство людей считает, что существуют поступки истинные и хорошие, потому что эти поступки соответствуют тому, что им известно о строении Вселенной. Коммунизм учреждает иную вселенную и с нею соотносит свою мораль»²¹. Разрабатывая коммунистическую идеологию, Ульянов в своих поступках руководствовался только ею. И вновь, как и в 1905 году, почувствовав приближающуюся опасность, решил скрыться — сначала в Сестрорец-

Григорий Радомышельский-Апфельбаум (Зиновьев)

ке, затем на станции Разлив, а в сентябре перебрался в Финляндию. С 22 июля по 7 ноября 1917 года он находился в подполье. Все это время он готовил вооруженный захват власти. Обстоятельства способствовали большевикам. Временное правительство, продолжая участвовать в непопулярной войне, теряло доверие населения. Большевистские пропагандисты, работавшие на фронтах, призывали солдат бросать оружие и возвращаться домой. Им удалось деморализовать армию. Дезертиры скапливались в Петрограде и Москве. Они стали благодарной аудиторией для большевиков, которые формировали из них вооруженные отряды. В стране нарастал хаос — начались перебои с доставкой продовольствия в обе столицы. Владимир Вернадский после разговора с инженером-аграрником Арцыбашевым записал в дневнике 18 ноября 1917 года: «Приехал из Тульской губернии, где все разграбили. Говорит, что разорение полное, уничтожена вся культурная сельскохозяйственная работа — плодовые сады, племенные питомники, семенное хозяйство. Восстановить — годы. Все деревни переполнены обломками от грабежа усадеб. В грабеже участвуют подростки, и мы имеем в этом отношении очень тяжелые последствия. Сифилис и болезни, разнузданность и оправдание грабежа — почва, на которой придется строить воспитание нового поколения»²². После того как Ульянов бросил в массы очередной лозунг «Грабь награбленное», буквально за несколько недель Россия была разграблена. Разрушительному воздействию большевиков попытались противостоять здоровые силы российского общества, которые, несмотря ни на что, 15 августа 1917 года собрались в Москве на открытие Поместного Собора.

IV. ПОМЕСТНЫЙ СОБОР ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ 1917—1918 гг.

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал
И дух суровый византийства
От Русской Церкви отлетал,
Мне голос был...

Анна Ахматова

Несмотря на то что летом 1917 года немцы прорвали русский фронт, а попытка генерала Корнилова захватить власть в стране потерпела неудачу, Собор все же был создан. 15 августа по старому стилю, в день Успения Божией Матери, Поместный Собор был открыт. Торжественное открытие состоялось в Успенском соборе Кремля. На нем присутствовали министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский, министр внутренних дел Н.Д. Авксентьев и министр по делам исповеданий А.В. Карташев. Киевский митрополит Владимир (Богоявленский) после литургии зачитал грамоту Святейшего Синода об открытии Собора. Затем члены Собора и гости приложились к мощам святителя Алексия Московского и вышли на Красную площадь, где состоялся всенародный молебен. Второй день Собор заседал в храме Христа Спасителя. Деловые заседания Собора начались лишь на третий день и поначалу проходили в Московском епархиальном доме, в Каретном ряду, в Лиховом переулке. Секретарем Собора был назначен недавний депутат Государственной Думы В.П. Шеин. Всего в Москве собралось 564 человека, среди них 72 епископа, 192 священнослужителя и 299 мирян. Большинство Собора состояло из священников и мирян. 18 августа состоялось голосование — члены Собора решали, кому стать председателем. Большинство голосов было отдано митрополиту Московскому Тихону (Белавину). Заместителями председателя стали митрополиты Антоний (Храповицкий) и Арсений (Стадницкий), два священника — протопресвитеры Николай Любимов и Георгий Шавельский, а также два мирянина — князь Е.Н. Трубецкой и М.В. Родзянко, которого позже сменил А.Д. Самарин. Чаяния славянофилов стали реальностью — Русская Церковь вновь явила свою силу и открытость.

Накануне открытия Собора с особым, достаточно скептическим

Протопресвитер
Георгий Шавельский

мнением выступил Николай Бердяев. Он утверждал: «Революция обнаружила духовную опустошенность в народе. И опустошенность эта есть результат слишком застарелого рабства, слишком далеко зашедшего процесса разложения в старом строе, слишком долгого паралича Русской Церкви и нравственного падения церковной власти. Долгое время вытравила святых из народной души и справа, и слева, и это подготовило то циническое отношение к святых, которое ныне обнаруживается во всем своем безобразии. Революция хороша тем, что она выявляет истинное положение, свергают всякую условную и лицемерную ложь. Для уничтожения старой лжи и гнили значение революции будет велико... Пока же в революционном движении Бог забыт, и от такого движения безумно ждать религиозного возрождения. Человек выброшен на поверхность. Не следует слишком много ждать и от Поместного Собора. Вряд ли возможно в церковном Соборе большее количество религиозной энергии, чем та, которая существует в церковном народе... Спешное собрание Собора вызвано внешней необходимостью перестроить Русскую Церковь и предотвратить возможность ее развала»¹.

Необходимые реформы в свое время обсуждались во время работы Предсоборного Присутствия в 1906 году и широко обсуждались как в церковной, так и в гражданской печати. Еще весной 1917 года каждый епархиальный съезд выработал свой план преобразований бюрократического строя церковного управления — основные положения сразу же внедрялись в жизнь. Был воскрешен выборный порядок замещения всех духовных и особенно духовно-административных должностей, существовавший в древней Церкви. Выборное начало восторжествовало. Согласно решениям епархиальных съездов был восстановлен древний церковный принцип: избирался епископ, а также члены консисторий и всех централь-

ных епархиальных управлений и, конечно же, благочинные и приходское духовенство. Вакантные епископские кафедры замещались в порядке свободного избрания тайным голосованием представителей клира и мирян епархии на Чрезвычайных Епархиальных Съездах. В большинстве епархий были переизбраны все должностные лица и прежде всего члены консисторий и благочинные.

Этот же выборный принцип восторжествовал и во время выборов представителей на Поместный Собор. Демократические нормы позволили даже женщинам, чьи права в Церкви всегда ущемлялись, голосовать за кандидатов. Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–18 годов остается и по сей день наиболее представительным, свободным и демократическим в истории Русской Церкви. Свободным прежде всего от вмешательства государственной власти. По своей демократичности этот Собор напоминал Первый Апостольский Собор Иерусалимской Церкви, на котором присутствовали и решали вопросы «апостолы, пресвитеры и братия» (Деян. 15, 25, 28). В связи с этим член Собора священник Сергей Булгаков писал: «Московский Всероссийский Собор 1917–18 гг., который состоял из епархиальных архиереев, клириков и мирян, и в этом составе точнее отображал каноническую норму Иерусалимского Апостольского Собора, нежели даже Соборы Вселенские»². «Церковная революция» часто наталкивалась на непонимание и сопротивление со стороны епископата, призывшего самодержавно повелевать.

Среди членов Собора было 299 мирян, среди них — профессора духовных школ, светские богословы и публицисты, а также представители крестьян. Все участники Собора обладали правом голоса. Странно было бы полагать, что заседания Собора, проходившие затем в здании Московской семинарии, отличались паразитическим единодушием и благочинием. Поначалу заседания Собора часто выливались в бесконечные прения о повестке, выступления ораторов часто были малосодержательными и порою оскорбительными по отношению к оппонентам. Страсти вокруг вопросов о восстановлении патриаршества бушевали с особой силой. Обстановка в стране также не способствовала нормальному течению Собора. Уже во время первой сессии выяснилось, что приехавшие из самых дальних уголков России делегаты часто пропускают заседания. В конце сентября 1917 года в работе Собора участвовало чуть больше 400 делегатов. А во время выборов патриарха —

Михаил Родзянко

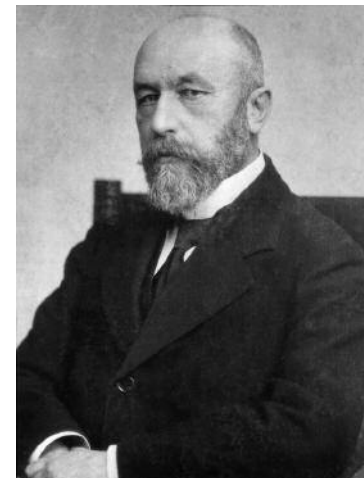
364. Но эти факты не умаляют значимости Поместного Собора.

В эти дни авторитет архиепископа Литовского Тихона проявился небывало высоко. Еще летом съезд духовенства и мирян Московской епархии, собравшийся 19 июня 1917 года в Московском епархиальном доме для выборов Московского митрополита, единогласно избрал его на эту высокую епископскую кафедру. В это время ему исполнилось 52 года. А 18 августа на первом заседании Поместного Собора митрополит Московский Тихон был избран председателем Собора и руководил общими

собраниями вплоть до избрания патриарха. Для того чтобы ввести работу Собора в нормальное русло, был избран Соборный Совет. Немалая заслуга в том, что многочисленное, шумное и разномысленное собрание превратилось в подлинно церковный Собор, принадлежит Соборному Совету. Сопредседателями Соборного Совета, или, как тогда называли, товарищами председателя были избраны архиепископы Новгородский Арсений (Стадницкий) и Харьковский Антоний (Храповицкий). Членами Соборного Совета также стали митрополит Платон (Рождественский) и от духовенства — протоиерей Александр Петрович Рождественский. Товарищами председателя были избраны миряне — князь Евгений Трубецкой и Михаил Родзянко.

Для Церкви это время было не только долгожданным, но и впервые за протекшие 217 лет временем свободы. Уже на первых заседаниях Собора выяснилось, что далеко не все соборяне понимают, в какое время приходится Церкви решать свои внутренние проблемы. На заседании 24 августа выступил протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский: «...И вот мы пришли к ужасной катастрофе. Шквал внутри прошел сравнительно благополучно, корабль от этого шквала не разбился, но теперь надвигается внешний шквал, и от этого шквала корабль государства может разлететься в щепки, может окончательно разбиться. Я считаю, что

умалчивание подобно преступлению». Он зачитал обращение к Собору, которое получил от офицеров с фронта: «Армия в целом не существует: есть корпус офицеров и вооруженная разнузданная толпа народа. Корпус офицеров — это герои лучших времен христианства. Предоставленные поруганию, оплеванные, забрызганные собственной кровью, ежеминутно рискующие получить предательскую пулю в спину, они неизменно, как верные рыцари Гроба Господня, стоят на страже Святой Руси. Их сменить может только смерть»³. Протопресвитер зачитал

А.Д. Самарин

Собору свое послание, которое после недолгих колебаний было принято и одобрено. В нем впервые прозвучало обвинение в адрес большевистских агитаторов, которые, следуя ленинскому призыву, убеждали солдат обращать оружие против русских офицеров, браться с немцами и превратить «войну империалистическую в гражданскую». Вот фронтовая картина, обрисованная Шавельским: «...Кто изобразит весь ужас нынешнего нашего положения? Внутри страны — разруха, на фронте — измена. Сбитые с толку предателями и шпионами, злостно обманываемые врагом, целые полки оставляют позиции, бросают оружие, предают товарищей, сдают города, дарят врагу огромную добычу, над мирными жителями чинят гнусные насилия. Среди воинов немало таких, что смеются над законом, глумятся над доблестью, издеваются над подвигом, избивают начальников, изменнически братаются с врагом и в то же время расстреливают идущих в бой своих же героев»⁴.

Инерционность мышления подавляющего большинства членов Собора была так велика, что многим точка зрения протопресвитера показалась преувеличением. Большинство участников Собора пережили Первую русскую революцию, и, когда все революционные перипетии завершились, жизнь будто бы вернулась в старое привычное русло. И на этот раз многим казалось, что революционные события — историческая неизбежность, что револю-

ция подобна грозе, после которой воздух освежается и раскрываются новые, неведомые доселе перспективы. Но это были романтические взгляды. «Души людей, вовлеченных в поток массы, беззащитны и уязвимы. В том смысле, что они утрачивают сознание ответственности и разумность. Вот почему все диктаторы так любят массу. Так беззащитно льстят ей. Масса некритична. Она всецело во власти настойчивых эмоций. Ничего не стоит повернуть ее в нужную диктатору сторону, манипулировать ею в выгодном для демагога направлении. Недаром евангельский образ толпы, которая сперва кричала «Осанна!», а через несколько дней — «Распи Его!», остается и поныне бессмертным архетипом. Ярость массы, как и ее преклонение перед кем-то или кем-то, — проявление не коллективного разума, а куда чаще есть синдром общественного помешательства»⁵. В конце лета 1917 года в российском обществе друг другу противостояли две силы — все более и более набирающая мощь партия большевиков, готовившая захват власти и окончательное разрушение России, и Поместный Собор, который в начале сентября приступил к рассмотрению жизненно важных для страны и Церкви проблем.

Первые заседания Собора отличались резкими столкновениями, взаимными упреками и выпадами, нескончаемыми спорами. К счастью, его работа начиналась не с чистого листа — Предсоборное Присутствие 1906 года подготовило для рассмотрения Собора преобладающее число необходимых проблем. И все же заседания первой сессии были затруднены особенностями русского национального характера. Быстрые перемены в правительстве, отстранение обер-прокурора В.Н. Львова и ликвидация самого института, назначение на пост министра по делам вероисповеданий Антона Карташева и, наконец, созыв самого Собора — все это породило у соборян надежды, что отныне жизнь пойдет по новому, более спокойному и уравновешенному руслу. На самом деле времени для нормальной работы оставалось совсем немного. Нельзя сказать, что участники Собора совершенно не ощущали этого. На заседании 1 сентября Собор принял обращение к Временному правительству: «Теперь, когда вера русского воина ослаблена соблазнами противных христианству учений и власть русского военачальника подорвана, русское войско перед лицом внешнего врага готово распасться на два враждующих стана. Не со вчерашнего дня началась эта междоусобная распря. За последние месяцы от руки

Архиепископ Евлогий
(Георгиевский)

своих же братьев-солдат погибло великое множество офицеров, преданных долгу Родины. Верная своим священным заветам, Церковь Православная не принимает участия в борьбе политических партий. И однако, как и в дни священномученика патриарха Гермогена, она не может оставаться равнодушной зрительницей распада и гибели Родины. Собор свидетельствует, что упавший воинский дух русской армии может быть восстановлен не прельщением вещественными благами, а только верою Христовой, которая побуждает к бескорыстным подвигам. Этим создается та дисциплина ду-

ха, которой утверждается дисциплина внешняя»⁶. Но эти призывы Собора оставались гласом вопиющего в пустыне — хаос все глубже охватывал Россию. Спасти ситуацию могли только радикальные меры — выход России из войны и немедленное формирование правительства народного доверия. Для этого необходимо было как можно быстрее созвать Учредительное Собрание. Временное правительство не решалось сделать последний шаг.

Наиболее острые споры среди соборян вызывала проблема восстановления патриаршества. Противники восстановления страшились, что патриарх, подобно папе Римскому, может узурпировать власть, и тогда с соборноправностью в Русской Церкви, которая с таким трудом была восстановлена, будет покончено. Глубоко описал первоначальные этапы становления работы Собора один из его участников, архиепископ Евлогий (Георгиевский): «Русская жизнь в те дни представляла море, взбаламученное революционной бурей. Церковная жизнь пришла в расстройство. Облик Собора, по пестроте состава, непримиримости, враждебности течений и настроений, поначалу тревожил, печалил, даже казался жутким... Некоторых членов Собора волна революции уже захватила. Интеллигенция, крестьяне, рабочие и профессора неудержимо тянули влево. Среди духовенства тоже были элементы разные. Некоторые из них

оказались теми «левыми» участниками предыдущего революционного Московского епархиального съезда, которые стояли за всестороннюю «модернизацию» церковной жизни. Необъединенность, разброд, недовольство, даже взаимное недоверие — вот вначале состояние Собора. Но — о чудо Божие! — постепенно все стало изменяться... Толпа, тронутая революцией, коснувшаяся ее темной стихии, стала перерождаться в некое гармоническое целое, внешне упорядоченное, а внутренне солидарное. Люди становились мирными, серьезными работниками, начинали по-иному чувствовать, по-иному смотреть на вещи. Этот процесс молитвенного перерождения был очевиден для всякого внимательного глаза, ощутим для каждого соборного деятеля. Дух мира, обновления и единодушия обнимал всех нас»⁷. Процесс, так живо описанный архиепископом Евлогием, участником первых заседаний Собора, происходил и на других церковных Соборах, созывавшихся на протяжении первых веков существования христианства. Созыв Собора диктовался чаще всего какой-либо острой проблемой, решить которую было не под силу одному человеку или даже группе епископов или богословов. Изучая историю Вселенских Соборов, историк встречает то же кипение страстей, взаимное недоверие, упреки. Но в процессе совместной трудной работы рождались формулировки, которые впоследствии становились догматами Церкви, определявшими и доныне определяющими путь не только Церкви, но и каждого христианина. Поэтому определения Соборов отливались в догматы, которые начинались весомыми словами: «Изволися Духу Святому и нам...»

И все же перерождение Собора проходило крайне медленно — слишком долго оттягивался его созыв, слишком много накопилось нерешенных проблем, да и утрачен был навык у церковных людей к совместной работе. В течение сентября 1917 года обсуждались преимущественно второстепенные вопросы. В течение августа и сентября шла проверка полномочий и проверялась правильность избрания на Собор депутатов от епархий. Зачитывались бесконечные приветствия Собору от организаций и частных лиц. Остро встал вопрос о церковноприходских школах, которые Временное правительство решило передать в ведение Министерства народного образования. Был создан специальный Отдел, который рассматривал проблему преподавания Закона Божия в школах. Поскольку в июле 1917 года Временное правительство приняло Закон

о свободе совести, встал вопрос о факультативном преподавании Закона Божия в школах в многоконфессиональной России. Участники Собора резко высказались против этого. Отдел, возглавляемый архиепископом Тамбовским Кириллом (Смирновым), также выступил против факультативного преподавания. Хотя сама жизнь доказывала, что принудительное обучение детей основам христианства в дореволюционный период не принесло должных плодов.

Немало времени первая сессия уделила проблеме ознакомления верующих с работой Собора. Протопресвитер Николай Любимов предложил, чтобы церковные издания — газета «Церковно-общественный вестник» и журнал «Церковные ведомости» — регулярно освещали работу Собора. Однако вплоть до середины октября этот вопрос вызывал ожесточенные дискуссии. За редактирование «Церковно-общественного вестника», который находился в ведении некоторых радикально настроенных членов редколлегии Петроградской духовной академии, боролись представители Петрограда и Москвы. И лишь 11 октября 1917 года протоиерей Павел Лахостский был избран главным редактором и газеты, и журнала. Ему было поручено безотлагательно начать публикацию деяний Собора. Начиная с сентября из епархий уже приходили тревожные вести — вооруженные банды нападали на монастыри, поскольку те оставались самыми незащищенными, грабили их, убивали монахов и монахинь. Развал российской армии, нараставший хаос в столице и провинции, все это, казалось бы, должно было подстегивать членов Собора обратиться к проблемам первостепенной важности, разработанным еще Предсоборным Присутствием.

Но сквозь рутину постоянно прорывалась тревога соборян о положении России и Церкви. Епископ Астраханский Митрофан в своем выступлении сказал: «...Неудивительно, конечно, что и в настоящее время разрухи мысль о патриаршестве возникла сама

Епископ Астраханский
Митрофан

собой. Припомните это недавнее время государственного переворота, и как реагировала на него Церковь, и в каком положении она оказалась. Я не могу с подробностью останавливаться на этом событии, потому что я лицо, подчиненное Св. Синоду. Не раз в Государственной Думе я выступал на защиту Синода. И мы, и другие на месте нынешних членов Синода едва ли бы сделали больше при тех крайне тяжелых, трагических обстоятельствах, какие нам придется переживать. Не о них речь, а о сравнительных достоинствах той или иной формы церковного управления. Думаю, что если бы во главе Церкви была живая личность, был бы подвиг и дерзновение. Патриарх выступил бы с посланием, с воззванием. Воззвания Синода были бездушны, они не захватывали жизненно церковного нерва и прошли незаметными, скользая лишь по поверхности русской церковной жизни. Мы видели, как внутри Церкви бушевали разрушительные силы, как они коверкали и уродовали русскую церковную жизнь. Видели и попытки Синода и отдельных членов Синода противостоять этим разрушительным силам. Но чаще случалось, что последние возобладали, и Синод шел следом за ними, и иногда, пытаясь ввести в русло церковную жизнь, своими разноречивыми постановлениями вносил еще более разрухи. Удастся ли церковному Собору остановить эту разруху и ввести церковную жизнь в правильное русло?» В спорах о восстановлении патриаршества епископ Митрофан, принявший через два года мученический венец от руки большевиков, затронул одну из самых больных тем для Русской Церкви: «И с тревогою взирая на прошлое и не особенно питая надежду на будущее, русский народ пришел к убеждению, что коллегия его не спасет, ввиду ее безжизненности и безответственности, отсутствия подвига и дерзновения. Время повелительно требует подвига, дерзновения, и народ желает видеть во главе жизни церковной живую личность, которая собрала бы живые народные силы... Нам нужен патриарх, как духовный вождь и руководитель, который вдохновлял бы сердце русского народа, призывал бы к исправлению жизни и к подвигу и сам первый шел бы впереди. Без вождя нигде не бывает, и в церковной жизни также. Наши духовные силы в разброде и расслоении...»⁸

28 октября по старому стилю 1917 года, когда в Москве разворачивалась борьба большевиков за власть, Собор принял решение о восстановлении в России патриаршества. Восстанавливая принцип

соборности, Поместный Собор проделал огромную организационную работу — отныне наряду с патриархом соборяне должны были избирать Высшее церковное управление и Священный Синод. 31 октября соборяне голосованием избрали трех кандидатов на патриарший престол — архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий) собрал самое большое количество голосов, за ним следовали архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий) и митрополит Московский Тихон (Белавин). В этот день на Соборе присутствовало чуть больше половины соборян — 305 человек. 5 ноября 1917 года в храме Христа Спасителя состоялась торжественная литургия, во время которой должен был решиться вопрос о том, кто же, по указанию Божию, станет патриархом Русской Церкви. Большевики уже утвердились в Кремле, поэтому с огромным трудом удалось добиться разрешения принести в храм икону Владимирской Божией Матери. Литургию совершал старейшей из иерархов, митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), в сослужении сонма архиереев. Кандидаты в храм не присутствовали — они оставались на своих подворьях.

Митрополит Евлогий, участник этой исторической литургии, позже вспоминал: «Перед началом обедни на аналой перед иконой Владимирской Божией Матери был поставлен ларец с тремя записками, на которых были начертаны имена кандидатов. После литургии служили молебен с чтением особой молитвы. Храм, вмещавший до 12 тысяч человек, был переполнен. Все с трепетом ждали, кого Господь назовет... По окончании молебна митрополит Владимир подошел к аналою, взял ларец, благословил им народ, разорвал шнур, которым ларец был перевязан — и снял печати. Из алтаря вышел глубокий старец — иеросхимонах Алексий, затворник Зосимовой пустыни (неподалеку от Троице-Сергиевой лавры), ради церковного послушания участвовавший в Соборе. Он трижды перекрестился и не глядя вынул из

Старец Зосимовой пустыни
Алексий

Патриарх Тихон

ларца записку. Митрополит Владимир внятно прочел: «Тихон, митрополит Московский». (На самом деле митрополит Владимир передал записку протопресвитеру Николаю Любимову, который славился своим зычным голосом, и тот громогласно прочел имя избранника. — С.Б.) Словно электрическая искра пробежала по молящимся... Раздался возглас митрополита «Аксиос!», который потонул в единодушном «Аксиос!.. Аксиос!..» духовенства и народа. Хор вместе с молящимися запел «Тебе Бога хвалим»... Ликование охватило всех. У многих на глазах

были слезы. Чувствовалось, что избрание патриарха — для всех радость обретения в дни русской смуты заступника, предстателя и молитвенника за русский народ... Всем хотелось верить, что с патриархом раздоры как-то изживутся...

Все епископы и множество мирян направились на Троицкое подворье — приветствовать патриарха Тихона. Но прежде чем мы успели доехать, нашлись гонцы, которые уже его оповестили. Патриарх Тихон вышел к нам спокойный, смиренный. Архиепископ Антоний сказал приветственное слово — и поклонился ему в ноги. Мы, епископы, тоже земно ему поклонились. Он — нам. В ответном слове патриарх со свойственным ему смирением говорил о своем недостоинстве, о непосильном для него бремени патриаршества, «но надо исполнить волю Божию». Этими словами он закончил свою речь...»⁹

Интронизация патриарха была назначена на 21 ноября. Кремль уже был захвачен большевиками — пришлось долго хлопотать о разрешении провести интронизацию, как того требовал обычай, в Успенском соборе. С большим трудом удалось получить разрешение. Митрополит Тихон уехал в Троице-Сергиеву лавру, чтобы молитвенно подготовиться к этому дню. Он отдавал себе отчет, какая непосильная ноша ложится на его плечи. В кратком слове к соборному посольству, известившему его об избрании на патриарший

престол, он сказал: «...Ваша весть об избрании меня в патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: плач, и стон, и горе, и каковой свиток должен был съесть пророк Иезекииль (2, 10, 3, 1). Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении, и особенно в настоящую тяжелую годину! Подобно древнему вождю еврейского народа — Моисею, и мне придется говорить ко Господу: «Для чего мучишь раба Твоего? И почему я не нашел милости перед очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? Разве я носил во чреве весь народ сей и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка? Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня» (Числ. 11, 11–14). Отныне и на меня возлагается попечение о всех церквях российских и предстоит умирание за них во все дни. А к сим кто доволен, даже и из крепких мене! Но да будет воля Божия! Нахожу подкрепление в том, что избрания сего я не искал, и оно пришло помимо меня и даже помимо человеков, по избранию Божию»¹⁰.

В день Введения во храм Пресвятой Богородицы в Успенском соборе Кремля состоялось возведение его на патриарший престол. Ввели в алтарь и усадили его на патриаршее место митрополиты Киевский Владимир и Тифлисский Платон, экзарх Грузии. Здесь же ему передали и патриаршие облачения — накануне из патриаршей ризницы удалось выхлопотать мантию и крест патриарха Никона и рясу святителя Гермогена. После литургии, когда митрополит Владимир вручил ему с приветственным словом жезл святителя Петра, митрополита Московского, Святейший патриарх сказал: «...патриаршество восстанавливается на Руси в грозные дни, среди огня и смертоносной орудийной пальбы. Вероятно, и само оно принуждено будет не раз прибегать к мерам запрещения для вразумления непокорных и для восстановления порядка церковного. Но как в древности пророку явился Господь не в буре, не в труссе, не в огне, а в прохладе, в веянии тихого ветерка, так и ныне слышится веяние словес Твоих: «Еще семь тысяч мужей не преклонили колена пред современным ваалом и не изменили Богу истинному». И Господь как бы говорит мне так: «Иди и разыщи тех, ради коих еще пока стоит и держится Русская земля. Но не оставляй и заблудившихся овец, обреченных на погибель, на заклятие, овец поистине жалких. Паси их и для сего возьми жезл сей, жезл благоволения. С ним потерявшуюся — отыщи, угнанную — возврати,

Василий Зеленцов

пораженную — перевяжи, больную — укрепи, разжиревшую и буйную — истреби. Паси их по правде». В сем да поможет мне Сам Пастыреначальник, молитвами Пресвятые Богородицы и святителей Московских...»¹¹

Когда после интронизации молящиеся вышли из Успенского собора, один из участников вспоминал: «...я удивился разрушению кремлевских церквей. Октябрьский штурм был беспощаден... Дыры на куполе Успенского собора, пробоины в стенах Чудова монастыря.

Пули изрешетили стены собора Двенадцати апостолов. Снаряды повредили соборы Благовещенский и Архангельский. Удручающая действительность... Веяние духа большевистской злобы и разрушения — вот что мы почувствовали, когда, в высоком духовном подъеме, вышли из Успенского собора... Полной радости не могло быть, только молитвенная сосредоточенность и надежда, что патриарх, быть может, остановит гибельный процесс. По древнему обычаю после интронизации патриарх должен торжественно объехать Кремль, благословляя народ. Эта процессия обставлялась когда-то с большой пышностью. Теперь патриарший объезд Кремля являл картину весьма скромную. Патриарх ехал на извозчике, с двумя архимандритами по сторонам; впереди, тоже на извозчике — «ставрофор», то есть крестonosец, иеродиакон с патриаршим крестом. Несметные толпы народа при приближении патриарха Тихона опускались на колени. Красноармейцы снимали шапки, патриарх благословлял народ. Никаких приветствий из толпы — благоговейная тишина... Большевистская кремлевская стража косо посматривала на процессию, но выражать недовольствие не решалась»¹².

Работа Собора продолжалась. Почетным председателем вместо избранного патриарха Тихона стал митрополит Киевский Владимир (Богоявленский). Часть соборян верно почувствовала, что захват власти большевиками — явление отнюдь не временное, и поэтому уже в декабре 1917 года настаивала на том, чтобы провести

выборы в Высшее Церковное Управление до перерыва на Рождественские каникулы. Будущий епископ, а тогда еще мирянин Василий Зеленцов убеждал соборян поторопиться: «Можно с уверенностью сказать, что Ленин со товарищами по крайней мере месяц будут править государством, а следовательно, декреты этих господ будут приведены в исполнение. Я не буду оглашать все 10 пунктов декрета об отделении Церкви от государства, который приведен в сегодняшнем номере газеты «Раннее утро». Я только укажу на то, что подвергается сомнению возможность вторичного созыва Собора, и, во всяком случае, не в прежнем составе... А вот еще другой декрет: в комиссариате юстиции подготавливается декрет о восстановлении смертной казни для «врагов народа». Неужели вы не знаете, что они нас считают за врагов народа, после того как мы отказались признать их власть? Неужели из-за каких-то любезностей перед уехавшими членами Собора мы будем губить все церковное дело?»¹³ Структура будущего Высшего Церковного Управления была уже разработана Предсоборным Советом — наряду со Священным Синодом Собором избирались члены Высшего Церковного Совета.

Зеленцову возражал священник Иоанн Артоболевский: «Мне даже как-то грустно становится от того, что наш Священный Собор действует как бы панически под влиянием каких-то декретов. С этим трудно примириться. Декреты сыплются как из рога изобилия. Я напомним, что две недели назад был издан декрет об уничтожении сословных привилегий: однако мы не слышали, что купечество или какое-нибудь другое сословие подчинилось этому декрету и приступило к уничтожению своих сословных учреждений. Нельзя придавать значения этому декрету — это просто агония умирающего режима. Этот декрет напечатан в одной болтливой газете. Но зато получены очень утешительные известия, что на Юге большевиков начинают приводить в порядок»¹⁴. Руководители

Священник Иоанн Артоболевский

нием обратиться к пастырям России. В проекте обращения, который был принят Собором, говорилось: «...Посему Священный Собор церковный, достойной любовью похваляя тех, кто мужественно переносит все невзгоды времени и бодро стоит на своем ответственном посту стражей дома Божия, умоляет и прочих служителей Алтаря Господня — не покидать вверенного им от Господа и ныне обуреваемого корабля церковного. Отцы и братие! Претерпите это тяжкое, но несомненно краткое время Божьего нам испытания. Ради вашего усердия в вере и ради вашего твердого стояния на страже церковной сократит Господь это скорбное время, и снова воссияет свет правды и над отечественною Церковью, и над страдающею Родиной»¹⁶. Членами Священного Синода были избраны: митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий), митрополит Харьковский Антоний (Храповицкий), архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский), митрополит Владимирский Сергей (Страгородский), архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский) и митрополит Тифлиссский Платон (Рождественский). В Синоде оказались представители консервативного направления — митрополиты Антоний, Арсений и архиепископ Анастасий, будущий преемник митрополита Антония (Храповицкого), возглавившего в 1921 г. так называемый «карловацкий» раскол. Им противостояли либеральные епископы — митрополиты Платон и Сергей, а также архиепископ Евлогий. Митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), слывший не только консерваторм, но и стяжателем еще во время управления Московской епархией, не вошел в состав Синода. Временными членами стали еще пять епископов — среди них будущие мученики митрополит Петроградский Вениамин (Казанский) и архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов). На следующий день, 8 декабря, было утверждено постановление Собора о правах и обязанностях Святейшего патриарха Московского и всея Руси.

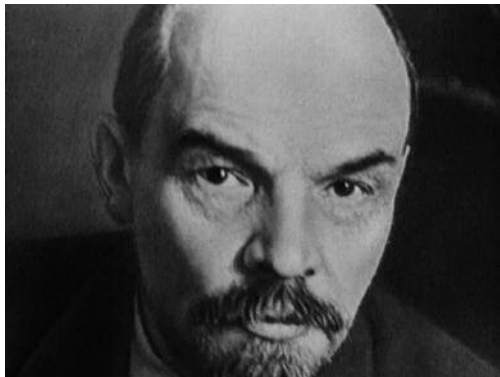
Это постановление, так же как и многие другие решения Поместного Собора, было демократичным по духу — оно гласило, что если патриарх нарушает свои обязанности, то три старейших члена Синода или члены Высшего Церковного Совета в епископском сане делают ему «братское представление», указывая ему на недопустимость тех или иных поступков. Если же он не внимает братскому внушению, то созывается объединенное заседание Священного Синода и Высшего Церковного Совета, на котором рассмат-

риваются проступки патриарха. Но право суда над патриархом имеет только Поместный Собор. В этот же день был утвержден перечень дел, подлежащих ведению Священного Синода. Он был призван ведать делами вероучения, богослужения, церковного просвещения, а также церковного управления и церковной дисциплины. Высший Церковный Совет призван был заниматься проблемами церковной администрации, церковного хозяйства, школьно-просветительской деятельностью. Он должен был также ведать делами ревизии и контроля в епархиях и осуществлять юридическую деятельность, в том числе защищать церковные интересы в судах. Членами Высшего Церковного Совета были избраны: от духовенства — архимандрит Виссарион, протоиерей А.В. Санковский, протопресвитер Георгий Шавельский, протоиерей А.М. Станиславский, протопресвитер Николай Любимов и псаломщик А.Г. Куляшев. От мирян — профессор Сергей Булгаков, бывший министр Временного правительства Антон Карташев, профессор И.М. Громогласов, С.М. Раевский, князь Евгений Трубецкой и профессор П.Д. Лапин. Заместителями членов ВЦС от духовенства стали священники П.И. Соколов, С.К. Верховский и К.М. Аггеев. Заместителями членов ВЦС от мирян стали профессора П.П. Кудрявцев, И.И. Соколов, Л.И. Писарев, а также П.И. Астров и князь Григорий Трубецкой.

Обстановка в стране стремительно менялась. Начало 1918 года ознаменовалось рядом декретов — в том числе декретом об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Накануне открытия второй сессии Собора, 19 января по старому стилю, патриарх Тихон выступил с посланием к пастве. Это послание, адресованное всем россиянам, подтвердило правоту тех, кто ратовал за восстановление патриаршества. Патриарх не стал дожидаться открытия второй сессии, а, взяв всю ответственность на себя, возвысил голос в защиту унижаемых, предупредив гоните-

Протоиерей А.В. Санковский

В.И. Ленин. Начало 20-х гг.

лей о каре Божией и о проклятии потомков: «...Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые распри. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни на-

стоящей — земной. Властью, данной нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только носите вы еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной. Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение — «изгоните злого от вас самих» (1 Кор. 5, 13). ...Зovem всех вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей. Враги Церкви захватывают власть над нею и ее достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародно-го вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называться поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют прямо противно совести народной»¹⁷.

На следующий день, 2 февраля 1918 года по новому стилю, открылась вторая сессия Поместного Собора. Все резче стали расхождение и оценка происходящих в стране событий иерархами Церкви и новым правительством. В этот же день был опубликован декрет новой власти об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Многих членов Собора, а их уже не смогло собраться большинство — приехало лишь около 100 человек, потрясло послание патриарха. Член Собора Дмитрий Олсуфьев выступил с призывом к соборьянам: «Мне думается, что мы должны всем сердцем приветствовать выслушанное послание патриарха. В этом первом

опыте патриаршего служения мы видим пользу восстановления патриаршества. Мое мнение, что это послание по тону существенно отличается от прежних соборных посланий: чувствуется живая совесть, индивидуальная, человеческая, а не коллективная официальная бумага...»¹⁸ На заседании 25 января в Соборный Совет поступило письмо, подписанное 36 соборьянами. Евгений Трубецкой поставил вопрос о местоблюстителе патриаршего престола: «Казалось бы, что впредь, до нормального рассмотрения вопроса, лучше всего было бы предоставить самому патриарху указать ряд местоблюстителей, чтобы власть от одного, в случае надобности, переходила бы к другому, временно — впредь до издания особых правил о местоблюстителе. Важно, чтобы эти лица были указаны патриархом, а не Собором. Почему патриархом, а не Собором? Да лицо, избранное Собором, оглашается, становится известным. Между тем, это лицо не должно быть никому известно: оно будет обладать только грамотой Патриарха, которая даст ему возможность бесспорно заместить Патриарха»¹⁹. Собор согласился с доводами Трубецкого, и к патриарху была направлена делегация — архиепископ Кирилл (Смирнов), протоиерей А.В. Санковский и князь Евгений Трубецкой. Патриарх Тихон исполнил поручение Собора и назначил трех местоблюстителей. Хотя прекрасно понимал, что нарушает правила Вселенских Соборов, которые запрещают патриарху назначать преемника. Имена преемников патриарха оставались долгое время в тайне.

В этот же день в Киеве грабителями был убит и ограблен при молчаливом пособничестве братии Киево-Печерского монастыря митрополит Владимир (Богоявленский). Владыка еще в период московского служения отличался тем, что откладывал сбережения «на черный день». Видимо, об этой его особенности знали грабители. Собор узнал об этом злодеянии только 16 февраля 1918 года по новому стилю. Позже митрополит Тифлисский Платон, вернувшись с Украины, где принимал участие в работе Украинского Собора, поведал соборьянам о причинах убийства. В первую очередь он считал, что рост национализма, ненависть к русским, в том числе и к епископам, явились причинами убийства митрополита Владимира. Он заявил: «Могу сказать только, что этой кровью обагрены не только руки непосредственных убийц. Я не могу допустить и понять, как это тысяча проживающих в лавре людей оставили беззащитного старика, как это никто не догадался ударить

Архиепископ Арсений
(Стадницкий)

в набат, не обратился ни к кому за помощь. И вот, при дремавших монахах, повели старого одинокого старца. Как на Голгофу его повели, и дело не обошлось без иуд! Как это было возможно, что его взяли всего пять человек среди тысячи других? Взяли и увели, и до следующего утра никто не позаботился узнать, куда его повели и что с ним сделали?!»²⁰ Другой член Собора, архимандрит Матфей, поделился с соборянами своей информацией, сообщив подробности убийства и ограбления митрополита Владимира. Собор принял постановление — установить 25 января, в день его гибели, «нарочитое церковное поминовение».

В официальной прессе началось огульное охаивание как прошлого, так и настоящего Русской Церкви. В провинциях иногда расстреливали крестные ходы верующих. В Петрограде еще 5 января 1918 года была расстреляна демонстрация в поддержку созыва Учредительного собрания, которое призвано было определить форму власти в стране. И тем не менее в этот день Учредительное собрание собралось на первое заседание. Но уже в ночь с 5 на 6 января оно было разогнано большевиками. Обстановка в стране складывалась крайне неблагоприятно для Русской Церкви. Большевики приняли декрет «О земле» и «Декларацию прав народов России». Эти документы предполагали национализацию монастырских и церковных земель, а также уравнивание в правах всех религиозных конфессий России. В конце 1917 года начались гонения на духовенство и пока еще выборочное закрытие храмов. Многие из членов Собора не смогли добраться до Москвы. Во время работы второй сессии Собора председательствовал Новгородский митрополит Арсений (Стадницкий). Он внес предложение продолжить работу Собора, несмотря на отсутствие кворума: «Должен отметить, что отныне заседания Собора будут идти при

каком бы то ни было количестве членов. События разворачиваются с такой быстротой, возникает столько насущных, неотложных вопросов, что решительно необходимо в возможно скором времени давать на них тот или иной ответ. Поэтому невозможно ожидать собрания законного состава. Кому угодно протестовать, может протестовать»²¹. Это предложение митрополита Арсения было поддержано всеми соборянами.

И все же порой на Соборе слышались романтические предложения. Священник В.И. Востоков в своем выступлении, обвинив международный сионизм и евреев, заявил: «Единственное спасение русского народа — православный русский мудрый царь. Только чрез избрание православного, мудрого, русского царя можно поставить Россию на путь добрый, исторический и восстановить добрый порядок». Ему резко ответил профессор И.М. Громогласов: «Единственная надежда наша не в том, что будет у нас земной царь или президент — как угодно его назовите, — а в том, чтобы был Небесный Царь — Христос: в Нем одном нужно искать спасения. Вместе с вами я благоговейно преклоняюсь перед мужественным и суровым словом патриарха, которое давно пора было сказать. Не скрою, что у меня был момент недоумения, вызванного тем, что патриаршее послание появилось накануне возобновления соборных заседаний, какбудто патриарх желает отмежеваться от Собора,

Профессор Иоанн Громогласов

от всецерковного представительства. Но вдумываясь глубже в это обстоятельство, я склонен видеть объяснение его в том, что святейшему патриарху угодно было лично на себя принять те последствия, какие могут произойти в связи с его посланием. Вследствие этого еще больше возрастает и увеличивается чувство благоговейной благодарности за подвиг... мое конкретное предложение сводится к следующему: не только здесь, в комиссии или отделе, нужно определить конкретное содержание, которым должна быть заполнена общая формула патриар-

шего послания, не только нужно сказать: «аще кто делает то-то, да будет отлучен», но и принять меры к тому, чтобы на местах надлежащим образом было выяснено, в чем именно должно выразиться отлучение и как оно должно быть проведено в жизни, и чтобы мы сами, если потребуется, отправились на места Божьими посланцами, чтобы возможно скорее осуществить этот акт самоопределения. Это мы должны сделать, если хотим спасения России»²². К сожалению, это предложение не было рассмотрено. Из-за того, что оно не было конкретизировано, большевики после окончания Гражданской войны обвинили патриарха Тихона в том, что он анафематствовал не богоотступников, а Советскую власть.

Тем временем шла и законотворческая деятельность большевиков. 23 января, уже по новому стилю, был опубликован Декрет Совета народных комиссаров об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Поначалу многим гражданам России казалось, что этот декрет лишь устанавливает равенство перед законом верующих различных конфессий. Пункт 3 декрета гласил: «Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием или не исповеданием никакой веры, отменяются». Но уже в этом декрете заложены дискриминационные положения: «Пункт 12. Никакие церковные или религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. Пункт 13. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием». Эти два пункта декрета являлись революционными и представляли большевикам возможность самой радикальной борьбы с Церковью. Но особенность нового режима состояла в том, что к законам постепенно прилагались инструкции, которые порою упраздняли сами законы. Ровно через полгода, 24 августа 1918 года, Народный комиссариат юстиции опубликовал инструкцию «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Согласно этой инструкции религиозные объединения не только лишались всего имущества и прав юридического лица — им запрещалось заниматься просветительской и благотворительной деятельностью. Все церковное имущество, включая храмы, отныне считалось всенародным достоянием. Местные Советы могли передавать религиозным объединениям в бесплатное пользование, т.е. в аренду, храмы, церковную утварь, богослужебные книги и облачения. Более того, инструк-

ция предписывала: «Пункт 6. Необходимое число местных жителей, получающих в пользование богослужебное имущество, определяется местным Советом... но не может быть менее 20 человек»²³. Согласно этой инструкции все здания семинарий, церковноприходских школ были переданы в ведение местных Советов. На основании этой инструкции при Комиссариате юстиции был создан специальный VII отдел, который занимался религиозной проблематикой и был назван «ликвидационным», что отражало его подлинное назначение. Он явился предтечей Антирелигиозной комиссии при Политбюро и просуществовал до 1922 года.

Ключевым стало заседание Собора 31 января по старому стилю. Впервые был поднят вопрос о том, чтобы упразднить Святейший Синод. Решение было поддержано всеми соборянами, а их к этому времени на вторую сессию собралось уже 210 человек. Было принято решение о том, что избранное на первой сессии Высшее Церковное Управление должно приступить к исполнению обязанностей. На этом заседании председательствовал Святейший патриарх Тихон. Он отметил: «Таким образом — историческая дата: 1 февраля 1918 года по церковному стилю вступают в действие Священный Синод и Высший Церковный Совет». Поскольку Советская власть приняла решение перейти на новый стиль, патриарх внес предложение, чтобы и Собор продолжал работать, соотносясь с новым летоисчислением. С этого дня заседания Собора датировались в виде дроби — сначала стояла дата по старому стилю, а в скобках — по новому. В этот же день Собор обсуждал доклад 3-го отдела о Епархиальном управлении. Первые четыре главы были обсуждены и утверждены Собором во время первой сессии. Это одно из наиболее важных достижений Собора, не утратившее своей актуальности и поныне. Епархиальный епископ не назначается на свою кафедру, а избирается особым избирательным собранием, состоящим из клира и мирян данной епархии. Кандидатов указывают епископы митрополичьего округа, в который входит епархия. Кандидатами в епископы могут быть не только епископы и монахи, но и неженатые белые священники и миряне не моложе 35 лет. Если епископ избран из числа белого духовенства или мирян, то он обязан принять монашество. Избранный епископ пребывает на кафедре пожизненно — таким образом упразднялась поочередная практика прежних лет — постоянное перемещение епископов. Постановление Собора запрещало перемещать епископа. Бы-

ло утверждено положение о благочиннических округах. Устанавливалось коллегиальное управление благочиниями — должен был избираться благочиннический совет из духовенства и мирян.

Весь февраль Собор работал над несколькими проблемами — в первую очередь рассматривалась проблема разводов и проблема устроения единоверия. В начале XX столетия часть старообрядцев, пожелав соединиться с Русской Церковью, получили возможность молиться в храмах, сохраняя часть своих обычаев. Эти храмы получили название единоверческих, поскольку вместе со старообрядцами в них могли молиться и православные. Собор решил более пристально рассмотреть эту проблему, хотя вряд ли она была столь же актуальной, как, к примеру, вопрос о восстановлении церковного суда или проблема «имяславия», накануне революции всколыхнувшая православных. Весь февраль и начало марта обсуждалась проблема единоверия, но все же заседания прерывались тревожными сообщениями. Вдруг выяснилось, что 16 января 1918 года было упразднено военное духовенство, а все капиталы, находившиеся в ведомстве протопресвитера армии и флота, были реквизированы большевиками. 2 марта, когда на Соборе присутствовало уже 259 членов, выяснилось, что арестован член Собора

епископ Нестор Камчатский, проведший в тюремном заключении 29 дней. Новая власть постоянно провоцировала Собор. На заседании 2 марта соборянин Василий Зеленцов резко поставил вопрос о необходимости защитить епископа Нестора. Накануне переезда большевистского правительства в Москву священник Георгий Голубцов записал в дневнике: «В Москве наблюдается повальное бегство из нее; большинство бежит на Юг, в Донскую и Кубанскую области и на Кавказ или за границу. А у нас на Соборе занятия идут самым спокойным образом, как будто ничего и не случи-

Епископ Камчатский Нестор
(Анисимов)

лось. Несомненно, главная причина этого бегства — ожидаемый и уже отчасти начавшийся в Москве голод и могущие возникнуть в связи с этим волнения»²⁴.

Начало второй сессии Собора совпало с разгоравшейся Гражданской войной, которую развязали большевики. Ленин, обращаясь к солдатам, отправлявшимся на фронты, убеждал: «...Гражданская война — это единственно законная, справедливая, священная война угнетенных и эксплуатируемых против насильников и грабителей». Временное правительство и верные ему войска восприняли захват власти большевиками как вооруженный переворот и выступили против них. Большевики срочно создали Красную гвардию. Уже в середине 1918 года большая часть России оказалась охваченной Гражданской войной. Переговоры с немцами о мире в Брест-Литовске начались 20 ноября 1917 года, как и предусматривало тайное соглашение, подписанное Лениным. А 2 декабря было подписано соглашение о перемирии. Спустя неделю, 9 декабря, был поставлен вопрос о заключении мира. 15 января 1918 года Совет народных комиссаров принял решение о создании Рабоче-крестьянской Красной армии. Несмотря на усилия большевиков заключить мир с Германией, немецкие войска, воспользовавшись ослаблением фронтов, начали наступление, быстро захватив почти всю Украину, Белоруссию и Прибалтику. 3 марта 1918 года был заключен Брестский мир, согласно которому все земли, захваченные немецкими войсками, отходили к Германии. Россия вышла из мировой войны и отныне не вела боевых действий с немецкими войсками. Это была плата большевиков за помощь со стороны Германии в экспорте и поддержке революции.

18 марта 1918 года патриарх Тихон обратился к верующим по поводу заключения Брестского мира: «...А между тем, у нас продолжается все та же распря, губящая наше Отечество. Внутренняя междоусобная война не только не прекратилась, а ожесточается с каждым днем. Голод усиливается, и, чтобы ослабить его, грозят даже изгонять из столиц мирных жителей, не знающих, где им преклонить голову. Рабочим угрожает лишение заработка, возвращающиеся из полков воины не находят работы. Умножаются грабежи и убийства, и для борьбы с ними часто прибегают к ужасному самосуду. Устранит ли объявленный мир эти вопиющие к небу нестроения? Не принесет ли он еще больших скорбей и несчастий? Увы, оправдываются слова пророка: «Они говорят мир, мир, а ми-

Н.Д. Кузнецов

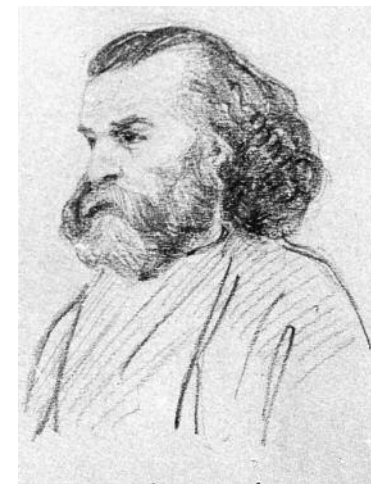
ра нет». Нет мира и нет радости, спутницы мира...»²⁵

Накануне, 14 марта, делегация Собора в составе 7 человек отправилась к народным комиссарам, чтобы довести до их сведения реакцию Собора и верующего народа на Декрет о свободе совести и ряд других большевистских декретов. Председатель Совета народных комиссаров (так большевики называли свое первое правительство) Владимир Ленин не принял депутацию, сославшись на занятость. Их принимали комиссар по страховому

делу Марк Елизаров, представитель Комиссарата юстиции Гурский и управляющий делами СНК Бонч-Бруевич. А.Д. Самарин обратился к комиссарам от лица Собора: «...Находясь в живом общении с православным населением России, мы хорошо знаем, какое единое чувство глубокого и сердечного возмущения вызвали во всех преданных Церкви православных людях изданный вами Декрет о свободе совести и все распоряжения ваши, коими Церковь стесняется в своей жизни и лишается своего достоинства...» Делясь с соборянами своими впечатлениями, другой член депутации, юрист Н.Д. Кузнецов, признался: «Беседа с представителями Совета народных комиссаров по делам церковным произвела на меня лучшее впечатление, чем разговор в октябре 1917 года с представителями печальной памяти Временного правительства во главе с Керенским. В Керенском чувствовалось какое-то двоедушие и неуверенность, что ему следует говорить. Захват церковного имущества в виде зданий и инвентаря церковноприходских школ был начат именно Временным правительством, и все мои доводы о нарушении через это воли жертвователей и завещателей, о лишении Церкви возможности иметь в этих зданиях свои школы не находили доступа в душу г. Керенского, юриста по образованию и адвоката по профессии: они отскакивали от него, как от стены горох...» Кузнецов уверил соборян, что комиссары были гораздо внимательнее: «Далее я обратил внимание, что в Петрограде комиссар захватил капиталы Св. Синода и что Советская власть в разных местах

останавливает действия консисторий и не допускает продолжения деятельности церковного суда по делам о церковных браках и разводах. Ведь это составляет уже явное нарушение свободы Церкви... На это член народного комиссариата юстиции г. Гурский ответил, что вскоре вопрос будет урегулирован и разъяснен, и даже просил меня зайти к нему для переговоров по этому поводу». Но красивее всего ответил за вопросы соборян зять Ленина Марк Елизаров: «Мы стремимся проводить социализм в России. Сам Христос был социалистом, и различие наших стремлений лишь в том, что мы проводим социализм принудительным путем»²⁶. Пока в среде большевиков шли споры — когда, как и в каких масштабах применять террор к непокорным, — их представители успокаивали соборян, что законность по отношению к Церкви будет соблюдена. Печально, что некоторые представители Собора поверили большевикам и были настроены на конструктивную работу с ними.

Н.Д. Кузнецов выступил с докладом и подробно разъяснил суть большевистского декрета «О свободе совести». Один из членов Собора, протоиерей Георгий Голубцов, отметил в дневнике: «По окончании доклада собрание горячо благодарило Н.Д. Кузнецова за разъяснение советского закона «О свободе совести» и просило его напечатать этот доклад, чтобы весь русский верующий народ знал, в какие руки попала власть над ним. Но тут выяснилось, что ни одна типография не возьмется за печатание такого доклада, так как по решению Союза печати наборщик, который бы взял на себя набор шрифта для подобного доклада, немедленно исключается из Союза печати, что равносильно лишению заработка; есть циркуляр Советской власти, согласно которому под угрозой строгой ответственности запрещается печатать что бы то ни было для Собора, патриарха и вообще для Церкви. Редактор «Церковных ведомостей» протоиерей П.Н. Лахостский доложил собранию, что ему удалось найти одно-

Протоиерей П. Лахостский

го немца, который по ночам в своей типографии сам набирает для него «Церковные ведомости» — таким порядком он выпустил 1-й и 2-й номера означенных ведомостей, а завтра надеется выпустить соединенные 3—4-й номера. Этот же немец мог бы напечатать и доклад Н.Д. Кузнецова. Собрание просило Н.Д. Кузнецова напечатать его доклад, если не в типографии, то на гектографе, чтобы разослать его по всем епархиям для осведомления русского народа»²⁷. Большевики загоняли Церковь в катакомбы — они лишали ее имущества, денег, права юридического лица, более того — стремились заткнуть рот церковным деятелям. Самое удивительное, что немец, а не русский и православный издатель рискнул печатать «Церковные ведомости».

На заседании от 15 марта был заслушан доклад соборянина В.В. Радзимовского «О поводах к расторжению церковных браков». В течение месяца шло горячее обсуждение этого доклада. Хотя, казалось, само время не благоприятствовало подготовке и обсуждению подобных проблем. Соборянин юрист Н.Н. Фиолетов резко высказался о докладе Радзимовского: «Доклад, который нами обсуждается, в значительной степени носит характер казуистики. В нем нет ни общей идеи, ни общего принципа, ни систематизации по общим положениям, которые бы выражали его сущность. В нем дан только простой казуистический перечень обстоятельств, которые могли бы служить поводом к разводу. Этим и объясняется та расплывчатость, неясность и неопределенность, которые замечаются в прениях по данному вопросу. Как при обсуждении доклада о приходе, так и теперь такая точка зрения на предмет ведет только к напрасной трате времени. Здесь уже говорилось, что возникают сомнения: следует ли обсуждать этот доклад? И такие сомнения вполне понятны и законны, раз в докладе нет руководящего принципа, который можно бы вывести из существа церковного права»²⁸. К сожалению, это мнение не было услышано — обсуждение доклада продолжалось. И все же Собор успел выработать основные положения, позволяющие расторгнуть распавшийся брак. Сталкивались различные точки зрения — председательствующий, митрополит Арсений Новгородский, пытался ограничить число выступающих, призывал соблюдать жесткий регламент. Но не всегда это удавалось.

Порой в жарких спорах на Соборе слышались суждения о состоянии религиозного просвещения русского народа. Архимандрит

Архимандрит Матфей
(Померанцев)

Матфей при обсуждении проблемы расторжения брака заметил: «Хочу обратить внимание на то, что православная Россия — это Ниневия со 120 000 младенцев, не умеющих отличать правой руки от левой. Пастыри и миряне говорят, что из 10 человек найдется едва ли один, умеющий прочесть и понимать молитву Господню, а митрополит Антоний (Храповицкий — С.Б.) говорит, что вряд ли многие понимают исповедание своей веры. Мне представляется, что различные миссионеры, сектанты и душегубы с Запада нахлынут на народ и невежды в догматах будут склонены в иноверие, а в недалеком будущем — масса случаев уклонения от православия»²⁹.

Наиболее трезвый взгляд на сложившуюся ситуацию все же высказывали миссионеры. Когда Собором рассматривался вопрос о миссионерском служении, один из наиболее авторитетных миссионеров, соборянин М.А. Кальнев, полемизируя с архимандритом Матфеем, обратил внимание на реальную угрозу: «Согласитесь, что в данное время не так страшны для Русской Церкви десятки хорошо подготовленных в Нью-Йорке баптистских миссионеров, тысячи возвращенных немцами в баптизм и теперь возвращающихся в Россию пленных наших солдат, не столько страшны для нее целые тучи проповедников раскола, сектантства, унии, католичества и всякого иноверия, сколько ужасен факт общего религиозного разложения народа и нравственного его самосознания. Мы переоценили уровень религиозно-нравственного состояния нашего народа, увы, мы мало знали его; за пеленой внешнего благочестия народа от нас была скрыта степень развития в нем истинного христианского настроения, степень усвоения им учения Христа. Революция сдернула эту пелену, и нашим глазам предстал родной наш народ во всей своей наготе, покрытый зияющими язвами греха и беззакония, безбожия и кощунства, насилия и жестокости, приближающих его к человеку-зверю. Еще на теле русского народа есть здоро-

вые места, еще не все пропало, не все еще преклонили колена перед Ваалом, с помощью Божией еще можно остановить, а потом и излечить пораженный организм народа, но для этого требуется напряжение всех сил Церкви, и пренебрежение в данное время такую уже испытанною силою, какую является наша православная внутренняя миссия, было бы страшным, неизгладимым преступлением, было бы тяжким грехом перед Богом и Церковью»³⁰.

Но среди споров возникли мнения, которые тут же претворялись в жизнь. Так, по определению Соборного Совета была создана Комиссия о гонениях на Православную Церковь. 16 марта 1918 года Соборный Совет заслушал записку 77 членов и постановил предложить членам Собора рассмотреть ее для принятия решений по существу изложенных в ней предложений. Дело «о церковном большевизме» было доложено в заседаниях Собора 20–22 марта 1918 года. В ходе обмена мнениями выступили члены Собора архиепископ Тверской Серафим (Александров), архимандрит Матфей (Померанцев), Б.Я. Бялыницкий-Бируля, епископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский), И.И. Беликов, священник Владимир Востоков, В.И. Зеленцов, П.И. Астров, А.В. Васильев и другие. Члены Собора высказались за образование особой комиссии из 12 членов, которая в недельный срок должна была подготовить предложения о мерах борьбы с церковным большевизмом.

Путем голосования с подачи записок в состав комиссии были выдвинуты кандидатуры Н.Д. Кузнецова, архимандрита Матфея, П.И. Астрова, И.М. Громогласова, С.П. Руднева, епископа Вятского Никандра, Л.К. Артамонова, протоиерея Павла Лахостского, В.Г. Рубцова, архиепископа Кирилла (Смирнова), профессора-протоиерея А.П. Рождественского, митрополита Одесского Платона (Рождественского). При этом протоиерей А.П. Рождественский и Н.Д. Кузнецов заявили, что не смогут принять участие в работе комиссии ввиду множества других

А.В. Васильев

Обновленческий митрополит Александр Введенский

дел. Вместо Кузнецова и протоиерея Рождественского в состав комиссии вошли С.Н. Булгаков и протоиерей П.А. Миртов, получившие наибольшее число голосов. Председателем комиссии на ее первом заседании 23 марта (5 апреля) 1918 г. был избран митрополит Платон (Рождественский). Комиссия провела 7 заседаний, каждое из которых продолжалось от 30 минут до 2 часов.

Создание комиссии было как нельзя более своевременным, поскольку разрушительные силы внутри Церкви начали действовать. В Совнарком уже в декабре 1917 года обратился петербургский

священник Михаил Галкин с предложением «своих услуг в области отделения Церкви от государства». Вряд ли большевики без помощи духовенства, перешедшего на сторону богоборцев, смогли бы столь успешно бороться с Церковью. Галкин с этого периода стал одной из ключевых фигур в среде большевиков-богоборцев. Он вошел в состав VIII отдела Наркомата юстиции, задачей которого была борьба с Церковью. Галкин писал антирелигиозные статьи под псевдонимом Горев и даже вошел в состав Антирелигиозной комиссии при Политбюро. Немало зла причинил Церкви в этот период и архиепископ Владимир Путята, поддерживавший дружеские отношения с Луначарским. Он первым организовал раскол в Пензенской епархии, где был правящим архиереем. Позже, уже после окончания Гражданской войны, уклонились в раскол епископ Антонин (Грановский), а также священники Александр Введенский и Владимир Красницкий. Они возглавили обновленческий раскол, обескровивший Православную Церковь в России.

В начале апреля 1918 года встал вопрос: приостанавливать ли работу Собора на Страстной и Светлой седмицах? Соборный Совет

внес предложение приостановить работу и возобновить ее в сентябре. Н.Н. Медведков справедливо заметил: «Многими голосами совещание склонилось к мысли о невозможности даже перерыва в соборных занятиях. Перерыв может создать такое положение, что нам нельзя будет возвратиться к исполнению своих обязанностей. Кто поручится, что в мае мы съедемся обратно?»³¹ Архимандрит Матфей обратил внимание соборян на то, что избранные Собором Священный Синод и Высший Церковный Совет не только не имеют места, где они могли бы собираться и работать, но даже не имеют канцелярии и необходимых сотрудников. Он считал, что сначала необходимо создать условия для нормальной работы Высшего Церковного управления, а потом уже разбегаться. И все же решение Соборного Совета возобладаало — накануне Пасхи вторая сессия Собора была распущена до сентября. Основными документами, принятыми второй сессией, были определения «Об епархиальном управлении» и «Приходской устав». Оба принятых документа подчеркивали возрастающую роль епископа в жизни епархии и общины, но в то же время большую самостоятельность прихода. Приходу было предоставлено право самоуправления. Было решено, что приходское собрание должно созываться не реже двух раз в год. Хозяйственной деятельностью во всей полноте призван был вести приходской совет. Временный приходской устав 1917 года разрешал приходу самостоятельно избирать клириков для поставления, но Собор не подтвердил этого права.

Случались и курьезы. Соборянин священник Георгий Голубцов записывал в дневнике: «Вечером... был на заседании отдела о церковной дисциплине. Речь шла о ношении духовенством светского платья и стрижении волос. Во время прений выяснилось, что настоящее духовное одеяние русского духовенства никогда никаким Собором не было узаконено, что до патриарха Никона духовенство ходило в кафтанах, ничем не отличаясь в одежде от русского народа, а с этого времени стало носить и рясу. Что же касается стрижения духовенством волос, то выяснилось, что ношение длинных волос воспрещалось даже церковными правилами, как своего рода франтовство. После продолжительных прений отдел, признав нормальной официальной одеждой для священника или диакона только подрясник, а рясу — одеждой необязательной, которую он может и не носить (являясь к архиерею и к богослужению, священник должен надевать на подрясник крест), постано-

вил: 1. Рекомендовать духовенству носить установленное платье — подрясник только или рясу — по его усмотрению, и умеренное стрижение волос...»³² Но для оздоровляющейся Церкви даже эти мелочи имели большое значение. Давно не стриженный священник, в рясе и сапогах, всегда смотрелся неким анахронизмом, фигурой из далекого прошлого. Печально, что рекомендации Собора игнорируются православным духовенством и поныне.

Рассматривая проблемы, поставленные и разработанные Отделами, соборяне все чаще возвращались к одной из самых важных и неотложных проблем — что же происходит в России? Священник Павел Лахостский в своем выступлении 29 марта заявил: «Но вот здесь-то и встает грозный и страшно трудный вопрос: а народ-то наш православный, верующий, богоносец, про который мы говорим, что он не воспринял и не может воспринять такого социализма, как этот народ очутился во многих местах среди самых ярких гонителей? Верим ли мы, имеем ли право и теперь, после того, что произошло и происходит, верить и утверждать, что православный народ наш верит в Бога, что он не безбожник-социалист, а остается верным своей Церкви? ...народ является по местам грабителем потому, что он действует не сам по себе. Он действует в насильно напяленной на него духовной маске, которую нужно помочь ему с себя сорвать и бросить с отвращением в сторону. Нужно всеми силами и способами разоблачать эту постыдную, скрывающую подлинный народный лик маску. Кем же напялена эта маска на наш народ? Ответ требует величайшей мудрости и осторожности. Здесь, боюсь, наши взгляды разойдутся. В столицах, да и в других городах уже ходил по рукам подлинный список (даже печатный) наших высших правителей, из коего видно было, что громадное большинство их — евреи. По официальным донесениям с мест видно, что в некоторых местах комиссары по духовным делам — евреи, а среди их помощников и сотрудников вы почти везде непременно усмотрите евреев»³³.

Это выступление протоиерея Лахостского вызвало бурный отклик среди соборян. С.П. Руднев и А.В. Васильев выступили в поддержку Лахостского, считая, что вся вина за революционные события лежит на евреях. Им резко возразили священники Пономарев и Бекаревич. Пономарев сказал: «Гонения на Церковь возбуждали и возбуждают не одни евреи, но и те части русского общества, которые, подобно прокаженной части организма, отваливались от те-

ла русского народа, и, сами погибая в собственном растлении, всюду сеют смуту и разделение. Это гнойники России, издающие смрад духовного разложения. Я разумею ту часть интеллигенции, которая с первых университетских годов жизни «не верит» и смеется «над предрассудками», то есть над верой отцов»³⁴. Среди виновников революции и гонений на Церковь Пономарев назвал и тех священников, которые поспешили снять с себя священный сан и влились в стан гонителей. А также многих членов Государственной Думы, которые расшатывали государственный строй, не задумываясь о последствиях.

Князь Андрей Чагадаев

Протоиерей Э.А. Бекаревич резко высмеял предложение Ляхостского обратиться за помощью к еврейскому раввину. Он продолжил: «Как организовать народ церковный, как объединить духовенство так, чтобы Церковь явилась крупной и мощной организацией? Ведь провинция спит еще доселе. Многие священники даже не понимают, зачем нужна организация и объединение. Необходимо, чтобы члены Собора на местах будили эту уснувшую провинцию, необходимо, чтобы, разъехавшись отсюда на места, они повели организационную работу»³⁵. Резко прозвучало выступление князя А.Г. Чагадаева: «Теперь ищут виновников гонения на Церковь. И вот некоторые, любя русский народ, ищут виновников на стороне, даже обвиняют целую отдельную нацию — еврейскую. Но пусть каждый из нас спросит свою совесть: есть ли у нас достаточно фактов, чтобы обвинять отдельную нацию? Не весь ли народ виноват? И обвинять евреев — не значит ли это бросить факел в пороховой ящик? Не вызовем ли мы новых потоков крови, если будем говорить, что в гонениях на Церковь виноваты евреи? Не будут ли эти обвинения переведены на площадный крик — «бей жидов»?»³⁶

На этом заседании председательствовал митрополит Новгородский Арсений. Ему удалось удержать соборян от огульного осуждения евреев, хотя из зала слышались угрожающие выкрики в его ад-

рес. Собор противостал антисемитским призывам, пробуждающим низменные страсти, и не пошел по пути большевиков. Стихия революции пользовалась низменными страстями людей словно горючим материалом. Впрочем, и в послереволюционные годы большевики опирались на те же низменные инстинкты. Ненависть и зависть — основные двигатели революции. Их сначала пробуждали, а затем эксплуатировали большевистские вожди. «Формулировка Бакунина, резюмировавшего то, что он понял из Гегеля, становится аксиомой большевизма: дух разрушения — это тот же дух созидания»³⁷. Поместный Собор оставался в России единственным авторитетным для верных Церкви россиян собранием, которое противостояло повальному безумию, охватившему страну. Большевики вплоть до сентября 1918 года были вынуждены считаться с этой нравственной силой. Когда к Бонч-Бруевичу, тогдашнему управляющему делами Совета народных комиссаров, пришла делегация Собора во главе с А.Д. Самариним, он не только принял и выслушал ее, но и пообещал, что Декрет о свободе совести будет вскоре пересмотрен. Более того, когда соборяне узнали, что 1 мая предполагается устроить демонстрации и митинги в Москве (а этот день в 1918 году совпадал с Великой средой), было принято обращение к Совету народных комиссаров: «В скорбные дни Страстной седмицы всякие шумные празднества и уличные шествия, независимо от того, кем и по какому случаю они устраиваются, должны рассматриваться как тяжелое оскорбление, наносимое религиозному чувству православного народа. Посему, призывая всех верных сынов Православной Церкви в упомянутый день наполнить храмы, Собор предостерегает их против какого-либо участия в означенном торжестве. Каковы бы ни были перемены в русском государственном строе, Россия народная была, есть и остается православною»³⁸.

7 апреля по новому стилю вторая сессия Собора завершила свою работу. Как показало время, правы оказались те соборяне, которые призывали не прекращать его работу. Летом 1918 года пожар Гражданской войны запылал с такой силой, что большевики отныне рассматривали Поместный Собор как враждебную силу. Поэтому было принято решение не допускать созыва третьей сессии Собора. Когда соборяне начали съезжаться в Москву в начале июля, неожиданно выяснилось, что здание Московской духовной семинарии, где проходили обе сессии Собора, занято делегатами 5-го съезда Советов.

V. ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА

...Народ, безумием объятый,
 О камни бьется головой
 И узы рвет, как бесноватый...
 Да не смутится той игрой
 Строитель внутреннего Града —
 Те бесы шумны и быстры:
 Они вошли в свиное стадо
 И в бездну ринутся с горы.

Максимилиан Волошин

До сих пор еще не оценен по достоинству вклад российской интеллигенции в дело укрепления и развития Русской Православной Церкви в послереволюционный период. Все то, что было выработано Поместным Собором 1917–1918 годов, не было в полноте усвоено и внедрено в жизнь церковным народом. Этому процессу помешала Гражданская война, развязанная большевиками, и те небывалые в истории гонения, которые новые властители России обрушили на Русскую Церковь. Но российская интеллигенция, активно воцерковлявшаяся с начала большевистского переворота, сумела не только усвоить, но и многое из наработок Поместного Собора воплотить в жизнь. Роль российской интеллигенции, возникшей как социальное явление во второй половине XVIII века, в разрушении самодержавия и государства Российского достаточно четко прослежена в работах Р.В. Иванова-Разумника, а также в знаменитом сборнике «Вехи». В период послереволюционной эмиграции Н.А. Бердяев, один из авторов сборника «Вехи», высланный из большевистской России по приказу Ульянова в 1922 году, создал исследование «Истоки и смысл русского коммунизма», которое вышло сначала в 1937 году на английском языке, затем на многих европейских языках, и лишь в 1955 году — на русском.

Необходимо вспомнить отличительные черты российской интеллигенции дореволюционного периода: «Первым и главным из этих признаков является следующий: интеллигенция есть прежде всего определенная общественная группа... К группе интеллигенции может принадлежать полуграмотный крестьянин, и никакой университетский диплом не дает еще права его обладателю при-

числять себя к интеллигенции... второй, основной признак интеллигенции — преемственность, интеллигенция есть группа преемственная... история русской интеллигенции ведет свое начало от группы, впервые поставившей своим девизом борьбу за народное освобождение, вторая половина XVIII века послужила только предисловием к этой истории, которую XIX век развернул во всей ее широте... можем указать еще на два характерных признака русской интеллигенции: это ее внесловность и внеклассовость... И как бы ни был мал абсолютный социологический вес интеллигенции, но в ее творчестве, в ее идеалах — жизненный нерв народа, ибо интеллигенция есть действительно орган народного сознания и совокупность живых сил народа»¹.

Спустя тридцать лет Н.А. Бердяев уточнял: «Интеллигенция была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой, образовавшейся из разных социальных классов, сначала по преимуществу из более культурной части дворянства, позже из сыновей священников и диаконов, из мелких чиновников, из мещан, а после освобождения — из крестьян... Интеллигенция скорее напоминала монашеский орден или религиозную секту со своей особой моралью, очень нетерпимой, со своим обязательным мирозерцанием, со своими особыми нравами и обычаями... Интеллигенция всегда была увлечена какими-то идеями, преимущественно социальными, и отдавалась им беззаветно. Она обладала способностями жить исключительно идеями. По условиям русского политического строя интеллигенция оказалась оторванной от реального социального дела, и это очень способствовало в ней развитию социальной мечтательности»². Героизм, подвижничество, готовность к самопожертвованию — это черты, по сути своей, религиозные. Когда произошло крушение самодержавия и Временное правительство продемонстрировало полную неспособность управлять страной, а власть захватили большевики, началось резкое размежевание в стане российской интеллигенции. Безусловно, и до революции не было полного единомыслия среди интеллигенции. Явление славянофильства, феномен Чаадаева и Владимира Соловьева, земское движение — все это свидетельства того, что наряду с разрушительным течением в стане российской интеллигенции всегда существовало течение созидательное. Архимандрит Киприан Керн справедливо замечает: «Часто любят говорить об исключительно отрицательной роли интеллигенции в рус-

ском прошлом. Но огульные осуждения опасны и неверны. Очень рискованно, впрочем, на себя брать и труд защиты интеллигенции, как и вообще труд оправдания русского прошлого. Но сама историческая действительность вынесла свой приговор всем нам. Приговор, м.б., гораздо более суровый, чем бы мог вынести самый строгий философ истории. Да и сама интеллигенция в лице своих наиболее чутких представителей беспощадно себя не раз осуждала.

Излишне поэтому повторять горькие истины об отступничестве интеллигенции, об ее выпадении из руслу русской истории, удалении от Церкви, позитивизме. Обо всем этом должно скорбеть, но никто не вправе огульно осуждать и надмеваться. Как нигде, здесь опасны обобщения и безусловные утверждения. В частности, безбожие и индифферентизм не суть качественный признак нашего культурного класса. Искания интеллигенции, ее способность к жертвенному подвигу, отвержение себя, страдальчество за униженного, врожденный идеализм, чуждый мещанскости, — все это свидетельствует о мощи ее духа. Искания Небесного Града и весь долгий мучительный путь вспять от подполья к Церкви говорят о величии ее религиозного пафоса, пред которым нельзя не преклониться³. До революции эти два течения сосуществовали, иногда объединяясь для достижения общих целей, иногда резко размежевываясь. И только после большевистского переворота произошло резкое и окончательное размежевание. Часть российской интеллигенции, еще до революции вошедшая в лоно Церкви, резко противостала богоборческому и человеконенавистническому режиму. Другая часть пошла вслед за большевиками, признав, подобно Блоку и Маяковскому, правоту новых вождей. Судьба этой части российской интеллигенции достаточно ярко и широко описана не только историками, но и беллетристами, уцелевшими после сталинских чисток.

Важной вехой в осмыслении большевистского переворота 1917 года был сборник «Из глубины». Завершенный летом 1918 года, он был отпечатан и пущен в продажу только спустя три года. После покушения Каплан на Ульянова (Ленина) летом 1918 года большевиками был развязан так называемый «красный террор». Инициатор сборника Петр Струве вынужден был летом 1918 года покинуть Москву. Позже, вспоминая события этого лета, друг и соратник Петра Струве, живший тогда в Саратове Семен Франк вспоминал: «Я получил от него письмо, он приглашал меня написать статью в

сборник, в котором бывшие участники «Вех»... и многие другие писатели должны были дать принципиальное обоснование своего отрицания большевизма. П.Б. писал мне, что предполагается, что каждый из нас «скажет то, что ему подсказывает совесть и разум». Было принято предложенное мною название сборника «Из глубины»⁴. Кроме авторов, принимавших участие в сборнике «Вехи», Струве пригласил С.А. Аскольдова, П.И. Новгородцева, С.А. Котляревского, В.Н. Муравьева, правоведа И.А. Покровского, а также поэта и мыслителя Вячеслава Иванова. Так же, как в случае с составлением «Вех», авторы не стоваривались о какой-либо общей линии или о выработке каких-то общих направлений. Они были единомышленниками, поэтому сборник до сих пор воспринимается как некий мощный хор, выразивший свою точку зрения на трагедию 1917 года. Поразительно, что сборник, составленный летом 1918 года, три года ждал своего часа в типографии Кушнерева и К°. Когда Россию после окончания Гражданской войны охватила волна крестьянских восстаний, рабочие типографии по своей инициативе отпечатали этот сборник и пустили его в продажу. Конечно, по влиянию он никак не мог соперничать с «Вехами». Прежде всего потому, что продавался лишь в Москве. Большевики яростно изымали его из продажи. И все же многие мысли, прозвучавшие в этом незаслуженно забытом сборнике, не утратили своей актуальности и сегодня.

Сергей Аскольдов, оставшийся в Советской России, прошедший в 20-е и 30-е годы через тюрьмы и лагеря, пророчески отмечал в статье «Религиозный смысл русской революции»: «Но прежде всего мы подчеркнем еще один, быть может, религиозно наиболее положительный момент во всякой революции. Являясь наиболее плодоносящей в отношении зла и обнаруживая его в явных и, так сказать, созревших формах, она тем самым служит и добру. Именно в ней плоды зла, так сказать, спадают с породившего их орга-

С.А. Котляревский

И.А. Ильин со студентами МГУ. Начало 20-х гг.

низма, а главное — явно обнаруживают свою природу. Поскольку революции являются именно опасными болезнями, а не окончательной смертью, поскольку они до сих пор находили свое исцеление, они именно и имеют этот двойственный характер: с одной стороны, наиболее яркого и полного обнаружения зла, с другой стороны, наиболее радикального от него освобождения... Именно революции способствуют разделению добра и зла, выявляя и то, и другое в наиболее яркой форме. И, как процессы очищения добра от выявившегося зла, они с религиозной точки зрения имеют печать благодетельности и, в сущности, наиболее реализуют религиозный смысл истории, состоящий именно в разделении добра и зла в их созревших формах... Но верная Христу часть человечества в революциях, как в грозе, лишь очищается и просветляется. И как пришествие Антихриста в силе знаменует собою и близкое торжество Христа, так и все взрывы злых сил в процессе революции являются провозвестниками новых религиозных подъемов и, быть может, даже преobraжений⁵.

В то же время он говорил о пороках народников, обожествлявших русский народ: «Быть может, наибольшее своеобразие русской души заключается, на наш взгляд, в том, что среднее специфически человеческое начало является в ней несоразмерно слабым по сравнению с национальной психологией других народов. В

русском человеке как типе наиболее сильными являются начала святое и звериное. Этот своеобразный душевный симбиоз может показаться странным... Этот своеобразный зверинец русской души в достаточной мере ярко и художественно правдиво представлен нашими бытописателями: Гоголем, Островским, Лесковым, чтобы его нужно было подтверждать и иллюстрировать теми или иными примерами⁶. В эти же годы ученый-рационалист Владимир Вернадский записывает в дневнике: «...отвратительные черты ленивого, невежественного животного, каким является русский народ — русская интеллигенция, не менее его рабья, хищническая, продажная, то историческое «варварство», которое так ярко сейчас сказывается кругом, заставляет иногда отчаиваться в будущем России и русского народа. Нет честности, нет привычки к труду, нет широких умственных интересов, нет характера и энергии, нет любви к свободе. Русское освободительное движение было, по существу, рабье движение. Идеал — самодержавный или крепостнический строй. Сейчас по отношению к своему народу чувствуется не ненависть, а презрение...»⁷

Многим прозрениям Аскольдова созвучны и мысли Н.А. Бердяева в его статье в том же сборнике — «Духи русской революции»: «Тщетны оказались надежды, что революция раскроет в России человеческий образ, что личность человека подымется во весь свой рост после того, как падет самовластье. Слишком многое привыкли у нас относить на счет самодержавия, все зло и тьму нашей жизни хотели им объяснить. Но этим только сбрасывали с себя русские люди бремя ответственности и приучили себя к безответственности. Нет уже самодержавия, а русская тьма и русское зло остались. Тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре. Нет уже старого самодержавия, а самовластье по-прежнему царит на Руси, по-прежнему нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам. Нет уже старого самодержавия, нет старого чиновничества, старой полиции, а взятка по-прежнему является устоем русской жизни, ее основной конституцией. Взятка расцвела еще больше, чем когда-либо. Происходит грандиозная нажива на революции»⁸.

С.Н. Булгаков, переключаясь с последним произведением В.С. Соловьева «Три разговора», включил в сборник диалоги под названием «На пиру богов». В них нашли место достаточно спор-

ные впечатления и от участия в работе Поместного Собора: «...но все-таки остается тот факт, что и на Соборе, как и вне его, царят догматическая вялость и спячка, а при таком условии мы даже права не имеем притязать на настоящий Собор, кроме как на созванный сверху, по щучьему велению, по обер-прокуророву хотенью. Вселенские Соборы возникали тогда, когда церковная жизнь доходила до точки кипения, при которой единственным жизненным исходом могло быть только «изволися Духу Святому и нам». А это не Собор, а лишь всероссийский церковный съезд, облеченный чрезвычайными полномочиями»⁹.

Инициатор сборника «Из глубины» П.Б. Струве в статье «Исторический смысл русской революции и национальные задачи» раскрыл опасность еще одного термина, брошенного большевиками в массы, — так называемой «классовой борьбы»: «Говорят «классовая борьба», а ощущают как реальный мотив и жизненное задание отстаивание индивидуальных интересов... Вот почему идея классовой борьбы могла подвигнуть на разрушение армии и ее дисциплины, на разрушение экономической культуры в погромном вихре и так жалко неспособна и бессильна создать даже Красную армию и заложить основы хозяйственной организации общества на принципе социализма. Это и значит, что идеи социализма и классовой борьбы, как идеи революционные, имеют над русскими массами силу и власть только как индивидуалистические и разрушительные, а не как коллективистические и созидательные»¹⁰.

С.Л. Франк в статье «De profundis» бросил упрек Временному правительству, которое не смогло обуздать разрушительные силы народа, пробужденные войной и большевиками: «При всем избытке взрывчатого материала, накопившегося в народе, понадобилась полугодовая упорная, до иступления энергичная работа разнуздывания анархических инстинктов, чтобы народ окончательно потерял совесть и здравый государственный смысл и целиком отдался во власть чистокровных, ничем не стесняющихся демагогов. Вытесненные этими демагогами слаонервные и слабоумные интеллигенты-социалисты должны, прежде чем обвинять народ в своей неудаче, вспомнить всю свою деятельность, направленную на разрушение государственной и гражданской дисциплины народа, на затаптывание в грязь самой патриотической идеи, на разнуздание под именем рабочего и аграрного движения корыстолюбивых инстинктов и классовой ненависти в народных массах — дол-

Г.И. Челпанов со студентами

жны вспомнить вообще весь бедлам безответственных фраз и лозунгов, который предшествовал послеоктябрьскому бедламу действий и нашел в нем свое последовательно-прямолинейное воплощение»¹¹. Отмечая последствия Октябрьского переворота, Семен Франк пророчески предсказал: «...Россия произвела такой грандиозный и ужасный по своим последствиям эксперимент всеобщего распространения и непосредственного практического приложения социализма к жизни, который не только для нас, но, вероятно, и для всей Европы обнаружил все зло, всю внутреннюю нравственную порочность этого движения»¹².

Судьба авторов сборника и той части интеллигенции, которая сознательно избрала путь противостояния, обрекавший ее на мученичество, еще недостаточно освещена отечественными и зарубежными исследователями. Трудно переоценить роль таких мыслителей и философов, как священник Сергей Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Г.П. Федотов, А.А. Мейер, М.А. Новоселов (ставший в 30-е годы катакомбным епископом Марком), священники Валентин Свенцицкий и Павел Флоренский, И.А. Ильин,

Г.И. Челпанов, священник Алексей Мечев, А.С. Мишенькин, священник Сергей Мечев и многие другие, в формировании нового религиозного сознания в многочисленных кружках молодежи, повсеместно возникавших в первые годы Советской власти во многих российских городах. Эти кружки, возникавшие в годы Гражданской войны, позже, в начале 20-х годов, часто превращались в братства, традиция которых в христианстве весьма давняя.

С первых веков в Риме известны погребальные братства. Регистрируясь как погребальные сообщества, они получали во владение катакомбы, а также возможность полулегального существования. Катакомбы служили римским первохристианам храмами. Позже, по мере укрепления христианства, возводятся во всех уголках экumeny храмы. Четче век от века начинают выкристаллизовываться институционные формы Церкви. Так возникает приход — поначалу община, собранная вокруг епископа, регулярно встречающаяся в храме. Фундаментом прихода по-прежнему оставалась община — люди, призванные Христом, объединенные единой верой и строящие жизнь по заветам Бога.

Позже община часто вытеснялась приходом, который постепенно становился административным понятием. Христиан объединял храм и в нем совершавшееся богослужение. Покидая храм, люди разбредались, теряя друг друга, поскольку их объединял лишь внешний фактор: стены храма. Даже находясь в храме во время служения евхаристии, христиане слишком часто не становились «единым сердцем, едиными устами». Да и сама литургия в православии, отчуждаясь, уходя за иконостас, становилась малопонятным театрализованным действием. Недаром в XIX столетии отечественный подвижник, архимандрит Антонин (Капустин) писал о необходимости в России «...распространения мало-помалу сведений о литургической стороне Православной Церкви в течение всех 18 веков бытия ее, причем, конечно, и в том виде, в каком она существует теперь у православных народов...»¹³ Подобное общение было поверхностным, безличностным. Этим отчасти объясняется уход лучших в пустыню в IV-V веках. Там вновь возрождается община. Порой отсутствует храм и даже предстоятель, но явственно присутствует среди пустынников Христос и Его Божественная любовь. Это и Тавенисси, и много позже братство святого Франциска, и Киево-Печерская обитель. Христиан не удовлетворяло отчужденное богослужение. Они испытывали острую

нужду в подлинном межличностном общении. Идеалом христиан во все времена оставалась апостольская община вокруг Христа. Его семья, которую Он любовно пестовал. Взаимоотношения между членами общины строились на основе взаимной любви.

Как только вторгалось насилие — община разрушалась. Это не означает, что в общине все равны. Необходим предстоятель — человек, который бы не только объединял вокруг себя людей, но и помогал их совершенствованию. Чаще всего им становился человек, обладающий большими знаниями, большим духовным опытом. Но он, по примеру Христа, был призван служить общине — лишь тогда она крепла и духовно возрастала. Если в первоапостольской общине были нестроения, то и более поздние общины были подвержены греху. Смысл существования христианской общины в том, что она побеждает грех на пути ко Христу. Настает час, когда она являет себя миру, становясь солью, консервирующей разлагающийся мир. «...Лишь совместное осуществление апостольского подвига являет миру, раздираемому страстями и соблазнами, несокрушимое единство Церкви Христовой»¹⁴. Само по себе безличностное общение сродни стадности. Безличностная общность лишена сопротивляемости — она легко дробится и распадается. Подпадая под власть злой воли — легко управляется. «Я не могу спастись сам, в одиночку, я могу спастись лишь с моими братьями, вместе со всем Божьим творением. Я не могу думать лишь о собственном спасении, я должен думать о спасении других, о спасении всего мира»¹⁵, — утверждал Н.А. Бердяев, осознавая, что человечество — единый организм.

В жизни Церкви личность, свободно ведомая Богом, часто обретает единственно верный путь не только для себя, но и для церковного народа. Много может сделать человек, живущий по заветам Христа, являющийся «соработником» Богу. Достаточно вспомнить святых Афанасия Великого, Василия Великого, Максима Исповедника! В противостоянии большинству они явились выразителями Высшей Истины! Но личность не вырастает в стаде. Лишь в подлинном межличностном общении, учась и подражая духовным учителям, формируется личность. Массовое появление межличностных общин на Западе в наши дни не является признаком католического модернизма. Задолго до II Ватиканского Собора повсеместно в послереволюционной России начали возникать христианские содружества. Миряне являли миру образцы личной

Патриарх Тихон

святости. В первые годы Советской власти прозвучал призыв патриарха Тихона: «Не теряйте же времени, собирайте вокруг себя стадо, по одному, по два, собирайте их на пастырские беседы. Отбирайте сначала лучших людей. Не пренебрегайте беседами с благочестными женщинами, которые часто удерживают своих мужей и братьев от безумных поступков и защищают Церковь Божию. Составляйте из благонамеренных прихожан братства, советы — что найдете полезным по местным условиям...»¹⁶ Братства возникли по всей стране, как и двести лет назад, на

рубеже XVII и XVIII столетий, на Западной Украине. Общины росли и крепились. Подчас даже без епископов, лишенные священников, но твердые в вере, активные, жизнеспособные, давшие России немало мучеников и исповедников. После вековой греховной спячки пробуждалась христианская Россия. Братства не упразднили приходоустройства там, где они продолжали существовать. Они восполняли недостатки прихода. Из прихожан священник отбирал будущих братчиков. Братства, чтобы выжить, по примеру первоапостольских общин, были немногочисленны и замкнуты.

Один из не самых характерных и ярких примеров — киевское Братство Воскресения Христова. Оно было основано 6 декабря 1917 года. Председателем избран псаломщик Василий Николаевич Попов. Вероятно, это была одна из первых общин, возникших сразу после большевистского переворота. В архиве автора сохранился дневник В. Попова, который велся им скрупулезно и регулярно. К сожалению, до нас дошла лишь одна тетрадь, охватывающая период с 17 июля 1920 года до 20 февраля 1921 года. В тетради сохранилась записка следователя, из которой можно заключить, что Попов был арестован 3 февраля 1921 года. Небесным покрови-

телем Братства Воскресения Христова считался святитель Николай Мирликийский. Братчики регулярно проводили в большие праздники крестные ходы как в пределах города, так и в близлежащие монастыри, собирались на чтение акафистов. Вне храма собирались на чаепития, хозяйственные заготовки, поскольку братство владело большими садами. Зимой же ездили за город на заготовку дров. За четыре года Советской власти быт братчиков почти не изменился — царствовал патриархальный уклад, изрядно стесненный хаосом Гражданской войны, голодом и разрухой. Иногда Василий Николаевич ссорился с батюшками (хозяином храма считалось братство, а священники — лишь ставленниками), иногда поучал их.

Восприятие жизни, несмотря на происходившие вокруг коренные изменения, почти не изменилось. Попов красочно описывает повседневный быт. Установившиеся порядки он почитает временными и с неослабевающей надеждой ждет — вот-вот придут немцы, поляки или белые. Главное, что большевики вскоре исчезнут. «А большевики, слава Богу, опять уходят из Киева, и, видимо, навсегда. Не позднее 1 октября, а может быть, через 3–4 дня придут поляки и, говорят, вместе с ними немцы и французы. Поживем, увидим». Далее: «А большевички, очевидно, остаются и зиму в Киеве, что весьма неприятно, поскольку начались обыски, а вернее, грабежи. Забирают всю теплую одежду, обувь и белье. Твори Бог волю Свою!» (Ноябрь 1920 г.) Слухи полнят его сердце надеждами: «Только лишь вчера узнал о подробностях октябрьского восстания в Москве против Советской власти. Говорят, еще на один бы час запоздали советские войска на помощь, то повстанцы, взяв Кремль, перебили бы совет комиссаров. Но подошли латыши, и китайцы, и верные коммуне и спасли положение. В результате четыре тысячи погибших и девять тысяч арестованных, говорят, что убит генерал Брусилов. Если правда, то очень жалко сего даровитого и мужественного генерала. Но твори Бог волю Свою!» (24 октября 1920 г.) Не чужды ему и апокалиптические чаяния: «...кроме того, сами же большевики пишут, что террористические акты, направленные против них со стороны меньшевиков и анархистов, усилились. Я заметил, что, самое большее, они продержатся еще полгода. А не позднее 15 июля следует ожидать пришествия Христа Спасителя. Поживем — увидим!»¹⁷ Дневник весьма подробный, пестрит перечислениями, датами и адресами, где бывал Попов, с

Епископ Серафим (Звездинский)

кем он общался, о чем шел разговор. Указаны фамилии, имена братчиков и их адреса. Видимо, дневники ощутило облегчили труд чекистов.

Столь же патриархален уклад и быт другого братства — Живоотворящего креста Господня. Оно было создано исповедником и мучеником епископом Серафимом (Звездинским) в городе Дмитрове Московской области в январе 1922 года. Кроме устава, никаких других документов не сохранилось. Устав разделен на три части. Первая посвящена внешнему облику христианина и его дома. В этой части говорится об обязательном ношении нательного креста и наличии в доме икон. Много места уделяется технике крестного знамения — ни в коем случае нельзя соеди-

нять его с поклоном, в этом случае крестное знамение «ломается». Вторая часть уделяет внимание внутреннему строю жизни христианина: братчики должны стремиться жить по заповедям Христа. Указываются обязанности братчиков: во время богослужения они должны находиться в соборе и следить за порядком. В обязанности входила и взаимопомощь в случае нужды или болезни. Уровень культуры Дмитровской паствы был, видимо, весьма невысоким, и епископу Серафиму приходилось обучать прихожан общению друг с другом. В уставе записано: «...между братчиками не должно быть вражды, ссор, каких-либо иных угроз и особенно побоев, ударов, толканий и вообще всяких грубых выходок, свидетельствующих о потере не только христианского, но и вообще человеческого достоинства, приводящей человека в разряд грубых животных и диких зверей»¹⁸.

Епископ Серафим прибыл в Дмитров 1 января 1920 года. В день Знамения Пресвятой Богородицы, 27 ноября 1922 года, владыка

последний раз отслужил в Дмитровском Васильевском соборе. На следующий день ему вручили вызов, по которому он должен был явиться в Москву на Лубянку. Причиной послужило непреклонное противостояние епископа обновленцам. Он не отправился в добровольную ссылку, которую ему назначили живоцерковники, и не отдал им ни одного храма. 29 ноября он был уже в Москве. Остановившись у московских друзей и немного отдохнув, он отправился на Лубянку. К вечеру не вернулся, и тогда духовные чада отправились в комендатуру ОГПУ. Там им велели прийти через три дня. На третий день приняли передачу и записку. Владыка ответил запиской и благодарил верных дмитровцев. Его дело вел следователь Казанский. Владыка вспоминал потом, что следователь угрожал расправой, но епископ ответил ему словами Христа: «Если бы Господь не дал тебе, не имел бы никакой власти надо мной».

Вскоре его перевели в Бутырку. Страдания епископа Серафима в тюрьме были велики: тело изъели вши, кожа висела хлопьями, под кожей были заложены тысячи яичек, все зудело, и каждое движение причиняло невыносимые страдания. Ослабло сердце, участились приступы почечнокаменной болезни. Вызванный врач даже не мог приложить трубку к израненному телу, пришлось слушать через бумагу. Его перевели в околоток. Там немного полегчало — полубольничный режим, двери не заперты, свободный выход в уборную, больше воздуха, прогулки. Вместе с ним находились священник Иоанн Арсеньев, настоятель храма Христа Спасителя, его брат Илья Зотиков, протопресвитер этого же храма Александр Хотовицкий. Здесь владыка совершал Божественную литургию, исповедовал, причащал, старчествовал, укреплял отчаявшихся. Сохранилось свидетельство, что во внутренней тюрьме на Лубянке он пережил явление Христа. Уже в Бутырке в память об этом событии он сложил акафист Страждущему Христу Спасителю: «В несении

Протопресвитер Александр Хотовицкий

Красноармейцы конвоируют арестованных священников

Креста спасительного, десницею Твоею мне ниспосланного, укрепи же вконец изнемогающего»¹⁹.

Сохранилось свидетельство духовной дочери более позднего периода (1926 г.): «Он любил говорить образами, торжественно, мистически, таинственно. Иногда необыкновенно сильно, иногда по-отечески

ласково. Иногда обличал и говорил: «Я навожу на тебя прожектор, чтобы ты видела, какая ты должна быть и какая ты есть». Иногда он поражал меня вопросом: «Что ты делала в таком-то часу, я слышал то и то», — и так именно и было. Особое отношение было у него к литургии. Служение литургии было основным делом его жизни. Он считал, что христианин должен причащаться наивозможно чаще». Сохранились письма владыки из тюрьмы, ярко рисующие не только его облик, но и духовных детей. «Все получил полностью. Радости мои, бесценные и драгоценные, мир вам всем из темноты, из заключения моего. Благодарю вас от всего сердца за все дары любви вашей... Только беспокоюсь, что вы так много на меня тратитесь. Передатчицы мерзнут, руки, ноги отмораживают. Господь вам воздаст за все заботы обо мне... Благодарю за память о. Дмитрия Копытина. От него получил письмо. Сухарики (Св. Тайны) и платок от Евхаристии (антиминс) получил» (Бутырка, январь 1923).

«Ваши надписочки на посылках — звездочки денные для меня, я всякий раз по получении представляю их Солнцу-Христу. Нафталин, гвоздичное масло помогли мне, и в первый раз получил возможность заснуть. Мой сосед — инок, разут и раздет, помогите мне помочь ему. Пришлите мне мою жилетку и какую-нибудь обувь ему. Господь да хранит вас. Духом и сердцем с вами. Еп. Серафим». Сохранились и письма дмитровцев владыке: «Дорогой наш, родной наш владыка-отец! Не знаем, как умолить Господа и святого ангела-хранителя Вашего, да сохранит Вас Бог в нелегком пути Вашем.

Горячо просим святых молитв и благословения. Вышлите доверенность на получение вещей на имя Ивана Вас. Муравьева (дмитровский священник). Горячо преданные ваши дети духовные». Все время тюремного заключения шла оживленная переписка.

Прихожане собирали посылки, откликаясь на каждую просьбу епископа. Владыка часто делился своими переживаниями: «Господь дает великую тишину и мир сердцу моему. Тернии очищают от души всякую пыль. Буди воля Божия...» «В страдании — Христос. Никогда не получал я столько утешения, света и радости, как в тюрьме». Братчики нашли адвоката, но участь заключенного облегчить не удалось. 17 марта был зачитан приговор — два года ссылки в Зырянский край. До отправки чадам удалось выхлопотать несколько свиданий. Этап состоялся 30 апреля 1923 года. Это был тихий, теплый весенний день. У Таганской тюрьмы группами сидели прихожане. В четыре часа растворили тяжелые двери тюрьмы, вышли конвоиры, стали стрелять в воздух, разгоняя ожидавших. Затаив дыхание, ждали все появления владыки. Он шел с папагией на груди. Раздался общий вопль — люди рвались к нему, но конвоиры отбрасывали их. С ним рядом шли: епископ Афанасий (Сахаров), светловолосый, в голубоватой рясе, епископ Николай (Ярушевич), в нарядной рясе, блестящей плюшевой скуфье, протоиереи из Петербурга Александр Беляев и Петр Ивановский.

Уже из «стольпинского» вагона владыка писал: «Родные и бесценные дети и детки мои! Из камеры пересыльного поезда шлю вам всем мое благословение. Еду не один, а со всеми вами, ибо увожу всех вас в сердце моем, вас любящем и горячо молящемся. Е.С.Д.» Владыку отправилась сопровождать одна из монахинь игуменьи Фамари²⁰. По дороге к этапу присоединился еще один осужденный — отец Филарет, иеромонах из Чудовского монастыря. В Котласе владыки навестили епископа Петра (Полянского), проживавшего в ссылке. От Котласа до Усть-Сысольска добирались паромом. В Усть-Сысольске отбывал ссылку митрополит Кирилл (Смирнов)²¹. На квартире помог устроиться московский священник отец Николай Дулов. Здесь же отбывала ссылку семья Фуделей: Сергей Иосифович и его сестра Мария Иосифовна. Они с радостью встретили владыку Серафима. Но вскоре его отправили дальше — в Визингу, где когда-то проповедовал святитель Стефан Пермский, просветитель зырян. Вместе с епископом здесь поселились осужденные по тому же делу дмитровский священник Иоанн

С.И. Фудель с супругой.
Начало 60-х гг.

Муравьев и чудовский иеромонах Филарет.

Вскоре семья ссыльных пополнилась — приехали священники Петр Баженов, настоятель Тульского собора, и еще двое — Сергей и Николай из Симбирской области, села Промзина. Жизнь владыки не изменилась — ежедневно служил литургию, совершал прогулки в лесу, где устроил что-то вроде пустыньки. Поддерживал оживленную переписку с дмитровцами. В 1925 году закончился срок ссылки. В конце апреля он добрался до Усть-Сысольска, где вновь встретился с митрополитом Кириллом (Смирновым), срок ссылки которого также подошел к концу. Под 1 мая 1925 года владыка Серафим получил направление с предписанием

явиться в дмитровское НКВД, но митрополит Кирилл направления не получил. После смерти патриарха Тихона он должен был стать местоблюстителем, поэтому власти предпочли задержать его. Так закончилось первое заключение епископа Серафима.

Период заключения — яркое свидетельство плодотворности его служения. Паства, дотеле разобщенная, невежественная, предстает перед нами духовно единой и деятельно сострадательной. Все попытки обновленцев обосноваться в Дмитровской епархии не увенчались успехом. Даже заключение и ссылка епископа не облегчили положения живоцерковников — паства осталась верной ему. Епископ Серафим был для дмитровцев не только духовником, наставником и администратором, но и, что удивительно, учителем. Как епископ, он обладал учительным авторитетом — явление в России редкое. Оба братства — Киевское и Дмитровское — внешне очень похожи. Они продолжают не только свой дореволюционный образ жизни: устраивают крестные ходы, келейно молятся,

усердно пекутся о незыблемости общины, хотя живут уже в «послепотопное время». Христиане, в том числе и Попов, часто тешили себя иллюзиями, что Советская власть — временное явление.

Подобные настроения — свидетельство духовной спячки в предреволюционные годы, которые явили грозные предзнаменования грядущей катастрофы. Светские философы, предупреждавшие о надвигающейся катастрофе еще в 1909 году сборником «Веги», а затем в 1921 году сборником «Из глубины», остались не услышанными ни православными иерархами, ни священниками. Старые ориентации оказались глубоко ложными. Государство перестало быть правовым. Поэтому взаимоотношения Церкви и государства стало невозможно строить на правовой основе. Независимое существование Церкви как института также стало невозможным. Жизнь требовала появления новых форм духовного общения, более гибких и менее уязвимых. Понадобилось десятилетие кровавых потерь и разочарований, чтобы в среде православных произошли наконец необходимые изменения.

Во второй половине двадцатых годов появились братства, находившиеся, с точки зрения ОГПУ и советского права, вне закона. Их ядром становились интеллигенты — чаще всего люди с университетским образованием и с опытом внутрицерковной жизни. Среди братств было немало молодежи. Вели их духовно опытные священники — отец Сергей Мечев, архимандрит Серафим Батюков, священник Роман Медведь. В братства спланивались люди, свободные от обрядоверия. Братства в этот период обрели устойчивость. Они уже не только оборонялись, но и развивались, работая для будущего. Внутри этих братств общение носило более глубокий характер. Сами участники видели в них единственную возможность остановить разрушение традиции и культуры. В братствах зарождались новые формы церковной жизни. Братчики бесстрашно шли в мир, проповедуя, являя миру образцы личной и семейной святости. Обремененные непосильным трудом, полуголодные, живущие в тех же условиях, что и современники, ютясь в коммунальных квартирах, в тюрьмах и ссылках они не озлоблялись, не проклинали — и это изумляло окружающих и влекло к ним.

Имя священника Романа Медведа (1874—1937), который некогда во время своих путешествий по Сибири «нашел» Григория Распутина, сегодня воскрешено. Видимо, именно он познакомил «сибирского старца» со своим академическим товарищем еписко-

пом Феофаном (Быстровым), через которого Распутин проник в дом великого князя Николая Николаевича. Это братство возникло в Москве вскоре после окончания Гражданской войны. В годы войны отец Роман служил в Одессе. После того как он отпел расстрелянных чекистами матросов, предупрежденный о неминуемом аресте, перебрался в Москву. Патриарх Тихон, знавший его по Холмской семинарии, где отец Роман был инспектором, назначил его настоятелем Покровского собора на Красной площади. В 1919 году, когда собор Василия Блаженного был закрыт, отца Романа перевели в храм

Священник Роман Медведь

святытеля Алексия Московского в Голенищевском переулке, за Елисейевским магазином. Он неплохо изучил нравы новой власти. Обладая ярким проповедническим даром, отказался от публичных проповедей, дабы не привлекать в храм большого количества народа, а следовательно, и опеки властей. Он понимал, что Советская власть установилась всерьез и надолго, поэтому трудился без лишнего шума. Вот образец его пастырской работы: окончилось богослужение, народ разошелся, остались постоянные прихожане. В храме устанавливаются скамьи, рассаживаются люди. На солею выходит отец Роман и читает святоотеческие творения. Затем начинает толковать. Толкование перетекает в беседу, в которой каждый волен высказать собственное мнение, задать наболевшие вопросы. Беседы протекали в непринужденной обстановке. После собрания, присматриваясь к людям, отец Роман отбирал из числа постоянных прихожан наиболее надежных. Из них возникали небольшие общины. Круг христиан в 20-е годы был достаточно велик, времени и сил заниматься со всеми физически не хватало. Священник обязывал старших братчиков опекать младших. Младшие вели своеобразные дневники, где записывали, как прошел день, что случилось, какие проблемы беспокоили. Старшие регулярно просматривали дневники и, если встречалась проблема, которую им разрешить было не по силам, обращались к отцу Роману.

Так, с одной стороны, священник успевал внимательно следить за духовным развитием каждого, с другой — старшие приучались к ответственности за ближнего, умению работать с людьми, обогащали жизненный опыт. Братчики ухаживали за больными, инвалидами, одинокими, опекали семьи репрессированных, собирали продукты, отсылали их в лагеря и тюрьмы.

Отца Романа с 1918 по 1929 годы арестовывали 15 раз. Но каждый раз освобождали за недоказанностью вины. Несмотря на личную дружбу с митрополитом Сергием (Страгородским), отец Роман отложился от него после опубликования «Декларации» в 1927 году. Храм стал одним из оплотов московских «непоминающих». Отец Роман поддерживал в эти годы тесную связь с архиепископом Варфоломеем (Ремовым). Священника последний раз арестовали в 1931 году. 10 мая этого же года приговорили к расстрелу, но заменили 10 годами лагеря. Заключение отбывал на Соловках. В 1936 году освобожден, но уже тяжело больным. После лагеря прожил только год — скончался в 1937 году. Перед арестом, еще в начале 30-х, успел передать братство архиепископу Варфоломею (Ремову), жившему тогда на покое в Высокопетровском монастыре. Несмотря на арест отца Романа и его преждевременную кончину, братство, им созданное, продолжало существовать вплоть до начала 80-х годов. Мне посчастливилось

встретиться с братчиками — удивила атмосфера любви и взаимоуважения, царившая в среде людей уже преклонного возраста. Привыкнув к тому, что в храме старушки («наши православные ведьмы», как любовно называл их митрополит Антоний Сурожский) часто злобны и неприветливы, я был изумлен благожелательством их сверстниц. Жизнь разбросала их по разным уголкам страны, им пришлось немало перестрадать и перенести. Мне они казались выросшими где-то за пределами нашей страны — так терпимо и любовно относились друг к другу. Они сохранили молитвенное общение между со-

Священник Роман Медведь.
Фото из уголовного дела

Храм святителя Николая
в Кленниках

бой и своим пастырем, память которого почитали все эти страшные годы.

Весьма значимый след в истории Русской Православной Церкви новейшего периода оставило Мечевское братство. Как приход оно возникло еще в дореволюционный период. Об отце Алексии Мечеве создано несколько книг, в которых достаточно ярко освещена жизнь «Маросейки» вплоть до его смерти в 1923 году. После смерти приход возглавил его сын — отец Сергей. Еще при жизни отца, в 1922 году, он был впервые арестован, но уже через месяц освобожден. Сохранился дневник Т.И. Куприяновой, активной участницы братства, впо-

следствии ставшей педагогом и посвятившей свою жизнь умственно отсталым детям. Сохранились письма к ней отца Сергея из ссылки. Мечевский приход был многочисленным и активным. Среди прихожан и братчиков было немало творческих людей, которые оставили свои воспоминания. По этим материалам можно воссоздать характерные черты жизни прихода, а также Маросейского братства.

Важно отметить своеобразие пастырской практики отца Алексия Мечева, поскольку его сын — отец Сергей, сообразуясь с требованиями времени, стремился все же следовать по стопам отца. Отец Алексей Мечев, как и многие московские священники до революции, совмещал пастырскую деятельность с преподаванием Закона Божия. Он преподавал впоследствии в прогимназии Винклер. Одна из прихожанок Маросейского храма, Мария Николаевна Соколова, известный иконописец, вспоминала: «Дело в том, что А.А. Мечев был настолько снисходителен и мягок к ученицам, что последние злоупотребляли его добротой и невзыскательностью и много шалили на уроках, не слушали того, что им говорилось. Бесконечная снисходительность А.А. Мечева отнюдь не была проявлением безразличного или апатичного его отношения к педагогической работе, он не был уставшим, флегматичным учителем, которому решительно все равно, что делается на уроке,

лишь бы его оставили в покое. Он страдал от невнимания учениц, от того, что евангельская проповедь скользит мимо ушей шаловливых девочек, но он не мог принудить учащихся быть чинными на уроке. Не мог не потому, что он не умел водворить порядок, а потому, что всякое принуждение было чуждым его характеру. Принцип непротivления злу был руководящим во всех поступках А.А. Мечева и был доведен в жизни им до христианского предела, этот принцип в соединении с бесконечной любовью к людям, истинно христианской любовью и со всепрощением органически не мог вызвать даже напускной строгости, повышения голоса и какой бы то ни было требовательности...

Если судить о работе учителя по экзаменационным ответам учащихся, то следовало бы составить суровый приговор: ученицы, в общем, ничего не знали. То есть они не знали того, что полагалось знать по программе, что можно было только зазубрить без понимания по существу. Многие ученицы не слушали объяснений А.А. Мечева. Из тех же, которые слушали, часть осталась равнодушной, а часть, вероятно, очень небольшая, усвоила истины высшей нравственности. Такой результат, формально ничтожный, следует признать существенно важным. Необходимо еще отметить, что А.А. Мечев по своему почину практиковал, так сказать, экскурсионный метод: он водил учениц в приходскую церковь, где был

настоятелем, в свободное от богослужения время и, объясняя устройство церковное, показывал облачения, священные сосуды... Эти экскурсии производили огромное впечатление на всех без исключения учениц...»²¹

Когда грянула революция и разразилась Гражданская война, отец Алексей всеми силами души обратился к народному гору. Он говорил: «Теперь такое время, когда все пустынные и затворники должны выйти на службу народу». Тех интеллигентов, которые стремились во что бы то ни стало покинуть Россию, он предупреждал словами пророка Иеремии: «Если останетесь в земле

Священник Алексей Мечев

Священник Сергей Мечев

сей, то Я устрою вас и не разорю, насажду вас и не искореню, ибо Я сожалею о том бедствии, какое сделал вам». Всех предостерегал батюшка от опасного шага куда-то бежать. И приходившим к нему раскрывал Библию и указывал то же самое место. Нельзя бежать от лица Господня, от гнева Его. Уезжавших за границу особенно предостерегал от стремления «спасти Россию». «Мы виноваты, мы согрешили перед Господом, — говорил он, — и не кто-то другой. Никто не должен отказываться пить общерусскую чашу горести, чашу наказания, которую дал Господь»²².

Весной 1919 года сын отца Алексия — Сергей принял священнический сан. Еще до революции он поступил в университет, совершил заграничное путешествие в Италию, а когда началась мировая война, ушел на фронт и служил в санитарных войсках. Он стал настоящим помощником отцу, поскольку нагрузка постоянно увеличивалась не только в храме. После закрытия Чудова монастыря в Кремле монахини, духовные дочери епископа Арсения Жадановского²³, регулярно собирались на квартире и приглашали отца Алексия. Поначалу на собрания чудовских монахинь он приходил один, но потом стал приводить молодых священников с Маросейки: «Они неопытные, им надо учиться, как надо обращаться с народом». При личном общении с батюшкой каждому казалось, как это ни странно, что он любит тебя со всею исключительностью, как можно любить только самого родного, близкого человека, любит тебя больше всех, но возникало убеждение, что любовь, которою он преисполнен, равно изливается на всех, всех согревает, наполняет и объединяет. Он всех вел к Богу, а собою, своею личностью он, более чем словом, приобщал к переживанию всеобъемлющей любви Божией. Отчего, когда, бывало, встретишь кого-нибудь из батюшкиных, хотя бы и мало-знакомых, казалось, что встретил самого близкого, родного, отчего, может быть, и погашалось около него все то греховное, что обычно разделяет, всякое соперничество и ревность»²⁴.

Отец Алексей не отказывался посещать и другие общины. Мария Николаевна Соколова вспоминает, как однажды он был приглашен в общину покойного священника Валентина Амфитеатрова²⁵: «Во время беседы батюшка особенно остановился на теме отношения отца Валентина к монашеству. Отец Валентин считал, что монашество в том виде, в каком оно было перед революцией, не является подходящим в настоящее время для желающих служить Христу. Его девиз был монашество в миру. Если хочешь работать Христу, то не уходи в монастырь, а устрой себя и живи подлинным христианином в миру. Есть у тебя духовный отец, ты можешь проходить послушание, даже работая где-нибудь на фабрике, заводе и на какой-нибудь другой службе. Можешь посвятить себя служению ближним, пребыванию в молитве, хождению, даже ежедневному, в церковь. Можешь совершать основное делание монахов, проходить умную молитву, иметь откровение помыслов своему духовному отцу. Батюшка в основном был согласен с этими воззрениями отца Валентина на монашество, но монашество как таковое он не отрицал. Сама же идея о монастыре в миру была у него общая с отцом Валентином: «Хотя теперь монастырь должен быть в миру. Мирской должен быть монастырь. Я над этим давно работаю и думаю, что у нас стена уже есть... Думаю, что есть... остается внутреннее устройство»²⁶.

Служение отца Алексия напоминало монастырское старчество Оптинских или Глинских старцев, но с той разницей, что он оставался в миру, среди людей. Он был доступен и прекрасно знал нужды своих прихожан и современников. «Свою глубокую внутреннюю напряженную работу батюшка скрывал под внешне легкой и непринужденной манерой, открываясь каждому лишь в меру его способности вместить... То, что он, за единичными исключениями, никого из своих духовных детей не благословлял в монастырь, породило клевету, что он противник монастырей. Батюшка же шел особым путем, путем средним, как говорят святые отцы, «царским». В его общине были люди, которые ежедневно ходили в церковь, и были такие, которые бывали в храме раз в год, были люди, которые молились каждый день, и такие, которые молились изредка. Были такие, которые находились в полном у него послушании, уже готовые к монашеству, и такие, которые еще не вошли как следует в Церковь»²⁷.

В храм на Маросейке стекались люди не только со всех концов

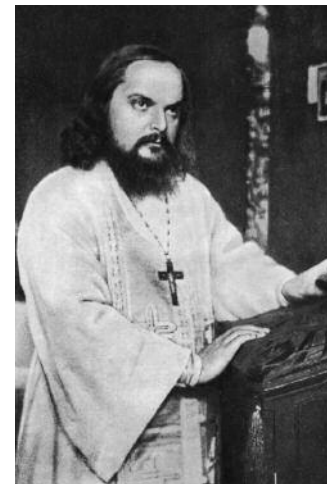

Священник Сергей Мечев с прихожанами

Москвы. Сюда приезжали за советом и поддержкой издалека. Все это не могло не вызвать нареканий со стороны властей. Гонения на Церковь только разгорались. Осенью 1922 года отца Алексея вызвали в ГПУ. Следователь настоятельно посоветовал прекратить столь широкий прием посетителей. Ему угрожали арестом. После вызова батюшка принимал только прихожан и духовных детей. «Сердце пастыря должно расширяться настолько, — говорил батюшка, — чтобы оно могло вместить в себя всех нуждающихся в нем». «На батюшкину службу однажды был приглашен Михаил Васильевич Нестеров, никогда его раньше не выдавший. М.В. отстоял всю долгую службу, был потом у отца Алексея, пил с ним чай, а когда ему был задан вопрос: «Ну что? Как?» — он ответил: «Да чего уж! Чудесно! Из-под рясы отовсюду мальчики выскакивают. Настоящий он, подлинный!..» «Пастырь, — много раз говорил батюшка, — должен разгружать чужую скорбь и горе, перегружая эту тяжелую ношу с его плеч на свои...» Эта разгрузка требовала часто нескольких часов совершенно исключительного душевного, духовного и умственного подвига и труда. Очень часто разгрузка длилась годами, так как жизнь вместо одних грузов накладывала новые, более тяжелые...»²⁸

В 1922 году, когда шла широкая кампания по изъятию церковных ценностей, предпринятая по личному приказу В.И. Ульянова (Ленина), на Маросейке были арестованы два священника. К отцу Алексею, который продолжал принимать прихожан, наведался милиционер с предупреждением, что ему следует прекратить прием. Отец Алексей тяжело переживал этот запрет со стороны властей, но старался воздерживаться от публичных богослужений, чтобы не спровоцировать прихожан, которые неминуемо бы заступились на него в том случае, если бы власти осмелились арестовать его. Здоровье его слабело — он принимал в своей келье лежа, почти не вставал. 9 июня 1923 года поздно вечером он скончался. Свой приход он передал сыну — священнику Сергею Мечеву, который продолжил его служение. Ему удалось сплотить приход и создать несколько братств, которые занимались воспитанием детей, религиозным самообразованием и совместной молитвой. Среди них выделялось молодежное братство, в которое входила университетская молодежь. Стержнем стали Татьяна Куприянова и Борис Васильев, в начале 30-х годов соединившие свои судьбы по благословению отца Сергия. Сохранились архивы этой талантливой семьи²⁹.

24 октября 1929 года отец Сергей Мечев был арестован и сослан на три года в Усть-Сысольск. В ссылке был задержан сверх

Священник Сергей Мечев

срока на год. К этому периоду относятся его письма к Татьяне Куприяновой: «Отшельник в идеале (работает) единый Единому; пастырь в идеале — «се аз и дети, яже дал ми Бог», непременно дети, без детей не пастырь. Отшельник — к Богу, а затем к людям, пастырь — к людям, а затем к Богу. Очи отшельника обращены к Богу, очи пастыря — к людям. В них, в людях, он видит и познает Господа, в них он открывает Его красоту. Пастырю пасомые не заслоняют Господа, а показывают, не отделяют, а приближают Его. Так, родная моя, я недостойный и паче всех грешнейший, но я пастырь, и не

только иерей. Дух мой утренюет к каждому храму душевному моих чад. Если бы мне сказали: выбирай из двух возможностей — или только служи, или только пастырствуй. Не колеблясь — пастырство». (Усть-Сысольск, 1930 г.) «Знаю, что жизнь моя кончилась, начинается житие, а душа-то не подготовлена к этому, как будто врасплох застигнута». (Усть-Сысольск, 1933 г.) «Ведь все живем сейчас в горниле величайших страданий. Столько всего я повидал за эти месяцы. Вот уж когда терпением спасаются и «тенетами отчаяния удавляеми» погибают». (Усть-Сысольск, июнь 1933 г.)³⁰ В конце 1933 года он был освобожден и поселился в Вологодской области, в избушке лесника, недалеко от деревни. Вскоре вновь был арестован. Был приговорен к 15 годам лагерей. В начале Отечественной войны, ввиду стремительного наступления немцев, в ноябре 1941 года был расстрелян в тюрьме города Ярославля.

Дневник Т.И. Куприяновой начинается с описания ее жизни в Ярославле в первые годы революции. Вскоре она переезжает в Москву и поступает в университет, занимается в одной группе с В.Я. Василевской в семинаре Г.И. Челпанова, усердно посещает лекции И.А. Ильина. «В конце 21-го года у нас организовался студенческий кружок... Мы хотели заниматься русской культурой, русской религиозной философией, русской литературой и искусством. Среди нас были и студенты философского отделения, живые, только что пережившие революцию и заново, самостоятельно вырабатывающие свое мировоззрение». В этом же году на заседании кружка был приглашен отец Сергей Мечев. «И вот на беседах отца Сергея я почувствовала наконец источник воды живой. Мне стали открываться сокровища церковной мудрости, ее учение о смысле жизни человека, об устройении его души, о путях спасения. Слушая отца Сергея, душа звучала цельным чувством, утверждая: да, да, да. Казалось, что все это знакомое и родное, но почему-то бывшее скрытым для меня». Начав свой духовный путь под кры-

Т.И. Куприянова

лом отца Алексея, Татьяна Ивановна после его смерти становится духовной дочерью отца Сергея.

«Это был первый этап, по которому меня повел отец Сергей, — длительная работа над собой в тесном соприкосновении с людьми и служении им. Отец Сергей знал, как опасно для души, когда без собственного внутреннего делания возгорается интерес к творениям святых отцов, как легко, увлекшись поражающей ум правдой их мыслей и красотой и стройностью их душ, принять читаемое и понимаемое как свое собственное, сделать все это предметом эстетического чувства. Он часто напоминал нам, что творения отцов «деяниями читают», т.е. без собственного делания нельзя ни читать, ни понимать эти творения. Поэтому их надо читать по мере собственного возрастания и не браться за чтение тех отцов «добролюбия», до которых мы еще не доросли». Связи в братстве крепились день ото дня. Летом 1924 года отец Сергей благословил молодежь на совместную поездку в Саров, а затем вместе с нами совершил поездку в Николо-Угрешский монастырь под Москвой. В этих поездках раскрываются друг другу души, укрепляются взаимоотношения между братчиками. На первом этапе отец Сергей призывал молодежь к деятельному самосовершенствованию. Об этом пишет автор дневника: «Мне казалось, что человек, работающий над своей душой, ощущает нечто подобное ваятелю, создавшему прекрасное произведение искусства. И казалось мне — почему же эта форма красоты — красота поведения, отношения к людям, чистоты мысли, добрых чувств — не увлекает людей, почему они ее не чувствуют?»³¹

Жизнь становилась все тяжелее и безотраднее. Перед Маросейским приходом встал проблема религиозного воспитания детей. Семья Мечевых владела двумя загородными домами: в Верее и в Дубках. На лето отец Сергей отдавал их братчикам. Они жили там с приходскими детьми. Этому предшествовали подготовительные беседы. «В тече-

Епископ Арсений
(Жадановский)

Т.И. Куприянова и Б.А. Васильев

ние зимы 24–25-го года отец Сергей собирал несколько раз до ранней обедни в будние дни, для того чтобы провести общую беседу о нашем поведении, об отношении к духовному отцу и друг к другу. Мы сидели на полу, на коврах, а отец Сергей стоял у аналоя на солее». День начинался с совместной молитвы. Затем — прогулка с детьми, приготовление обеда, беседы. Перед братчиками встают серьезные проблемы: «Ребята ведут себя шумно и свободно, но я бы не сказала, что плохо. Сложное и опасное дело — дисциплинировать 13- и 14-летних... пока еще душа их здесь открыта — и дурное, и хорошее, а наложить запрет — того и гляди, уйдет эта душа, и тогда ничего не увидишь». Так возникал неоценимый опыт взаимоотношения, терпимости к ближним. Молодежь реально училась работе с детьми.

Немало трудностей возникало в небольшой общине: «Батюшка говорит: «Изучайте людей, будьте внимательны, подходите к ним так, как они этого требуют». А это так трудно, так много сил надо для этого, нужно все время как-то бодрствовать». Отец Сергей регулярно навещал оба дома, а братчики поочередно ездили в город. Приезды отца Сергея всегда становились радостным событием. Он привозил в это трудное время продукты, разбирал конфликты, мирил, укреплял всех совместной молитвой. Молодежь, выросшая в Мечевском братстве, оказалась подготовленной к страшным испытаниям, выпавшим на их долю. Многие из них прошли ссылки и тюрьмы. Братство не распалось после ареста отца Сергея. Часть мечевцев перешла к архимандриту Серафиму (Батюкову)³², посещая скромный домик на окраине Загорска, где в затворе он прожил 12 лет. Часть — к иеромонаху Иераксу (Бочарову), а позже, после его ареста, к священнику Петру Шипкову. Стали священниками мечевцы Борис Васильев, Владимир Амбарцумов, Борис Холчев. Они продолжили пастырское служение отца Сергея. Некоторые из братчиков (В.Я. Василевская и Т.И. Куприянова) по-

святили свою жизнь педагогической деятельностью — работали с особо трудными детьми, выполняя таким образом заветы Христа.

Трудно переоценить подвиг российских христиан-интеллигентов в страшные годы сталинщины и последующих гонений на Церковь в период правления Н.С. Хрущева. Имена Т.И. Куприяновой, В.Я. Василевской, Е.С. Мень, Б.А. Васильева, М.В. Тепниной, М.Н. Соколовой, Н.Е. Пестова, архимандрита Бориса Холчева, священника Николая Голубцова, посвятившего свою жизнь пастырской работе с интеллигенцией, профессора-психиатра Д.Е. Мелихова и многих других напоминают нам о неоплатном долге — благодаря им был перекинут мостик над бездной и передана эстафета высокой российской культуры. Митрофорный протоиерей Александр Мень, вспоминая Т.И. Куприянову и Б.А. Васильева, писал: «Васильева и его жену, тонкую одухотворенную женщину, всегда окружали друзья из Маросейской общины. Эта община не распалась даже десятилетия спустя после смерти отца и сына Мечевых. В конце 40-х и начале 50-х у Бориса Александровича в старинном доме на Молчановке близ Арбата систематически устраивались чтения и семинары по вопросам духовной культуры, занятия для детей. Вспоминаются вечера, посвященные Пушкину, Чехову, раннему христианству, уроки Закона Божия, которые вела Татьяна Ивановна. А ведь все это происходило в злое сталинские годы! Однако Васильев и его близкие слишком ясно сознавали свой долг — донести эстафету до новых поколений, чтобы не отступить под давлением страха. Пережив многие невзгоды, всегда ожидая новых репрессий, они, не колеблясь, шли по выбранному пути. И мы — младшие — обязаны им больше, чем это можно выразить...»³³

Священник
Владимир Амбарцумов

VI. ВСЕРОССИЙСКИЙ ПАТРИАРХ ТИХОН И ЕГО ВРЕМЯ

Когда кошунственный снаряд упал над старшим
из храмов, что в Кремле, и, купол просверля,
меж государевым шатром и патриаршим
о плиты грохнулся, и сотряслась земля,
но выстоял собор: седалище царево
пустело, праздное, в те дни, а на другом
вновь патриарх воссел, и был в годину гнева,
безглавый при царях, возглавлен Божий Дом...
Пусть остов Чудова весь ядрами изрыт —
в подземьи цел ковчег с мощами Алексия.

Вячеслав Иванов

На живой и действенный отклик среди россиян рассчитывал патриарх Тихон, в первую очередь обращаясь с призывом создавать братства к мирянам. Они знали его еще митрополитом Московским Тихоном, многие из активных священников и мирян работали вместе с ним во время заседаний Поместного Собора. Его бесстрашные обращения к власти и пастве во время Гражданской войны сплотили многих и возродили веру в то, что во главе Русской Церкви велением свыше поставлен настоящий пастырь.

Будущий патриарх, Василий Иванович Белавин родился 19 января 1865 года в семье сельского священника Торопецкого уезда Псковской епархии. Детские и юношеские годы прошли в русской деревне. После окончания церковноприходской школы в 1878 году он поступил в Псковскую семинарию. Среди товарищей пользовался уважением и любовью. Высокого роста, белокурый, всегда спокойный и уравновешенный, среди учеников он выделялся успехами в учебе и отсутствием юношеского тщеславия. Обычно отличники держатся особняком — семинарист Белавин, напротив, всегда стремился помочь друзьям. Он рад был объяснить и помочь в приготовлении уроков. Причем часто сопровождал свои объяснения шуткой. Уже в семинарии за ним установилось шутливое прозвище — архиерей. После окончания Псковской семинарии в 1883 году он поступил в Петербургскую духовную академию.

После окончания Петербургской академии в 1888 году был назначен преподавателем в Псковскую семинарию. В течение трех лет преподавал в семинарии. За это время его полюбили не только

семинаристы, но и жители Пскова. Жил он в мезонине деревянного дома близ храма Николы Соусохи. В псковский период принял решение об избрании монашеского пути и в 1891 году принял монашеский постриг. Учитывая всегдашнюю его кротость, при постриге ему дали имя Тихон, в честь святителя Тихона Задонского, также отличавшегося кротостью. Вскоре после пострига иеромонаха Тихона перевели в Холмскую духовную семинарию.

Холм — скромный уездный городок бывшей Люблинской губернии с польско-еврейским населением, с налетом польской культуры даже на русских горожане. Основное население — украинцы. Среди постоянных жителей немало униатов. Митрополит Евлогий (Георгиевский), ставший ректором Холмской семинарии сразу после архимандрита Тихона, так описывал жизнь Холмщины: «Религиозная и народная жизнь Холмщины была сложная. В ней скрещивались и переплетались разнородные религиозные течения, воздействия разных культурных наслоений, обусловленные всем историческим прошлым этого края: Русь и православие — как исторический фундамент; Польша и католичество в виде унии — как дальнейшее наслоение, заглушавшее первоначальную стихию народной жизни и изломавшее душу народа, его язык, быт и весь уклад»¹.

В Холме иеромонаха Тихона вскоре возвели в сан архимандрита и назначили ректором семинарии. Семинария была небольшая — всего 175 семинаристов. Его преемник, архимандрит Евлогий, позже вспоминал: «За пятилетие ректорской службы архимандрит Тихон поставил учебно-воспитательное дело отлично. В память открытия святых мощей святителя Феодосия Черниговского он устроил в семинарии второй храм во имя этого новоявленного угодника Божия, пожертвовав для него семинарским залом. В этом новом храме совершалось ежедневно богослужение, причем каждый из шести классов имел свой день, когда он мог нести там клиросное послушание; в праздники туда собирались для богослу-

Патриарх Тихон (Белавин)

жения дети семинарской образцовой церковноприходской школы. Совершало будничное богослужение, также по очереди, семинарское духовенство: ректор, инспектор, духовник и преподаватели, носившие духовный сан... Архимандрит Тихон обладал большою житейской мудростью, был человек такта и чувства меры; несмотря на свойственную ему мягкость и добродушие, умел настойчиво проводить полезные мероприятия². Ректор придавал огромное значение миссионерской деятельности, причем осуществлял ее довольно своеобразно. Ежедневно, по воскресеньям, после обеда устраивались литературные вечера. Сначала выступал семинарский хор с песнопениями, затем следовали доклады и рефераты на литературные темы. На эти вечера с интересом съезжались горожане. После них ректор устраивал у себя чаепитие.

В 1898 году архимандрит Тихон был возведен в сан епископа Люблинского и назначен викарием Холмской епархии. При наречении во епископа он сказал: «Да не подумает кто-либо при этом, что мне совсем неведома трудность епископского служения. Конечно, неведома она мне на опыте, на деле, но научен и знаю, что епископство воистину есть бремя. Когда-то, в дни ранней юности, епископское служение представлялось мне — да и мне ли одному! — состоящим из почета, поклонения, силы, власти... Ныне разумею, что епископство есть прежде и более всего не сила, почет и власть, а дело, труд, подвиг. И в самом деле, легко ли быть «всем для всех»? Легко ли изнемогать за всех, кто изнемогает, и воспламеняться за всех, кто соблазняется? Легко ли быть образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте? Легко ли суметь, когда следует, одного обличить, другому запретить, третьего умолить со всяким долготерпением? Легко ли нести ответственность и за себя, и за паству, и за пастырей? Легко ли все сие? Святой апостол Павел свидетельствовал о себе: я каждый день умираю. И истинная жизнь епископа есть постоянное умирание от забот, трудов и печалей...»³

И здесь, на Холмщине, как и в Пскове, молодой архиерей стал всеобщим любимцем. «Архимандрит Тихон был очень популярен и в семинарии, и среди народа. Местные священники приглашали его на храмовые праздники. Милый и обаятельный, он всюду был желанным гостем, всех располагал к себе, оживлял любое собрание, в его обществе всем было весело, приятно, легко. Будучи ректором, он сумел завязать живые и прочные отношения с народом...

В сане епископа он еще больше углубил и расширил свою связь с народом и стал действительно для Холмщины «своим» архиереем. Мне постоянно во время поездок по епархии приходилось слышать самые сердечные отзывы о нем духовенства и народа⁴. Но епископское служение в Люблинской епархии продолжалось недолго — в декабре 1898 года его направили в далекую Американскую епархию в сане епископа Алеутского. С собой епископ Тихон взял брата — отца уже не было в живых.

Епископское служение в Америке святителя Тихона продолжалось почти девять лет, с 1898 по 1907 год. Большое внимание святитель уделял все усиливающейся волне славянской эмиграции в Америку. В одной из своих проповедей он отмечал: «Будущее сокрыто от ограниченного взора человеческого, и мы теперь не знаем, что внесет в жизнь страны сей все усиливающаяся волна славянской эмиграции и мало-помалу возрастающая здесь Православная Церковь. Но хотелось бы верить, что не останутся они бесследными здесь, не исчезнут в море чуждом, а в духовную сокровищницу американского народа внесут присущие славянской натуре и русскому православному люду алчбу духовную, порывы к небесному, стремление к всеобщему братству, заботы о других, смирение, покаянные чувства, терпение...»⁵ Именно поэтому святитель уделял немало внимания тому, чтобы подготовить пастырей из числа американских граждан.

С этой целью он преобразовал миссионерскую школу в Миннеаполисе в духовную семинарию. Этот шаг вскоре привел к тому, что отпала необходимость присылать священников из России. Новые переселенцы оседали в основном в восточных штатах Северной Америки, тогда как епископская кафедра находилась в Сан-Франциско. Поэтому святитель Тихон предпринял ряд шагов, в результате которых кафедра была перенесена в Нью-Йорк. В епископском служении он продолжил деятельность предшественника — епископа Владимира (Соколовского), начавшего присоединение к православию униатов. За время святительства преосвященного Тихона к православию присоединилось 32 карпато-русских прихода. Благодаря его усилиям близ города Скрантона в штате Пенсильвания был основан Свято-Тихоновский монастырь, а при нем устроена школа-приют для сирот. Немало усилий приложил святитель для перевода богослужебной литературы на английский язык. Он учредил местный церковно-археологический му-

зей, который, по его замыслу, должен был отразить возникновение и развитие православия в Америке. Поэтому музей получил название Иннокентьевского древлехранилища, в честь святителя Иннокентия Московского, просветителя алеутов.

Один из преподавателей духовной семинарии в Миннеаполисе вспоминал о встречах со святителем: «По природе своей епископ Тихон был добр, отзывчив и необыкновенно впечатлителен. По своему характеру он был тихий, милосердный, незлобивый и всегда старался сохранить в своем лице спокойствие, и это спокойствие он вносил в души всех окружающих его. Каждое слово его, сказанное мягким голосом, веяло тихим, святым покоем. Внешне он был необыкновенно светлый и благолепный и производил самое симпатичное впечатление. Его благородное и выразительное лицо отражало величие его души, он был свеж и бодр... Он был прост как в обществе, так и в делах административных; он часто писал свои распоряжения лично, без всяких канцелярских формальностей... При епископе Тихоне все были объединены общностью положений, интересов, чувств и мыслей; в миссии господствовало блаженство мира, согласия, дружбы и любви. Не было разрушительных ссор, озлоблений, взаимной ненависти, не было свары, не было разделений — был один архипастырь и одно стадо...»⁶ Свообразным итогом святительской деятельности епископа Тихона стал созыв первого Православного Собора Североамериканской церкви 20–23 февраля 1907 года в Майнфильде. Одним из главных вопросов Собора стала задача, поставленная его председателем: как «расширить миссию». Были также поставлены вопросы о самостоятельном существовании православной миссии в Америке, не зависящей от субсидий российской казны. Поднят был вопрос о юридическом статусе Православной Церкви в Америке. Еще тогда он был поставлен перед Святейшим Синодом, но лишь спустя 60 лет Православная Церковь в Америке получила самостоятельность. Вскоре после Собора архиепископ Тихон был отозван в Россию. Его ждала Ярославская епархия.

В течение семи лет архиепископ Тихон управлял Ярославской епархией — постоянно объезжал приходы и за эти годы неоднократно побывал во всех, даже самых отдаленных. При объездах лично знакомился с настоятелем, расспрашивал о всех проблемах, включая бытовые и семейные. Даже мельчайшие детали жизни причта интересовали владыку. Он любил рассматривать семейные

альбомы. Фотографии родных и знакомых хозяина часто помогали глубже постичь его внутренний мир. Как и в Холме, владыка постоянно организовывал литературно-музыкальные вечера, диспуты, доклады и лекции в духовных школах, приглашая принять участие в них желающих и из мирян. Он всегда находился в самом центре жизни — не только церковной, но и общественной. Многих священников поразило его обращение к ярославской пастве — анонимных доносов ему не присылать, поскольку он все равно читать их не будет. Духовенству советовал не шеголять в прошениях упоминанием о различных наградах и не падать перед ним ниц при представлении. Святитель помнил лично всех священников и их проблемы. В вопросах церковной свободы он всегда становился на сторону священнослужителей. Именно поэтому возник конфликт с ярославским губернатором, который добился перевода неугодного ему архиерея на виленскую кафедру. 22 декабря 1914 года святитель был переведен в Литву.

В Литве пришлось прослужить недолго — всего два с половиной года. Вскоре епархия оказалась в сфере военных действий, а затем ее разрезала полоса военных действий. Архиепископу Тихону пришлось покинуть епархию. Сначала он поселился в Москве, где расположилось большинство виленских учреждений, а затем в Дисне, на окраине своей епархии. Он принимал деятельное участие во всех организациях, помогавших раненым, обслуживавших духовные нужды воинов: он посещал лазареты, побывал на передовой линии фронта. На литовской кафедре его застали события весны 1917 года. Настала пора перемен и для Православной Российской Церкви. Неожиданным для владыки Тихона стало его избрание летом 1917 года митрополитом Московским.

После захвата власти большевиками постепенно начало усиливаться гонение на Церковь. Все труднее приходилось соборьям решать необходимые для дальнейшей жизни Церкви вопросы. И все же в ноябре 1917 года состоялись выборы первого после 200-летнего перерыва патриарха. В том, что патриархом был избран митрополит Московский Тихон, большинство соборьян и православных увидело волю Божию. С июня 1918 года все чаще появлялись газетные статьи разоблачительного характера. Вскоре большевики перешли в решительное наступление на Церковь даже в Москве — отобрали помещения, в которых проходила третья сессия Собора. И тем не менее, третья сессия начала работу. 19 июля

Заседание Поместного Собора РПЦ. 1918 г.

члены Собора узнали о расстреле в Екатеринбурге царской семьи. Третья сессия открылась в этот же день панихидой по убиенным Романовым. Но обстоятельства складывались так, что Собор буквально угасал. Об этом говорил митрополит Арсений (Стадницкий): «У нас Собор тает, особенно к концу. Записывается много, а на заседаниях присутствует мало. Может быть, некоторые записываются для увековечивания своего имени в истории, а может быть, и для других целей. Председатели отделов жалуются, что и в отделы тоже мало ходят»⁷. Но по мере того, как уменьшалось значение Собора, повышался авторитет патриарха Тихона.

И все же третья сессия успела обсудить и принять ряд важнейших для жизни Церкви решений. 24 июля Собор слушал доклад «Об участии женщин в жизни Церкви». Вместо священника Сергея Шукина доклад читал священник Петр Миртов. В докладе прозвучали парадоксальные суждения: «Женщины приобщили себя к апостольскому подвигу, женщины приняли самое близкое участие в жизни и подвигах учеников Христа и вообще в строительстве жизни древней Церкви. Теперь, когда волна кровавых гонений на Церковь Христову вновь поднимается и растет, когда требуется напряжение всех сил Церкви для отражения силы вражьей, теперь, когда дорог каждый воин, стоящий на своем посту... теперь особенно вопрос об участии женщин в жизни Церкви

является вопросом жизненным... Женщины еще сохранили живую восприимчивость к вере Христовой, они еще полны горячей преданности Церкви: они, по крайней мере, в своей массе еще не тронуты так тлетворным влиянием учений века сего; они хранят еще лампаду веры непотухшею. И в эту надвигающуюся на нас ночь неверия... не приспело ли время призвать женщину к самому широкому участию в жизни Церкви?»⁸ Соборяне живо обсуждали вопрос о возможности для женщин исполнять обязанности псаломщика и помогать священнику в алтаре. Общее мнение склонялось к тому, чтобы разрешить женщинам более активно участвовать в жизни прихода.

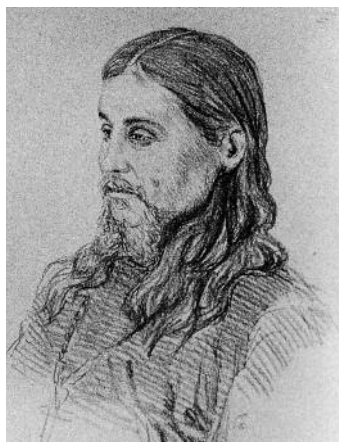
10 августа обсуждался доклад о внебогослужебном и внешкольном просвещении народа. Проект этого постановления был разработан одним из первых, но из-за революционных событий бесконечно откладывался. Докладчик, соборянин М.Ф. Плаголев, так завершил прения по докладу: «До сих пор в нашей Церкви обязательным условием пребывания членом ее было крещение, но за крещением в младенчестве не следовало обязательное в сознательном возрасте научение крещенного истинам веры... Возникает вопрос о введении обязательного научения народа истинам веры и молитвы. Это очень трудный вопрос. Он встает у нас впервые. За всю историю Русской Церкви катехизации всех до единого у нас не было. Но и уклониться от этого вопроса нельзя. Священный Собор должен стать на путь разрешения его. Катехизация предписана нам практикой древнехристианской Церкви. В первые века христианства оглашение было обязательным»⁹. Собор признал правоту русского писателя Николая Лескова, который еще в XIX веке говорил: «Русь была крещена, но не просвещена».

Повсеместно закрывались домашние церкви, были закрыты все духовно-учебные заведения, прекращено преподавание Закона Божьего в школах. 11 июня 1918 года патриарх Тихон прибыл в Петроград. Отвечая на речь председателя правления Петроградского братства православных приходов протоиерея Николая Рудницкого, патриарх сказал: «Я слышал сейчас, что братство объединяет людей, готовых на подвиги исповедничества, мученичества, готовых на смерть. Русский человек вообще умеет умирать, а жить и действовать он не умеет. Задача братства не в том, чтобы воодушевлять людей на мучения и смерть, но их наставлять, как надо жить, указывать, чем должны руководствоваться миряне, чтобы

Церковь Божия возрастала и крепла. Наши упования — это жизнь, а не смерть и могила»¹⁰. Патриарх в первый год своего первосвященства служил почти каждый день.

Тем временем Собор продолжал свою работу. 15 августа слушали доклад Отдела о богослужении, проповедничестве и храме: «Общие положения о порядке прославления святых Русской Православной Церкви к местному почитанию». Совместный доклад готовили знаменитый профессор Борис Тураев и иеромонах Афанасий (Сахаров). Собор постановил, что «инициатива о прославлении угодника к местному почитанию принадлежит местному населению с благословения епархиального архиерея». Собор выработал четкие критерии прославления: «...для причтения угодника к лику святых необходимо, чтобы его богоугодная жизнь была засвидетельствована даром чудотворения и народным почитанием... свидетельства о чудесах святого должны проверяться специальной комиссией... свидетельствование мощей для причисления к лику местночтимых святых не обязательно. В случае необходимости вскрытие мощей производится по благословению патриарха и в присутствии его представителя»¹¹.

Декрет об отделении Церкви от государства спровоцировал на местах ожесточенные гонения верующих, конфискации церковных зданий, массовые закрытия монастырей. Вечером 30 августа 1918 года Владимир Ульянов во время митинга на бывшем заводе Михельсона был тяжело ранен эсеркой Каплан. Советское правительство ответило на это покушение «красным террором против буржуазии и ее агентов». По декрету ВЦИК десятки тысяч невинных людей по всей России были арестованы и брошены в тюрьмы. В первую очередь пострадало духовенство. На следующий день, во время очередного заседания Собора, митрополит Арсений Стадницкий попытался осмыслить перемены, происходившие в России: «Мы переживаем единственный момент, не имеющий примера не толь-

Иеромонах Афанасий
(Сахаров)

Епископ Симон (Шлеев)

ко в истории Русского государства, но и в мировой. Думаю, Церковь не претерпевала такого гонения и в первые века христианства. Тогда гонения ограничивались отдельной областью, проводились отдельными правителями, а в настоящее время они узаконены и закон имеет обязательную силу для всей православной России... если до настоящего времени мы претерпевали гонения, устраиваемые кустарным способом, то теперь гонения получают законную силу... И Собору нужно откликнуться, показать, что Собор есть выразитель сознания всей Церкви, мы, как полномочные представи-

тели Церкви, должны откликнуться на это беспрецедентное явление в мировой истории, должны воплотить вожделения, с созывом его связанные, ибо если это явление пройдет мимо нас, то суд истории поставит нам в вину то, что мы не сказали надлежащего слова... Быть может, теперь и пришло время подвига, исповедничества и мученичества, того подвига, о котором мы только читали как о происходившем в древние времена христианства и в других государствах, подвига, который мы считали в отдаленной возможности, а теперь видим в действительности; мы должны показать на деле, что мы христиане»¹².

Его поддержал епископ Симон (Шлеев): «Нас всех ожидает мученичество. В первую голову мученичеству могут подвергнуться епископы. Мы должны позаботиться об увеличении числа епископов, и в первую очередь поставить епископов по всем уездным городам. При этом мы могли бы вынести гонения. Мы здесь бесполезны. Мы должны быть на местах и действовать там. Мы должны быть готовы пойти на страдания и своим примером зажечь сердце народа... С одной стороны, за нами 115 миллионов православного народа — фраза, не сходящая с уст ораторов первых дней Собора и замолкшая теперь, а с другой — мы сами не знаем, сколько с нами и за нас»¹³. Князь Евгений Трубецкой на этом же заседании выступил с предложением вводить в исключительных случаях интердикт: «Я предвижу возражения против применения этой меры.

Скажут, зачем же будет страдать лишенный церковной службы православный народ, не виновный в гонениях на Церковь? Пора оставить мысль, что народ невиновен в настоящем положении Церкви. Весь православный народ виновен в том, что совершается. Весь народ отдал власть в руки безбожников, кощунственно относящихся к Церкви. Неслыханный грех народа — его молчание при всех гонениях на Церковь со стороны существующей власти. Мы не очутились бы во власти бесов, если бы не отдали сами себя. И вот что должен почувствовать весь православный народ.

Князь Евгений Трубецкой

Он должен понять, что призывается к ответу за равнодушие в отношении к Церкви, что недостойно слушать службу церковную, так как предал Христа на распятие»¹⁴. Однако соборяне не поддержали это предложение. 20 сентября в Епархиальном доме состоялось последнее заседание третьей сессии.

И все же было сделано немало за неполный год работы Собора. Прежде всего, было восстановлено патриаршество. Русская Церковь восстановила древний принцип соборности — отныне в Высшее Церковное Управление наряду с епископами входили священники, монахи и миряне. Было принято определение «О церковном проповедничестве». Оно призвано было активизировать проповедническую деятельность духовенства и мирян. Допускалась проповедь не только на русском языке, но и на языках других народов России. Собор принял два важнейших определения — «Об епархиальном управлении» и «Приходской устав». Согласно этим документам возростала учительная и административная ответственность духовенства и мирян. Миряне лишались права выбирать священника, как это допускал временный приходской устав 1917 года. Но Собор подтвердил право прихода избирать приходской совет, который должен заниматься хозяйственной деятельностью. Он должен был созываться не реже двух раз в год. Таким образом приходскую жизнь вводился принцип самоуправления.

Собор также определил порядок выбора патриарха, выработал определение «О местоблюстителе патриаршего престола». Было принято определение «О временном высшем управлении на Украине». Также было принято немаловажное определение «О возможности восстановления в священном сане лиц, лишенных сана по суду». И, наконец, последние два определения Собора — «О привлечении женщин к деятельному участию на разных поприщах церковного служения» и «Об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания». Нерешенными остались многие важнейшие вопросы, внесенные в повестку дня Поместного Собора, в том числе проблема имяславия. Собор едва успел приняться за рассмотрение проблем, связанных с реформой духовных школ и религиозного образования. Проблемы церковного брака и развода были решены лишь частично. Не был решен вопрос о церковном имуществе, включая недвижимость и земли. Несмотря на то что большая часть определений Собора не была реализована из-за небывалых гонений, трудно недооценить ту кропотливую работу, которая была проделана соборянами. Важно, что это был первый свободный Поместный Собор, успевший принять важнейшие решения. Они не были отменены ни одним последующим Собором Русской Церкви и поныне сохраняют свою силу. Безусловно, они будут востребованы в полноте следующим, столь же свободным Поместным Собором Русской Церкви.

После окончания работы Собора гонения продолжали набирать силу. В ночь с 24 на 25 ноября 1918 года был проведен обыск у патриарха Тихона, а он заключен под домашний арест. Деятельность Высшего Церковного Управления была парализована, поскольку патриарх Тихон председательствовал не только в Священном Синоде, но и в Высшем Церковном Совете. Оба эти органа после прекращения работы Поместного Собора постоянно собирались для решения важнейших вопросов церковной жизни. Отвечая на запрос председателя ВЦИК Михаила Калинина, председатель ВЧК Феликс Дзержинский и начальник секретного отдела ВЧК Тимофей Самсонов так обосновывали причину ареста: «Как создание следствия и судебного процесса, так и факт домашнего ареста над патриархом Тихоном есть просто результат политики, ведущейся ВЧК и Наркомюстом по отношению к духовенству, заключающейся частью в дискредитации духовенства и лишении их возможности устраивать торжественные богослужения, привлека-

Председатель ВЧК
Феликс Дзержинский

ющие массы богомольцев и являющиеся рассадником религиозной и до некоторой степени антисоветской политической агитации»¹⁵. Под домашним арестом патриарх Тихон находился до 6 сентября 1921 года. Два с половиной года он должен был испрашивать позволения у ВЧК на каждое публичное богослужение в том или ином храме Москвы. Правда, после окончания Гражданской войны домашний арест оставался скорее фикцией и поэтому был отменен.

Только за 1918 год было закрыто 26 монастырей и 94 храма, убито 102 священника, 154 диакона, 94 мона-

ха и монахини. Многие иерархи были подвергнуты тюремному заключению. Осень 1918 года стала поистине кровавой для страны. Начало 1919 года ознаменовалось постановлением Президиума Московского Совета о передаче монастырских помещений Отделу народного просвещения. А 16 февраля 1919 года было опубликовано постановление Народного комиссариата юстиции об организации вскрытия мощей. Процесс вскрытия мощей, к сожалению, не сопровождался по всей стране сопротивлением верующих. А когда сопротивление оказывалось, случались расстрелы и аресты мирян и духовенства. Патриарх Тихон стремился противопоставить большевистскому натиску на Церковь действительное миссионерское служение. Порой он прибегал к необычным методам, опробованным еще в Холме и Ярославле. М.Е. Губонин вспоминал: «...в самом начале революции, когда еще не совсем угасли надежды на будущее более или менее нормальное положение Церкви в государстве, а потому и дело духовного образования казалось неизбежным в каком-то объеме, люди, болеющие этими вопросами, в целях изыскания хотя бы минимальных денежных средств, с благословения Святейшего патриарха Тихона решили в помещении Московского епархиального дома (тогда еще не окончательно отобранного у Церкви) систематически устраивать различного рода духовные концерты с участием лучших артистических сил Моск-

вы. Весь чистый сбор должен был поступать на дело духовного образования. К участию же в концертах на первых порах предложено было пригласить — и в действительности приглашались: И.М. Москвин, О.Л. Книппер-Чехова, А.В. Нежданова, Ф.И. Шаляпин, протодиакон К.В. Розов, М.К. Холмогоров, лучшие церковные хоры московских храмов... Святейший патриарх с большим доброжелательством организовывал и поощрял всякую инициативу в деле устройства всех этих концертов, так как смотрел на них не только как на предприятия материального значения, но и в гораздо большей степени усматривая в них один из очень действительных путей для религиозного, богословского и церковно-эстетического воздействия на души человеческие, которым ни в коем случае не следует пренебрегать в наши дни...»¹⁶

Патриарх Тихон неоднократно обращался к высшим властям страны с просьбами прекратить глумление над чувствами верующих, но волна воинствующего атеизма продолжала нарастать. Неоднократно в эти тяжелые для Церкви дни он, по долгу печалования, обращался и к правительству, и к верным чадам Русской Церкви: «...Трудная, но и какая высокая задача для христианина сохранить в себе великое счастье незлобия и любви и тогда, когда ниспровергнут твой враг, и когда угнетенный страдалец призывается изречь свой суд над недавним своим угнетателем и гонителем. И Промысел Божий уже ставит перед некоторыми из чад Русской

Председатель Петроградской ЧК М.С. Урицкий

Православной Церкви это испытание. Зажигаются страсти. Вспыхивают мятежи. Создаются новые и новые лагеря. Разрастается пожар сведения счетов. Враждебные действия переходят в чело-веконенавистничество. Организованное взаимоистребление — в партизанство, со всеми его ужасами. Вся Россия — поле сражения! Но это еще не все. Дальше еще ужаснее. Доносятся вести о еврейских погромах, избииении племени, без разбора возраста, вины, пола, убеждений. Озлобленный обстоятельностью жизни человек ищет виновников своих неудач и, чтобы сорвать на них свои обиды, горе и страдания, раз-

махивается так, что под ударом его ослепленной жадной мести руки падает масса невинных жертв. Он слил в своем сознании свои несчастья со злой для него деятельностью какой-либо партии и с некоторых перенес свою озлобленность на всех. И в массовой резне тонут жизни вовсе не причастных причинам, породившим такое озлобление...

...Мы содрогаясь, что возможны такие явления, когда при военных действиях один лагерь защищает передние свои ряды заложниками из жен и детей противного лагеря. Мы содрогаясь варварству нашего времени, когда заложниками берутся в обеспечение чужой жизни и неприкосновенности. Мы содрогаясь от ужаса и боли, когда после покушений на представителей нашего современного правительства в Петрограде и Москве, как бы в дар любви им и свидетельству преданности, и в искупление вины злоумышленников, воздвигались целые курганы из тел лиц, совершенно не причастных к этим покушениям, и безумные эти жертвоприношения приветствовались восторгом тех, кто должен был остановить подобные зверства. Мы содрогались — но ведь эти действия шли там, где не знают или не признают Христа, где считают религию опиумом для народа, где христианские идеалы — вредный пережиток, где открыто и цинично возводятся в насущную задачу истребление одного класса другим и междоусобная брань. Нам ли, христианам, идти по этому пути. О, да не будет!...»¹⁷

К началу 1921 года было ликвидировано 573 монастыря, а за несколько первых месяцев этого же года еще 40. Летом разразился небывалый голод — следствие Гражданской войны и продовольственной политики большевиков. Голод захватил многие районы России, угрожая перерасти в национальную катастрофу. К началу 1922 года голодало более тридцати миллионов человек. Попытки российской общественности помочь голодающим привели к разгону большевиками Всероссийского комитета помощи голодающим. Комитет был узаконен постановлением Президиума ВЦИК 21 июля 1921 года: постановление подписано его председателем М.И. Калининым. В партийных архивах сохранились документы, свидетельствующие о том, что решение ввести в ВКПГ патриарха Тихона принималось на уровне Политбюро. На заседании от 7 июля 1921 года: «Слушали: о посылке по радио воззвания патриарха Тихона. Постановили: согласиться с заключением комиссии т. Рыкова и дать распоряжение о посылке по радио воззвания пат-

риарха Тихона, поручив составить сообщение для газет об этом воззвании тт. Бухарину и Стеклову, не помещая самого воззвания в газетах»¹⁸. Протокол подписан секретарем ЦК Молотовым. Но просуществовал ВКПГ немногим более месяца — 27 августа того же года появилось постановление Президиума ВЦИК за подписью заместителя председателя Петра Залуцкого о его ликвидации. В преступление членам Комитета вменялось не только их стремление помочь голодающим, но и обращение за помощью к патриарху Тихону, а также то, что летом 1921 года стотысячным тиражом было напечатано его воззвание к верующим в России и за рубежом с просьбой помочь голодающим. В нем прозвучал призыв: «Пастыри стада Христова! Молитвою у престола Божия, у родных святых исторгайте прощение Неба согрешившей земле. Зовите народ к покаянию: да омоется покаянными обетами и Святými Тайнами, да обновится верующая Русь, исходя на святой подвиг и его совершая, да возвысится он в подвиг молитвенный, жертвенный подвиг. Да звучат вдохновенно и неумолчно окрыленные верою в благодатную помощь свыше призывы ваши к святому делу спасения погибающих. Паства родная моя! В годину великого посещения Божия благословляю тебя: воплоти и воскреси в нынешнем подвиге твоём святые, незабвенные деяния благочестивых предков твоих, в години тягчайших бед собиравших своею беззаветною верою и самоотверженной любовью во имя Христово духовную русскую мощь и ею оживотворявших умиравшую русскую землю и жизнь... Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода...»¹⁹

Усилия Комитета и воззвание патриарха Тихона сделали свое дело — 21 августа 1921 года в Риге заместителем наркоминдела Максимом Литвиновым было подписано соглашение с представителем Американской организации помощи (АРА). Американцы заявили о немедленной высылке первых вагонов с продовольстви-

Николай Бухарин

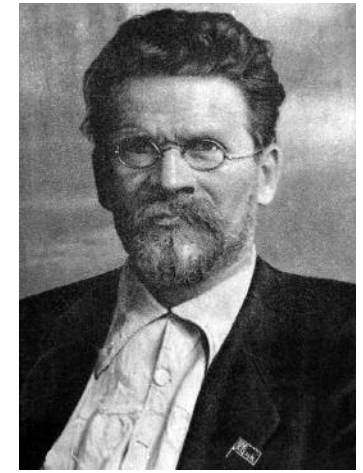
Л.Д. Троцкий

ем, а Герберт Кларк Гувер, тогдашний глава АРА, обещал, что ежемесячно на нужды голодающих будет расходоваться не менее полутора миллионов долларов — по тем временам колоссальная сумма. От имени общественности соглашение о поставке продовольствия подписал верховный комиссар Лиги Наций, знаменитый путешественник Фритьоф Нансен. Но Ленин и Троцкий приняли решение разогнать ВКПГ. После разгона Комитета почти все его члены были препровождены на Лубянку. Ленин призвал прессу «на сотни ладов высмеивать «Кукишей» — так он называл ВКПГ. Неудивительно, что голод

в стране приобретал все больший размах. Разгон ВКПГ показал, что власти не намерены терпеть какой-либо помощи, и прежде всего от Церкви. И все-таки Политбюро вынуждено было еще раз уступить патриарху. На заседании Политбюро 9 февраля 1922 года большевики были вновь вынуждены вернуться к вопросу об обращении за помощью к Церкви: «Слушали: о разрешении напечатать воззвание патриарха Тихона о помощи голодающим. Постановили: разрешить напечатать отдельным листком»²⁰. Протокол также подписан секретарем ЦК Молотовым.

В этом послании, отпечатанном типографским способом по разрешению Политбюро, патриарх Тихон взывал: «...Бедствие голода разрослось до крайней степени. Протяните же руки свои на помощь голодающим братьям и сестрам и не жалеите для них ничего, деля с ними и кусок хлеба, и одежду по заветам Христа. Учитывая тяжесть жизни для каждой отдельной христианской семьи вследствие истощения средств ее, мы допускаем возможность духовенству и приходским советам, с согласия общин верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, использовать находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслетов, ожерельев и другие предметы, жертвуемые для украшения святых икон, золотой и серебряный лом) на помощь голодающим...»²¹

Послание датировано 6 февраля 1922 года. В тех же партийных архивах хранится документ, адресованный советской прессе. В нем уверяется: «...По постановлениям Центрального Комитета помощи голодающим ВЦИК собранные духовенством средства поступают в КомПомГол на особый счет духовенства. Духовенство допускается к совместной разработке плана использования собранных средств, и распределение пожертвований, собранных духовенством, будет производиться на местах голода КомПомГол при участии местных духовных органов»²². Мнения в Политбюро разделились — сторонники жесткой линии стремились во что бы то ни стало не допустить Церковь к участию в деле помощи голодающим.

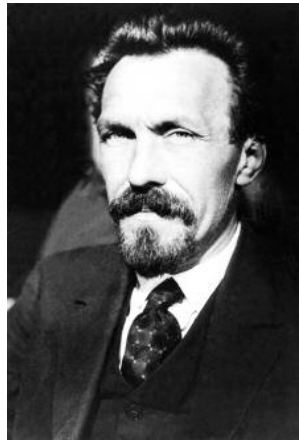

М.И. Калинин

Их было большинство — среди них Ленин, Сталин, Троцкий, Зиновьев, Красиков, Ярославский. Им противостояло меньшинство — Калинин, как председатель ЦК Помгола, Рыков и Каменев. Но все же Церковь временно была допущена к делу помощи голодающим — вопреки мнению большинства. Этому способствовала ситуация — голод зимой 1921—1922 гг. стремительно нарастал. К началу зимы голодало 23 миллиона, проголодалось, что количество голодающих может достичь 50 миллионов человек. В какой-то миг казалось, что большевики готовы сотрудничать с Церковью в деле помощи голодающим. Но это была иллюзия.

Патриарх Тихон все полученные им пожертвования, как из России, так и из-за рубежа, передавал в ЦК Помгола. В храмах зачитывалось его послание, и по воскресеньям шел активный сбор средств, которые передавались в местные комиссии Помгола. Но чаще всего на местах власти игнорировали это распоряжение Политбюро и не допускали духовенство в комиссии Помгола. По различным подсчетам, от голода в России в 1921—1922 годах погибло около 13 миллионов человек. А до наступления голода около 8 миллионов россиян пали жертвами Гражданской войны. К концу зимы сторонники жесткой линии в Политбюро взяли верх. 23 февраля

1922 года был издан декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Спустя пять дней, 27 февраля, патриарх Тихон обратился к верующим с посланием: «...Тогда же (в августе 1921 г.) был основан Нами Всероссийский церковный комитет помощи голодающим и во всех храмах и среди отдельных групп верующих начались сборы денег, предназначенных на оказание помощи голодающим. Но подобная церковная организация была признана Советским правительством излишней, и все собранные Церковью денежные суммы потребованы к сдаче и сданы правительственному комитету. Однако в декабре Правительство предложило нам делать при помощи органов церковного управления... пожертвования деньгами и продовольствием для оказания помощи голодающим. Желая усилить возможную помощь вымирающему от голода населению Поволжья, мы нашли возможным разрешить церковноприходским Советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, о чем и оповестили православное население 6 февраля сего года особым воззванием... Но вслед за этим, после резких выпадов в правительственных газетах по отношению к духовным руководителям Церкви, 23 февраля ВЦИК для оказания помощи голодающим постановил изъять из храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды и прочие церковные богослужебные предметы. С точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства...»²³ Патриарх запретил верующим отдавать священные сосуды и богослужебные предметы. В секретной инструкции к посланию патриарх Тихон уведомлял епископат и духовенство: «Мы с гневом отвергаем и караем отлучением от Церкви даже добровольное пожертвование священных риз и чаш: важно не что давать, а кому давать. Читая строки послания нашего, указуйте о сем своей пастве на собраниях, на которых вы можете и должны бороться против изъятия ценностей. Мы разрешаем отдавать только лом и подвески с образом...»²⁴ Несмотря на противодействие властей, Русская Церковь сумела

А.И. Рыков

собрать за предельно короткий срок — к февралю 1922 года — около 9 миллионов рублей, не считая ювелирных изделий, золотых монет и продовольственной помощи голодающим.

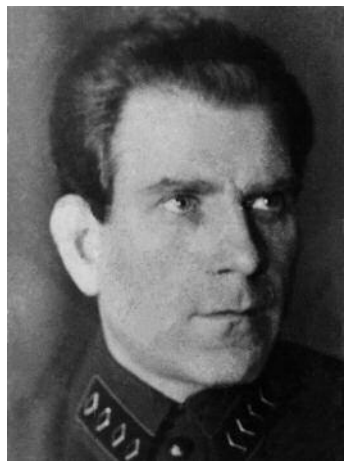
И все же противостояние между Церковью и правительством большевиков, которое на протяжении нескольких лет нарастало, достигло апогея. Вспыхнул конфликт — попытка насильственного изъятия церковных ценностей в городе Шуе привела к вооруженному столкновению, в результате которого было убито четыре человека и ранено десять. События произошли 15 марта, а 19 марта Ульянов (Ленин) обратился к Вячеславу Молотову с секретным письмом для членов Политбюро. Давая оценку событиям, произошедшим в г. Шуе, он отметил: «...Я думаю, что здесь наш противник делает громадную стратегическую ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна. Наоборот, для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99 из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь, и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления...»²⁵ Ульянов никогда не скрывал своего отношения к Церкви и к религии. Наиболее ярко он выразил его в письме к Максиму Горькому, когда тот в предреволюционный период пытался оправдывать марксистов-богоискателей. Он писал ему: «...всякий боженька есть труположество — будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а строяемый боженька, все равно... Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз физических гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее

В.М. Молотов

опасны, чем тонкая, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки»²⁶. А в следующем письме Горькому он утверждал: «...В действительности «зоологический индивидуализм» обуздана не идея бога, обуздано его и первобытное стадо, и первобытная коммуна. Идея бога всегда усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи всегда идеей рабства (худшего, безысходного рабства)...»²⁷

На следующий день после того, как членами Политбюро было получено секретное письмо Ленина, прошло очередное заседание. Присутствовали Троцкий, Молотов, Сталин и Каменев. Ленин, настигнутый первым ударом паралича, отлеживался в Горках. Обсуждался проект директив об изъятии церковных ценностей, разработанный Львом Троцким. В борьбе с Церковью на всем протяжении первой половины 20-х годов Троцкий играл роль первой скрипки. Но, согласно указаниям Ленина, должен был оставаться в тени, дабы не возбудить гнев народа против евреев. На этом заседании проект Троцкого был принят с небольшими поправками: «В центре и губерниях создать секретные руководящие комиссии по изъятию ценностей по типу московской комиссии Сапронова-Уншлихта... Наряду с этими секретными подготовительными комиссиями имеются официальные комиссии... для формальной приемки ценностей...» Но Троцкий пошел дальше — он углубил и тщательно разработал общие наметки Ленина, высказанные им в секретном письме: «Одновременно с этим внести раскол в духовенстве, проявляя в этом отношении решительную инициативу и взяв под защиту государственной власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия... Видных попов по возможности не трогать до конца кампании, но негласно. Но официально (под расписку, через губполитотделы) предупредить их, что в случае каких-либо эксцессов они отвечают первыми»²⁸.

Е.А. Тучков

А 28 марта 1922 года в «Известиях» был опубликован «Список врагов народа» — первым указан патри-

Обновленческий собор. Второй справа (сидит) — В. Красницкий

арх Тихон «со всем своим церковным собором». Решительное сражение, к которому призывал Ленин, разворачивалось по всей стране. Массовые изъятия церковных ценностей привели к кровавым столкновениям — их насчитывалось к концу года более полутора тысяч. 26 апреля проходил процесс в Москве — к расстрелу были приговорены 11 человек. 5 мая на очередном судебном процессе в качестве свидетеля выступал патриарх Тихон, находящийся под пристальным надзором ГПУ. А 12 мая 1922 года, словно по мановению волшебной палочки в руках Льва Троцкого и Феликса Дзержинского, возник раскол в РПЦ, который позже получил название «Живой Церкви». Несколько священников — Введенский, Красницкий, Калиновский, Белков — попытались узурпировать власть в Церкви. Большевицкая пресса оказала им действенную поддержку — их декларация была опубликована по личному указанию Льва Троцкого в «Известиях» от 14 мая 1922 года. Эта попытка взорвать Церковь изнутри едва было не увенчалась успехом. Исполнителем большевицкого замысла взорвать Русскую Церковь

изнутри стал Евгений Тучков, чекист, недавно прибывший в Москву из Уфы. Довольно скоро он становится ключевой фигурой в ВЧК-ОГПУ и делает в течение года головокружительную карьеру. Осенью 1922 года он заместитель начальника 6-го секретного отдела ГПУ и ответственный секретарь Антирелигиозной комиссии Политбюро, через полгода — уже начальник секретного отдела ОГПУ. После ареста патриарха Тихона лично допрашивал его. Он служил связующим и направляющим звеном в работе большевиков с обновленцами. В своем отчете в феврале 1924 года он докладывает заместителю председателя ОГПУ Вячеславу Менжинскому,

Архимандрит Сергей
(В.П. Шейн)

раскрывая механизмы возникновения обновленчества: «Момент изъятия церковных ценностей послужил как нельзя лучше к образованию обновленных противотихоновских групп, сначала в Москве, а потом по всему СССР. До этого времени, как со стороны органов ГПУ, так и со стороны нашей партии, внимание на Церковь обращалось исключительно с информационной целью, поэтому требовалось для того, чтобы противотихоновские группы овладели церковным аппаратом, создать такую осведомительную сеть, которую можно было бы использовать не только в вышеупомянутых целях, но и руководить через нее всю церковь, что нами и было достигнуто. Достижение это, само собой разумеется, не могло получиться сразу и без затраты денежных средств...»²⁹

К февралю 1924 года, когда составлялся отчет Евгения Тучкова, было ясно даже ему, что обновленчество проиграло и держится в основном поддержкой ГПУ — известная доля дезинформации содержится в этом документе. Но весной 1922 года «Живая Церковь» господствовала лишь в некоторых крупных центрах СССР. Патриарх Тихон находился под домашним арестом. После отказа митрополита Петроградского Вениамина подчиниться Высшему Церковному Управлению, сформированному «живоцерковниками», 29 мая он был арестован. А уже 31 мая на имя Ленина представите-

лями церковей Великобритании была направлена телеграмма с протестом против преследований патриарха Тихона. Весь июнь на имя Ленина продолжали поступать телеграммы в защиту патриарха. 11 июня открылся судебный процесс над епископами и священниками в Петрограде. 5 июля прозвучал приговор: 10 человек приговорены к расстрелу, остальные — к тюремному заключению. 10 августа ВЦИК помиловал шестерых, но оставил в силе приговор над остальными четырьмя подсудимыми. Митрополит Вениамин, архимандрит Сергей (Шейн), а также профессора Новицкий и Ковшаров были расстреляны.

К концу 1922 года по делу об изъятии церковных ценностей погибло и было расстреляно более восьми тысяч человек. 1923 год начался усилением антирелигиозной пропаганды — повсеместно проводились показательные суды над Богом. 26 марта закончился процесс над группой католиков во главе с архиепископом Яном Цепляком. Архиепископ и прелат Буткевич приговорены к расстрелу. В апреле нарастала волна протестов на Западе против преследований верующих в СССР. В конце марта архиепископ был помилован, а прелат Буткевич расстрелян.

8 мая прозвучал ультиматум министра иностранных дел Великобритании лорда Керзона с требованием прекратить коммунистическую пропаганду в Азии, а также остановить казни духовенства и верующих. Георгий Чичерин и Лев Троцкий обратились к Петро-

Митрополит Вениамин
(Казанский)

градскому и Московскому Советам с призывом не делать ни одного шага, который мог бы осложнить международную обстановку. Англия угрожала расторгнуть торговый договор от 1921 года. 17 мая Красин встретился в Лондоне с Керзоном и добился десятидневной отсрочки ультиматума. Именно в эти дни патриарх Тихон был помещен во внутреннюю тюрьму Лубянки.

16 июня 1923 года он был освобожден, и в печати появилось его заявление, в котором он раскаивался в «антисоветских поступках». Верующими этот акт был воспринят как

вынужденный — патриарх оклеветал себя, чтобы спасти Церковь. Летом же 1923 года наметился перелом в церковной ситуации — духовенство и миряне массами возвращались в лоно Церкви, покидая «Живую Церковь». Наиболее активные епископы, сохранившие верность патриарху Тихону, продолжали томиться в заключении. Несмотря на то что патриарх Тихон был освобожден из-под стражи, а «Живая Церковь», инспирированная ГПУ, теряла свое влияние, продолжались аресты епископов, сохранивших верность патриарху. К концу 1923 года число заключенных христиан на Соловках достигало пяти тысяч человек. Призыв Ленина: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»³⁰ — воплощался в жизнь.

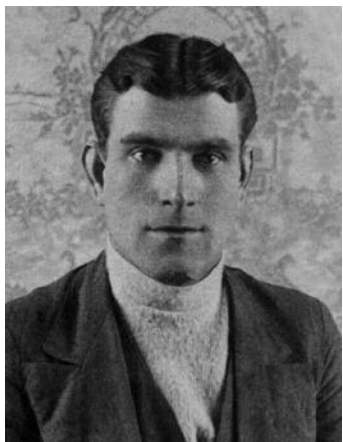
VII. ЧЕКИСТСКИЙ «ИГУМЕН» — ЕВГЕНИЙ ТУЧКОВ

Всю ночь огни горели в губчека.
 Коллегия за полночь заседала.
 Семенова усталая рука
 Пятнадцать приговоров подписала.
 И вот землей засыпаны тела...
 Семенов сел в хрипящую машину,
 И лишь на лбу высоком залегла
 Еще одна глубокая морщина.

Г. Лелевич

Вряд ли пролетарский поэт Лаборий Кальмансон (псевдоним Г. Лелевич) в «Коммунэре о чекисте Семенове» описывал одну из ключевых фигур того времени. Но реальность он знал, и поэтому собирательный образ чекиста 20-х годов получился вполне правдивым. Евгений Александрович Тучков — фигура и по сей день загадочная. И не только потому, что он наряду с Дзержинским, Менжинским и другими большевиками стоял у истоков страшной организации, ставшей кошмаром для сотен миллионов людей в самых разных концах нашей планеты. Тучков, в отличие от Лелевича, уцелел во время сталинских чисток и умудрился умереть в далеком 1957 году. Пик его популярности, «звездный час» пришелся на весну 1923 года. В этом же году увидела свет «Коммунэра» Лелевича. Тучков лично допрашивал патриарха Тихона и докладывал о результатах Троцкому и Сталину. «Старые» большевики ленинского призыва его недолюбливали, считали провинциалом и выскочкой. Поэтому в высших партийных кругах за глаза его называли Главпоп, а в церковных уважительно величали Игуменом. Вплоть до роспуска Антирелигиозной комиссии в 1929 году Тучков ведал практически всеми делами Русской Православной Церкви. Кроме этого, ему в ОГПУ были подотчетны сектанты и мусульмане, иудеи и толстовцы. Именно он сформировал антиканоническую церковную структуру в 1927 году, которая продолжает функционировать и по сей день.

Биография Евгения Тучкова скудна фактами. Он родился в 1892 году в деревне Теляково Коварчинской волости Суздальского уезда Владимирской губернии. Он рано осиротел. Малолетнего Евгения воспитывала старшая сестра Анастасия, посвятившая

Е.А. Тучков. 1912 г.

брату свою жизнь. Она была глубоко религиозным, церковным человеком и стремилась так же воспитать брата. Евгений позже звал старшую сестру «мамашей». Будущего патриарха Сергия (Страгородского) и Евгения Тучкова воспитывали старшие сестры, которых в добрых провинциальных традициях они называли «мамашами». Сиротство наложило неизгладимый отпечаток на дальнейшую жизнь. Евгений Тучков вырос агрессивным, неумоимо проводил в жизнь богоборческую политику партии, казался мстителем за обездоленное детство, но не

фанатиком. Видимо, сказалась здравая крестьянская наследственность. Иван Страгородский, будущий патриарх Сергий, лишенный в детстве материнской ласки, вырос человеком мягким, склонным к опасным компромиссам. Они встретились в начале 20-х годов, но ожесточенная схватка между ними разыгралась в 1926 году. Вплоть до 1939 года они были почти неразлучны.

В 1903 году Евгений Тучков окончил четырехклассную приходскую школу. Для сироты это было немалым достижением. 12-летним ушел из родной деревни в Иваново-Вознесенск, где работал по найму, сначала мальчиком в конторах и магазинах, а затем конторщиком. Первое рабочее место — мальчик в кондитерской. С 1911 по 1915 год служил конторщиком в кожевенно-обувной мастерской в городе Шуе. В 1915 году был призван в армию. Служил писарем в управлении Радомского военного комиссара, потом в штабе Западного фронта в Минске. В сентябре 1917 года вступил в РСДРП. Принимал участие в Февральской и Октябрьской революциях — во всяком случае, так утверждал сам в одной из автобиографий. Был в октябре 1917 года избран от гарнизона солдат членом Совета рабочих и крестьянских депутатов в городе Юрьеве-Польском. После падения Временного правительства самовольно оставил полк и вернулся в Иваново-Вознесенск. Здесь губком партии направил Тучкова на работу в ЧК. С 1918 года в ЧК Иваново-Вознесенска заведовал юридическим отделом. В его архиве сохра-

нилось удостоверение, датированное 25 марта 1919 года: «Предъявитель сего член Иваново-Вознесенской Губернской Чрезвычайной Комиссии Евгений Александрович Тучков крайне нуждается в приобретении одной пары обуви, что подписью с приложением печати удостоверяется».

Вскоре был послан в Уфу на помощь к находившемуся там представителю Ивановского губкома Николаю Жиделеву, посланному для заготовки хлеба для ивановских рабочих. Это была пора печально известных продотрядов, которые насильственно изымали хлеб у крестьян. В Уфе как член партии был взят на учет и был мобилизован на работу в армию, в военные части по формированию отрядов особого назначения. Тучков ведал делами 1-го Уфимского коммунистического батальона. Пробыв в армии несколько месяцев, Уфимским губкомом был направлен на руководящую работу в Уфимскую ГубЧК. В 1919 году организовал в Уфе отряд особого назначения, который принимал активное участие в подавлении Мензелинского восстания в Башкирии. Оно вспыхнуло после окончания Гражданской войны, которая была особенно кровопролитной на Урале. Колчаковцы были выбиты из Уфы лишь в июне 1919 года.

Спустя полгода, 4 февраля 1920 года, в деревне Новая Елань Троицкой волости Мензелинского уезда крестьяне, вооруженные вилами, уничтожили продотряд численностью в 35 человек. Продотряды, созданные по указанию Ленина, действовали в этот период особенно жестоко — они изымали не только заготовленное крестьянами зерно, включая семена, которые были отложены на время посевной, но и все съестные припасы, обре-

Е.А. Тучков. 1914 г.

Уфимская ГубЧК. 2-й слева – Е.А. Тучков. 1919 г.

кая крестьян на голодную смерть. Эта человеконенавистническая политика большевиков привела к тому, что летом 1921 года в Поволжье царил голод – вымиралы целые деревни. Неудивительно, что расправы крестьян с большевиками были столь жестокими. 9 февраля в Новую Елань прибыл председатель Мензелинской ЧК Головин с партийными работниками для усмирения мятежа, но и они были убиты. За полгода пребывания у власти большевики сумели восстановить против себя население Башкирии. В состав Башкортостана вплоть до 1922 года входила не только Уфимская, но и частично Оренбургская, Екатеринбургская и Самарская губернии. Мятеж охватил Мензелинскую волость, 10 волостей Уфимского уезда, 22 – Белебеевского, 15 – Бирского, 15 – Чистопольского, 16 – Бугульминского. Общий лозунг восстания был «Долой коммунистов!». В марте 1920 года восстание начало распространяться и захватило другие губернии Урала, Татарии и Поволжья. Было сформировано 5 оперативных групп войсковых соединений, и в середине марта 1920 года восстание было утоплено в крови.

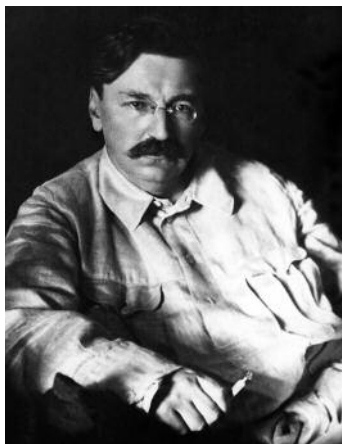
Тучков проявил себя в этот период как способный организатор и был назначен заведующим секретным отделом губернской ЧК.

Крепко сложенный, невысокий (рост 1 м 72 см), с крупными чертами лица и непропорционально маленькими руками, отличавшийся военной выправкой Тучков всегда был обходителен. Ему пришлось в разные годы работать бок о бок с Лениным и Троцким, Дзержинским и Сталиным, Бухариным и Томским, Каменевым и Зиновьевым, Луначарским и Сольцем, Крупской и Коллонтай. Он умел молчать и был скрупулезным исполнителем. Но его нельзя было назвать винтиком – любимое сталинское сравнение чиновника с частью послушной машины. Он всегда был себе на уме – хитроватый мужичок в военной форме. Его жена, Елена Александровна Яковлева, уроженка города Златоуста, вспоминала, что на Урал ее будущий муж приехал «делать революцию». Ее отец был бухгалтером на Златоустовском заводе, и семья считалась интеллигентной. Елена была одной из первых учениц. Единственное – не удавалось получить пятерку по Закону Божию. Она неплохо знала французский язык, и это обстоятельство сыграло не последнюю роль в ее знакомстве с Тучковым. Он взял ее на работу, а чуть позже они стали мужем и женой. В Уфе у них родился сын, умерший во младенчестве. Брак оказался удачным – они прожили долгую и счастливую жизнь. Уже в Москве в 1923 году родился второй сын, Борис, единственный ребенок, которого беззаветно любил и баловал отец.

Осенью 1921 года из Уфы Евгений Тучков был переведен в Москву. Его заслуги перед молодым большевистским государством были оценены высоко. В начале 1931 года начальник секретно-политического отдела ГПУ Яков Агранов представил Тучкова к награждению орденом Трудового Красного Знамени. Он заполнил наградной лист, в котором перечислялись его заслуги (кстати, вранья, или, как говаривали в те

Елена Яковлева

Председатель ОГПУ
Вячеслав Менжинский

времена, «туфты», в писании Агранова немало — безоговорочно верить этому документу нельзя). Когда летом 1921 года в России разразился голод, большее всего ударивший по Поволжью, Тучков принял участие в изъятии церковных ценностей. Агранов отмечает: «Под руководством тов. Тучкова и при его непосредственном участии была проведена огромная работа по расколу православной церкви (на обновленцев, тихоновцев и целый ряд других течений). В этой работе он добился блестящих успехов. При его непосредственном участии проводилась в 1921 году работа по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих»¹.

Во многих губерниях изъятие церковных ценностей напоминало грабеж. Оскорблялись чувства верующих, их провоцировали на открытые выступления против большевиков. Тучков сумел в Уфе провести изъятие таким образом, что не было отмечено особых эксцессов. Но это, с точки зрения Ленина и Троцкого, было скорее недостатком, а не достоинством чекиста. И все же Тучкова заметили в Москве, и осенью 1921 года вместе с женой он навсегда покидает Уфу. Сначала его назначили заместителем, а затем начальником 6-го секретного отдела, занимавшегося уничтожением Церкви. С сентября 1922 года Тучков — бессменный ответственный секретарь Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б). Молодое Советское государство с первых дней своего существования объявило войну всем религиям. Но до 1922 года эта война велась нерегулярно. В мае 1921 года состоялся пленум РКП(б), в котором принимал участие В.И. Ленин. Он редактировал доклад Емельяна Ярославского, обсуждавшийся на пленуме и содержавший основные стратегические направления в борьбе с Церковью. Резюмируя основные тезисы доклада, пленум так сформулировал задачи партии: «Задача всей этой работы в совокупности должна заключаться в том, чтобы на место религиозного миропонимания поставить стройную коммунистическую науч-

ную систему, обнимающую и объясняющую вопросы, ответы на которые до сих пор крестьянская и рабочая масса искала в религии»².

В июле 1921 года при подотделе пропаганды Агитпропотдела ЦК возникла Антицерковная комиссия. Она была призвана координировать антирелигиозную борьбу во всероссийских масштабах. Секретарем комиссии с июля по август 1921 года был Емельян Ярославский. В состав этой весьма внушительной комиссии входили чиновники из Агитпропа, Московского комитета РКП(б), VIII ликвидационного отдела Народного комиссариата юстиции, ЦК РКСМ — Союза коммунистической молодежи, а также Народного комиссариата просвещения и Главного политического управления (недавней ВЧК). Комиссия быстро выродилась в чиновническую структуру, которая занималась утверждением всевозможных антирелигиозных брошюр, листовок, плакатов. Весной 1922 года Ленин решил реорганизовать эту комиссию (поначалу она громко называлась Комиссия по проведению отделения Церкви от государства при ЦК РКП(б), а позже проще — Антирелигиозная комиссия) и слить ее с другими антисектантскими и антицерковными комиссиями.

14 и 15 марта 1922 года Ленин написал программную статью

6-й секретный (церковный) отдел ОГПУ. Середина 20-х гг.

Семья Тучковых. 1921 г.

«О значении воинствующего материализма». Через три дня — 19 марта — направил «Письмо В.М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б)». Эти дни стали началом той массивной и тотальной войны против религии, и прежде всего Русской Православной Церкви, которая без передышек продолжалась 10 лет,

вплоть до 1931 года. Весной же 1922 года по всей России прокатилась кампания по изъятию церковных ценностей. Большевики декларировали, что ценности будут проданы, а вырученные деньги пойдут на закупку хлеба для голодающих россиян. Кампания сопровождалась массовыми арестами епископов, священников и мирян. На осень 1922 года были намечены показательные процессы над духовенством, которое оказывало сопротивление при изъятии церковных ценностей. В связи с этим было принято решение реорганизовать Антицерковную комиссию. 13 октября 1922 года на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) с докладом об учреждении Антирелигиозной комиссии выступил заведующий Агитпропом ЦК А.С. Бубнов. 19 октября на заседании Политбюро ЦК РКП(б) с участием Ленина утверждается решение оргбюро и оговаривается состав этой комиссии, сразу же ставшей засекреченной. Все протоколы заседаний этой комиссии с самого начала ее существования помечены грифом «совершенно секретно». Скорее всего, состав комиссии и ее функции были определены гораздо раньше, а утверждение прошло задним числом. К концу 1922 года стало ясно, что «ликвидационный отдел» Наркомюста, который возглавлялся Петром Красиковым и занимался ликвидацией религии в России, стал конкурентом комиссии. Была предпринята попытка ликвидировать так называемый «ликвидационный отдел», но Красикову удалось отстаивать его вплоть до середины 1924 года.

Первый протокол комиссии датирован 27 сентября 1922 года.

В заседании участвовали чекисты Вячеслав Менжинский и Терентий Дерibas, а также партийный функционер Петр Красиков и бывший священник Спасо-Колтовского храма в Петрограде Михаил Галкин (публиковавший антирелигиозные статьи под псевдонимом Горев), ставший полноправным членом Комиссии по изъятию церковных ценностей. Этот первый протокол уже подписан Тучковым. Приехав в Москву с женой, он вскоре вызвал старшую сестру. Тучков вместе с семейством поселился в Серафимо-Дивеевском подворье на 1-й Мещанской улице, в самом центре Москвы. Историк Русской Церкви сталинской эпохи М.Е. Губонин вспоминал: «Служебное положение матушки Анфисы (старшей сестры подворья — С.Б.) стало особенно острым и сложным после того, как неожиданно вселился в подворье «сам», всемогущий тогда разрушитель Церкви Русской Евгений Александрович Тучков со своей престарелой «мамашей», весьма юркой и миниатюрной старушонкой, чрезвычайно религиозной и большой любительницей торжественных богослужений. (Монахини подворья, слыша, как Тучков называет старшую сестру «мамашей», решили, что Анастасия Александровна на самом деле является его матерью. — С.Б.) Вельможа Е.А. Тучков, расположившись в покоях Серафимо-Дивеевского подворья, убил сразу двух зайцев. Во-первых, приобрел прекрасную, комфортабельную и бесплатную квартиру со всем ассортиментом полагающихся коммунальных удобств, и во-вторых, с самого момента въезда сюда заимел ровно столько весьма услужливых, почтительных, а также бесплатных горничных, прачек, кухарок и уборщиц, сколько было сестер в Дивеевском подворье. Смекалистая матушка Анфиса, конечно, несколько не растерялась и прекрасно учла все те неисчислимые «блага», которые проистекали для подворья из самого факта проживания «самого», и непосредственно руководила обслуживанием и улагодворением «Евгения Александровича» и «ихней мамашы» («спаси их, Господи!»). Справедливости ради следует отметить, что в те незабвенные годы, когда, ложась спать, люди не были уверены в том, пробудут ли они в своей постели до утра, сестры Дивеевского подворья прекрасно и безмятежно почивали на своих перинах, поскольку «ангелом-хранителем» их являлся сам «Евгений Александрович»! За годы своего жительства на подворье он многократно оказывал всякого рода покровительство и некоторое, так сказать, пособие в хозяйственных и бытовых нуждах как подворью в целом, так и отдельным его

насельницам, коль скоро по тому или иному поводу они прибежали под его высокую руку...

Так, например, Евгений Александрович, заранее осведомленный по своим каналам, в свою очередь, своевременно оповещал всех этих «лампадок» о местах предстоящих торжественных богослужений Святейшего патриарха Тихона или архиепископа Илариона (Троицкого), которого особенно любили и почитали верующие москвичи... В таких случаях группа дивеевских монашек, облачившись должным образом и прихватив с собою «мамашу», отправлялась по указанному «Евгением Александровичем» адресу («спаси его, Господи!»). «Мамаша», конечно, тоже была довольна, так как при этих паломничествах ей, естественно, обеспечивалось самое лучшее место в храме (где-нибудь на клиросе), какая бы давка ни была в храме. Поэтому в позднейших разговорах, когда речь заходила о той, минувшей уже, эпохе самодержавного царствования в Церкви Е.А. Тучкова, мать Анфия, хоть и со вздохом, но неизменно благосклонно отзывалась об этой слишком хорошо известной исторической (как-никак) личности. «Ну да уж что вы! — скажет, бывало, она. — С Евгением-то Александровичем еще жить можно было... Куды! Он, бывалочи, нам всеж-таки немало помогал другой раз. То ордер на дрова даст, то, глядишь, еще чего... Мы уж ему премного благодарны. А то ведь другой-то давно бы уж нас всех разогнал: кого куды (и костей не соберешь!)...» И, задумавшись о чем-то невеселом, покивав своей старческой головой, как бы в подтверждение этих невысказанных мыслей, добавляла: «Нет, ничего, он мушина был обходительный. Не какой-нибудь фулюган, спаси его, Господи!»³ Свою репутацию «обходительного мушину» Тучков подтверждал неоднократно — скоро он стал ключевой фигурой в Антирелигиозной комиссии. В 1923 году его за особые заслуги наградили именным оружием — пистолетом «маузер».

Заседания комиссии проходили в приемной М.И. Калинина регулярно — один раз в две недели. Хотя в 1922 году прошло всего лишь 9 заседаний. С 1924 года заседания проходили реже — раз в месяц. Поражает количество большевиков, привлекавшихся к работе в Антирелигиозной комиссии. Ее работу координировал поначалу Ленин, а после его смерти Сталин. В работе принимали участие Бухарин и Троцкий, Каменев и Зиновьев, Дзержинский и Каганович, Рыков и Луначарский, Менжинский и Смидович, Бонч-Бруевич и Красиков, Чичерин и Крупская, Крыленко и Лит-

винов, Агранов и Сольц, Скворцов-Степанов и Нариманов. Не обошлось и без подсиживаний — чужака и провинциала Тучкова невзлюбили в ЦК. Ведь он значительно потеснил не только главного атеиста — Ярославского, но и других «старых» большевиков.

В архивах Политбюро сохранилось письмо Луначарского Льву Каменеву, направленное летом 1923 года: «...Посылаю Вам небольшую заметку под названием «Резюме», поданную мне, вероятно, известным Вам архиепископом Пензенским Владимиром. Она не лишена забавности и некоторой поучительности. Так как я не знаю точно, кто в настоящее время является, так сказать, верховным наблюдателем церкви, то сообщаю этот материал Вам. Под прозвищем Игумен, о котором говорится в документе, разумеется работник ГПУ под фамилией Тучков, который действительно является своеобразным Победоносцевым при церковном управлении. Причем делается это настолько открыто, что тихоновцы на всех перекрестках говорят о рабской зависимости обновленческой церкви от ГПУ-Тучкова, что вряд ли для нас выгодно. Во всяком случае, предоставляю это на усмотрение тех лиц, которым сие ведать надлежит. Нарком по просвещению А. Луначарский»⁴.

Среди русского епископата был тогда, быть может, только один архиерей, который мог запросто подать народному комиссару Луначарскому подобное «Резюме». Архиепископ Пензенский Владимир (Путята) (1869—1936?) происходил из родовитой дворянской семьи и получил прекрасное образование. Он дослужился до штабс-капитана, был дружен с будущим российским императором Николаем II. Любимец женщин, он вел светскую жизнь в Петербурге, но неожиданно в 1899 году поступил в Казанскую духовную академию, которую блистательно закончил за два года вместо четырех. На Поместном Соборе 1917—1918 гг. за многочисленные похождения был лишен епископского сана, но оставлен в монашест-

Нарком просвещения
А.В. Луначарский.

Е.А. Тучков. Конец 20-х гг.

ве. Бывший архиепископ не подчинился решению Собора, а уехал в Пензу и организовал там уже в 1918 году «Народную Церковь». В 1922 году обновленческим ВЦУ был признан простым монахом, часто приезжал в Москву, где встречался с Луначарским. Вполне вероятно, что Луначарский и Ярославский сознательно использовали сумасбродного и бесстрашного епископа для компрометации провинциала Тучкова. Однако из этой интриги ничего не вышло. И Луначарский, и Ярославский известны были Политбюро как «говоруны», тогда как Тучков был человеком дела. Он не забыл опального архиепископа Владимира, и, когда тот в конце 20-х годов подал прошение митрополиту Сергию (Страгородскому) с просьбой вос-

становить его в епископском сане, Синод, возглавляемый митрополитом, дважды отказал ему. Тучков в этот период полностью контролировал деятельность Синода и вряд ли мог «благословить» возвращение в лоно Церкви блудного епископа.

С момента зарождения АРК Тучков активно принимал участие в ее работе. Второе заседание только что созданной комиссии состоялось 31 октября 1922 года. Председательствовал Петр Красилов, а секретарем был чекист Терентий Дерibas. На этом заседании первое постановление гласило: «Повторить ходатайство комиссии перед Оргбюро о назначении секретарем комиссии тов. Галкина или кого-либо другого». На нем же прозвучал один из первых докладов Тучкова: «Пять месяцев тому назад в основу нашей работы по борьбе с духовенством была поставлена задача — борьба с реакционным тихоновским духовенством, и, конечно, в первую очередь с высшими иерархами, как то: митрополитами, архиепископами, епископами и т.д. Для осуществления этой задачи была образована группа так называемая «ЖИВАЯ ЦЕРКОВЬ»,

состоящая преимущественно из белых попов, что дало нам возможность посорить попов с епископами, примерно как солдат с генералами, ибо между белым и черным духовенством существовала вражда еще задолго до этого времени, так как последнее имело большое преимущество в церкви и ограждало себя канонами от конкуренции белых попов на высшие иерархические посты. Это обстоятельство было нами учтено, и с этого было приступлено к осуществлению поставленной задачи»⁵. Рапортуя об успехах обновленцев, Тучков все же отмечал, что «...выполнение этой задачи, т.е. когда будет сломлена и дискредитирована тихоновщина, которая до сего времени имеет еще первенствующее значение, отсюда логический вывод, что наступает период паралича единства церкви, что, несомненно, должно произойти на соборе, т.е. раскол на несколько церковных групп, которые будут стремиться осуществить и проводить в жизнь каждый свою реформу»⁶. Несмотря на проблемы со связным изложением своих мыслей, Тучков с первых шагов показал себя незаурядным интриганом. Именно он настаивал на введении среди обновленцев женатого епископата. Хотя поначалу ему казалось, что цель АРК — разрушение Русской Церкви — почти достигнута. Уважение к Тучкову проявилось на этом же заседании — ему было доверено «...в следующем заседании сделать доклад о том, в каком положении сейчас дело Тихона, какой материал имеется, нужно ли ставить процесс его и как с ним поступить в противном случае»⁷. Более того, на этом же заседании он получил еще одно задание — вместе с Бонч-Бруевичем подготовить содоклад о сектантах. Он же вместе с Красиковым направил в Политбюро 4 ноября 1922 года доклад от имени АРК о проделанной работе, хотя к этому времени состоялось всего лишь два заседания. В этот период он был еще лишь заместителем секретаря АРК.

Епископ Антонин (Грановский). 1910-е гг.

К концу 20-х годов Тучков стал полновластным хозяином. Полноту его власти над Русской Церковью можно сравнить лишь с той, которой на рубеже веков обладал всесильный обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев. Он довольно часто выступал в советской прессе со статьями, причем подписывал их псевдонимом Теляковский, по названию родного села Теляково. В его архиве сохранились наброски антисектантской статьи 1926 года с его правкой: «Сектанты, используя (грамотностью Тучков не блистал! — С.Б.) заграничный опыт, великолепно организовали и централизовали сверху до низу свои общины, выделили специальный кадр проповедников, поставив им задачу ведение пропаганды среди населения и наблюдение за сектантскими общинами в смысле их идеологической выдержанности и активности и выполнения директив центральных органов. Еще большую роль играют в этом отношении так называемые пресвитеры, которые пользуются среди сектантов большим доверием. В задачу пресвитеров входит «опекание» общины в «духовном отношении», примерно как роль архиерея в православной церкви». Сектанты в этот период доставляли Тучкову гораздо больше забот, нежели православные. Увлечшись борьбой с сектантами, он проморгал тайные выборы патриарха осенью 1926 года.

Е.А. Тучков на отдыхе.
Начало 30-х гг.

Но из этой опасной ситуации вышел с честью. Сломив в 1927 году сопротивление митрополита Сергия (Страгородского), Тучков удостоился высокой награды — ему вручили грамоту и золотые часы. В 1928 году на Всесоюзном съезде безбожников был избран в состав Центрального Совета СВБ СССР. Наряду с работой в ОГПУ всегда оставался активным партийцем — в 1929 году был председателем Комиссии по чистке партии в Сокольническом рай-

оне Москвы, а в 1933 году — членом той же самой комиссии в этом же районе. Ему доверяли и позже — в 1936 году, накануне «большой чистки», он проверял у коммунистов партийные документы в нескольких московских ВУЗах. После подобных чисток и проверок в тюрьмы и лагеря партийцы уходили сотнями. Ликвидировав Антирелигиозную комиссию в 1929 году, Сталин все же еще раз в предвоенный период вынужден был вернуться к религиозной проблеме. В апреле 1931 года Президиум ВЦИК принял решение о создании Комиссии для рассмотрения религиозных вопросов при Президиуме ВЦИК. Сидович был назначен председателем этой комиссии, Петр Красиков — его заместителем. Тучков вошел в эту Комиссию как представитель ОГПУ. Однако Комиссия оказалась нежизнеспособной, и вскоре ее деятельность была прекращена.

Тучков болезненно ощущал недостаток образования — даже в его отчетах, когда он был ответственным секретарем Антирелигиозной комиссии, масса орфографических и синтаксических ошибок. Без отрыва от работы учился в Московском университете на этнологическом факультете. Но характер работы в ОГПУ не дал возможности завершить высшее образование. С 1935 по 1939 год Тучков был слушателем факультета Особого Назначения НКВД СССР. В его архиве сохранилась справка, свидетельствующая о том, что выпускные экзамены по пяти предметам (русскому языку и литературе, немецкому языку, алгебре и геометрии, физике и географии, правда, по программе средней школы) им сданы на «отлично». А вот по истории народов СССР по программе высшего учебного заведения выпускной экзамен не сдан. Тем не менее за год до смерти, в мае 1956 года, он обратился в Институт философии Академии наук СССР с просьбой принять на должность научного сотрудника. Он ссылался на то, что им написано и опубликовано более 30 статей и три брошюры: две на тему «Наука в борьбе с суевериями» и «Сектантство и его идеология». В автобиографии 1956 года он сообщает, что работает над книгой «Церковь в первые годы Советской власти».

И все же он пришелся не ко двору в 30-е, когда вся полнота власти сосредоточилась в руках Сталина. Большие перемены произошли и в ОГПУ. По-прежнему после смерти Дзержинского главой этого ведомства считался (вплоть до своей смерти в 1934 году) Вячеслав Менжинский. Но поскольку он был серьезно болен и почти не покидал своего кабинета, работая полулежа, то уже при его

жизни постепенно вся полнота власти стала сосредоточиваться в руках его первого заместителя Генриха Ягоды. Новая экономическая политика, введенная еще по настоянию Ленина, не могла не коснуться и чекистов. Спартанские нравы были погребены вместе с Дзержинским. Красивая жизнь, деньги, женщины — все это не было чуждо Генриху Ягоде.

Аресты так называемых «бывших» — дворян, купцов и нэпманов приводили к тому, что в руках чекистов оказывались порой сказочные богатства. Большая часть прилипла к рукам Ягоды и его приближенных. Михаил Шрейдер, бывший замминистра НКВД Казахстана, переживший арест и лагеря, вспоминал: «Большинству оперативных работников ОГПУ конца 20-х так или иначе становилось известно об устраиваемых на квартире Ягоды шикарных обедах и ужинах, где он, окруженный своими любимчиками, упивался своей все возрастающей славой. Я никогда не бывал в ягодинском особняке, но еще в середине двадцатых слышал от начальника административно-организационного управления ОГПУ Островского, что начальник строительного отдела Лурье, бывший соседом Ягоды, несколько раз перестраивал жилище будущего шефа НКВД. В конце двадцатых в этом доме жили также семьи тогдашнего начальника контрразведывательного отдела ОГПУ Артузова, начальника секретного отдела ОГПУ Дерибаса, начальника иностранного отдела ОГПУ Трилиссера, а также Агранова. Позднее Ягода переехал в Кремль, где и жил вплоть до ареста»⁸.

Тучков не сумел войти в близкий круг Ягоды. Фактический руководитель чекистского ведомства ждал от подчиненных похвал и восхитений. Когда в 1927 году отмечалось 10-летие ВЧК-ОГПУ — «Ягода с группой приближенных наносил эффектные 10—15 минутные визиты в лучшие рестораны, где были устроены торжественные ужины для сотрудников различных управлений и отделов ОГПУ, причем рестораны были для этого использованы действительно самые лучшие: «Националь», «Гранд-Отель», «Савой» и другие. Апофеозом этих визитов в каждом случае было чтение сотрудником особого отдела ОГПУ Семеном Арнольдовым плохоньких виршей с неумным восхвалением Ягоды, где он фигурировал как «великий чекист». Последнее обстоятельство особо интересно, потому что тогда даже в отношении Сталина никто таких прилагательных не употреблял»⁹. В подобной атмосфере Тучков чувствовал себя лишним. В течение 10 лет он беззаветно трудился, разрушая

Русскую Церковь, — без отпусков и выходных. Конечно, повышение по службе повлияло на его благосостояние. Он теперь жил в приличной квартире в чекистском доме в Большом Комсомольском переулке, у него была домработница. Продукты получал из спецраспределителя. Но изменение атмосферы настораживало — видимо, он чувствовал, что его звездный час позади. Сопrotивление Русской Церкви практически было сломлено, митрополит Сергей и его Синод стали карманными, Антирелигиозная комиссия в 1929 году была распущена Сталиным.

Почувствовав, что его забывают и оттирают, он решил в начале 1931 года напомнить о своих заслугах перед Советской властью. Руководство ОГПУ еще помнит и поддерживает его. Представление о награждении подписано тогдашним первым заместителем начальника секретного отдела ОГПУ Яковом Аграновым. Но само представление написано, согласно негласным бюрократическим принципам, самим Тучковым. В его архиве сохранились страницы, где слово в слово повторяется представление Агранова: «Тучков Евгений Александрович происходит из семьи крестьянина-бедняка. Член партии с 1917 года. В органах ВЧК-ОГПУ работает с 1918 года. В настоящее время состоит в должности Начальника 3-го Отделения Секретно-Политического Отдела ОГПУ.. В 1923—1925 гг. им были проведены два церковных собора (всесоюзные съезды церковников), на которых был низложен патриарх Тихон и вынесено постановление об упразднении монастырей, мощей, а также о лояльном отношении церкви к Соввласти.

На протяжении ряда лет тов. Тучковым проводилась серьезная работа по расколу заграничной православной русской церкви. Блестяще проведена работа по срыву объявленного Папой Римским в 1930 году крестового похода против СССР...»¹⁰ В представлении перечисляются заслуги Тучкова в деле борьбы с сектантами. Но

Е.А. Тучков.
Середина 30-х гг.

самое откровенное в этом документе – энергичная «работа» Евгения Александровича и его подчиненных на заре «большого террора»: «...Благодаря энергичной работе тов. Тучкова была раскрыта и ликвидирована в конце 1930 и 1931 гг. Всесоюзная контрреволюционная монархическая организация церковников «Истинно-православная церковь», опиравшаяся в своей антисоветской деятельности на черносотенно-клерикальные круги. Организация имела множество своих филиалов – 300 повстанческих ячеек, огнестрельное и холодное оружие. Стоящий во главе этой организации церковно-политический центр, возглавлявшийся профессором Лосевым, Новоселовым, епископом Иосифом и др., ставил своей задачей объединение под флагом церкви всех контрреволюционных сил для свержения Советской власти и реставрации монархии...»¹¹

Сегодня, когда стали доступны архивы ОГПУ-НКВД, ясно, что Тучков, повествуя о Всесоюзной контрреволюционной организации, говоря лагерным языком, «гнал туфту». Ни профессор Алексей Лосев, ни тайный епископ Марк (Михаил Новоселов), ни тем более митрополит Иосиф (Петровых) не могли не только пользоваться огнестрельным или холодным оружием, но, как люди умные и достаточно трезвые, отнюдь не пытались восстановить монархический строй, вряд ли и помышляли об этом при всех симпатиях к нему. Признания на этих процессах выбивались следователями под пытками, но многие из обвиняемых не признали себя виновными. Кто-то, подобно профессору Алексею Лосеву, сломался, на всю жизнь усвоив «марксистскую диалектику», но большая часть держалась стойко. Все, кто проходил по сфабрикованным Тучковым и его подчиненными делам, пошли по тюрьмам и лагерям. В представлении перечисляются разгромленные доблестными чекистами филиалы на Северном Кавказе и в Центральных черноземных областях. Даже недобитые дореволюционным Святейшим Синодом «имяславцы», скрывавшиеся на Кавказе, попали в этот черный список.

Представление завершается перечислением последних успехов Тучкова: «...Под руководством тов. Тучкова за последние 2–3 года было ликвидировано несколько сотен крупных антисоветских организаций и группировок церковников повстанческого и террористического характера. В деле борьбы с контрреволюционным движением среди церковников и клерикально-монархических кругов, группирующихся вокруг Церкви, Тучков проявил огромную энергию, инициативу, решительность и находчивость»¹².

Е.А. Тучков с женой Еленой и сыном Борисом. 1941 г.

Но это было последнее признание заслуг Тучкова. В конце октября 1931 года ВЦИК награждает его орденом Трудового Красного Знамени. В сопроводительной справке к представлению перечислены прежние награды Тучкова – «револьвер, чекистский почетный знак, грамота с золотыми часами и благодарность по приказу». В начале 30-х его настигла тяжелая болезнь – будучи страстным курильщиком с юных лет, он получил предостережение от врачей, что может лишиться ног, если не бросит курить. Сохранились фотографии 1931 года, когда он впервые вынужден был отправиться в Кисловодск на лечение, – на них Тучков запечатлен с палочкой. Однако, будучи волевым человеком, он резко бросил курить. Эта болезнь, как ни странно, помогла ему уцелеть в годы ежовских чисток и в 1939 году уволиться из НКВД. Последняя должность, которую он занимал в НКВД, – майор, уполномоченный по Уралу. Для тех лет это была практически генеральская должность. Крестьянская сметливость помогла ему выжить в страшные годы ежовско-бериевских чисток, когда из чекистского дома в Комсомольском переулке, неподалеку от Лубянки, где он жил, каждую ночь уводили его соратников. После увольнения стал лектором Союза воинствующих безбожников, разъезжал по России с атеистическими лекциями. В 1941 году – ответственным секретарем

Центрального Совета Союза воинствующих безбожников. В одной из автобиографий сообщает: «Будучи пенсионером, в 1939 году был приглашен тов. Ярославским на идеологическую работу в Центральный Совет СВБ СССР (он меня хорошо знал по совместной партийной работе в Комиссии при ЦК КПСС по проведению декрета об отделении Церкви от государства, в которой я в течение почти 10 лет состоял ответственным секретарем), где с 1940 года до самой ликвидации ЦС СВБ СССР, т.е. до 1947 года, работал сначала в качестве лектора, а затем ответственного секретаря Центрального Совета СВБ СССР».

Работа была неблагодарной и нелегкой. Во время многочисленных разъездов Тучкову пришлось столкнуться с жестокими реалиями «социалистического рая». До начала войны ему пришлось побывать не только в Иванове, Смоленске, на Урале, но и в Прибалтике. В его архиве сохранились характеристики, выданные ему в тех местах, где он читал атеистические лекции. В одном из писем зимой 1940 года он писал сыну из Ростовской области: «Нахожусь сейчас в совхозе, в 60 км от железной дороги. Эта поездка не то что первая в Ивановскую область (родина Тучкова – С.Б.), очень трудная. Мне надо обслужить лекциями 7 совхозов, а они друг от друга находятся на расстоянии 20–40 км. Здесь все время стояли морозы и снежные бураны. И вот в такую погоду приходится ездить на подводах, т.е. быть по 4–5 часов в открытом поле. Ночевать приходится также где попало. В избах холод, столовых нет, а где проходят лекции, помещения не отоплены. Словом, очень все неважно. Хорошо, что я взял с собой хлеба, а то здесь совсем его нельзя купить. Жаль, что не взял валенок... Через час пойду в клуб читать лекцию «Наука и Религия». Народ антирелигиозными лекциями не особенно интересуется, все приходится звать и звать. Сейчас очень интересуются международным положением. Меня прямо закидали об этом вопросами. Меня просили даже прочесть на эту тему лекцию, но я отказался, провел беседу...»¹³

Войну Тучков встретил в Москве, проводив на фронт сына Бориса. В одной из автобиографий в мае 1944 года Тучков вспоминал: «6 июля 1941 года по призыву партии добровольно пошел в Красную армию. До конца сентября того же года я находился на фронте: сначала в Андреевском районе Смоленской области, затем в районе озера Селигер Калининской области (деревня Красуха). 20 сентября 1941 года я тяжело заболел и 89-м эвакуационным пунктом был из

армии как непригодный к военной службе освобожден совсем. Из армии я приехал к своей семье в Златоуст, где лечился и поправился до января 1942 года, а потом, когда стал чувствовать себя окрепшим, поехал в Москву, где и стал работать на лекционной работе (вести антифашистскую пропаганду) в Центральном Совете СВБ СССР, а потом одновременно еще и военную работу, состоя заместителем начальника военно-учетного пункта по политчасти Роскинского района, которую выполняю и сейчас». До ухода на фронт принимал участие в строительстве оборонительных рубежей Москвы – позже уточняет: с 6 июля по 15 сентября 1941 года. Значит, на фронте провел чуть меньше недели.

В 1946 году Союз воинствующих безбожников был ликвидирован по указанию Сталина. С этого года Тучков ушел на пенсию, однако не прекратил работать. Он числился внештатным лектором Центрального лекционного бюро Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР (и такое было! – С.Б.). В 1947 году завершил работу над книгой, которую назвал «Русская Православная Церковь и контрреволюция». Если бы она была опубликована в те годы, ее ценность трудно было бы оспорить. История 20-х годов намеренно фальсифицировалась отечественными историками.

Тучков в своей книге изложил немало ценных фактов, включив в нее документы, в том числе послания патриарха Тихона. Сегодня ее ценность невелика, поскольку внутренний цензор постоянно сдерживал Тучкова, заставляя его рисовать Русскую Церковь и ее членов лишь черной краской. Да и события доведены лишь до 1925 года – до смерти патриарха Тихона. Большая часть книги посвящена обновленцам, их лжесоборам и документам. Эти материалы Тучков знал превосходно, поскольку сам их готовил.

После войны он приобрел участок земли под Москвой и начал строить дачу, продолжая работать

Е.А. Тучков. 1934 г.

над книгой. Сохранился ее план. Он изменил название — новый вариант должен был называться «Октябрьская социалистическая революция и Русская Православная Церковь». Само название свидетельствует о том, как менялись взгляды автора. В черновиках сохранились записи: «Любите врагов наших (о личных, а не классовых врагах)». Для себя Тучков сделал заметки под общим заглавием «Какие надо прочитать архивные материалы»: 1. Стенограмму разговора с Тихоном обновленцев в 1922 г. при передаче им патриаршей власти. 2. Сводки и доклады об изъятии церковных ценностей. 3. Дело патр. Тихона. 4. Дело митроп. Петрогр. Вениамина. 5. Автограф Тихона, его раскаяние и др. документы. 6. Белогв. газеты — «Руль», «Посл. новости» и др. за 1921—25 гг. 7. Постанов. Комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства. 8. Воззвание (подлинное) митр. Сергия 1929 г. против Папы Римского. 9. Доклады о церковниках в правит. органы. 10. Все о церковниках после 1932 г. (дела, эвакуация, выборы патр. и т.д.)¹⁴. Евгений Александрович готовился к работе основательно. Скорее всего, в нем шла глубокая внутренняя работа, заставлявшая в чем-то переосмысливать прежние убеждения. На даче отстраивался кабинет, в котором мечтал начать капитальную работу над воспоминаниями. «Мне есть что вспомнить», — не раз говорил он внукам.

Тяжелая болезнь — распадающийся кровотокающий рак желудка с метастазами — прервала эту работу. Весной 1957 года он был госпитализирован в Центральный госпиталь МВД СССР. Врачи признали, что опухоль неоперабельна. Тучков знал, что умирает, и 15 апреля 1957 года, незадолго до смерти, пригласил в больницу патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского), которого хорошо знал еще с 20-х годов. Врачи вызвали и жену. Елена Александровна, до конца дней оставшаяся «безбожницей», волнуясь и недоумевая, вынуждена была ожидать в приемном покое несколько часов, пока Тучков беседовал с патриархом. Она боялась, что так и не сумеет проститься с умирающим мужем. Его похоронили на Ваганьковском кладбище и, казалось, забыли навсегда. Однако уже в начале 70-х годов о нем заговорили в диссидентских кругах, когда появилось исследование церковных историков Анатолия Краснова-Левитина и Вадима Шаврова «Очерки по истории русской церковной смуты». Но только сегодня становится ясно, что Евгений Тучков был одной из ключевых и загадочных фигур российской истории советского периода.

Е.А. Тучков на даче с другом. Начало 50-х гг.

Выброшенный из лона ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ, он в течение 17 лет как бы со стороны наблюдал результаты своей разрушительной работы. Думаю, что испытал шок после встречи Сталина осенью 1943 года с тремя митрополитами. Удивительно, что чекист Георгий Карпов, сменивший Тучкова на посту «куратора» от НКВД православия и возглавивший в 1943 году Совет по делам Русской Православной Церкви, не привлек его к работе. Второе потрясение Тучков испытал после ликвидации Сталиным Союза воинствующих безбожников в 1946 году. Он безвозвратно выпал из чекистского гнезда. Почти все его соратники по 6-му секретному отделу ОГПУ, занимавшиеся уничтожением Русской Церкви, погибли в сталинских чистках. Но встречи с исповедниками, мучениками не прошли для него даром. В послевоенный период он пытался переосмыслить события 20-х годов. Но страх и внутренний цензор так и не позволили ему раскрыть истинных мыслей и оценок — результата его долгих наблюдений и размышлений. Атеистические брошюры, изданные им после войны, убоги и бесцветны. И только его предсмертная исповедь, так и оставшаяся тайной для историков, говорит о том, что внутренний процесс переосмысления своих деяний совершался в нем постоянно.

VIII. «Я НЕ МОГУ ОТДАТЬ ЦЕРКОВЬ В АРЕНДУ ГОСУДАРСТВУ»

...Иаков по семье, он видом Аарон,
Когда весь в золоте, по внешнему храму,
Предшествуем свечой, проходит властно он,
Путь открывая фимиаму...

Неизвестный поэт

Лишь весной 1923 года большевики осознали масштаб личности патриарха Тихона. Волна протестов за рубежом, любовь церковного народа к Святейшему — все это заставило коммунистов сосредоточить усилия для его усмирения. Внешне мягкий, любивший незлобную шутку, со вниманием относившийся к мнению епископов-собратьев и духовенства, он непреклонно противостал желанию богоборцев поставить Русскую Церковь под полный контроль государства. Порою кажется, что патриарх Тихон вплоть до своей смерти оставался одиноким исполином, сдерживавшим неистовый натиск богоборцев. Епископы, которые помогали ему в этой неравной борьбе, один за другим исчезали в недрах ОГПУ. Более того, вождь коммунистов Ульянов (Ленин) в это время тихо угасал в Горках, пораженный кровоизлиянием в мозг. Вокруг его места разгоралась нешуточная борьба между его наследниками. Патриарх оставался в эти годы единственным непререкаемым авторитетом для большинства смятенных душ. «Я не могу отдать Церковь в аренду государству» — эту фразу в конце жизни часто повторял Святейший патриарх Тихон. Она является одной из ключевых для понимания сути той борьбы за свободу Церкви, которая развернулась еще в 1922 году. 12 июня 1923 года на очередном 24-м заседании Антирелигиозной комиссии было принято решение:

«1.1. Следствие по делу Тихона вести без ограничения срока.

1.2. Тихону сообщить, что по отношению к нему может быть изменена мера пресечения, если:

а) он сделает особое заявление, что раскаивается в совершенных против Советской власти и трудящихся рабочих и крестьянских масс преступлениях и выразит теперешнее лояльное отношение к Советской власти;

б) что он признает справедливым состоявшееся привлечение его к суду за эти преступления...

д) заявит о своем отрицательном отношении к проискам как католического духовенства, так и епископа Кентерберийского и Константинопольского патриарха Мелетия;

е) выразит согласие с некоторыми реформами в церковной области (например, новый стиль)...»¹

Претворение в жизнь этого решения комиссии было возложено на Евгения Тучкова. Спустя 4 дня патриарх Тихон направил в Верховный суд заявление, в котором прозвучали следующие признания: «Будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских лиц, я действительно был настроен к Советской власти враждебно, причем враждебность из пассивного состояния временами переходила к активным действиям, как то: обращение по поводу Брестского мира в 1918 г., анафематствование в том же году власти и, наконец, воззвание против Декрета об изъятии церковных ценностей в 1922 г. Все мои антисоветские действия за немногими неточностями изложены в обвинительном заключении Верховного Суда. Признавая правильность решения суда о привлечении меня к ответственности по указанному в обвинительном заключении статьям Уголовного Кодекса за антисоветскую деятельность, я раскаиваюсь в этих проступках против государственного строя и прошу Верховный Суд изменить мне меру пресечения, т.е. освободить меня из-под стражи. При этом я заявляю Верховному Суду, что я отныне Советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и внутренней монархически-белогвардейской контрреволюции»².

Это заявление сразу же было опубликовано в журнале «Безбожник» и заставило задуматься многих православных, не только в России, но и за рубежом. Большевики ставили две глобальные цели: одна заключалась в том, чтобы морально сломить патриарха, другая — скомпрометировать его в глазах верующих. Поначалу патриарх недооценил своих следователей. По-видимому, он без особого сопротивления подписал этот документ, не отдавая отчета в том, как он будет воспринят паствой. Согласие патриарха подписать заявление в Верховный Суд было исторгнуто угрозой бессрочного его пребывания под следствием. В это время за стенами Лубянской тюрьмы правили бал обновленцы, а верный патриарху епископат, за редкими исключениями, не сумел противостать их натиску. Тучков не учел одного важного обстоятельства — это заяв-

ление было подписано патриархом Тихоном во внутренней тюрьме Лубянки. Поэтому, после недолгих колебаний, оно было воспринято большинством верующих как вынужденный шаг, как своеобразная тактическая мимикрия. О том, что подобное признание было вынужденным, свидетельствовала и лексика. Мы, выросшие в большевистской неволе, привыкли к фразеологии, употреблявшейся Тучковым. Но наши деды не могли представить себе, чтобы патриарх Тихон мог употреблять такие словосочетания, как «антисоветская деятельность» или «внутренняя монархически-белогвардейская контрреволюция»³.

19 июня 1923 года состоялось очередное заседание Антирелигиозной комиссии. Рассматривали не только заявление патриарха в Верховный Суд, но также и его обращение к верующим. Постановили:

«1. Заявление Тихона, адресованное в Верховный Суд, размножить и срочно разослать всем членам Про (Политбюро — С.Б.) для ознакомления.

2. В воззвание к верующим внести некоторые поправки.

3. Независимо от этих 2 обращений Тихон должен написать 3-е обращение к верующим, в котором, не касаясь «обновленцев», высказать следующее: а) признание своего преступления против Сов. власти и трудящихся России; б) осуждение действий Антония Храповицкого и др.; в) о том, что Мелетий — ставленник Англии и т.д.; г) резко высказаться против польского правительства, русских и иностранных белогвардейцев, которые якобы его толкнули на преступление против Сов. власти; и д) о введении в церковном мире новой орфографии.

4. Все это поручить провести тов. Тучкову в пятидневный срок и доложить на следующем заседании комиссии»⁴.

Тучков блистательно справился с возложенным на него заданием, и 28 июня 1923 года патриарх Тихон был освобожден из-под стражи. Он сразу же поехал на Лазаревское кладбище, чтобы отслужить панихиду на могиле известного московского священника Алексея Мечева. В этот же день он дал интервью сотруднику РОСТА, которое на следующий день было опубликовано в «Известиях». В нем патриарх Тихон рассказал, что его пребывание в лубянской тюрьме можно сравнить только, пожалуй, с санаторием: «Содержание было самое хорошее. У меня была в ГПУ прекрасная светлая комната. По моей просьбе для меня готовили отдельный

обед, ибо я скромного не ем. Разрешали мне гулять»⁵. В этом же интервью патриарх Тихон заявил: «Я целиком встал на советскую платформу. В то же время я думаю, что Церковь целиком должна быть аполитичной, и во всей своей деятельности я буду твердо стоять на этом. Я проверю сведения о контрреволюционной деятельности Антония Храповицкого и других зарубежных иерархов, и, если обнаружится, что эти сведения верны, я предложу им прекратить контрреволюционную работу, как несогласованную со званием пастыря. Я думаю, что они меня послушаются. Ведь они меня еще признают... Ну, а если они меня не послушаются, я их предам церковному суду»⁶. Это интервью свидетельствует, что Тучкову удалось добиться определенных успехов — моральное состояние патриарха Тихона на момент освобождения из заключения было подавленным. Более всего он, по-видимому, переживал то обстоятельство, что обновленческий Собор 1923 года, позже признанный РПЦ «разбойничьим», изверг его из священного сана.

В течение года, проведенного патриархом в заключении, информации о происходящих в стране событиях он получал только из одного источника — ГПУ. Поэтому у него сформировалось искаженное представление — он был уверен, что обновленцы захватили не только верховную власть в Церкви, но и большинство православных приходов, что епископат большей частью перешел на сторону обновленцев. На вопрос сотрудника РОСТА о влиянии обновленчества патриарх ответил: «Ведь теперь все епископы пережились. У каждого есть теща или теща, свояки, девери. Все они, конечно, теперь обновленцы»⁷. Подобный ответ, даже если он намеренно искажен журналистом, свидетельствует о том, что Тучков целенаправленно дезинформировал Святейшего патриарха Тихона, формируя у него недостоверное представление о происходящих событиях и о подлинной расстановке сил. 4 июля 1923 года

Митрополит Антоний
(Храповицкий)

в «Известиях» было опубликовано первое после освобождения послание патриарха. В нем патриарх нарушает решение Антирелигиозной комиссии не касаться обновленцев: «Я, конечно, не выдавал себя за такого поклонника Совестской власти, какими объявляют себя церковные обновленцы, возглавляемые нынешним Высшим Церковным Советом, но зато я и далеко не такой враг ее, каким они меня выставляют. Если я в первые годы существования Советской власти допускал иногда резкие выпады против нее, то делал это вследствие своего воспитания и господствовавшей на бывшем тогда Соборе ориентации»⁸.

В этом послании уже чувствуется активное сопротивление Тучкову и инструкциям Антирелигиозной комиссии. Патриарх признавался в том, что вынужден обращаться за поддержкой к Советской власти: «...и теперь, например, приходится просить Советскую власть выступить на защиту обижаемых русских православных в Холмщине и Гродненщине, где поляки закрывают православные церкви»⁹. Но в этом послании не выполнена инструкция о шельмовании архиепископа Кентерберийского и Константинопольского патриарха Мелетия. Более того, патриарх решительно выступает против обновленцев, неожиданно цитируя полемическую книгу Валентина Свенцицкого «Вопросы религии», написанную им в 1906 году. Трудно объяснить этот пассаж в послании. Скорее всего, это была инициатива Тучкова — как на Лубянке патриарх мог без помощи чекистов получить столь редкую книгу, чтобы привести обширную цитату? В послании есть строка о том, что патриарх готов ввести новый календарный стиль. Завершается оно, как и требовала Антирелигиозная комиссия, покаянием: «В этом преступлении, в котором я признаю себя виновным, по существу, виновно то общество, которое меня, как Главу Православной Церкви, постоянно подбивало на активные выступления тем или иным путем против Советской власти. Отныне я определенно заявляю всем тем, что их усердие будет совершенно напрасным и бесплодным, ибо я решительно осуждаю всякое посягательство на Советскую власть, откуда бы оно ни исходило»¹⁰. Несмотря на то что патриарх Тихон выполнил большую часть решений Антирелигиозной комиссии, это послание не удовлетворило большевиков. Хотя его уже 4 июля опубликовали две ведущие газеты Москвы и Петрограда — «Известия» и «Красная газета», а 8 июля — журнал «Безбожник».

И обращение в Верховный Суд, и послание к верующим были написаны, или, точнее, подписаны, патриархом Тихоном во внутренней тюрьме Лубянки. Но большевики жаждали большего. На заседании 19 июня они потребовали от Тучкова, чтобы появилось 3-е послание к верующим. 1 июля патриарх Тихон вновь обратился к верующим с воззванием. В нем, несмотря на давление Тучкова, высказано четкое отношение к обновленцам: «Обновленцы эти бессознательно или сознательно толкают Православную Церковь к сектантству, вводят совершенно ненужные реформы, отступая от канонов Православной Церкви. Никакие реформы из принятых бывшим Собором (имеется в виду Обновленческий Собор — С.Б.) мы одобрить не можем, за исключением... нового календарного стиля в церковное обращение и новой орфографии в церковных книгах, что и мы благословляем»¹¹.

Патриарх не только сделал уступку в проведении небольших реформ, но и заклеил, хотя весьма сдержанно, католицизм. Вновь в воззвании прозвучали покаянные нотки, и обвиняется в этом «среда, которая нас воспитала, и те злоумные люди, которые толкали нас на эти действия». Имеется в виду «сопротивление Декрету об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих, анафематствование Советской власти, воззвание против Брестского мира». В воззвании упомянут митрополит Антоний Храповицкий и Собор заграничных архиереев в Сремских Карловцах в Югославии, сделавший ставку на восстановление монархии в России. Патриарх Тихон недвусмысленно пригрозил им церковным судом, если они не прекратят активной политической деятельности. В воззвании прозвучала мысль, не утратившая и по сей день своей актуальности: «Мы осуждаем теперь такие действия и заявляем, что Российская Православная Церковь аполитична и не желает отныне быть ни «белой», ни «красной» Церковью. Она должна быть и будет Единою, Соборною, Апостольскою Церковью, и всякие попытки, с чьей бы стороны они ни исходили, ввергнуть Церковь в политическую борьбу должны быть отвергнуты и осуждены»¹².

Пристальный и беспристрастный анализ посланий патриарха Тихона и сопоставление их с секретными стенограммами Антирелигиозной комиссии позволяют пролить свет на многие недоумения, которые возникали не только у современников описываемых событий, но и у историков, которые донныне вынуждены были пользоваться лишь догадками. Задача, которую поставила Антире-

лигиозная комиссия — сломить моральный дух патриарха, заставить его оклеветать не только себя, но и свое ближайшее окружение, — частично была достигнута. В этот период патриарха Тихона теснили не только чекисты и субсидируемые ими обновленцы, но и оппозиция справа. Это прежде всего московская оппозиция Даниловского монастыря во главе с епископом Феодором Поздеевским, которая считала, что никаких компромиссов с безбожной властью быть не должно. Эта немногочисленная группа епископов, священников и мирян сразу же заняла жесткую позицию. По их мнению, настали последние

Епископ Феодор
(Поздеевский)

времена, предсказанные в Апокалипсисе, развернуто небывалое гонение на христианство, поэтому долг христиан стойко и до мученического конца исповедовать свои убеждения. Немало трудностей доставляли зарубежные монархисты во главе с митрополитом Антонием Храповицким.

«Даниловская оппозиция» не может не вызывать уважения. Она исключает возможность каких бы то ни было ошибок и возвращает нас к временам первохристианства, когда римские императоры пытались уничтожить юную Церковь. Но уже тогда в споре «донатистов» с епископатом выявилась ригористичность «акривий» (жесткой, бескомпромиссной позиции). Подобная позиция оказалась не всем по силам. Поэтому Церковь порой прибегала к иной тактике, которая именуется «икономией» и подразумевает возможность компромиссов. Именно этой тактикой воспользовался патриарх Тихон, находясь в заключении.

Ригористы сомневались, принесла ли икономия должны плоды. Обратимся вновь к секретным протоколам. 17 июля 1923 года Антирелигиозная комиссия рассматривала вопрос о патриархе Тихоне и епархиальных управлениях. «Постановили:

2. а) поручить т. Тучкову тактично воздействовать на Тихона..., чтобы Тихон дал разъяснение через газету и интервью с иностран-

ными корреспондентами о том, что он действительно сам лично написал воззвания и заявление о своем раскаянии.

б) признать желательным, чтобы остальные сидящие под стражей по делу Тихона так же, как и он, раскаялись.

в) Тихоновских епархиальных управлений пока допускать не следует, за исключением тех районов, где особо прочно засели обновленцы.

г) Не возражать против моления тихоновцев за Советскую власть.

д) Признать необходимым, чтобы Тихон о своем раскаянии в Воззваниях написал письмо Кентерберийскому епископу¹³. Зарубежные христиане — католики и протестанты — после того, как патриарх Тихон был взят под стражу, постоянно организовывали массовые моления за страждущих российских христиан, обращались за поддержкой к главам государств. Все это осложняло работу советских дипломатов, которые были вынуждены добиваться признания легитимности Советской власти за рубежом. Именно поэтому большевики добивались того, чтобы патриарх Тихон лично обратился к архиепископу Кентерберийскому — Англиканская Церковь проявила особую активность в защите гонимых.

13 июля 1923 года патриарх Тихон встретился с секретарем английского комитета «Руки прочь от России» В.П. Коутсом. Журнал «Безбожник» 22 июля опубликовал краткое резюме этой встречи. В интервью патриарх Тихон ответил на вопрос Коутса: «Правда ли, что в России существует гонение на религию?» Тихон ответил, что ни в каком преследовании какой бы то ни было религии Советскую власть обвинять нельзя и что в России каждый сейчас имеет полную свободу следовать своим религиозным убеждениям¹⁴. Постепенно входя в процесс управления Русской Церковью, встречаясь с епископами, священниками и мирянами, патриарх Тихон пришел к выводу, что Тучков намеренно дезинформировал его. 15 июля он вновь обратился с посланием к пастве, в котором решительно обличил обновленцев, разоблачив их аферу с созданием Высшего Церковного Управления. Послание проникнуто одной мыслью — сорвать маску с обновленцев и показать церковному народу их подлинное лицо. Антирелигиозная комиссия на заседании 19 июля приняла решение: «Воззвание в такой редакции к опубликованию не допускать. Разрешить к опубликованию при условии, если будет изменена редакция»¹⁵.

Однако поражение обновленческого движения было очевидным, и решения Антирелигиозной комиссии оказались невыполнимыми. Третье послание патриарха Тихона было опубликовано в первоначальной редакции. 15 июля 1923 года произошел решительный перелом во взаимоотношениях между патриархом Тихоном и Тучковым. С этого момента начинается длительное противостояние Святейшего, завершившееся лишь с его смертью. Патриарх осознал, что далее отступать нельзя, что в период заключения им были допущены ошибки, которые без промедления надлежит исправить. Лето 1923 года ознаменовалось повсеместным отступлением обновленцев. Жесткая позиция патриарха Тихона привела к тому, что с этого момента обновленчество получило удар, от которого оно уже так и не смогло оправиться, и с этого момента началось его постепенное угасание.

В конце 1923 года Тучков направил доклад заместителю председателя ОГПУ Вячеславу Менжинскому, в котором отчитывался о проделанной работе. В первую очередь Тучков докладывал о том, как в недрах ГПУ было создано и финансировалось обновленческое движение. Все попытки историков представить обновленцев как людей идеи абсолютно несостоятельны: «До создания обновленческих церковных групп все управление церковью находилось в руках бывшего патриарха Тихона, а отсюда и тон церкви давался явно в антисоветском духе. Момент изъятия церковных ценностей послужил как нельзя лучше к образованию обновленческих противотихоновских групп, сначала в Москве, а потом по всему СССР. До этого времени как со стороны органов ГПУ, так и со стороны нашей партии внимание на церковь обращалось исключительно с информационной целью, поэтому требовалось для того, чтобы противотихоновские группы овладели церковным аппаратом, создать такую осведомительную сеть, которую можно было бы использовать не только в вышеупомянутых целях, но и руководить через нее всю церковь, что нами и было достигнуто. Достижение это, само собой разумеется, не могло получиться сразу и без затраты денежных средств. Кроме этого, здесь нужно было вызвать интерес у работников как по линии ГПУ, так и по линии партийной (работать бесплатно не хотел никто, это было время НЭПа, и все жаждали красивой жизни — С.Б.), ибо, повторяю, что до этого времени наши органы и партия реагировали на эту работу слишком слабо, нужно было публику (Тучков ставит на одну доску и че-

кистов, и партийцев, и обновленцев, объединяя их единым термином «публика» — С.Б.) заинтересовать и вовлечь в работу. Для этого, и имея уже целую сеть осведомления, возможно было направить церковь по такому пути, который был нам нужен; так, в Москве была организована первая обновленческая группа, позднее назвавшаяся

Обновленческий епископ Антонин (Грановский). Середина 20-х гг.

«живая церковь», которой Тихон передал временное управление церковью. Она состояла из 6-ти человек: двух архиер., — Антонина и Леонида и 4 попов — Красницкого, Введенского, Стадника и Калиновского»¹⁶.

Тучков явно преувеличил свое влияние на патриарха Тихона, стремясь очернить его: «Но здесь остается «мучеником» Тихон, который находится под стражей в Донском монастыре и про которого вся белая эмиграция и вообще весь черносотенный мир пишет и говорит как о едином человеке, который-де никогда не примирится с извергами рода человеческого большевиками, а стоит крепко за веру Христову (в подлиннике строчная буква — С.Б.), терпя всякие мучения и так далее. Тогда перед нами встала задача обработать Тихона, так чтобы он не только извинился перед Советской властью, но и покался в своих преступлениях и тем самым поставил бы в глупое положение монархистов. Правда, надо сказать, что здесь с Тихоном работы было чрезвычайно много, он прекрасно понимал, что одним раскаянием дело не ограничится, а что после придется слушаться и действовать по указке ГПУ, его более всего тяготило, но благодаря созданной для Тихона обстановки и условий, где он содержался под стражей, а также и правильно сделанного к нему подхода (еще одна заслуга Тучкова! — С.Б.) Тихона удалось убедить, и он собственноручно написал раскаяние, которое, конечно, не могло не поразить его друзей, считавших его три дня тому

назад стойким и неустрашимым человеком. Сначала белая пресса долго не верила, что это писал сам Тихон, а потом, когда выяснилось, то им не оставалось ничего другого, как похвалить Тихона за его тактичность и дальновидность (последние новости) (так в оригинале — без кавычек и со строчной буквы — Тучков говорит о парижской русскоязычной газете — *С.Б.*), которые он, дескать, проявил в этом акте для спасения церкви от раскола, возвратившись к ее управлению»¹⁷. Этот доклад существенно отличается от документов чекистов последующей эпохи, особенно брежневских времен. Преувеличение своих заслуг у Тучкова вполне умеренное, дезинформация наличествует в гомеопатических дозах.

Осведомители ГПУ работали не только в России, но и в эмигрантской среде. Основываясь на их донесениях, Тучков докладывал Менжинскому о том, как в Белграде и Париже было воспринято покаяние патриарха Тихона: «В своих же кулуарах они рассуждали совершенно иначе, они говорили, что как бы этот старик не выкинул бы еще чего другого, и чем больше они узнавали о тесной дружбе Тихона и его приближенных епископов с ГПУ, тем все более и более у них закрадывалось сомнение и создавалось опасение за поведение последнего, стали даже доискиваться причины этой дружбы, с какою целью к Тихону не раз посылались люди, задавая ему одни и те же вопросы, «почему он раскаялся и дружит с совершенно чуждой церкви публикой». В результате всего этого получается отход от Тихона наиболее черносотенной публики, считающей его слабым, неустойчивым, могущим оказаться опасным церковным руководителем, а его некоторых епископов прямо называли агентами ГПУ, даже определили получаемое ими от последнего жалование. Таким образом, Тихон в глазах этой публики теряет свой прежний высокий авторитет»¹⁸. Тучков довольно откровенно повествует, как чекисты компрометировали не только патриарха Тихона, но и его окружение. Проверить слухи, распускаемые ГПУ о ближайшем окружении патриарха, было невозможно, но они усугубляли взаимное недоверие среди христиан.

И все же Тучков достаточно трезво смотрел на сложившееся положение и докладывал об этом начальству: «Но по сравнению с авторитетом обновленцев, кои с самого начала себя до крайности скомпрометировали, авторитет (патриарха Тихона — *С.Б.*) все же значительно больше, поэтому его освобождение сразу же отразилось на этом движении: наименее устойчивые элементы из об-

Епископ Алеутский Евдоким
(Мещерский)

щей борьбу с Тихоном и тихоновщиной методом авторитетного воздействия на верующих, стараясь привлекать на свою сторону старых тихоновских архиереев и видных попов и мирян»¹⁹.

В 1923 году обновленчеству был нанесен смертельный удар, хотя оно продолжало жить и развиваться. Утверждение Тучкова, что ГПУ уже руководит жизнью Церкви, оказалось на деле фикцией. Чекисты руководили лишь обновленцами, которые стремительно теряли какой бы то ни было авторитет среди верующих. Но ГПУ все же достигло немалого, и Тучков отмечает эти достижения: «Вся эта церковная неурядица в конечном счете не может не отразиться на так называемых мирянах, кои, видя все это, начинают относиться к служителям культа с недоверием, а порой даже с опасением, боясь доносов и не надеясь на то, что каждый из них не состоит тайным агентом ГПУ. Находясь в положении врагов, эти два течения (обновленцы и «тихоновцы» — *С.Б.*) стараются как можно больше очернить друг друга перед Сов. властью и доказать последней свою лояльность. Излюбленным приемом у них является до-

новленцев стали переходить к Тихону и положение становилось весьма критическим, требовалось изменение церковного курса, который был взят сначала. С этой целью среди обновленцев происходит, так сказать, перестроение: скомпрометировавшиеся епископы и попы заменяются более авторитетными лицами, в первую очередь заменяются епископ Антонин и Красницкий, обновленческие группы объединяются в единую обновленческую группу, ВЦУ переименовывается в прежнее название «священный синод», во главе которого вместо ушедшего епископа Антонина и попа Красницкого становится виднейший митрополит Евдоким, состоявший 12 лет ректором Московской духовной академии, который ставит первой и главной своей зада-

Епископ Мануил
(Лемешевский)

нос, к которому они постоянно прибегают и благодаря которого мы в течение 1923 года обнаружили в церкви состоявшими в поповских должностях более 1000 человек бывших кадровых офицеров, б. полицейских и членов Союза Русского Народа и открыли ряд преступлений церковников... Необходимо заметить, что Тихон чувствует, что его авторитет постепенно падает, ибо он мне не раз жаловался на своих епископов, которые начинают его не слушаться, и многие из них не принимают даже назначений на кафедры, а про Данилов монастырь, где образовалась Тихону справа оппозиция, он прямо просил меня по-

содействовать разорению этого гнезда. Тихон хоть и отдает себе отчет, что дружить с ГПУ ему не к лицу, но благодаря сложившейся церковной обстановке он выйти из этого положения, будучи патриархом, не может»²⁰. Нельзя принимать за истину все, что написано Тучковым. Странно было бы полагать, что патриарх Тихон на самом деле просил содействия Тучкова «в разорении» Данилова монастыря, хотя жалобы на оппозицию «справа» вполне могли прозвучать из уст патриарха в доверительных беседах с ним. Свои беседы с патриархом Тучков называет «дружбой», в то же время отмечая, что патриарх не мог отказаться от встреч с представителем Советской власти. Находясь под домашним арестом, а затем в заключении, после же освобождения — под следствием, мог ли Святейший избежать этих встреч? Выход был один — отречься от патриаршества. Именно на это рассчитывал Тучков, намеренно компрометируя патриарха.

Легко осуждать патриарха и епископат, живя в эмиграции или в условиях посттоталитарного общества. Но для тех, кто испытал на себе постоянную слежку, допросы, обыски, неусыпное наблюдение за каждым шагом со стороны карательных органов, такой подход неприемлем. Быть может, самое страшное, что испытывает человек, оказавшись в ситуации, подобной той, в которую был за-

гнан Святейший патриарх Тихон, — катастрофическая нехватка информации. Особенно остро она ощущалась в переломные моменты истории, какими оказались 1922, а затем 1923 годы. В период заключения патриарх Тихон был лишен возможности общаться с близкими епископами, священниками и мирянами. Тучков создал обстановку не только полной информационной блокады, знакомя патриарха лишь с советской прессой, которая охотно публиковала победные религии обновленцев, да с обновленческими изданиями. Люди, которые неожиданно получали доступ к патриарху, тщательно проверялись и инструктировались Тучковым.

Та информация, которая поступала через них, не менее тщательно цензуровалась. Нельзя исключить и моральных мучений, когда Тучков сообщал патриарху о судьбе сотен епископов, священников, монахов и мирян, которые якобы по его вине, действуя согласно его воззванию, выступили на защиту церковных ценностей, а теперь томились в тюрьмах и лагерях. Завершая доклад, Тучков признавался: «Я здесь совершенно сознательно упустил подробности приемов нашей работы, а касался лишь ее результатов, имея в виду, что таковые, во-первых, Вам известны, а во-вторых, они настолько разнообразны, что если их описать, то потребовалось бы написание целой книги»²¹. Когда патриарх Тихон был освобожден из-под стражи, ему часто приходилось опровергать слухи о том, что он подвергался на Лубянке пыткам. Его не пытали электрическим током, но психологические пытки, которые применялись следователями, действовали на психику патриарха едва ли не более сильно. Он глубоко ощущал всю тяжесть ответственности, которая свыше была возложена на его плечи. Узнавая об отпадении в обновленчество не только священства и мирян, но и епископата, он понимал, что Русская Церковь вошла в полосу тяжелейших испытаний совершенно неподготовленной ни богословски, ни психологически, ни административно. Быть может, поэтому принял решение взять всю ответственность за воззвание о защите церковных ценностей на себя, подписать заявление в Верховный Суд, раскаяться в своих «прегрешениях» перед Советской властью только для того, чтобы, выйдя на свободу, разобраться в том, что происходит в Церкви на самом деле, и предпринять все возможные меры для нормализации церковной жизни.

Поразительно — даже в эти страшные годы патриарх не терял чувства юмора. Многих это раздражало — порой даже жаловались,

В.И. Ленин в Горках. Осень 1923 г.

что патриарх выслушивает епископов, а сам гладит кота да посмеивается. Его любовь к беззлобной шутке не удалось вытравить лубянским следователям. К нему по-прежнему спешили священники и миряне с самых дальних концов России. Тех, кому не удалось пробиться на прием к патриарху, выслушивали епископы. Архиепископы Петр и Иларион постоянно сообщали патриарху о переменах в Церкви и государстве. Здоровье Ульянова (Ленина) резко ухудшалось. Разгоралась борьба среди его наследников. Церковные проблемы отходили на второй план. Святейшему патриарху Тихону удалось упорядочить жизнь Церкви. Это признавал в

своем докладе и Тучков: «Работа по церковникам, по моему мнению, только что развернулась, и мы доходим до того момента, когда репрессии, применяемые нами в политических и тактических целях, должны будут скоро прекратиться, ибо силы враждующих сторон выравниваются и авторитет Тихона время от времени падает, осведомление, которое создано за этот прошлый (1923 — С.Б.) год по церковникам, вполне отвечает тому, чтобы сохранить негласное руководство церковью в наших руках, конечно, при условии, если будут даны соответствующие средства для их содержания... В дальнейшем 6-му от(деле)нию СООГПУ наряду с продолжением уже развернувшейся работы по церковникам предстоит проделать большую работу и по реорганизации церковноприходских советов, которые и до сих пор еще являются главной базой черносотенцев. Я полагаю, что эту работу нам удастся проделать в течении текущего 1924 года при помощи нашего осведомления и церковных аппаратов»²². Так оптимистически заканчивал отчетный доклад Евгений Тучков. Умный, проницательный политик, он оказался недальновидным человеком — репрессии против епископата, священников и мирян продолжали нарастать. Это означало — российских христиан запугать не удалось. В то же время в докладе Тучкова содержится важное признание ключевой роли приходов в жизни Русской Церкви в один из самых трагических моментов ее существования. Реформа приходской жизни, утвержденная Поместным Собором, плюс те права, которые миряне получили по декрету 1918 года по управлению приходом, доказали свою жизнеспособность в трудные времена гонений. Хотя арестовывались и ссылались епископы и священники, приходская жизнь не только продолжалась, но активные миряне духовно и материально поддерживали гонимых пастырей.

В ноябре 1923 года был арестован архиепископ Иларион (Троицкий), с момента освобождения патриарха Тихона бывший посредником между ним и Тучковым. ГПУ активно использовало для компрометации Святейшего его вынужденные встречи с начальником 6-го отдела СООГПУ. Архиепископ Иларион был сторонником компромиссов, за что неоднократно подвергался критике справа, со стороны оппозиции Даниловского монастыря. Насколько она была серьезной, свидетельствует тот факт, что когда в октябре 1923 года патриарх Тихон назначил епископа Феодора (Поздеевского) управляющим Петроградской епархией с возведе-

нием его в сан архиепископа, тот отказался принять это назначение. В Петроград поехал епископ Мануил (Лемешевский), которому удалось в кратчайший срок возвратить в патриаршую Церковь большую часть отпавших в обновленчество приходов. Современники вспоминали, что Святейший патриарх иногда сожалел о том, что поддался на уговоры Тучкова и подписал заявление в Верховный Суд и первые послания. Он говорил, что если бы в заключении знал об истинном положении вещей, то никогда бы не пошел на компромисс с большевиками. Тучков, по-видимому, сожалел о том, что патриарх Тихон уже не заключенный. Ему все труднее удавалось лично видаться со Святейшим патриархом. Переговоры о союзе патриаршей Церкви с обновленцами, на котором настаивала Антирелигиозная комиссия, и вовсе зашли в тупик. Осознав допущенные ошибки, патриарх Тихон твердо решил не допускать их впредь. Он разгадал тактику АРК, которая пыталась сделать Церковь своим разрушительным орудием, используя ее в антихристианских целях. В ноябре 1923 года патриарх Тихон сделал Заветательное распоряжение о преемстве высшей власти в Православной Российской Церкви на случай своей кончины.

Тем временем здоровье главы Советского государства Ульянова (Ленина) все ухудшалось. Последний год своей жизни он провел в

Горках и в Москву наведывался только один раз. Сохранились дневники дежурных врачей, в которых подробно описывалось состояние больного вождя. Еще в декабре 1922 года, панически страшась повторения инсульта и полной парализации, Ульянов продиктовал своему секретарю ультиматум: «Не забыть принять все меры — достать и доставить... в случае, если паралич перейдет на речь, цианистый калий, как меру гуманности и как подражание Лафаргам...»²³ В январе 1923 года стало ясно, что власть сосредоточивается в руках Сталина и Дзержинского. Ульянов еще пытался бороться с их усиливающимся влиянием, однако ничего поделать не мог. Болезнь постепенно превращала когда-то спортивного и неукротимого вождя в развалину. Он не мог самостоятельно передвигаться — его вывозили на кресле. Он находился в состоянии перевозбуждения, его мучили галлюцинации. 22 января 1924 года Ульянов скончался. ЦК принял решение о сооружении мавзолея, в котором должно покоиться набальзамированное тело вождя большевиков. Зима была морозная, и когда начали долбить землю у стен Кремля, прорвало канализацию. Легенда приписывает патриарху Тихону крылатую фразу: «По мощам и елей».

Останки В.И. Ульянова в мавзолее на Красной площади

IX. ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ ПАТРИАРХА ТИХОНА

Русский мыслитель Георгий Федотов, в 1925 году покинувший Россию, так описывал тогдашнюю церковную ситуацию: «Внешний режим, в котором живет сейчас Церковь, может быть назван временем выдыхающегося гонения — переходное время, как все сейчас в России. Невыносимо тяжела моральная атмосфера в стране, выходящей из революционного циклона. Улегшиеся страсти классовой ненависти сменились острой жаждой наслаждений, не стесняемой никакой религиозной или общественной уздой. Хищения и казнокрадство в правящей среде, ренегатство среди интеллигенции и разврат среди молодежи, грубый житейский материализм народных масс, широкий отпад от Церкви, от Бога, от самой идеи религиозности — вот печать среды, по-новому языческой, которой противостоит сжавшаяся, но окрепшая в гонениях Церковь. Представляя себе Церковь на фоне национальной жизни, никак нельзя забывать о происшедшем мучительном разрыве. Народная жизнь (о национальной мы пока говорить не будем) не освящается Церковью и все еще отталкивает ее.

Антихристианская власть, по-видимому, отказалась от мысли сломить Церковь грубым насилием. В этой борьбе государство, несомненно, понесло тяжелое моральное поражение. Храмы не опустели, общины верующих сплотились теснее, чем когда-либо, вокруг своих пастырей. Духовенство дало из своей среды немало мучеников и исповедников, которые кровью и подвигом своим укрепили церковное единство. Церковь оказалась сильнее гонителей, и им приходится, в борьбе за политическое существование, делать уступки тем низам, которые еще дорожат Церковью и не желают от нее отказаться. Сейчас уже не расстреливают священников и мало стесняют культ. О полной свободе говорить, конечно, не приходится. По-прежнему запрещают крестные ходы и время от времени, по мнимому требованию «трудящихся», кое-где закрывают храмы. В те дни, когда административная ссылка приняла массовый характер и чуть не ежедневно поезда увозят в Сибирь, в Соловки сотни студентов, солдат, купцов, интеллигентов, даже марксистов и сионистов, было бы странно, если бы не ссылали священников. Но эти, часто ничем не оправдаемые, акты насилия

носят личный характер: в основе обычно донос какого-нибудь живоцерковца-конкурента. ГПУ явно предоставляет в репрессиях инициативу обновленцам. Уже ссыльные епископы и священники, отбыв срок наказания, возвращаются в свои епархии и приходы, укрепляя колеблющихся, собирая верных, внося с собой дух мужественного исповедничества¹.

Картина, воссозданная Федотовым по личным наблюдениям, во многом точна. Со стороны казалось, что гонения выдохлись и власти начинают признавать свое поражение. На самом деле это было не так. Антирелигиозная комиссия действительно стала собираться реже — за 1924 год состоялось лишь 20 заседаний, тогда как в 1923 их было 31! В 1925 году комиссия провела лишь 6 заседаний. Но целей, поставленных комиссией перед ГПУ, никто не отменял. В январе 1924 года патриарх Тихон обратился с просьбой к народному комиссару юстиции Д.И. Курскому о проведении календарной реформы в Русской Церкви. Не будем забывать, что календарная реформа и введение в церковную жизнь новой орфографии были среди условий освобождения патриарха. В январе из-за смерти Ленина давление на Церковь несколько приутихло. Но уже в марте Президиум Центрального исполнительного комитета СССР выносит решение о прекращении дела гражданина Белавина. 22 марта патриарх принимает корреспондента РОСТА и заявляет ему: «Передайте Советскому правительству и Президиуму ЦИК СССР глубокую благодарность как от меня, так и от моей паствы за такое милосердное отношение к моей прошлой деятельности. Правительство может быть вполне уверено, что оно найдет

Патриарх Тихон (Белавин)

во мне лояльнейшего гражданина Советского Союза, добросовестно выполняющего все декреты и постановления гражданской власти². Это заявление означало, что работа ГПУ с патриархом не прерывалась и что в обмен на прекращение уголовного дела большевики потребовали от патриарха принять в общение обновленцев. Об этом сви-

Обновленческий собор

детельствует ответ Святейшего на последний вопрос корреспондента о мире с обновленцами, которых он именует Синодом: «Относительно примирения с Синодом и той частью духовенства, которая стоит за ним, Тихон говорит, что его точка зрения на этот вопрос не изменилась: он по-прежнему ждет пока-

яния от Синода и молится о том, чтобы Бог вразумил и смягчил сердца его членов»³.

А 15 апреля патриарх Тихон вновь обратился с посланием к пастве, в котором сообщил, что вынужден предать церковному суду раскольничьих епископов — архиепископа Евдокима Мещерского и епископа Антонина Грановского. Этот шаг был предпринят в связи с тем, что 2 апреля 1924 года архиепископ Евдоким, возглавивший «по благословению» Антирелигиозной комиссии обновленческое движение, в газете «Известия» заявил о том, что патриарх Тихон тайно ведет переговоры с Римским Папой о новой унии, а Константинопольский патриарх Григорий VIII вкупе с другими восточными патриархами порвал общение с ним. Этот удар был подготовлен Тучковым для того, чтобы еще раз напомнить несогворчивому патриарху, кто является хозяином в стране. Российская паства, измученная Гражданской войной, большевистскими репрессиями, лишениями и постоянной дезинформацией, уже не знала кому и чему верить. Этот шаг большевиков заставил патриарха Тихона перейти от обороны к наступлению. Очередное послание патриарха не было опубликовано в советской печати, а церковной уже не существовало. Силы были неравными. 19 мая патриарх в очередной раз уступил давлению со стороны Тучкова, начертав резолюцию на прошении одного из лидеров обновленчества, Красницкого: «Ради мира и блага церковного, в порядке патриаршей милости, согласен принять в общение протопресвитера

Владимира Красницкого, Священному Синоду предлагаю обсудить вопрос о включении его в состав образуемого Высшего Церковного Совета»⁴.

Если бы последний российский император Николай II постоянно не откладывал созыв Поместного Собора, а предоставил возможность православным собраться в 1906 году, как обещал, или хотя бы в 1913 году, Церковь успела бы подготовиться к эпохе гонений. Она вошла бы в полосу революционных преобразований подготовленной и внутренне стойкой. И все же Церковь преодолела обновленческий соблазн, во многом благодаря приходской реформе Поместного Собора. Георгий Федотов свидетельствовал о церковной жизни России: «За время заточения патриарха, ссылки епископов и видимого торжества «Живой Церкви», в связи с отступничеством и шатанием многих пастырей, иерархическое начало в Церкви было поколеблено. Каждый храм жил своей жизнью, не надеясь на авторитет церковной власти, часто исполненный недоверия к ней. Верующие сплачивались вокруг немногих оставшихся твердыми священников, иногда уходивших в «катакомбы», или прислушиваясь к голосу «старцев». Следы этой приходской обособленности еще заметны. Границы епископской власти остаются неопределенными. Епископ-исповедник, иерарх сильной воли и строгой жизни, может твердо править Церковью и рассчитывать на послушание. Но, как общее правило, власть епископата теперь ослабела за счет возросшего влияния священства и мирян. Этому не противоречит всюду растущая под влиянием раскола потребность в авторитете и каноническом строе жизни. Духовный авторитет часто весит гораздо больше авторитета канонического»⁵. Патриарх и Синод, втянутые в непрекращающуюся полосу гонений, проводили реформу церковного управления, принятую Поместным Собором, не столь решительно, как этого требовало время. Эта нерешительность обернулась против Церкви уже в 1922 году, когда после ареста патриарха Тихона группа обновленцев создала Высшее Церковное Управление. Посетив патриарха в заключении, обновленцы уговорили его предоставить им право создать канцелярию. Поместный Собор предусматривал создание Высшего Церковного Совета. Обновленцы похитили и исказили решение Поместного Собора, создав вместо канцелярии ВЦУ, напомнив о нем высшему руководству Русской Церкви.

О нем решил напомнить и Тучков в мае 1924 года. Но у него бы-

ли свои цели, ничего общего не имевшие с церковными. Он решил внедрить в состав одного из высших церковных органов своего осведомителя — протопресвитера Владимира Красницкого, одну из самых одиозных фигур даже среди обновленцев. 4 мая 1923 года на очередном заседании Антирелигиозной комиссии было постановлено:

«1.2. Ввиду того что Красницкий вследствие упадка его авторитета среди большей части соборян (речь идет о Поместном Соборе обновленцев, который был создан весной 1923 года и который лишил священного сана патриарха Тихона — С.Б.) может попытаться устроить на соборе скандал, дабы дискриминировать председателя Собора Блинова, поручить т. Тучкову принять меры к устранению этого явления и вовлечь Красницкого в активную согласованную работу Собора...»⁶ Красницкий был одним из наиболее циничных обновленцев — он не только не скрывал своего сотрудничества с ГПУ, но и гордился им. 21 мая 1924 в «Известиях» было опубликовано Постановление патриарха Тихона и Священного Синода об образовании двух высших церковных структур — Синода и Высшего Церковного Совета. В состав Священного Синода были включены митрополиты Сергей (Страгородский) и Серафим (Александров), а также архиепископы Димитрий (Беликов) и Григорий (Яцковский), будущий глава «григорианского» раскола. Эти епископы не пользовались доверием паствы. Митрополит Сергей уклонился в обновленческий раскол, покаялся и вернулся в патриаршую Церковь. Митрополита Серафима подозревали в сотрудничестве с ГПУ. Архиепископ Димитрий Томский вел себя слишком уклончиво с сибирскими обновленцами, постоянно общаясь с ними. Но настоящую бурю возмущения среди паствы вызвал состав Высшего Церковного Совета, в который был включен протопресвитер Владимир Красницкий. Все это свидетельствовало о том, что Тучкову удалось осуществить свой замысел.

Митрополит Серафим
(Александров)

Но патриарх Тихон, обладавший огромным нравственным авторитетом среди паствы, был наделен удивительной способностью — он умел прислушиваться к голосу людей, которые придерживались иной точки зрения, нежели он. Поэтому, когда до Святейшего патриарха дошли первые возмущенные отклики паствы, узнавшей о том, что ненавистный многим протопресвитер Владимир Красницкий введен в состав Высшего Церковного Совета, он принял твердое решение. Сохранилась его резолюция от 9 июля 1924 года, наложенная на адресе елисаветградского духовенства: «Я не пойду на соглашения и уступки, которые поведут к потере чистоты и крепости Православия. И поскольку всякие толки и слухи о примирении, особенно в газетном изображении о. Красницкого и других, вместо радости возбуждают в сердцах верующих скорбь и тревогу, что подтверждается и многочисленными заявлениями архипастырей, пастырей и мирян, то, ввиду сего, почитаю благовременным прекратить всякие переговоры о примирении с о. Красницким и подписи на журнале от 21 мая 1924 г. об образовании при мне Высшего Церковного Управления считать недействительными»⁷. И в этот раз Тучков потерпел поражение — соглашение, с таким трудом достигнутое с патриархом, было расторгнуто им 1 июля. Тучков ответил отказом зарегистрировать не только Высший Церковный Совет, но и Священный Синод. 10 июля в «Известиях» была опубликована беседа корреспондента газеты с патриархом Тихоном. Святейший подтвердил, что он собственноручно подписал акты о роспуске Синода и Совета, и сказал: «Я пошел навстречу искреннему желанию Красницкого поработать со мной в деле водворения церковного мира, принял его покаяние, несмотря на отрицательное отношение верующих масс к прошлой его деятельности, и назначил его в Высший Церковный Совет, но он там является лишь министром без портфеля, поскольку сам Совет не может функциониро-

Е.А. Тучков. Середина 20-х г.

Митрополит Петр (Полянский)

вать ввиду объективных условий, а именно отсутствия помещения»⁸. При этой беседе присутствовал митрополит Петр Полянский. Понятно, что публикация была предпринята для того, чтобы успокоить верующих. Официальной причиной роспуска Синода и Совета Антирелигиозная комиссия объявила отсутствие помещения!

1924 год оказался наиболее тяжелым для АРК и Тучкова. Кажется бы, удалось сломить сопротивление патриарха, находившегося в заключении, и заставить его подписать покаянные заявления. Но вторая половина 1923 года ознаменовалась почти полным поражением обновленцев,

несмотря на титанические усилия Антирелигиозной комиссии и ГПУ. Были затрачены огромные денежные средства, а результат оказался мизерным — выпущенный на свободу патриарх твердо встал на защиту Церкви. Даже малейшие уступки, отвоенные долгами переговорами и угрозами, рассыпались в прах, поскольку патриарх внимательно прислушивался к голосу своей паствы. Разрушительный план Тучкова внедрить Красницкого в один из высших церковных органов также потерпел поражение. Даже обещание патриарха перейти на новый стиль в богослужении оставалось неисполненным. 30 сентября 1924 года патриарх Тихон направил в Центральный исполнительный комитет заявление, в котором прозвучало не только его мнение, но и мнение церковного народа: «...Реформа церковного календаря в смысле уравнивания его с календарем гражданским хотя и представляет некоторые трудности в согласовании с ним пасхалии и дисциплины постов, однако принципиально допустима. Юлианское летоисчисление не возведено Церковью в неприкосновенный догмат веры, но, связанное с церковным обрядом, само может подлежать изменению... Тем не менее, немедленное осуществление реформы календаря

встречает на своем пути большие затруднения. Во-первых, для закономерного введения нового стиля требуется согласие всех автокефальных Православных Церквей... Отсюда вытекает необходимость решения этого вопроса согласным голосом всей Православной католической Церкви. Но она (реформа — С.Б.) должна быть не только закономерной, но и безболезненной, а такой она может быть только при согласии верующего народа... Обновленческое Высшее Церковное Управление и созданный им схизматический Собор 1923 г., и в других случаях заявившие о себе полным пренебрежением к вселенскому авторитету, вынесли постановление об изменении стиля, совершенно не считаясь ни с вселенским единством, ни с единством Российской Церкви»⁹.

Святейший патриарх Тихон обосновал, почему он отказался перейти на григорианский календарь, и перечисляет причины: «Первое состоит в том, что она (реформа календаря — С.Б.) скомпрометирована обновленческой схимой... Не подлежит сомнению, что реформу календаря было бы гораздо легче провести, если бы она осталась незатронутой обновленческим Собором. Второе обстоятельство, создающее большое затруднение для перехода на новый стиль, состоит во всеобщем убеждении, что эта реформа вводится не Церковью по ее собственному почину, а под давлением гражданской власти... изменение церковного календаря, предположенное Первым Всероссийским Собором 1917—1918 гг., при некоторых обстоятельствах могло бы быть осуществлено в закономерной и безболезненной форме. Этому в значительной мере содействовало бы невмешательство в течение реформы со стороны гражданской власти, потому что постороннее вмешательство не приближает, а отдаляет, не облегчает, а затрудняет ее осуществление...»¹⁰ Впервые после освобождения из-под ареста патриарх Тихон прямо говорил о недопустимости вмешательства гражданских властей в жизнь Церкви. Причем не келейно, в переговорах с Тучковым, а прямо обращаясь к правительству, каковым в те годы являлся Исполнительный комитет. Это прямое и резкое выступление патриарха вызвало озлобление в Антирелигиозной комиссии и ГПУ. Было решено «проучить» первосвященника. 9 декабря 1924 года в келью патриарха Тихона в Донском монастыре ворвались бандиты. Выстрел сразил наповал келейника Святейшего Якова Полозова. Современники рассказывали, что патриарх бросился в погоню за бандитами и кричал им: «Вернитесь, вернитесь! Вы человека убили!»

Трудно поверить в то, что это были простые грабители. Покой патриарха Тихона постоянно находились под бдительным надзором ГПУ, и если в них смогли проникнуть бандиты, то скорее всего это произошло при прямом попустительстве чекистов. Тучков возражал против того, чтобы Полозова хоронили в Донском монастыре. Но Святейший настоял на своем — он даже отказался как-то аргументировать свое решение, твердо сказав: «Он будет лежать здесь!» 1924 год завершался возрастающим противостоянием между Антирелигиозной комиссией и патриархом Тихоном. Именно в этот период, отвечая на уговоры епископов, просивших Святейшего смягчить свою позицию, он ответил: «Я не могу отдать Церковь в аренду государству». Предчувствуя скорую кончину, он окончательно определил свою позицию, осознав, что переговоры с Тучковым ни к чему доброму не приведут. Скорее всего, он разгадал тактику большевиков — добиваться малых уступок, постепенно переходя все к большим и большим, до тех пор, пока Церковь вновь не попадет в медвежьи объятия государства. Патриарх Тихон понимал, что новое государство качественно отличается от прежнего. Правительство царской России, которая считалась христианским государством, постоянно вмешивалось в жизнь Церкви, искажая нормальное течение ее жизни. Молодое большевистское государство продемонстрировало расстрелами времен Гражданской войны и обновленческим экспериментом, на сколько циничное насилие оно способно.

На Рождество 1925 года патриарх Тихон составил завещание, в котором предусматривалось: «В случае нашей кончины наши патриаршие права и обязанности, до законного выбора нового патриарха, предоставляем временно высокопреосвященному митрополиту Кириллу (Смирнову). В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам вступить ему в отправление означенных прав и обязанностей, таковые переходят к Высокопреосвященному митрополиту Агафангелу (Преображенскому). Если же и сему митрополиту не представится возможность осуществить это, то наши патриаршие права и обязанности переходят к высокопреосвященнейшему Петру (Полянскому), митрополиту Крутицкому. Доводя о настоящем Нашем распоряжении до общего сведения всех архипастырей, пастырей и верующих Церкви Российской, считаем долгом пояснить, что сие распоряжение заменяет таковое наше распоряжение, данное в ноябре месяце 1923 г.»¹¹

Антирелигиозная комиссия не отказалась от намерений всецело подчинить Русскую Православную Церковь. Планировался созыв единого Собора, который объединил бы «тихоновцев» и обновленцев. Митрополиту Сергию (Страгородскому) Тучков поручил разработку программного документа, который должен быть принят Собором. В конце 1924 года началась работа над составлением еще одного программного документа, который стал бы своеобразной Декларацией, регулирующей взаимоотношения Церкви и государства. От лица Церкви эти переговоры вел митрополит Петр (Полянский), указанный в завещании патриарха Тихона третьим возможным преемником. За четыре года он проделал головокружительный путь от простого мирянина до митрополита Крутицкого, ближайшего сподвижника патриарха Тихона. Именно он после ареста архиепископа Илариона взвалил на себя тяжелый крест постоянных переговоров с Тучковым. Внешне он производил впечатление человека мягкого и податливого, в чем-то капризного. С патриархом Тихоном его связывала многолетняя дружба еще с дореволюционных времен, когда святитель был Литовским епископом. Быть может, поэтому ему удавалось порою достигать небольших компромиссов между Святейшим и Тучковым. 28 февраля 1925 года патриарх Тихон обратился в Народный комиссариат внутренних дел с просьбой о регистрации Священного Синода. В ней он называет имена епископов, которые могли бы войти в состав Синода: митрополита Сергия (Страгородского), митрополита Тихона (Оболенского), митрополита Серафима (Александрова), митрополита Петра (Полянского), епископов Прокопия (Титова) и Сергия (Зверева). Эта попытка воссоздания Синода завершилась неудачей — Тучков настаивал на том, чтобы прежде была опубликована Декларация, в которой патриарх заявил бы о полной лояльности Советской власти.

Митрополит Кирилл
(Смирнов)

Е.А. Тучков

Переговоры затянулись вплоть до начала Великого поста. В основном текст Декларации был выработан, и шла постоянная работа над согласованием отдельных мест будущей Декларации. Патриарх Тихон весной 1925 года чувствовал себя настолько плохо, что вынужден был лечь в больницу, хотя не соблюдал постельного режима, постоянно выезжая на богослужения. Несмотря на то что патриарх Тихон был освобожден из-под стражи, а обновленческий Священный Синод терял свое влияние, продолжались аресты епископов, сохранивших верность патриарху.

К концу 1923 года число заключенных христиан на Соловках достигало пяти тысяч. Лишь в марте 1924 года Президиум ЦИК СССР принял решение о прекращении уголовного дела Белавина В.И. — патриарха Тихона. Но продолжались долгие и утомительные встречи с Е.А. Тучковым, начальником 6-го отдела ОГПУ. Тучков добивался от патриарха, чтобы все церковные решения согласовывались с представителями государства. Тем самым Церковь опять оказалась бы в подчиненном положении. Изматывающие переговоры, сопровождавшиеся угрозами, арестами близких патриарху людей, подрывали и без того ослабшее после заключения его здоровье. Врачи обнаружили у него заболевание почек.

Благодаря публикации материалов следственного дела патриарха Тихона можно проследить, как шла работа над так называемым предсмертным завещанием патриарха. 28 февраля 1925 года патриарх обратился к Тучкову с просьбой о регистрации Священного Синода. В прошении содержится обещание: «...По организации и регистрации Священного Синода — последним, во главе со мной, будет издана декларация об отношении Церкви и ее служителей к Советской власти, как инструкция на местах для епископов»¹². Апрельем этого же года датируется первый вариант так назы-

ваемого завещания, составленный кем-то из священнослужителей, скорее всего бывшим священником Михаилом Галкиным (псевдоним — Горев), членом Антирелигиозной комиссии. Скорее всего, этот текст, оскорбительный для слуха верующих и угрожающий по отношению к зарубежным епископам, был сразу же отвергнут Святейшим. Чего стоят следующие перлы: «Вознося смиренные молитвы Наши о ниспослании благословения Божия на труд народов, объединивших силы свои во имя общего блага, Мы призываем всех возлюбленных чад Богохранимой Церкви Нашей, в сие ответственное время строительства общего благосостояния народов, соединиться с Нами в сознании заблуждений, прежде допущенных и, принося чистосердечное в них раскаяние, стать за Рабоче-Крестьянскую власть Советов, содействуя ей всеми силами, всемерно облегчая ей бремя столь великого подвига»¹³.

Можно только предполагать, каких усилий стоило митрополиту Петру убедить Тучкова отказаться от этого варианта. Одно только титулование, предложенное антирелигиозниками, вызвало бы бурю протестов у народа: «Божиею Милостию Смиренный Тихон, Патриарх Московский, Союза Советских Социалистических Республик и всяя Церкви Российской»¹⁴. В результате переговоров появился второй вариант, более приемлемый с точки зрения церковной ситуации. В материалах следственного дела приводится текст, испещренный пометками Тучкова. Хотя вновь чувствуется рука верноподанного Галкина: «Вознося молитвы наши ниспослания благословения (именно так в подлиннике — С.Б.) Божия на труд народов, объединивших силы свои во имя общего блага, Мы призываем всех возлюбленных чад богохранимой Церкви Нашей в сие ответственное время строительства общего благосостояния народов слиться с Нами в горячей молитве ко Всевышнему о ниспослании помощи Рабоче-Крестьянской власти в ее трудах для общенародного блага»¹⁵.

13 января 1925 года патриарх вынужден был лечь в клинику Бакунина в связи с обострившимся заболеванием почек. Несмотря на это, он продолжал выезжать для служения в московских церквях. 7 апреля ему стало хуже. Сохранилось описание последних часов жизни патриарха Тихона: «...Часов около 10 вечера Святейший потребовал умыться и с необычной для него строгостью, с серьезным тоном, к которому я не привык, — рассказывал его келейник Константин Пашкевич, — сказал: — Теперь я усну... крепко и надолго. Ночь будет длинная, темная, темная.

...Минута проходила за минутой. Святейший лежал с закрытыми глазами. После маленького забытья Святейший открыл глаза и спросил:

- Который час?
- Без четверти двенадцать.
- Ну, слава Богу, — сказал Святейший, точно только этого часа он и ждал, и стал креститься.
- Слава Тебе, Господи, — сказал он и перекрестился.
- Слава Тебе, Господи! — повторил он и снова перекрестился.
- Слава Тебе, Господи, — сказал он и занес руку для третьего крестного знамения...»¹⁶

Погребение состоялось 12 апреля 1925 года в Донском монастыре. Сохранились воспоминания о том, как проходило прощание с усопшим патриархом: «Вокруг Донского все ведущие к нему улицы и вся Калужская площадь были запружены народом. Уличное движение по ним прекратилось, трамваи доходили лишь до Калужской площади. Порядок поддерживался рабочими-распорядителями, у которых на рукаве была черная повязка с белым крестом. Они распределяли очереди, указывали, в какие монастырские ворота каждой из них входить, словом, только помогали толпе соблюдать порядок, т.к. нарушать его никто и не помышлял. Советские власти прислали карету «скорой помощи» с одним просидевшим внутри нее милиционером, но ни в карете, ни в милиционере надобности не оказалось. За все эти дни и ночи (прощание длилось четверо суток — С.Б.) не было ни одного несчастного случая, и среди многотысячной толпы, простаивавшей там целыми сутками без сна и пищи, никому не сделалось дурно. Многие рассказывали потом, что никакой усталости не чувствовали. Очередь от Нескучного — версты полторы от монастыря — шла по четверо в ряд. Передвигались до собора более трех часов. Постоянно пополнялись у Нескучного вновь прибывающими, этот медленно день и ночь движущийся поток не походил на обычные «хвосты». Это было торжественное шествие. Собор не особенно велик, и вся его середина была занята стоявшим на возвышении гробом патриарха и духовенством, и тем не менее, весь миллион приходивших отдать Святейшему последний долг перебивал у его гроба. В первый день у гроба раздавали на память подснежники. Донской монастырь от многих пунктов города отдален на несколько верст. Трамвайное сообщение прекращается в Москве в 12 с половиной ночи, и мно-

Похороны патриарха Тихона

гие оставались там до утра, а иные ночью приходили пешком... Представители Советской власти, как тайные, так и явные, отсутствовали... В день погребения патриарха погода стояла чудесная — теплая, ясная, весенняя. Служба, по установленному чину, началась в 7 утра и продолжалась до наступления

темноты. Двери собора были открыты настежь, так что не поместившимся внутри него и стоявшим впереди было слышно богослужение, а пение доносилось и дальше. От вторивших ему передних рядов оно перекатывалось в задние, и пела вся многотысячная толпа. Это было заупокойное служение всенародное. Духовный и молитвенный подъем был так велик, что даже не слышалось плача. Это было не только погребение патриарха Тихона, но и всенародное его прославление»¹⁷.

Его преемник, митрополит Петр (Полянский), сказал над гробом Святейшего: «...Трудна была его жизнь. Тяжелый жребий выпал на долю его — править Русскою Церковью в такое бурное время. Но он уже отошел ко Господу. Труды и подвиги его закончились: он предстоит уже престолу Божию... Осиротели мы. Не стало у нас печальника и молитвенника, который для молодых был отцом, для взрослых — мудрым наставником и руководителем, а для всех вообще — другом. Его обаятельная ласка простиралась и на меня... Помолись же, отец наш, за нас осиротелых...»¹⁸ Казалось, что вся Россия собралась у гроба Святейшего. Кончина патриарха Тихона была воспринята Русскою Церковью как огромная и невозполнимая утрата. Многим казалось, что скорбит вся Россия — похороны Святейшего патриарха стали своеобразной демонстрацией единства Русской Церкви перед лицом очередного атеистического наступления.

Художник Павел Корин, присутствовавший на похоронах патриарха Тихона, так описывал свои впечатления: «Я видел смерть патриарха Тихона, огромное стечение народа в Донском монастыре и весь этот последний парад Православия. Я задумал картину о Старой Руси, о целых социальных и психологических пластах жизни, навеки исчезающих под давлением нового. Уход исторически обреченных людей был непросто, нелегок»¹⁹. Художник глубоко понял смысл трагедии, происходившей на его глазах. Поэтому огромное полотно, которое он задумал в тот трагический день, он решил назвать «Реквием». По его замыслу оно должно было не только увековечить обреченных на уничтожение христиан, но и оплакать их.

15 апреля 1925 года газета «Известия» опубликовала «Послание Святейшего патриарха Тихона об отношении к существующей государственной власти», так называемое «Предсмертное завещание». Этот документ уже вызвал немало вопросов у современников и вполне обоснованные сомнения в его подлинности. Не вызывает никакого сомнения то, что этот документ патриарх Тихон знал. Завещание составлялось и редактировалось как митрополитом Петром, так и Тучковым. Но основная проблема заключается в том, был ли он на самом деле подписан патриархом Тихоном? Обращение в газету с просьбой о публикации завещания подписали митрополиты Петр (Полянский) и Тихон (Оболенский): «...Просим не отказать поместить в газете «Известия» при сем прилагаемое воззвание Патриарха Тихона, подписанное им 7 апреля 1925 г.»²⁰ Казалось бы, обращение упраздняет вопрос: было ли предсмертное завещание написано патриархом Тихоном? Оба митрополита печатно засвидетельствовали, что документ якобы лишь подписан патриархом Тихоном накануне смерти. Почему же у современников возникли сомнения в подлинности подписи Святейшего? В первую очередь потому, что документ не был обнародован сразу же после смерти Святейшего перед всеми епископами, съехавшимися в Москву на его похороны. Завещание патриарха о том, что местоблюстителем до Собора становится митрополит Петр (Полянский), было не только публично оглашено, но и заверено подписями всех прибывших на похороны епископов. Оно было воспринято всем епископатом совершенно спокойно, поскольку митрополиты Кирилл (Казанский) и Агафангел (Преображенский), названные в завещании патриарха первыми, находились в заключении.

Сомнительность завещания ощущали и большевики. Поэтому они снабдили публикацию в «Известиях» редакционной статьей А.И. Межова «По поводу тихоновского завещания»: «...на смертном одре Тихон был окружен исключительно своими преданными поклонниками, иерархами православной церкви, духовенством тихоновского толка. Говорить о каком-либо давлении на его совесть совершенно не приходится. Его завещание является вполне свободным волеизъявлением и, по-видимому, соответствует действительному настроению его последних дней. Человек, стоящий одной ногой в гробу, вряд ли способен к такому лицемерию, какое мы должны бы приписать Тихону, если бы вздумали заподозрить искренность его завещания. Оно составлено им совершенно самостоятельно и свободно, передано им своему ближайшему помощнику, митрополиту Петру, за несколько часов до смерти, и передано именно с целью обнародования... Завещание Тихона бьет прямо в лицо клевете, упорно распространяемой врагами русского народа, и вскрывает ее истинную цену. С этой точки зрения завещание Тихона будет иметь и международное значение, поскольку оно наносит сильнейший удар бессовестным сплетням продажных писак и продажных политиканов о мнимых насилиях Советской власти над совестью верующих и о несуществующих гонениях на религию...»²¹ Редакционная статья написана так, словно Межов незримо присутствовал при последних часах жизни патриарха Тихона и достоверно свидетельствует о них.

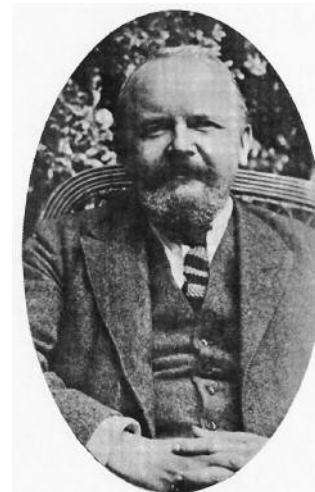
В 1930 году Литовскому митрополиту Елевферию, который неделю провел в Москве, митрополит Серафим (Александров), которого верующие едко называли «Лубянским», объяснял, что опубликование завещания спустя лишь неделю после смерти патриарха произошло из-за того, что якобы митрополит Петр в тогдашней суете забыл вскрыть конверт с «Завещанием». В эту версию не поверили современники, трудно поверить в нее и сегодня, учитывая то обстоятельство, что завещание, как утверждали очевидцы, было подписано Святейшим за несколько часов до смерти. Второй, не менее важный, аргумент — факсимиле подписи Святейшего, воспроизведенное газетой, было явно не последним. В дни болезни документы, подписанные патриархом Тихоном, свидетельствовали о том, что подпись стала нечеткой, тогда как «Известия» воспроизвели четкую подпись Святейшего. И последнее: Тучков, несомненно, приложил руку к публикации — в газете патриарх на-

зван «всея Российския Церкви». Титуловался же он «патриархом Московским и всея России». Подобной ошибки не могли допустить митрополиты, обратившиеся в газету. Последний аргумент — сличение двух текстов, отдаленных друг от друга двумя годами: «Завещания» патриарха Тихона и Декларации митрополита Сергия. В завещании патриарха Тихона звучит следующая мысль: «В годы великой гражданской разрухи по воле Божией, без которой в мире ничто не совершается, во главе Русского государства стала Советская власть, принявшая на себя тяжелую обязанность — устранение жутких последствий кровопролитной войны и страшного голода. Вступая в управление Русским государством, представители Советской власти еще в январе 1918 года издали декрет о полной свободе граждан веровать во что угодно и по этой вере жить. Таким образом, принцип свободы совести, провозглашенный Конституцией СССР, обеспечивает всякому религиозному обществу, и в том числе и нашей Православной Церкви, права и возможность жить и вести свои религиозные дела согласно требованиям своей веры, поскольку это не нарушает общественного порядка и прав других граждан. А поэтому мы в свое время в посланиях к архипастырям, к пастырям и пасомым всенародно признали новый порядок вещей и Рабоче-Крестьянскую власть народов, правительство коей искренне приветствовали».

Пора понять верующим христианскую точку зрения, что «судьбы народов от Господа устрояются», и принять все происшедшее как выражение воли Божией. Не погрешая против нашей веры и Церкви, не переделывая чего-либо в них, словом, не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской власти и работе СССР на общее благо, сообразуя распорядок внешней церковной жизни и деятельности с новым государственным строем, осуждая всякое сообщество с врагами Советской власти и явную или тайную агитацию против нее. Вознося молитвы наши о ниспослании благословения Божия на труд народов, объединивших силы свои во имя общего блага, мы призываем всех возлюбленных чад Богохранимой Церкви Российской в сие ответственное время строительства общего благосостояния народа слиться с нами в горячей молитве ко Всевышнему о ниспослании помощи Рабоче-Крестьянской власти в ее трудах для общенародного блага. Призываем... не питать надежд на возвращение монар-

хического строя и убедиться в том, что Советская власть действительно Народная Рабоче-Крестьянская власть, а потому прочная и непоколебимая»²². Далее текст «Завещания» абсолютно совпадает с указаниями Антирелигиозной комиссии — осуждение гонений в Польше на православных (которые на самом деле имели место) и «Карловацкого Собора». Даже поверхностный текстологический анализ выявляет в «Завещании» клише ГПУ и подлинные слова, принадлежащие патриарху или митрополиту Петру. Никогда православный христианин, получивший богословское образование, не мог бы утверждать, что на земле существует «прочная и непоколебимая власть». Утверждать подобное не могли бы иерархи — свидетели крушения монархии в России, казавшейся многим действительно неизблемым и богоустановленным строем.

Сравнение так называемого завещания патриарха Тихона и Декларации митрополита Сергия позволяет выявить почти дословные совпадения даже не мыслей, а текста. Все это выдает авторов обоих текстов — партийного идеолога Скворцова-Степанова, священника-расстригу Галкина (одного из постоянных членов Антирелигиозной комиссии) и, конечно же, Тучкова. Об этом достаточно писала в середине 20-х годов русская зарубежная пресса. Князь Григорий Трубецкой, участник Поместного Собора 1917—1918 гг., в статье, посвященной памяти патриарха Тихона, отмечал: «Здесь не стоит разбирать вопрос о подложности этого документа. Его подложность достаточно убедительно была раскрыта в повседневной печати, не говоря о том, что самый стиль обликает нецерковное происхождение документа, содержание его явно противоречит всей линии поведения Патриарха по отношению к Советской власти. Ибо не мог он, принимавший на себя всецело ответственность за подвластных ему иерархов и священников, чтобы избавить их от кары, не мог он грозить тем же иерархам карами за «нелояльность» по отношению к Совет-

Князь Григорий Трубецкой

ской власти, этим самым как будто покрывая своим авторитетом тех, кто замучили и убили 30 епископов и сонм священников и заточили в тюрьмы и ссылки еще 80 епископов и множество клириков и мирян»²³. Скорее всего, потрясенные неожиданной смертью патриарха Тихона, митрополиты Петр и Тихон уступили нажиму Тучкова, который был прекрасным психологом. Дождавшись, когда епископы разъехались после похорон патриарха по своим епархиям, он вновь начал переговоры и сумел добиться своего. Документ, работа над которым была прервана смертью патриарха, был опубликован. Митрополиты уступили давлению Тучкова, и он был опубликован как подлинное завещание патриарха Тихона.

Но ложь и в этот раз не оказала ожидаемого воздействия — церковный народ отказывался верить в то, что патриарх Тихон мог подписать подобный документ. Князь Григорий Трубецкой, живший в тот период в Париже, вспоминал: «Мы уже знаем, как новая очередная клевета встретила так же мало доверия в народе, как и первая. В одном обращении, которое распространяется в советской России, говорится по поводу Завещания Патриарха: «Враги Патриарха боятся его даже после его смерти. Они хотят очернить его память, но это им не удастся, так же как не удалось им поругание Святых Мощей и Святых Икон. Когда кощунственные руки начали сдирать ризы с икон и богохульники хотели надругаться над храмами, то началось небывалое чудесное обновление куполов и икон. Так же будет и с памятью о почившем нашем Святителе. От клеветы и надругательства лик его не потемнеет, а ярче засветится в сердцах православных русских людей»²⁴. Об этом же свидетельствовал только что покинувший Россию Георгий Федотов, активно участвовавший в церковной жизни Русской Церкви: «Годы гонений для Русской Церкви были порой ослабления ее внешнего единства и спаянности. Фактически бывали времена, когда она никем не управлялась и не водилась, кроме Святого Духа, жившего в ней. В этом заключается, быть может, величайшее чудо ее спасения и ее неразрушимого внутреннего единства. Не нужно переоценивать, судя о России, значения тех или иных актов, исходящих даже из очень высоких иерархических сфер. Они приемлются и не приемлются, поскольку оказываются удовлетворяющими таинственно-скрытому сознанию. Патриарх был живым сердцем в России, на нем сосредоточивались любовь и молитвы всей Церкви, и отсюда текла в ней незримая благодатная сила. Но силы этой

нельзя измерить и оценить по актам патриаршего управления. При отсутствии всякой свободы слова и затрудненности личного общения, акты эти вызывали разную оценку, смущали одних, оспаривались другими... Но никогда они не приводили к кризисам и не колебали уважения и любви к тому, на кого смотрели как на страдальца за всю Русскую Церковь. Заступником-молитвенником и вольной жертвой был патриарх для Руси, более чем вождем и руководителем ее, и то, что указанный им путь, при всех колебаниях и признанных ошибках, был путем спасения, в этом нельзя не видеть чудесного проявления благодатных сил, не оставивших Русскую Церковь»²⁵.

Смерть патриарха Тихона не ослабила противостояния между Церковью и государством. Е.А. Тучков продолжил натиск на местоблюстителя митрополита Петра (Полянского). Он требовал полного и безоговорочного подчинения Церкви государству. Но и на этот раз Тучков потерпел поражение. Многим тогда казалось, что митрополит Петр, человек мягкий и порою непредсказуемый, не выдержит давления ГПУ и примет условия, диктуемые Антирелигиозной комиссией. На деле все оказалось сложнее. 28 июля 1925 года митрополит Петр обратился к пастве с посланием по поводу обновленчества. Через прессу обновленцы объявили, что Вселенский патриарх готовит Вселенский Собор, на который приглашены от лица Русской Церкви именно они. В послании митрополит Петр обрушивается поначалу на сектантов, прежде всего на баптистов (опять рука Тучкова? — С.Б.), и только потом на обновленцев: «Наш православный русский народ простым сердцем своим почувствовал внутреннюю неправоту обновленческого движения и всю его опасность. Где только ему возможно, он со справедливым негодованием отвергает это движение и не посещает обновленческих храмов. В настоящее время так называемые обновленцы все более и более говорят о соединении с нами. По городам и уездам они собирают собрания, приглашают на них православных клириков и мирян для совместного обсуждения вопроса о соединении с нами и для приготовления к созываемому ими осенью текущего года своему новому лжесобору. Но нужно твердо помнить, что все такие самочинно устраиваемые собрания, как и бывшее в 1923 г. живоцерковное собрание, незаконны... Не о соединении с Православной Церковью должны говорить так называемые обновленцы, а должны принести искреннее раскаяние

в своих заблуждениях»²⁶. Это послание не было опубликовано советской печатью, но машинописные копии распространялись клириками и мирянами.

Изучая протоколы Антирелигиозной комиссии за 1925 год, мы находим несколько важных решений. Первое было принято почти сразу после смерти патриарха Тихона: «Учитывая могущую быть опасность на почве явной поддержки обновленцев органами власти и ущемления тихоновцев, поручить ОГПУ дать директиву местам о прекращении репрессий, применяемых в тактических целях к тихоновцам, с целью усиления обновленцев, не ослабляя в то же время борьбы с церковной контрреволюцией, проверяя все доносы обновленцев на староцерковников-тихоновцев до их ареста»²⁷. Подобная заботливость большевиков умиляет — чекистам предписано сначала проверять доносы, а уже потом арестовывать христиан. Обычно поступали наоборот — сначала арестовывали, а потом разбирались. В то же время Антирелигиозная комиссия дала указания ОГПУ действовать таким образом, чтобы «тихоновцы» остались без храмов. Осенью 1925 года АРК стало ясно, что митрополит Петр определил свои позиции в деле защиты интересов Церкви и не собирается сдавать их. Антирелигиозная комиссия на заседании 11 ноября 1925 года обсуждала доклад Тучкова «О дальнейшей политике в связи со смертью Тихона».

Комиссия приняла решение ускорить проведение раскола между епископатом, оставшимся верным митрополиту Петру: «В целях поддержки группы, стоящей в оппозиции к Петру (местоблюстителю патриаршества...), поместить в «Известиях» ряд статей, компрометирующих Петра, воспользовавшись для этого материалами недавно закончившегося обновленческого собора»²⁸. Эта задача была возложена на Скворцова-Степанова, Красикова и Тучкова. 15 ноября в «Известиях» появилась статья Теляковского (псевдоним Е.А. Тучкова — С.Б.) с угрозами в адрес митрополита Петра, которая закачивалась словами: «В огромной степени от самого Петра Крутицкого зависит опровергнуть все эти подозрения. И в столь же большой степени от самих церковников зависит раз и навсегда положить конец черносотенным интригам и контрреволюционным махинациям тех лиц, которые направляют церковную жизнь»²⁹.

Одновременно Тучкову было поручено возбудить уголовное дело против митрополита Петра. Его участь была решена. 9 декабря 1925 года комиссия признала выработанную тактику правильной и

уточнила дату ареста местоблюстителя. Чего же конкретно добивалась Антирелигиозная комиссия? Тогда в переговорах чаще всего употреблялся туманный термин «легализация». Это означало, во-первых, публикацию Декларации, в которой бы митрополит Петр заявил о лояльности Русской Церкви по отношению к Советской власти и о желании сотрудничать с нею. Во-вторых, «легализация» включала требование отстранить от управления епархиями нежелательных для ОГПУ епископов, а также окончательное осуждение заграничных епископов. И последнее — постоянное сотрудничество с представителем правительства, в данном случае — Тучковым. На деле пресловутая «легализация» сводилась к тому, что разрешение совершать богослужения тому или иному клирику должно было выдавать ОГПУ. Таким образом, Церковь, ее социальные институты вновь, как и в дореволюционный период, попали бы под жесткий контроль государства. Митрополит Петр, проявивший несговорчивость, 6 декабря был арестован и вскоре сослан на Крайний Север.

Двух возможных местоблюстителей — ни митрополита Кирилла (Смирнова), ни митрополита Агафангела (Преображенского), назначенных покойным патриархом Тихоном еще в 1918 году, ОГПУ не допустило в Москву. Но в завещании митрополита Петра от 5 декабря 1925 года были указаны еще два митрополита — Арсений (Стадницкий) и Сергей (Страгородский). Ни тот, ни другой не были названы покойным патриархом Тихоном. Хотя митрополит Арсений был одним из кандидатов на патриарший престол осенью 1917 года. С канонической точки зрения митрополит Петр не имел права передавать права патриаршего местоблюстителя кому-либо еще. Он сам стал местоблюстителем вопреки православным канонам, которые категорически запрещают передачу архиерейских полномочий. Но его назначение было оправдано чрезвычайностью обстоятельств. Поместный Собор дал такое поручение

Митрополит Сергей
(Страгородский)

патриарху, и он назначил трех возможных митрополитов как временных преемников, до созыва Поместного Собора. Собор не предусматривал возможности передачи местоблюстителем своих прав еще кому-либо. Поскольку митрополит Агафангел находился в ссылке, то временное возглавление Церкви, согласно завещанию митрополита Петра, перешло в руки митрополита Сергия, находившегося в конце 1925 года в Нижнем Новгороде. Церковную власть в этот период он не захватывал. На него как на своего возможного заместителя указал перед арестом митрополит Петр. Хотя само понятие «заместитель» не упоминалось в завещании.

Многие верующие к этому времени осознали, что Советская власть — это не фантом, и уже не надеялись на то, что большевики не смогут удержать власть. Церковь к этому времени оставалась единственным, но в то же время чужеродным, дореволюционным институтом, чудом уцелевшим в структуре молодого авторитарного государства. Раскольническая акция «обновленцев», поддерживаемых и финансируемых ОГПУ, не принесла мгновенного результата. В провинции верующие порой были не в состоянии разобраться: чем же отличаются обновленцы образца 1926 года от патриаршей Церкви? После сокрушительного поражения, нанесенного им в 1923 году патриархом Тихоном, обновленцы стали прибегать к мимикрии. Они отказались от множества нововведений, подчеркивая верность заветам православия. Попытки переговоров с обновленцами патриаршей Церкви также внесли смуту в сердца верующих. Порою казалось, что тактика богоборцев уже начала приносить плоды, но ОГПУ жаждало полной и окончательной победы над Русской Церковью.

Антирелигиозная комиссия при Политбюро ЦК ВКП(б) приняла решение о создании еще одного раскола. Митрополит Сергий (Страгородский) как заместитель местоблюстителя на данном этапе не устраивал Советскую власть. АРК лидером раскольников был избран архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский). Этот епископ ничем особо себя не проявил. Он не был ни видным богословом, ни выдающимся администратором. Зато были «пятна» в биографии — во время Гражданской войны он служил благодарственный молебен, когда в город вошли «белочехи», поддерживал белогвардейцев. Он должен был войти в состав Священного Синода, который был сформирован незадолго до смерти патриарха Тихона. Поэтому выбор Евгения Тучкова пал на архиепис-

копа Григория. Честолюбивым архиепископом легче было управлять. В июле 1925 года архиепископу Григорию исполнилось 59 лет. В обновленческом расколе он не участвовал. Поскольку ОГПУ не выпускало митрополита Сергия (Страгородского) из Нижнего Новгорода, в Москве царил церковное безвластие. Для раскола был использован обкатанный Тучковым еще в 1922 году прием, когда патриарх Тихон находился в заключении и к нему пришла группа священников с просьбой организовать канцелярию, а на самом деле Высшее Церковное Управление. 9 декабря 1925 года состоялось очередное заседание Антирелигиозной комиссии. Постановили: «Ввиду проводимой им (местоблюстителем митрополитом Петром (Полянским) — С.Б.) явно враждебной Соввласти церковной политики и имеющихся о нем конкретных обвинительных материалов, признать намеченную ОГПУ линию о внутрицерковных группировках правильной»³⁰. В этот же день митрополит Петр был арестован.

14 декабря 1925 года в письме на имя викарного епископа Клинского Гавриила (Красновского) митрополит Сергей сообщил, что принимает на себя «обязанности Местоблюстителя». Спустя неделю, 22 декабря, архиепископ Григорий сформировал Временный Высший Церковный Совет — ВВЦС, в который вошли 10 епископов. В церковном календаре на 1927 год было опубликовано послание ВВЦС «ко всем верным чадам Святой Православной Церкви». Подробно остановившись на обстоятельствах смерти патриарха Тихона, члены ВВЦС обличили арестованного митрополита Петра: «Но не угодно было Господу успехом благословить труды сего святителя. За время правления его нестроения и бедствия Святой Церкви лишь усугубились. Лишенная на пути своих испытаний руководительства Святейшего Патриарха Тихона, неправимая Соборне, ведомая лишь личною волею митрополита Петра, Она как бы вернулась к самым темным временам своего бытия. Вся воля Святой Церкви как бы затмилась единою человеческою волею»³¹. Этот пассаж в послании — живой и непосредственный отклик на решение Антирелигиозной комиссии от 11 ноября 1925 года. На этом же заседании Комиссия поручила ОГПУ возбудить против митрополита Петра уголовное дело. Поскольку обновленцы давно уже скомпрометировали себя в глазах верующих, то обвинения против митрополита Петра были выдвинуты ВВЦС.

В этом же послании ВВЦС определил свою платформу: «Ввиду сего мы, находящиеся в Москве епископы Российской Православной Церкви, собравшись с разрешения Правительства СССР в Донском монастыре 22 декабря 1925 года, помолившись у гроба Святейшего патриарха Тихона и обсудив положение церковных дел, решили избрать Временный Высший Церковный Совет для ведения текущих дел Русской Православной Церкви и для подготовки канонически правильного Собора, полномочного управителя и устроителя ее, не позже лета 1926 года. При этом мы твердо решили не входить ни в какие отношения и общение с обновленцами и обновленчеством во всех его видах, каковы так называемая синодальная Церковь, антониновщина, самосвятчина и т.п., и крепко стоять на основе Слова Божия и священных канонов Святой Православной Церкви»³². Вчитываясь в этот текст, любой православный христианин не задумываясь подписался бы под ним. Было ясно, что подписавшие его епископы — не обновленцы, не раскольники, не еретики. Более того, возникало ощущение каноничности собравшихся епископов, обеспокоенных тем, что Русская Церковь обезглавлена. Было определено и отношение к государству: «Вместе с тем мы считаем своим долгом засвидетельствовать нашу совершенную законопослушность предрержащей власти Правительства СССР и веру в его добрую волю, в чистоту его намерений в служении благу народа. Взаимно мы просим верить нашей лояльности и готовности служить на благо того же народа в меру наших сил, разумения и возможности»³³. В первую очередь удар был нанесен по митрополиту Сергию, который в это время вел переговоры с Тучковым. Вряд ли он видел реального конкурента в лице архиепископа Григория. Тем не менее именно он был избран АРК и Тучковым. Богоборцы прекрасно понимали, что стравливают двух епископов, внося еще большую смуту в сердца верующих. И митрополит Сергей решил ответить на вызов АРК. Пройденный им жизненный путь позволял во всеоружии встретить новый раскол.

Х. МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ СТРАГОРОДСКИЙ

Надо сказать, митрополит Сергей очень гибок в своих политических взглядах: за это говорит его постоянное нахождение в Синоде прежнего времени при обер-прокурорах всех направлений. Насколько я понимал, в 1926 году политической платформой его организации была ставка на нажим на Сов(етское) правительство со стороны общественного мнения Европы с условием изменения церковной политики Соввласти. По крайней мере, я заключил об этом из того, что, когда в 1926 году митрополита Сергия посетила американская делегация и его после посещения спрашивали, рассказал ли он о церковном положении в СССР, он ответил, что он не такой дурак, чтобы потом отдуваться за это.

*Из обвинительного заключения архимандрита
Ермогена (Голубева). 1931 год*

О митрополите Сергии (с 1943 года — патриархе) и сегодня спорят до хрипоты: одни величают его мудрым политиком, великим прозорливцем¹, другие считают, что именно он виноват во всех бедах, которые постигли Русскую Православную Церковь в послевоенный период. Попытки многих современных отечественных историков представить митрополита Сергия (Страгородского) как исключительно злонамеренную личность, искажившую нормальный ход церковной жизни, не лишены оснований: «Этот даровитый иерарх, делавший быструю карьеру при самодержавии и потом оказавшийся членом Синода после того, как обер-прокурор Временного правительства Львов разогнал старый Синод, перешедший в «Живую Церковь» сразу после ее образования и всячески ее рекламировавший, но сейчас же покаявшийся публично на коленях перед патриархом Тихоном и отрекшийся от нее, увидев, что она провалилась, очевидно, был беспринципным карьеристом»². Столь же категорично оценивает роль митрополита Сергия и другой православный публицист: «Да, ему никто не поручал спасать Церковь, спасти Ее человеку невозможно. Да, никто не давал права нарушать соборные постановления, меняющие весь строй церковной жизни, приносимой отныне в жертву властям, вторгающимся в ее святая святых»³. Крайние точки зрения на личность митрополита, а впоследствии патриарха Сергия (Страгородского)

(1867–1944) свидетельствуют о том, что еще недостаточно оценен его вклад ни в православное богословие, ни в новейшую историю Русской Православной Церкви.

Он родился в 1867 году в семье священника, в городе Арзамасе. Отец рано овдовел, и маленький Ваня воспитывался бабушкой Пелагеей Васильевной и няней Анной Васильевной. Его ранние воспоминания связаны с Алексеевским монастырем, в котором служил его отец. Монахи уделяли немало времени детям-сиротам. Ваня рос вместе со старшей сестрой Сашей. Местом детских игр часто был Алексеевский монастырь. «Бывало, расшалившись, Ваня забирался на дерево или забор и там, усевшись, пел песни. Тихая и боязливая Саша говорила ему: «Ваня, а ты не пой песни, у нас нет мамы». А он громче запевал: «У Саши нет мамыши, у меня мамыша Саша». В 8 лет его отдали в приходское училище, оттуда он был переведен в Арзамасское духовное училище, а после его окончания поступил в Нижегородскую духовную семинарию. В период учебы пережил тяжелый духовный кризис. Епископ Варнава (Беляев), близко сошедшийся с митрополитом Сергием Нижегородским в начале 20-х годов, вспоминал: «Разными путями призывает Бог ко спасению и монашеству... И поводом для оставления «мирского мятежа» бывают вещи далеко не спасительные... Вспоминается случай из жизни патриарха Сергия (Страгородского). Когда учился в Нижегородской семинарии, он очень пил. Парень умный (и остроумный, что, кстати сказать, сохранил до старости), он понимал, что не дело прожигать свой талант и жизнь. Я уверен, что он в душе начал уже определять свой будущий путь или где-то колесить около него. И вот однажды допился до того, что поспорил с товарищами,

И.Н. Страгородский с отцом и бабушкой

что залезет на церковный крест. Церковь при Нижегородской семинарии каменная, в саду за семинарским зданием, с обычной колокольней. Сказано — сделано, благородство обязывает. На крест купола он взобрался. Но, очевидно, подумал, что недалеко оттуда и до неба. Бросил пить и ушел в монахи»⁴. Пьянство студентов в семинарии — дело в дореволюционный период обычное. Этого типично русского искуса не избежал в свое время и студент Московской духовной академии Павел Флоренский.

В 1886 году Иван Николаевич Страгородский поступил в Петербургскую духовную академию. Его сокурсник, впоследствии профессор Г.П. Георгиевский позже вспоминал: «По своей внешности Иван Николаевич не производил особо выгодного впечатления: он был высок ростом, неуклюж, худ, в очках, с непослушными волосами на голове. Но в первый же вечер знакомства это впечатление изменилось коренным образом. Иван Николаевич оказался человеком на редкость мягкого характера, приветливый, ровный, спокойный, одинаковый со всеми, и к тому же он обладал прекрасным басом обширного диапазона и приятного тембра. Все его новые товарищи были очарованы, когда он в первый же вечер запел со своим подголоском (Иваном Павлиновичем Слободским) народные песни, и особенно духовные стихи калик перехожих... Страгородский отличался от нас тем, что он никогда не терял душевного равновесия, как будто его органы восприятия были иными, чем у нас, и пропускали в его душу только красивое и мелодичное, только здоровое и радостное. Сколько шуму бывало среди нас, горячих споров, а иногда и ссор. Поглядишь, и Страгородский тоже кричит и горячится, как будто стараясь превзойти соперника. А приглядишься — и убеждаешься, что Страгородский только поддразнивает спорщика, старается довести его мнение до абсурда, а сам остается ровным, спокойным и благодушным. Ни на кого он ни разу не рассердился, никому не сказал обидного слова. Природный остроумец, он никого не оскорблял своими шутками, ни над кем не издевался. Его юмор только обезоруживал собеседника, вызывал улыбку на его лице и полное примирение в душе»⁵.

На четвертом курсе под влиянием инспектора Академии архимандрита Антония (Храповицкого) Иван Николаевич решил принять монашество. Сокурсники были изумлены и поспешили сообщить об этом решении отцу. Приехал отец и долго беседовал с сыном. В конце концов он согласился с решением сына и благословил

его на этот шаг. После окончания академии иеромонах Сергей в течение трех лет трудился в Японии в Православной миссии, под началом архиепископа Николая (Касаткина), впоследствии причисленного у лику святых за миссионерский подвиг. Позже он вспоминал годы, проведенные в Японии: «Утром встанешь, напьешься чаю, отогрешься от ночного холода, из соседней комнаты доносится едва слышное шарканье ног, затем отворяются двери и слышится шипенье или всхлипывание, как будто бы кто ест или пьет что-нибудь горячее. Это идет мой учитель (сенсей) с неизменным лексиконом Гошкевича подмышкой, с записной книжкой, с «конница» и с специфическим японским запахом. Книги оставляются при входе. Один поклон перед образом, потом сенсей, низко наклонив голову, подходит под благословение (у японцев установлен обычай принимать благословение не руками, а головой). Затем начинается усаживание. Мой сенсей ставит к столу для себя стул, потом возвращается к двери за оставленной там книгой, приносит ее на стол, потом отправляется тащить с окна лексикону и уж после целого ряда эволюций помещается рядом со мной и начинает урок»⁶. Но почувствовав, что миссионерство не является его призванием, молодой монах в 1893 году возвращается в Россию.

Митрополит Евлогий, в те годы бывший ректором Холмской семинарии, позже вспоминал: «К нам в Холм, на обратном пути из Японии, заехал архимандрит Сергей (Страгородский). (Митрополит Евлогий ошибался — архимандритом он стал позднее, лишь в 1894 году. — С.Б.) Он был назначен в Японскую миссию к известному апостолу Православия архиепископу Николаю, но не выдержал сурового режима и должен был вернуться в Россию... Настроение у архимандрита Сергея было невеселое — он был в большом смущении от своей неудавшейся миссии в Японии»⁷. После возвращения он начал преподавать в Петербургской духовной академии, занимая кафедру Священного Писания Ветхого Завета. В декабре 1893 года был перемещен на должность инспектора Московской духовной академии, исполняя ее лишь 9 месяцев. В 1894 году, став архимандритом, был направлен Синодом в Афины настоятелем посольской церкви. Спустя два года вновь отправлен в Японию.

С 1897 по 1899 годы трудился помощником начальника Православной миссии в Японии. В 1896 году в Москве архимандрит Сергей защитил магистерскую диссертацию на тему «Православное

учение о спасении». Ректором Московской духовной академии в это время был архимандрит Антоний (Храповицкий), который в своем отзыве писал о диссертации: «...это прекрасное и выдающееся по талантливости и самостоятельности исследование»⁸. Еще в годы учения в Санкт-Петербургской духовной академии иеромонах Сергей избрал для написания кандидатского сочинения тему «О спасении». Сохранился отзыв на кандидатское сочинение профессора догматического богословия А.Л. Катанского: «Во всем сочинении чувствуется глубокая преданность автора принятому на себя труду, серьезное желание изучить основательно предмет и полная искренность в выражениях сложившегося у него взгляда, но вместе с тем не совсем приятно действует на читателя резкость и решительность его тона, неумеренный критицизм в отношении к существующим в нашей литературе опытам... Автор обнаружил обширную начитанность в святоотеческой литературе и большое умение выбирать из отеческих творений наиболее замечательные и выразительные места. Патристическая работа составляет самое ценное в диссертации. К сожалению, и в этой части сочинения автор обнаружил свойственную ему резкость суждений, тенденциозность и склонность стоять исключительно на нравственно-психологической почве, что и отразилось на его рассуждениях о мздо-воздаянии как мотиве добродетели, на изображении сущности вечной жизни... К недостаткам сочинения, кроме вышеуказанных, нужно отнести неумеренную любовь автора к антитезам. Нередко он высказывает со всею резкостью и без всяких ограничений какое-нибудь крайнее положение, невольно вызывающее возражения и отзывающееся парадоксальностью. Потом, в дальнейшем изложении, он обыкновенно ограничивает это положение, так что жалеешь, зачем он сразу не сделал этих последующих ограничений. Крайне он любит также иностранные выражения и туманные рассуждения. Несмотря, однако, на все вышеуказанные недостатки, рассматриваемое сочинение выдается из ряда обычных студенческих диссертаций сильною работой богословской мысли, особенной любовью автора к избранной им трудной теме, большою, даже редкою для студента начитанностью в святоотеческой литературе, умением с ней обращаться и пользоваться и, наконец, многими глубокими мыслями»⁹.

Углубляя избранную еще в Академии тему, архимандрит Сергей сумел избежать многих огрехов, допущенных им при написа-

нии кандидатской диссертации, и успешно защитил магистерскую. Сегодня его книга «Православное учение о спасении» читается с большим трудом. Она перегружена критикой католичества и протестантизма, а также чрезмерным цитированием святоотеческих творений. Важно помнить: в конце XIX столетия русская богословская мысль с трудом выбиралась из-под западных образцов так называемого «школьного богословия». Поэтому обращение к святоотеческому богословию (цитаты из отцов занимают больше половины диссертации), а также критика так называемого юридического подхода к догмату об искуплении были необычны и новы для того времени. Рецензент диссертации, профессор по кафедре истории разбора западных вероисповеданий В.А. Соколов еще тогда справедливо отметил серьезный недостаток диссертации: «...благодаря усиленной борьбе против так называемой юридической теории и некоторому увлечению в принятом направлении труд автора является односторонним и потому производит на читателя несколько своеобразное впечатление. Автор так мало касается объективной стороны искупления, что читатель совсем забывает о ней и иногда склонен думать, что как будто, при ходе мыслей автора, ей совсем не остается места»¹⁰. До сих пор этот труд остается важным, хотя и устаревшим. В нем наиболее ярко проявилась способность архимандрита Сергия к тщательному анализу, но недостаточное владение навыками синтеза. Решительно отвергая юридический подход к догмату об искуплении, он ничего не предлагает взамен. Утомляет и яростная критика не лучших и даже не первостепенных образцов западного богословия. Эта особенность, кстати, будет сохранена им до последних дней жизни.

В начале XX века архимандрит Сергий назначается ректором Петербургской академии. Когда в 1901 году в Петербурге по инициативе Д. Мережковского, Д. Filosofova, В. Розанова, В. Мирянова и В. Тернавцева возникли «Религиозно-Философские Собрания», Сергий Страгородский часто председательствовал во время заседаний. В том же 1901 году он стал викарным епископом просвещенного и деятельного митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского). 25 февраля 1901 года во время епископской хиротонии митрополит Антоний (Вадковский), вручая жезл новопоставленному епископу Сергию (Страгородскому), пророчески предрек: «...Ты ныне призываешься внести свою долю труда и подвига в это неизменное движение истории по пути превраще-

ния царства мира в Царство Христово. Не в области материальной имеет источник эта брань, а в области нравственной. «Наша брань не против крови и плоти, но против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12). Зорко тебе надо надзирать и следить за этой бранью и в себе самом, и в членах Церкви, и научиться твердо и бодро вести вверяемых тебе овец Христова стада к победному торжеству веры и правды, мира и любви. Мертвенное в них должно быть поглощено жизнью (2 Кор. 5, 4), грешное святостью, неправда праведностью. Молись, и подвизайся, и преуспевай в твоём служении о Господе, споспешествуемый силой и благодатью Святого Духа!»¹¹

В годы эмиграции Зинаида Гиппиус, вспоминая Религиозно-Философские Собрания и участие в них епископа Сергия, писала: «Мы узнавали много новых людей. Узнавали все больше, из кого состоит Церковь Православная, которая, как нам казалось, нуждается в движении, в принятии нового, в изменениях... Вот из кого состоит ныне Православная Церковь учащая: из верующих слепо, по-древнему, по-детскому, с детской подлинной святостью (о. Иоанн Кронштадский). Им наши запросы, наша жизнь, наша вера непонятны, не нужны и кажутся проклятыми. Затем из равнодушных иерархов-чиновников. Затем из милых, полулиберальных душ — митрополит Антоний. Из тихих малокультурных полубуддистов — епископ Сергий...»¹² Оставим едкость оценок на совести злоязычной поэтессы. Называя епископа Сергия «полубуддистом», Гиппиус намекает на его пребывание в Японии. Но вряд ли можно было назвать его малокультурным человеком. Он плодотворно занимался библейской текстологией. В течение многих лет, вплоть до своей смерти, ежедневно изучал еврейский и греческий тексты Священного Писания. До самого последнего дня жизни «библейский час», т.е. изучение Священного Писания, входил в распорядок его дня. Находясь в Японии, изучил японский язык. Литургию в Токио совершал на японском языке, на нем же во время пребывания в Японии преподавал в семинарии. Его магистерская диссертация получила широкую известность не только в России. В 1905 году епископ Сергий назначается архиепископом Финляндским и Выборгским, а в 1911 году становится постоянным членом Святейшего Синода.

Прислушаемся к мнениям епископа Сергия о взаимоотношениях между Церковью и государством, высказанным им еще в пору его ректорства, когда он часто председательствовал на заседаниях Рели-

Святейший Синод 1914–1915 гг. Третий справа – архиепископ Сергей (Старгородский)

гиозно-Философских Собраний: «Нужно иметь в виду, что каждое государство, каждый народ имеет свою миссию, которая дается ему Богом... Раз Христос допускает свободу совести и раз Русская Церковь считает Себя наследницей заветов Христа – естественно, что всевозможные средства принуждения теряют всякий смысл и должны быть уничтожены... Мне кажется, что у нас глубокое недоразумение и относительно представления о государстве. Отличие западного идеала государства от русского в том, что мы подчиняемся государству не во имя отвлеченных государственных идей, а во имя Христа... Русская государственная власть не может быть индифферентной, атеистической, если она не хочет прямо отречься от себя самой. Такое понимание русской царской власти своих задач церковных обеспечивало Церкви полную свободу Ее исповедания. Государь, как представитель прав мирян в Церкви, был всегда первым представителем церковных идеалов, ставивший всегда эти идеалы выше себя и государственных интересов, хранителем этих идеалов, хотел жить для них и существовать именно для этих идеалов. Если можно было бы представить дилемму, что важнее для государства: его существование или существование православной веры, то по логике русской веры вера важнее, интересы государственные

должны быть принесены в жертву вере. Соблюден ли этот идеал в наше время? Петр Великий погрешил тем, что он пытался вместо этих идеалов поставить другие идеалы, пытался поставить идеал государства как цель саму по себе»¹³.

Этот спор происходил в 1902 году на 8-м заседании, которое было посвящено реферату князя Волконского о свободе совести в России. Не будем забывать, что лишь в декабре 1904 года указом императора Николая II России была дарована свобода вероисповедания. До этого существовали всевозможные ограничения не только для инославных. Даже староверы вынуждены были записываться православными, для того чтобы получить возможность заниматься торговлей и проживать в столице. Епископ Сергей (Старгородский) в тот период отстаивал право государства вмешиваться в проблемы веры и диктовать свои правила для верующих. Рассматривая церковные реформы Петра I и его попытки обеспечить свободу вероисповедания в России, епископ Сергей отмечал: «Если бы русское государство приняло эти принципы и во всей полноте их провело, то тогда бы нужно было требовать полного удаления Церкви от государства. Но тогда русское государство потеряло бы в глазах народа всякую святость. Что же нам делать? Мне кажется, теперь вопрос не в том... чтобы идеалы Церкви были признаны безусловно неприкосновенными, чтобы с Церкви была снята всякая националистическая и подобная миссия, так как все это вопросы исключительно государственных. Я говорю не о свободе духовной власти от светского вмешательства. Это вопрос ничтожный. Я говорю о том, чтобы идеалы Церкви были первенствующими, чтобы государство не употребляло Церковь в свою пользу, как орудие... Относительно того, нуждается ли Церковь в государстве, я приведу слова Филарета (имеется в виду Московский митрополит Филарет (Дроздов) – С.Б.), консервативнейшего из консерваторов, который говорит: если Церковь молится за государство и поддерживает его, то делает это совсем не из соображений Своей пользы, не потому, что нуждается в его поддержке, а делает это во имя долга, как призванная молиться за государство, за благостояние этого мира»¹⁴. Это выступление епископа Сергея весьма важно, поскольку он твердо, хотя достаточно туманно высказывает свой взгляд на взаимоотношения Церкви и государства. Его монархизм не должен восприниматься как нечто угодническое – преданность императору, преклонение перед ним воспиты-

вались в дореволюционный период в русских людях с детства. Для того чтобы понять всю сложность произошедших позже, спустя четверть века, изменений, необходимо запомнить ключевые слова епископа Сергия: «...чтобы государство не употребляло Церковь в свою пользу». Не менее важны и другие его слова, сказанные тогда же о взаимоотношениях Церкви и государства: «Я не говорю о свободе духовной власти от светского вмешательства. Это вопрос ничтожный». По сути, предпринятое исследование во многом посвящено именно этому якобы «ничтожному вопросу». Иногда из подобных «ничтожных вопросов» вырастают стройные системы, оправдывающие подмену церковных целей любыми другими.

В 1917 году, когда вся Россия была охвачена небывалым возбуждением, охватившим и Русскую Церковь, на свободных выборах владыка Сергий был избран епархиальным съездом архиепископом Владимирским и Шуйским. Он был единственным епископом, сохранившим членство в Святейшем Синоде нового состава, который был сформирован по инициативе обер-прокурора Временного правительства В.Н. Львова. Сохранились интересные дневниковые записи протопресвитера Николая Любимова, члена Святейшего Синода. В мае 1917 года В.Н. Львов, отличавшийся импульсивностью, решил вновь реформировать Синод. Когда он сообщил об этом членам Синода, первоприсутствующий, архиепископ Платон (Рождественский), человек мягкий, решительно восстал против этого начинания обер-прокурора. Воспротивились этому почти все члены Синода, кроме архиепископа Сергия: «Только один архиепископ Сергий, как и всегда, желая и капитал приобрести, и невинность соблюсти, начал нести какую-то ахиною о том, что он вполне понимает и ценит желание обер-прокурора, что нам неприлично даже как будто бы отстаивать современный состав Синода, ибо сами к нему принадлежим, ибо это значит отстаивать свои личные права. Ох! Думалось мне при этих словах преосвященного: и хитер же ты, батюшка, — умудрился при разгоне старого состава в единственном числе остаться в новом, несомненно, и при нашем разгоне перейдешь и в дальнейший состав Синода. Вот это умение — приспособливаться к любым обстоятельствам! Честь и хвала тебе, хитроумный пастырь!»¹⁵

В декабре 1917 года архиепископ Сергий оказался единственным епископом, который был избран членом высшего государственного органа России — Учредительного Собрания. Главный

редактор большевистских «Известий», член ЦИК Юрий Нахамки (Стеклов) писал тогда же: «До сих пор в Учредительное Собрание прошел только один черносотенец (сколько их окажется впоследствии среди депутатов, прикрывающихся разными громкими кличками, мы пока не знаем). Это архиепископ Сергий из черносотенного союза «За веру и родину» (раньше говорили «За веру, царя и отечество», но по нынешним временам так говорить неудобно!). Прошел этот махровый реакционер по Нижегородскому избирательному округу. Но вся соль этого избрания заключается в том, что группа «За веру и родину» имела общий список с кадетским. Мало того, по-видимому, черносотенный архиерей стал во главе этого списка. Об этом можно судить по тому, что никакой другой кадет по губернии не прошел. Таким образом, кадеты своими голосами провели в Учредительное Собрание черносотенца. Так, по крайней мере, утверждает «Дело народа», которое в излишней строгости к кадетам никто не заподозрит»¹⁶. Тогда большевики еще не были уверены, что сумеют удержать захваченную власть. Учредительное Собрание было на тот момент единственным легитимным высшим органом, который призван был определить форму правления и избрать российские органы власти. Примечательно, что владыка Сергий (Страгородский) был избран его членом, но участия в работе собрания не принимал.

Зато архиепископ Сергий принимал деятельное участие в работе Поместного Собора 1917—1918 гг., возглавляя при Соборном Совете Отдел по урегулированию бракоразводного процесса. Участник Собора профессор Н.Н. Фиолетов вспоминал об архиепископе Сергии «...как о человеке большого ума, про которого говорили, что он «семи пядей во лбу» — дальновидность митрополита (в воспоминаниях вдовы Н.Н. Фиолетова он назван митрополитом, поскольку в том же 1917 году был возведен в этот сан — С.Б.) и умение находить выход из самых трудных положений были хорошо известны уже тогда. В личном об-

Н.Н. Фиолетов

Митрополит Сергей
(Страгородский)

щении он был приятным и обходительным человеком, отличавшимся скромностью и простотой. Задача секции заключалась в том, чтобы, всемерно укрепляя семейные устои и святость христианского брака, в то же время облегчить трудности бракоразводного процесса, освободить его от унижающей личность человека процедуры доказательства нарушений супружеской верности, которое требовалось консисторским производством»¹⁷.

Накануне трагических событий 1922 года митрополит Сергей был арестован и выслан. Сохранилось любопытное письмо наркома просвещения А.В. Луначарского председателю ВЧК Феликсу Дзержинскому, датированное 9 апреля 1921 года: «...Арестован и сидит в Бутырках митроп(олит) СЕРГИЙ. По моим сведениям, он мог бы быть полезен и облегчил бы ту миссию, кот(орую) взял на себя Арх. ВЛАДИМИР (Путята — С.Б.) в Казани. Между тем, использовать Арх. ВЛАДИМИРА надо при макс(имальных) условиях. Это м(ожет) очень сильно и в безопасной для нас форме примирить с нами крестьянство идеологически. Если заинтересуетесь — вызовите Арх. ВЛАДИМИРА...»¹⁸ Дзержинский переадресовал это письмо М.Я. Лацису, а тот отозвался кратко: «Ей-право, не стоит поднимать старого вопроса. Это очередное увлечение «Богоискателей». А Сергей уж совсем для этой цели не гош»¹⁹. Лацис был прав — путаник Луначарский забыл, что архиепископ Владимир создал «свободную церковь» не в Казани, а в Пензе. Но Луначарский направил письмо и Ленину с предложениями привлечь «прогрессивные» силы Русской Церкви к сотрудничеству с большевиками. Дзержинский, оценивая предложения Луначарского, был краток и категоричен: «Мое мнение: Церковь разваливается, этому надо помочь, но никаким образом не возрождать ее в обновленной форме. Поэтому церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-либо другой. Официальные или полуофициальные сношения партии с попами недопусти-

мы. Наша ставка на коммунизм, а не на религию. Лавировать может только ВЧК для единственной цели — разложения попов. Связь какая бы то ни было с попами других органов бросит на партию тень — это опаснейшая вещь, хватит нам одних спецов»²⁰. Однако в этом споре оказался прав Луначарский — спустя четыре года богоборческая власть, готовя созыв Поместного Собора, обратилась с необычной просьбой именно к митрополиту Сергию.

После того как патриарх Тихон был заключен под домашний арест, а власть в Церкви попытались захватить обновленцы, митрополит Сергей обратился с воззванием к пастве в обновленческом издании «Живая Церковь»: «Мы, Сергей, митрополит Владимирский и Шуйский, Евдоким, архиепископ Нижегородский и Арзамасский, и Серафим, архиепископ Костромской и Галичский, рассмотрев платформу Временного Церковного Управления и каноническую законность Управления, считаем его единственной канонически законной верховной церковной властью и все распоряжения, исходящие от него, считаем вполне законными и обязательными. Мы призываем последовать нашему примеру всех истинных пастырей и верующих сынов Церкви как вверенных нам, так и других епархий»²¹.

Обновленческий митрополит
Евдоким (Мещерский)

Церковные историки утверждают, что якобы никакого участия в деятельности Высшего Церковного Управления митрополит Сергей не принимал. На самом деле он был заместителем председателя ВЦУ. Через несколько месяцев он полностью отказался от какого-либо общения с «обновленцами». Тем не менее один из историков РПЦ, митрополит Мануил (Лемешевский) так комментировал его обращение: «Мы не имеем права скрывать от истории тех печальных потрясающих отпадений от единства Русской Церкви, которые име-

ли место в массовом масштабе после опубликования в журнале «Живая Церковь» письма-воззвания трех известных архиереев. Многие из архиереев и духовенства рассуждали наивно и правдиво так: «Если же мудрый Сергей признал возможность подчиниться ВЦУ, то ясно, что и мы должны последовать его примеру»²².

Среди обновленцев митрополит Сергей пробыл недолго — ситуация вскоре прояснилась, и он понял, что совершил ошибку. После освобождения патриарха Тихона в 1923 году и поражения обновленческого движения ему пришлось наряду с другими епископами принести публичное покаяние. Назначение епископа, согласно учению Церкви, — быть прежде всего учителем. С этой точки зрения поступок митрополита Сергея, видного богослова, трудно объяснить. Важно отметить черту, подмеченную протопресвитером Николаем Любимовым: митрополит Сергей еще в царское время, в течение многих лет будучи постоянным членом Святейшего Синода, настолько привык властвовать, что готов был жертвовать убеждениями ради того, чтобы не упускать бразды правления. О политиканстве преосвященного Сергея вспоминал и митрополит Евлогий, бывший депутатом 3-й Государственной Думы, а зимой 1911–1912 гг. входивший в состав Святейшего Синода: «В ту зиму... я входил в состав сессии Синода. Там приходилось выслушивать нападки на Думу... В конце концов конфликт обострился настолько, что в заседании (Государственной Думы — С.Б.), обсуждавшем синодальную смету, Гучков, в присутствии Саблера, обрушился на Синод и обер-прокурора со всей несдержанностью накипевшего негодования. Он говорил не голословно — приводил факты, которые разоблачили весь ужас того, что происходит. Из его речи можно было заключить, что Синод Распутину мирволит, а обер-прокурор всячески добивается его расположения... Состояние Саблера было отчаянное. Он смотрит на меня, ждет слов защиты... Мне надо говорить, а защищать мне его мучительно трудно. Я сказал кратко, что у меня нет данных ни за, ни против обвинений, что, надеюсь, обер-прокурор сам защитит свое доброе имя. Саблер остался мною недоволен. Такого рода схватки Думы и Синода дискредитировали Церковь, забрасывали Ее грязью, создавали предубеждение против всех, кто имел к Ней отношение. Приезжаю в Синод — там возмущение речью Гучкова. Архиепископ Сергей Финляндский хочет, чтобы Синод заступился за обер-прокурора и демонстративно поднес ему икону. Я протестую: «Думу дразнить

нельзя — это бестактно... Или вы не хотите иметь ничего общего с Думой?» И все же икону поднесли...»²³ Митрополит Евлогий точно подметил опасную черту владыки Сергея — склонность к политиканству. Об этой опасности еще в августе 1917 года, накануне созыва Поместного Собора, предупреждал Николай Бердяев: «Но ошибочно было бы принять восстановление соборного начала и демократизацию церковного строя за церковное творчество и церковное возрождение. Один из соблазнов, подстерегающих нашу церковную жизнь, — это смешение религии с политикой. Правое и левое политиканство в Церкви одинаково пагубны. Переход к политической или социальной демократии не есть религиозное движение, и для церковного возрождения он сам по себе ничего не может дать. Настоящее церковное возрождение может идти лишь изнутри, из глубины, от дыхания нового духа»²⁴.

После публичного покаяния, принесенного митрополитом Сергием, он был назначен на Нижегородскую кафедру. Но его пребывание среди обновленцев привлекло внимание всеявленного Тучкова. В очередном отчетном докладе он упоминал: «В последнее время эта борьба начинает принимать более серьезный характер: тихоновская церковь выступает со своей идеологией против марксизма целиком; в Новгородской (ошибка Тучкова: в Нижегородской — С.Б.) губернии имеется нелегальный кружок для критического изучения Марксизма, руководимый Митрополитом Сергием, в котором участвует помимо попов и молодежь, критическим изучением марксизма занимаются и в нелегальной тихоновской богословской академии в г. Москве»²⁵. Осенью 1924 года, когда шли непрекращающиеся переговоры представителей Антирелигиозной комиссии с патриархом Тихоном о так называемой «легализации», митрополит Сергей был призван Тучковым. Он исполнил одно деликатное поручение, которое пока еще не проанализировано церковными историками. Антирелигиозная комиссия планировала в 1925 году провести Всероссийский Поместный Собор, в состав которого наряду с патриархом Тихоном вошли бы и вожди «обновленчества». Тучков обратился к митрополиту Сергию с просьбой подготовить основной доклад, который смог бы подвести богословский фундамент под новые отношения государства и Русской Церкви, раздираемой расколами. Владыка Сергей поручение выполнил. Этот доклад, вновь, как и кандидатская работа Страгородского, полный «туманных рассуждений», был опубли-

кован лишь в 2000 году вместе с материалами следственного дела патриарха Тихона.

Вначале митрополит Сергей сослался на постановление Поместного Собора 1917–1918 гг., которое предписывало созывать Соборы не реже одного раза в три года. Предполагаемый докладчик напоминает соборянам, которые должны были собраться в Москве: «Прежде всего мы не должны забывать, что государственная власть у нас принадлежит коммунистам-большевикам, т.е. партии, которая объявляет себя без религии, против всякой положительной религии. Другими словами, фактически государственной религией у нас является атеизм, а задача и желание государственной власти сделать его и народной религией. Понятно, что всякая положительная религия, более или менее прочно пустившая корни в народную душу, будет для власти конкурентом, тем более нежелательным, чем шире и глубже влияние этой религии на народные массы»²⁶.

Напоминая о временах гонений, митрополит Сергей замечал: «В своем прошлом христианство помнит не только стеснения обстоятельств, подобные нынешним, но и прямые гонения, стоившие Церкви десятков тысяч жизней ее лучших сынов, и целые миллионы отпавших, и однако Она все претерпела и вышла победительницей. Сокращаясь количеством, Она в неизмеримой прогрессии возрастала качественно, сжималась как бы в клубок, чтобы с тем большей энергией и глубиной воздействовать на окружающее общество». И тут же чрезвычайно странный пассаж, словно предваряющий более поздние публичные выступления митрополита Сергея: «Было бы, конечно, лишь фразой теперешнее свое стесненное положение нашей Русской Церкви приравнять к эпохе гонений. Правда, Церковь наша лишена имущества, а с ним и устойчивого обеспечения для своих учреждений. Но храмы наши открыты для публичного богослужения, проповедь раздается, всякий свободно может приходить и слушать. Правда и то, что некоторые из церковных деятелей и у нас поплатились жизнью, а многим другим из них пришлось познакомиться с тюрьмой и ссылкой. Но причина того уже не религиозные убеждения как таковые, а описанные выше политические отношения»²⁷.

Порой в проекте доклада встречаются буквальные совпадения с более поздней Декларацией митрополита Сергея 1927 года: «Если, например, в прошлом наша Русская Православная Церковь стояла за монархию и даже карала своей анафемой восстания против мо-

нарха, то это не обяывает нас оставаться при том же и теперь, при изменившихся условиях. Мы, совершенно не погрешая против нашей веры и Церкви, можем быть в гражданском отношении вполне лояльными к Советской власти и, не держа камня за пазухой, работать в СССР на общее благо... чтобы добиться разрешения на Собор, мы должны представить Правительству вполне гарантированное заявление о лояльности нашей Церкви, а чтобы иметь в руках такое заявление, нам нужен Собор. Получается круг. Выход из него, может быть, откроется в том, чтобы в самую программу будущего Собора внести некоторые пункты, ясно определяющие отношение нашей Церкви к Советской власти и вообще к новому государственному и социальному строю, и представить эту программу Правительству вместе с ходатайством о разрешении на созыв Собора. Пункты эти должны быть рассмотрены Собором в самом начале его занятия. Положительный ответ на них предоставит Собору возможность продолжать свои занятия и приступить к решению других назревших вопросов, собственно церковных; отрицательный же ответ будет для Правительства основанием распустить Собор раньше, чем он успеет что-либо сделать для Церкви. Думается, Правительство даст нам возможность легально определить свою позицию и упорядочить наши церковные дела»²⁸.

Вторая часть доклада посвящена рассмотрению возможных взаимоотношений между Церковью и атеистическим государством. Митрополит Сергей, предвосхищая текст знаменитой Декларации, обосновывал найденную им «золотую середину» — Церковь всего-навсего лишь «лояльна» по отношению к государству. Он подробно раскрывал смысл этого термина: ...«лояльность», т.е. законопослушность, исполнение всех законных требований порядка внешней церковной жизни и деятельности с новым государственным строем, а также уклонение от сообщества с врагами Советской власти и от агитации против нее. Но это не значит отнюдь, что Церковь, проводившая прежде монархическую политику, теперь хочет проводить политику Советскую: Церковь, получив с революцией свободу жить только своею чисто церковною жизнью, теперь становится в стороне от политики, одинаково открывая свои двери и преподавая свое учение и обряды и монархистам, и республиканцам, и буржуа, и пролетариям, лишь бы они по вере были православными церковниками»²⁹. В конце второй части доклада митрополит Сергей разработал текст первого определе-

ния будущего Собора, который должен был освободить всех бывших подданных Российской империи от клятв в верности бывшему императору, поскольку тот отрекся от престола. Второй пункт постановления в проекте митрополита Сергея — сообразование всех проявлений церковной жизни с законами Советской власти и требование от всех православных лояльности по отношению к власти.

Третья глава доклада, наиболее важная, анализирует российский вариант коммунизма. Оказывается, «...этот строй не только не противен христианству, но и желателен для него более всякого другого, это показывают первые шаги христианства в мире, когда оно, может быть, еще не ясно представляло себе своего мирового масштаба и на практике не встречало необходимости в каких-либо компромиссах, применяло свои принципы к устройству внешней жизни первой христианской общины в Иерусалиме, **когда никто ничего не считал своим, а все было у них общее...**» (разрядка наша — С.Б.)³⁰ Эта часть доклада, если бы ее услышали собравшиеся современники митрополита Сергея, вызвала бы у них наибольший протест. По сути, он повторял доводы «обновленцев», искавших тесного союза и поддержки у богоборцев, пришедших к власти. Впрочем, он использовал поверхностную аргументацию «обновленцев»: «Находясь в союзе с собственническим государством и своим авторитетом как бы поддерживая собственнический строй, Христианство (точнее, наша православная Церковь в отличие от протестанства) идеальной или совершенной жизнью, наиболее близкой к идеалу, считало все-таки монашество с его отречением от частной собственности. Это господствующая мысль и православного богослужения, и православного нравоучения, и всего православно-церковного уклада жизни. Тем легче, следовательно, было бы христианству помириться с коммунистическим строем, если бы он оказался в наличности в тогдашнем или в каком-либо другом государстве. Поэтому и наша Православная Церковь, стоя перед совершившимся фактом введения коммунистического строя Советской властью, может и должна отрицать коммунизм как религиозное учение, выступающее под флагом атеизма... Но занимать непримиримую позицию против коммунизма как экономического учения, восставать на защиту частной собственности для нашей Православной, в особенности Русской Церкви, значило бы забыть свое самое священное прошлое, самые дорогие и за-

ветные чаяния, которыми, при всем несовершенстве повседневной жизни и при всех компромиссах, жило и живет наше русское, подлинно Православное церковное общество»³¹. Митрополит Сергей исполнял «социальный заказ» — пытался выстроить богословскую аргументацию и хотя бы отчасти оправдать коммунизм. При этом он затрагивал самые глубинные течения русской православной церковности, как бы вынося их на обсуждение будущего Поместного Собора. Он упоминал, хотя и вскользь, споры XV столетия между «нестяжателями» и последователями преподобного Иосифа Волоцкого. Нельзя отказать митрополиту Сергию в редкой богословской интуиции — он всегда умел точно найти важную болевую проблему, поставить ее, но крайне редко давал ответ. Церковный корабль, подобно обычному кораблю, за время странствий обрстал всевозможными чуждыми элементами, которые не только соблазняли верующих, но порой замедляли и даже искажали пути земной Церкви. Победа «иосифлян» сделала Русскую Церковь одним из самых богатых общественных институтов России. Реформы Екатерины II несколько освободили Церковь от тяжкого груза земель и поместий. Но не настолько, чтобы церковный корабль вновь свободно заскользил вслед своему Божественному Основателю. И только революция решительно освободила Церковь, вернув ее к первохристианским временам.

И вновь в аргументации митрополита Сергея, стремящегося оправдать большевистские реформы, яростная критика протестантизма. Вспоминая реформы Петра I и его пристрастия к протестантизму, митрополит писал: «Отрицая возможность вообще духовного подвига в земной жизни христианина и отвергая монашество, протестанство стало культивировать добродетели семейные, общественные и государственные. Поэтому и Церковь там сама собою оказалась подчиненной государству, и добродетели гражданские практически оказались более нужными, чем духовные. А так

Е.А. Тучков

как государство было собственническим, так как гражданский строй был буржуазным, то и гражданские добродетели эти оказались преимущественно буржуазными и собственническими: верность государю, честность, трезвость, бережливость, соседняя с скопидомством и т.д. По этому пути протестантство вполне последовательно пришло потом и к утверждению, что собственность священна, и даже что долг богатого человека — заботиться об увеличении своего богатства. Для пересаженного к нам с Запада полицейского государства эти выводы протестантства были весьма пригодными и потому были весьма скоро и основательно усвоены всеми по-государственному мыслящими людьми. Они свили себе гнездо и в официальной богословии. Но подлинно православной, в особенности русской православной науке с этими выводами не по пути. Недаром немцы возмущались некультурностью нашего мужика, невозможностью никакими силами привить ему помянутые буржуазные добродетели. Он все продолжает твердить, что земля «Божья», т.е. ничья, что все, что нужно всем, и должно быть в общем пользовании...»³² Этот сермяжный патриотизм вполне был созвучен призыву Ульянова-Ленина, который нашел такой горячий отклик в сердцах русских людей: «Грабь награбленное!» С той только разницей, что буржуа Ульянов немного стыдился своей горячности, проявленной осенью 1917 года, а владыка Сергей в конце 1924 года, в разгар НЭПа, пытался выстроить богословское оправдание русского бесчестия и босячества.

Он привлекает в союзники земляка, нижегородца Максима Горького: «Где у нас идеал честного и аккуратного собственника? Напротив, не юридичный ли, если взять духовную литературу, не босяк ли, если взять светскую, а в том и другом случае не человек ли, живущий вне условий и требований буржуазной жизни, есть подлинно наш русский идеал? Я убежден, что Православная наша Церковь своими «уставными чтениями» из отцов Церкви, где собственность подчас называлась не обинуясь кражей, своими прологами, житиями святых, содержанием своих богослужебных текстов, наконец, «духовными стихами», которые распевались около храмов нищими и составляли народный пересказ этого церковного книжного учения, всем этим Церковь в значительной степени участвовала в выработке вышеописанного антибуржуазного идеала, свойственного русскому народу. Допустим, что церковное учение падало уже на готовую почву или что русская — по-западному

некультурная — душа уже и сама по себе склонна была к такому идеалу и только выбирала из церковной проповеди наиболее себе сродное, конгениальное. Во всяком случае можно утверждать не колеблясь, что Православная наша Церковь своим (теперь неофициальным) учением не только не заглушала таких естественных произрастаний русской души, но напротив, доставляла им обильную пищу, развивала их и давала им освящение». Все это громоздкое и странное здание псевдобогословских сентенций выстроено для одной цели: «Вот почему я утверждаю, что примириться с коммунизмом как учением только экономическим (совершенно отменяя его религиозное учение) для Православной нашей Церкви значило бы возвратиться к своему забытому прошлому, забытому официально, но все еще живому и в подлинно церковной книжности, и в глубине сознания православно-верующего народа»³³. Эта часть доклада завершена призывом к Собору: «...радостно приветствовать узаконенный Советской властью в СССР коммунистический строй, а богатым и имущим безропотно, во имя той же веры, ему подчиниться...»³⁴

Эти положения митрополита Сергея — болевая точка русского богословия. Впервые с предельной откровенностью и обнаженностью один из видных богословов, епископ, впоследствии — патриарх высказывает то сокровенное, что всегда таилось в глубинах русской души. Он выводит на поверхность наиболее глубинные течения русской религиозности, формировавшиеся на протяжении веков. Именно поэтому необходимо пристально всмотреться в эти необычные положения и задуматься над ними. Согласуются ли они с Евангелием? Почему забыты слова Христа: «Царство Мое не от мира сего»? Можно ли разделить учение Маркса, вычленив из него экономическое направление, которое якобы созвучно идеалам первохристианства? Марксизм — прежде всего идеология. То, что по сути противоположно и враждебно религии. Религия соединяет человека с Богом. Марксизм ставит целью разлучение человеческой души с ее Творцом. Декларируемая цель марксизма-ленинизма — построение царства добра и справедливости на земле. Согласно классикам марксизма-ленинизма, эта цель может быть осуществима только в том случае, когда человек забудет про существование Бога и сосредоточит все усилия на построении царства справедливости на земле. Но можно ли было забыть реки крови, насилие и жестокость большевиков в годы Гражданской вой-

Митрополит Сергей
(Страгородский). 1941 г.

ны, насильное изъятие церковных ценностей, бессудные расстрелы десятков тысяч россиян? Неужели митрополит Сергей мог забыть страшный голод Поволжья, когда умирали миллионы крестьян, а большевики отказались от продовольственной помощи Запада? Неужели путь к царству добра и справедливости лежит через ложь, богоборчество и насилие? Или владыка надеялся, что большевики изменили своим убеждениям и их можно убедить в полезности союза с Церковью? К 1924 году многие христиане России устали от постоянных гонений. Многим казалось, что вот-вот настанет хотя бы краткая передышка. Не прельстился ли этим соблазном и митрополит Сергей, сочиняя доклад для Тучкова?

Последний раздел доклада посвящен церковной собственности, которой Русская Церковь уже лишилась. Митрополит Сергей не без оснований утверждал: «Право иметь собственность не входит в качестве неперемennого признака в понятие о Церкви как божественном установлении и совсем не составляет необходимого условия Ее существования»³⁵. Вполне справедливо он напоминал, что Церковь если и собирала земные богатства, то лишь для того, чтобы истратить их на помощь бедным и немущим. Упомянув деятельность святого Иоанна Златоуста, он напоминал об историческом грехе Русской Церкви — в споре о церковных богатствах в конце концов победили последователи Иосифа Волоцкого: «Так, церковное имущество, существовавшее прежде, чтобы быть истраченным, потом стало существовать, чтобы существовать, из средства превратилось в самоцель, стремившуюся подчинить себе своего владельца»³⁶.

Сетую, что отныне Церковь лишается возможности финансировать миссионерскую и просветительскую деятельность, на невозможность заниматься благотворительной деятельностью, он заявлял: «И тем не менее, Русская Церковь должна помириться с совер-

шившимся фактом, и, я уверен, Она примирится, отнюдь не теряя своего достоинства, не унижаясь до выпрашивания себе привилегии перед другими и не ропща на Бога, пославшего Ей такое испытание. «Господь дал, Господь и взял. Буди имя Господне благословенно», — скажет Она и с удвоенным усердием и верою в конечную победу, хотя и с одним апостольским посохом в руках, будет продолжать свой путь, проповедуя Царство Божие. Такая принципиальная нестяжательность, освобождая энергию Церкви от занятий посторонних и не совсем Ей свойственных, в то же время возвышает нравственный ореол Церкви, может возбудить больший интерес верующих к церковному делу, другими словами, может повести к оживлению церковного общества и к усилению влияния Церкви на окружающую среду»³⁷. Завершая проект доклада, митрополит Сергей пытался уверить Тучкова и членов Антирелигиозной комиссии в тщетности попыток ввести в состав Собора обновленцев и раскольников. Он утверждал, что полноправными членами Собора могут стать только епископы, священники, монахи и миряне, признающие патриарха Тихона. Однако в декабре 1924 года этот проект митрополита Сергея остался невостребованным. Планом большевиков навязать патриарху Тихону союз с одним из лидеров обновленчества, священником Владимиром Красницким, не суждено было сбыться. Как, впрочем, не удалось созвать Поместный Собор с участием патриарха и верных ему епископов.

Смерть патриарха Тихона поставила проблему созыва Поместного Собора с особой остротой, но отодвинула митрополита Сергея. Впрочем, до поры. Он оказался вновь востребованным поздней осенью 1925 года, когда был арестован митрополит Петр, ставший местоблюстителем патриаршего престола.

Ярко характеризовал митрополита Сергея его современник митрополит Елевферий (Богоявленский), неплохо знавший его в дореволюционные годы. В декабре 1928 года он, постоянно проживавший в буржуазной Литве, получил приглашение от митрополита Сергея посетить Москву. Безусловно, это приглашение было согласовано с НКВД и, скорее всего, было продиктовано «игуменом» Тучковым. Смута, поднимавшаяся в эмигрантских кругах после опубликования Декларации митрополита Сергея, была настолько сильной, что следовало успокоить мятущиеся умы. Для этого в Москву был приглашен архиепископ Елевферий. Во время недельного пребывания в Москве он был возведен митрополитом Сергием в сан

Патриарх Сергей
(Страгородский)

митрополита. Визит зарубежного владыки был рассчитан до мелочей — на вокзале в рясе и с крестом его встречал архиепископ Алексей Симанский. Высокий гость удостоился сослужения в Елоховском соборе и даже участвовал в епископской хиротонии.

В воспоминаниях, созданных вскоре после возвращения из СССР, митрополит Елевферий писал: «Высокопреосвященнейший м. Сергей — крупнейший иерарх мирного времени, иерарх незаурядного ума, учености, известный в широких кругах просвещенного русского общества. Не будучи членом Синода по положению, он, однако, почти неизменно

заседал в нем. Это положение почти невольно и незаметно увлекло в политиканство, качество, тогда считавшееся в иерархе чуть ли не достоинством, порождавшее ненужную гибкость в деятельности и ослаблявшее прирожденную силу воли. Некоторые иерархи, вероятно, помня его совместную работу в Синоде, доселе считают м(итрополита) Сергия человеком слабой воли. Но едва ли это так. Там была скорее обычная для многих того времени жизненная приспособляемость и только, но не выявление природной воли. В мирное время эта гибкость могла проходить благополучно. Но в церковной смуте она нанесла ему сильный удар, от которого он, пережив бурю глубокого душевного потрясения, поднялся в надлежащем достоинстве, в присущей ему духовной красоте. Патриарх удален от церковного управления. Основатели живоцерковничества, худшие из церковного клира, самочинно объявившие во всей Церкви себя Высшим Церковным Управлением, будто свободно переданным им патриархом, устремились к захвату в свои руки всей Церкви. С борьбою ли, без борьбы ли, волею, ведением ли, или неведением — кто знает? — но попушением Божиим был увлечен сюда и м(итрополит) Сергей. Его присутствие здесь, несомненно, придало живоцерковничеству огромную моральную силу, и, быть может, некоторые чрез него и преткнулись о камень со-

блазна, перейдя в живоцерковный раскол. Но думается, что сам он своим светлым умом, более чуткою совестью скоро почувствовал и уразумел силу падения...»³⁸

В быту митрополит Сергей был известен неприхотливостью и жестким режимом дня, которого придерживался еще с дореволюционных времен. Епископ Александр (Толстопятков) вспоминал о своей встрече с митрополитом Сергием в 1925 году: «Передо мной стоял красивый, высокий, стройно державшийся старец в сереньком легком подрянике, подпоясанный широким монашеским ремнем. Я поклонился ему в ноги. Он меня благословил и спросил, откуда я явился и какое имею образование. Я ему сообщил, что окончил Морской кадетский корпус, Михайловскую артиллерийскую академию и Ленинградский богословский институт. «А, так мы с вами оба моряки!» — заметил митрополит и, смотря на меня через свои очки в золотой оправе, ласково улыбался. Оказалось, что в бытность свою в Японии, во время службы в нашей Миссии, высокопреосвященному Сергию пришлось плавать на одном из кораблей Русского военного флота... Позже, при наших встречах в Нижнем Новгороде, митрополит Сергей любил шутя вставлять иногда в свою речь два-три слова из морского лексикона, добродушно улыбаясь при этом. Так, например, скажет мне: «Что же вы сегодня сдрейфовали?» А затем посмотрит на кого-либо из присутствующих при этом протоиереев и спросит: «А вы знаете, что такое дрейф?» Тот, конечно, отвечает, что не знаком с этим термином. Тогда владыка делал удивленное лицо, разводил руками и, повернувшись в мою сторону, как бы с удивлением восклицал: «Он даже не знает, что такое дрейф!»³⁹ Во время епископской хиротонии митрополит Сергей произнес слово епископу Александру, сказав примечательные слова: «Смотри, не уподобляйся верстовому столбу, который всем указывает дорогу, а сам с места не движется»⁴⁰.

Келейник митрополита (с 1943 года — патриарха) Сергия, архимандрит Иоанн Разумов вспоминал: «С того времени как он принял пострижение, владыка взял себе за правило вставать в 5 часов утра, вычитывать положенное иноческое правило, посещать все церковные богослужения и ежедневно читать святую Библию на трех языках (по-еврейски, гречески, славянски). Эти занятия Святейший называл «Библейский урок». ...После приема, в 3 часа, был скромный обед, после которого Святейший разрешал себе небольшой отдых: немного отдохнув, Святейший внимательно разбирал

полученную почту. На письма он отвечал сам, ни одно письмо не оставалось без ответа. Покончив с корреспонденцией, Святейший принимался за газеты. Он всегда был в курсе политических событий. Затем приступал к вечернему правилу, каждый день вычитывая дневные службы по Октоиху и Минеям, если сам лично не служил всенощного бдения в храме. Углубившись в молитву, Святейший часто забывал об ужине и, утомленный молитвенным подвигом, спокойно ложился спать, чтобы подкрепить силы. Каждую ночь Святейший вставал в 3 часа и вычитывал «12 избранных псалмов» с поклонами»⁴¹.

Незадолго до смерти митрополит Сергей был приглашен в Кремль к Верховному главнокомандующему Иосифу Сталину. Прежде чем встретиться с митрополитом Сергием, осторожный Сталин запросил в НКВД биографическую справку. Встреча состоялась 4 сентября 1943 года. Воспоминания о ней сохранились благодаря записям тогдашнего куратора Православной Церкви чекиста Георгия Карпова. Сохранилась и так называемая «объективка» на митрополита Сергия, составленная чекистами и переданная Сталину. Опуская биографические подробности, процитируем самое интересное: «...Как крупный церковный деятель широко известен в СССР и за границей. Владеет несколькими иностранными языками (японским, финским, английским, греческим, древнееврейским). Вступив на пост патриаршего местоблюстителя, мало чем отличаясь от своих предшественников в своих антисоветских взглядах, он, однако, резко отошел от политики демонстративной и открытой борьбы с Советской властью, провозгласив новую церковную политику на основе т.н. лояльного отношения с Советской властью. В этом сказалась некоторая прогрессивность митрополита Сергия. Осуществляя этот принцип, он вместе с тем стремится возродить церковь в прежних ее масштабах. С начала войны сам занял патриотическую позицию, организовал патриотическую деятельность во всей церкви и этой деятельностью руководит в настоящее время»⁴². В «объективке» странным образом сплелись миф и правда. Чекисты не знали, с какой целью Сталин запросил сведения о митрополите Сергии, поэтому на всякий случай отметили как положительные, так и отрицательные качества (конечно, с их точки зрения). С одной стороны, вряд ли в 20-е годы в СССР можно было найти человека старшего поколения, который не испытывал если не ненависть, то по крайней мере отчетливую неприязнь к

Советской власти. С другой стороны, только церковные фанатики могли призывать к «политике открытой и демонстративной борьбы с Советской властью». К их числу не относились ни патриарх Тихон, ни митрополит Сергей. Но советская фразеология к 1943 году уже прочно обосновалась в умах чекистов. Удивительно, что в «объективке» отмечена «некоторая прогрессивность» митрополита Сергия. Скорее всего, чекисты вспомнили 1927 год, когда митрополит Сергей пошел навстречу требованиям Тучкова и АРК. Вряд ли они помнили активность и успешную борьбу митрополита Сергия против АРК в 1926 году. Это был год его расцвета, когда таланты, данные ему свыше, проявились с наибольшей полнотой во всем своем богатстве.

XI. БОРЬБА ЗА ВОЗГЛАВЛЕНИЕ ЦЕРКВИ. МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ ПРОТИВ ТУЧКОВА

1926 год начинался очередной церковной смутой. Митрополит Петр томился в тюрьме. Митрополит Сергей вынужден был оставаться в Нижнем Новгороде, связанный подпиской ОГПУ о невыезде. В Москве разворачивал свою деятельность Временный Высший Церковный Совет. 2 января 1926 года Наркомюст выдал справку ВВЦС о том, что его деятельность разрешена правительством. Это означало признание правительством законности ВВЦС. Казалось, что Тучков и Антирелигиозная комиссия могут праздновать полную победу. Впервые за 10 лет неустанной борьбы против Русской Церкви во главе ее стояли епископы, полностью послушные власти. 7 января в «Известиях» была опубликована информация об образовании ВВЦС. Митрополит Сергей 14 января 1926 года направил письмо архиепископу Григорию, прося объяснить: «...Соответствует ли напечатанное в «Известиях» действительности, в частности, вошли ли в состав Совета и продолжают ли в нем оставаться вышеуказанные преосвященные».

2. Имеете ли Вы и сочувствующие Вам образовать некоторую особую религиозную группу, отдельную от нашей Православной Церкви, хотя, может быть, и не отличную от нас в учении и обряде, вроде, например, Лубенского раскола на Украине и вроде существующих по местам автокефалистов или же такового отмежевания от Православной Церкви Вами не предполагается...

4. ...если же общения с нашей иерархией Вы прерывать не намерены, то какими каноническими основаниями Вы оправдываете свое начинание и какой канонически бесспорный источник Ваших полномочий Вы можете указать, чтобы возглавляемый Вами ВВЦС по своему происхождению и каноническому достоинству существенно отличался от бывшего ВЦУ и чтобы Православная Русская иерархия могла сохранить с Вами общение, а верные чада Святой нашей Церкви могли бы безопасно за Вами последовать...»¹

В первом письме митрополит Сергей почти разгадал тактику Тучкова, пошедшего на создание нового раскола. 1926 год, богатый на расколы, стал апогеем деятельности митрополита Сергея,

и в этот период жесточайшей борьбы за независимость Церкви с особым блеском проявились его бюрократические таланты. В ответном письме от 22 января архиепископ Григорий впервые высказывает сомнения в каноничности завещания митрополита Петра, единолично назначившего своим преемником митрополита Сергея: «...Относительно Вас такого соборного решения мы не знаем (архиепископ Григорий упоминает решение Поместного Собора 1917–1918 гг., давшего поручение патриарху Тихону назначить возможных преемников на случай смерти — С.Б.), а

Архиепископ Григорий
(Яцковский)

передачу церковного управления и власти по единоличному письму считаем не соответствующим духу и букве св(ятых) канонов. Действовать независимо от иерархии Всероссийской Церкви мы не предполагаем и общения с нею прерывать не намерены, в частности, при богослужении мы возносим и намерены возносить имя митрополита Петра впредь до решения о нем канонического суда.

4. Свое начинание мы оправдываем тем, что попечение о Церкви Божией по Слову Божию и по Священному Преданию церковному лежит вообще на всех и на каждом в отдельности епископе, а не на одном, хотя бы высшем. В Определении Священного Собора Православной Российской Церкви от 21.12.1917 г. в п. 12 сказано: «...в случае кончины Патриарха, или нахождения в отпуске, или под судом, на его место в Священном Синоде и Высшем Церковном Совете заступает старейший из присутствующих в Синоде иерархов».

Это определение относится, конечно, и к Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Петру, который ныне оказался под судом. А так как ни Синода, ни Совета при нем не было (Тучков, который, несомненно, вместе с Галкиным редактировал письмо владыки Григория, бил по самым больным местам. Причем с канонической точки зрения аргументацию архиепископа Григория оспо-

ритель было невозможно — С.Б.), и никто из старейших в Москве пребывающих иерархов в течение двух недель требуемой обстоятельностью решимости не проявил, хотя их об этом просили, в том числе к Вам была послана пригласительная телеграмма, то я, возложив упование на Бога и на благодать хиротонии, немощная врачующую и оскудевающая восполняющую, решился собрать кого мог из епископов для обсуждения положения Церкви.

Из изложенного здесь ясно, что Временный Высший Церковный Совет по своему происхождению и каноническому достоинству существенно отличается от бывшего в 1922 году ВЦУ. В результате этого собрания избран ВВЦС для ведения текущих церковных дел и подготовки канонического Собора, коему мы дадим ответ в своих действиях. Означенный Совет ничьего места не занимал и, если кто-нибудь из трех Местоблюстителей освободится, мы рады его приветствовать как Главу Российской Иерархии, но до того времени Совет считает себя вправе оставить свое начинание. Высоко ценя Вашу мудрость и опытность в церковных делах на протяжении многих лет присутствия в Священном Синоде, мы были бы счастливы иметь Вас в своей среде в ВВЦС и пользоваться Вашими советами, о чем вас и просим»². Скорее всего, Тучков пришел в бешенство, когда митрополит Сергей направил первое письмо архиепископу Григорию. Поставить знак равенства между обновленческим ВЦУ 1922 года и нынешним ВВЦС означало одно — замысел Тучкова разгадан и близок к провалу. Поэтому Тучков распорядился о посылке в Нижний Новгород епископа Дамиана (Воскресенского), рассчитывая, что ему удастся усыпить бдительность митрополита Сергея и уговорить его принять участие в работе ВВЦС.

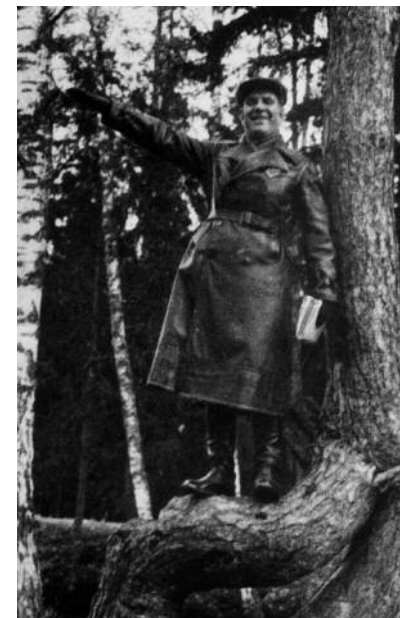
Тучков рассчитывал, что честолюбивый митрополит Сергей повторит ту же самую ошибку, которую совершил в 1922 году, признав ВЦУ. Однако на это раз он просчитался. В отчете епископ Дамиан сообщил ВВЦС: «...Митрополит Сергей отвечал мне:

а) что на него возложено предложением митрополита Петра от 6 декабря 1925 года временное исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя, показав мне заверенное предложение митрополита Петра;

б) что он согласен по послушанию принять на себя эти обязанности, и как часовой стоит до появления разводящего, так и он не может оставить своего поста;

в) что никакой пригласительной телеграммы прибыть в Москву он не получал;

г) что вскоре помянутое предложение митрополита Петра он объявил викариям Московской епархии, правящему Серафиму (Звездинскому), Гавриилу (Красновскому) и Иоанну (Василевскому)... Не получив пригласительной телеграммы, митрополит Сергей все равно не мог прибыть в Москву по не зависящим от него обстоятельствам (имеется в виду подписка о невыезде, которая была взята с него органами ГПУ — С.Б.). Признать ВЦС канонически законным органом Управления Церкви он не может»³.

Е.А. Тучков

Митрополиту Сергию удалось убедить епископа Дамиана в том, что деятельность ВВЦС неканонична и цель создания этого органа — подчинение Церкви государству. Поэтому епископ Дамиан в этом же докладе высказал мнение: «Сообщая Высшему Церковному Совету о результатах своей поездки в г. Нижний Новгород, нахожу необходимым предложить Совету:

а) признать Сергия, митрополита Нижегородского, канонически законным временно исполняющим обязанности Патриаршего Местоблюстителя, со всеми вытекающими из этого признания последствиями;

б) высоко ценя достигнутые Высшим Церковным Советом результаты по установлению долгожданных нормальных отношений к власти и регистрации, заняться сложными заботами (совместно с митрополитом Сергием Страгородским), согласно Наказу, по подготовке Всероссийского Собора, по изданию церковного органа печати, по устройству богословской школы и регистрации и,

в) испросив митрополиту Сергию право на въезд в Москву, просить его пожаловать в ВЦС для совместной работы на благо

Святой Православной Церкви. По моему глубокому убеждению, без этого неизбежен раскол среди иерархов Русской Православной Церкви, коему, по долгу архиерейской присяги, ни один из иерархов, входящих в состав ВЦС, разумеется, содействовать не может, и я вынужден буду просить ВЦС освободить меня от обязанностей члена оного Совета»⁴. Ознакомившись с докладом епископа Дамиана, архиепископ Григорий 27 января направил телеграмму в Нижний Новгород митрополиту Сергию: «Уверившись через епископа Дамиана в наличии возложения на Вас митрополитом Петром исполнения обязанностей Местоблюстителя, испросив Вам разрешение выезда, братски просим Вас пожаловать в Москву в ВВЦС для всестороннего выяснения вопросов положения церковных дел»⁵.

Архиепископ Григорий решил изменить тактику. Во-первых, он формально признал полномочия митрополита Сергия. Во-вторых, Тучков разрешил митрополиту Сергию выехать из Нижнего Новгорода в надежде на то, что его удастся привлечь на свою сторону и, посулив солидную должность в ВВЦС, заставить его принять участие в затеянной игре. Однако митрополит Сергей разгадал намерения Тучкова. 29 января он послал архиепископу Григорию письмо, в котором, используя свои полномочия, запретил в священнослужении всех членов ВВЦС: «В своем первом к Вам обращении, ставя вопрос о том, не хотите ли Вы образовать отдельную от Православной Церкви группу, не намерены ли Вы прервать общение с нашей православной иерархией, я хотел напомнить вам о той опасности, в какую увлекает Вас Ваше начинание. К сожалению, мое напоминание осталось бесплодным. Вы и Ваши соучастники не только не пришли к мысли оставить свое начинание, распустить Всероссийский Церковный Синод, но и меня самого приглашаете и в письме, и в телеграмме принять участие во Всероссийском Церковном Синоде... Всех названных архиереев (митрополит Сергей перечислил всех участников ВВЦС — С.Б.), как преданных суду за тяжкие нарушения канонов, подвергнуть запрещению в священнослужении и устранению от управления вверенными им епархиями (или викариатствами) впредь до раскаяния их и письменного мне заявления о выходе из ВЦС и из общения с его организаторами или до церковного суда...»⁶ Это был ощутимый удар, несмотря на то что по условиям того времени митрополит Сергей не мог рассчитывать, что его письмо будет опубликовано в

советской прессе. Но уже был создан верующими мощный «самиздат» — система нелегального распространения подобных писем и обращений. Особенно четко эта система действовала в столичных городах — Москве и Ленинграде.

Однако Тучков оказался достойным противником — не менее умным и дальновидным. Он инициировал обращение ВВЦС к митрополиту Петру, прекрасно понимая, что, оторванный от управления Церковью, лишенный каких-либо сведений о происходящих событиях, он откликнется на просьбу архиепископа Григория о признании каноничности ВВЦС: «Мы, нижеподписавшиеся, не видя в течение 2 недель никаких шагов со стороны старейших иерархов Российской Церкви к замещению опустевшего поста вождя и кормчего церковного корабля и не зная о сделанном Вами распоряжении митрополиту Сергию занять оный, решились обратиться к правительству с просьбой о разрешении епископского собрания для обсуждения дел церковных. Получив такое разрешение (его не удалось получить ни патриарху Тихону, ни митрополиту Петру! — С.Б.) ...выработали прилагаемый при сем Наказ и просили у правительства регистрацию ВВЦСвета, после чего оный Совет приступил к исполнению своих обязанностей. Между тем, митрополит Сергей, основываясь на Вашем письме, стал делать в Нижнем Новгороде посвящения, назначения и различные распоряжения, внося путаницу в церковные дела и смущение в души верных. Ввиду того что ВВЦСовет совершенно каноничен и решил ни в вере, ни в обрядах, ни в чем другом не нарушать единства церковного и предания и, кроме этого, исходатайствовал у правительства свободу строительства церковного управления, чего митрополит Сергей не имеет, вследствие чего Церковь при его управлении обречена на дальнейшее отсутствие свободного и закономерного управления, мы решаемся обратиться к Вашему Высокопреосвященству с покорнейшей просьбой благословить и утвердить Временный Высший Церковный Совет в его предприятии и работе впредь до возможности созвания совершенно бесспорного и правомочного Церковного Управления на предстоящем канонически правильном Всероссийском Церковном Соборе и аннулировать ранее Вами данные полномочия митрополиту Сергию, как совершенно бесполезные (Тучков был непревзойденным мастером интриги! — С.Б.) и не могущие принести блага Святой Российской Церкви. К сему присовокупляем, что против

Митрополит Иосиф (Петровых)

совместной работы с митрополитом Сергием мы ничего не имеем, и имя Ваше неизменно возносим за богослужениями и ничего общего с обновленчеством не имеем»⁷.

Уже в те годы обновленчество стало жупелом. Неправда обновленчества заключалась в том, что, начав с благих намерений обновить жизнь Церкви, а позже попав в ловушку ГПУ, вожди обновленчества за определенную мзду или из страха попасть в заключение, соглашались быть орудиями боготорческого государства. Архиепископ Григорий Яцковский, в отличие от обновленцев, не про-

водил никаких реформ, но согласился быть послушным орудием в деле разрушения Русской Церкви. Поэтому он вряд ли чем-то существенным отличался от лидеров обновленчества — Александра Введенского, Владимира Красницкого или епископа Антонина Грановского. Заверив митрополита Петра в том, что остается верен православию, он сумел с помощью Тучкова добиться положительной резолюции на своем обращении. Личное свидание архиепископа Григория с митрополитом Петром в тюрьме проходило в присутствии Тучкова и следователя Казанского. Говорил и убеждал в основном Тучков. После некоторого колебания митрополит Петр наложил резолюцию на докладе архиепископа Григория. В ней значилось, что поскольку митрополит Сергей связан подпиской о невыезде и вынужден проживать в Нижнем Новгороде, а митрополит Михаил Ермаков отклонил предложение митрополита Петра о временном исполнении обязанностей местоблюстителя, архиепископ же Иосиф Петровых «совсем не известен советской власти», «...признаем полезным временно, до выяснения Нашего дела, поручить исполнение обязанностей местоблюстителя коллегии из 3 архипастырей: Высокопреосвященного Николая (Добронравова) Владимирского, Высокопреосвященного Димитрия (Беликова), архиепископа Томского, Высокопреосвященного Григория (Яцковского), архиепископа Екатеринбургского. При

сем считаем долгом пояснить, что только эта коллегия является выразительницей Наших, как Патриаршего Местоблюстителя, полномочий по всем вопросам, кроме вопросов принципиальных и общецерковных, проведение в жизнь которых допустимо лишь с Нашего благословения»⁸.

Тучкову не удалось окончательно дезинформировать митрополита Петра — он заподозрил недоброе и настоял на том, чтобы из ВВЦС были удалены три епископа: Виссарион (Зорин), Тихон (Русинов) и Иннокентий (Бусинов). На их место он предложил архиепископов Сильвестра (Братановского) Вологодского и Серафима (Остроумова) Орловского, а также епископов Тульского Николая (Могилевского) и Сергея (Зверева), управлявшего Самарской епархией. Более того, он настоял и на том, чтобы в ВВЦС были введены лично знакомые ему архиепископы Николай (Добронравов), в это время томившийся в тюрьме и поэтому никак не могший войти в ВВЦС (об этом следователи умолчали), и Димитрий (Беликов), который находился в Томске и ничего не знал о событиях, происходивших в Москве. Прощаясь с посетителями, митрополит Петр попросил вести в ВВЦС и митрополита Арсения (Стадницкого). Тучков с готовностью согласился и даже предложил митрополиту Петру собственноручно написать текст телеграммы. На радостях архиепископ Григорий отослал митрополиту

Митрополит Арсений (Стадницкий)

Сергию телеграмму, в которой сообщил, что он отстранен митрополитом Петром от обязанностей местоблюстителя. Это был тяжелый удар для митрополита Сергея. Другой на его месте, может быть, и сдался бы. Но 2 февраля 1926 года епископ Дамиан, который ездил к митрополиту Сергию в Нижний Новгород, подал заявление архиепископу Григорию: «Выяснилось окончательно, что наш «совет и дело от человек» (Деян. 5, 38), потому вполне обдуманно заявляю Вашему Высокопреосвященству о своем выходе из состава ВВЦС. Ради мира церковного братски прошу Вас и прочих иерархов последовать моему смирению»⁹. Это заявление, заверенное

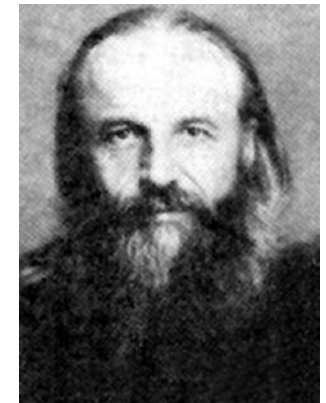
епископом Павлином (Крошечкиным), который в это время был епископом Можайским и служил в храме Воскресения в Сокольниках, было отослано в Нижний Новгород и достигло митрополита Сергия. С этого момента одной из ключевых фигур развернувшейся борьбы становится епископ Павлин, а также два монаха Глинской пустыни, всюду сопровождавшие его, — Таврион (Батозский) и Андроник (Лукаш).

Получив письмо, митрополит Сергей принял решение продолжить борьбу с ВВЦС. 8 февраля он направил архиепископу Григорию 3-е письмо: «Получив Вашу телеграмму, я счел себя освобожденным от обязанностей Патриаршего Местоблюстителя и даже заготовил было письмо на Ваше имя об этом. Но познакомившись с заверенной Вами копией самой резолюции от 1 февраля с.г., я вижу, что я не имею права слагать с себя возложенное на меня послушание, какие бы удобства ни обещало мне сложение»¹⁰. Анализируя резолюцию митрополита Петра, митрополит Сергей делает акцент на одном предложении: «...если... для успокоения верующих и блага Церкви требуется особое распоряжение... то в интересах мира и единения церковного признаем полезным временно до выяснения нашего дела поручить исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя Коллегии...» Митрополит Сергей уверенно заявил: «Я и многие со мною убеждены, что для успокоения верующих требуется совершенно другое: не отмена распоряжения от ...9 декабря (1925 г.), принятого верующими совершенно спокойно как вполне законное и отвечающее настоящим условиям церковной жизни, а упразднение самочинно возникшего Вашего ВЦС, действительно глубоко смутившего верующих и действительно угрожающего Церкви новым расколом. Это упразднение для мира Церкви настолько необходимо, что теперь уже никакой авторитет, даже авторитет самого Местоблюстителя, не сделал бы законным в сознании верующих начатого столь явно беззакония»¹¹.

Митрополит Сергей разгадал замысел Тучкова и в третьем письме нанес ему сокрушительный удар: «Мы убеждены, что и сам Патриарший Местоблюститель не признал бы возможным исполнить при таких условиях своей резолюции от 1 февраля и потому не положил бы ее, если бы он полностью был осведомлен о настоящем положении дел. А что Местоблюститель не был полностью осведомлен, это ясно уже из одного того, что резолюцию свою он

положил на докладе ВЦС и других способов осведомления не имел... Но резолюция и прямо обнаруживает некоторые неточности Вашего доклада. В ней, например, говорится, что митрополит Сергий «не вправе выехать из Нижнего». Ваш доклад писался не позднее 31 января, а может быть, и ранее, между тем 27 января я от Вас получил телеграмму, в которой между прочим читаем: «Испросив Вам разрешение выезда, братски просим пожаловать в Москву...» Несомненно, и Местоблюститель ясно сознавал всю невозможность давать направление церковному кораблю, будучи с завязанными глазами. Этим, конечно, объясняется и самая условность резолюции: не считая для себя возможным дать прямое распоряжение, Местоблюститель дает нам лишь условный совет, который мы имеем право исполнить лишь при том положении вещей, каким оно было представлено ему в докладе...»¹² Блистательно выстроив аргументацию, которая не оставляла камня на камне от всех хитросплетений архиепископа Григория и Тучкова, митрополит Сергий, упомянув о покаянном письме епископа Дамиана, пригрозил ВВЦС соборным осуждением. 9 февраля 1926 года «Известия» опубликовали статью «Среди церковников. У тихоновцев», в которой была изложена суть спора между ВВЦС и митрополитом Сергием. Не будучи православным, корреспондент почему-то ратовал за каноничность ВВЦС и поносил митрополита.

Но эта публикация не только не укрепила авторитет ВВЦС, но и вызвала к жизни письмо 6 украинских епископов в поддержку позиции митрополита Сергия. Оно датировано 1 марта 1926 года. Инициатором этого письма был епископ Прилукский Василий (Зеленцов). 12 марта к митрополиту Михаилу (Ермакову), экзарху Украины, обратились с донесением еще 6 епископов, которые не только выразили твердую поддержку митрополиту Сергию, но и потребовали самых решительных мер по отношению к ВВЦС. В этот же день украинские епископы направили письмо митрополиту Сергию, в котором выражали полную солидарность с ним, поддержав те прещения, которые были пред-

Епископ Василий
(Зеленцов)

приняты им по отношению к раскольникам. Письмо подписал и митрополит Михаил Ермаков. Это уже смахивало на бунт и полный провал политики Тучкова. 14 марта к митрополиту Сергию обратился с покаянным письмом один из членов ВВЦС — епископ Симбирский Виссарион (Зорин). 22 марта архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), временно управлявший Ярославской епархией, обратился с посланием к пастве, в котором не только прокомментировал 3-е письмо митрополита Сергия, но и высказал ему полную поддержку. 2 апреля еще 25 епископов поддержали митрополита Сергия и осудили действия самочинного ВВЦС.

Митрополит Михаил (Ермаков)

5 апреля поддержку митрополиту Сергию высказали ленинградские vicарные епископы Григорий (Лебедев) и Димитрий (Любимов). Тогда Тучков принял решение инициировать еще один раскол. На этот раз между двумя митрополитами — Сергием и Агафангелом, который должен был со дня на день покинуть Пермь, где отбывал ссылку. Митрополит Агафангел, старейший по хиротонии, был указан патриархом Тихоном как один из трех митрополитов — его возможных преемников. В отличие от митрополита Сергия, поддержавшего в 1922 году обновленцев, репутация митрополита Агафангела была сравнительно чиста. Тучков отправился в Пермь и сумел убедить митрополита Агафангела в том, что в Церкви царит смута (это соответствовало действительному положению вещей. Но и на этот раз она была искусственно создана Антирелигиозной комиссией — С.Б.) и что спасти ее может только он. 18 апреля 1926 года митрополит Агафангел уведомил епископат и паству, что вступает в законные права Патриаршего Местоблюстителя. Об этом он известил особым письмом и митрополита Сергия.

Казалось, что на этот раз у митрополита Сергия нет никаких оснований для того, чтобы сомневаться в каноничности поступка митрополита Агафангела. Удар, нанесенный Тучковым, был выве-

рен и точно рассчитан. После получения телеграммы митрополита Агафангела митрополит Сергий обратился к нему с письмом от 28 апреля, но оно не застало его в Перми. Тогда он вторично написал митрополиту Агафангелу 30 апреля. Пытаясь разобраться в заветаниях патриарха Тихона, митрополит Сергий тщательно анализирует формулировки, к которым вынужден был прибегать Святейший патриарх в экстраординарных условиях. Аргументация митрополита Агафангела не беспорядочна, с канонической точки зрения выглядит совершенно неубедительно. Но стоит еще раз вспомнить, что большинство церковных канонов в той ситуации вряд ли были действенны. Правота митрополита Сергия подтверждается сегодня, когда открылись архивы ЦК КПСС. На заседании Антирелигиозной комиссии от 24 апреля 1926 года было принято решение: «1.б/...проводимую ОГПУ линию по разложению тихоновской части церковников признать правильной и целесообразной». Также рекомендовано на том же заседании: «1.в/ Вести линию на раскол между митр(ополитом) Сергием (назначенным Петром вр(еменным) местоблюстителем) и митр(ополитом) Агафангелом, претендующим на патриаршее местоблюстительство, укрепляя одновременно третью тихоновскую иерархию — Вр(еменный)

Высш(ий) Церковный Совет в главе с архиеп(ископом) Григорием — как самостоятельную единицу.

1.г/ Выступление Агафангела с воззванием к верующим о принятии на себя обязанностей местоблюстителя признать своевременным и целесообразным»¹³.

Обращаясь во втором письме к митрополиту Агафангелу, митрополит Сергий просил его: «...прошу Вас несколько задержаться со вступлением. Боюсь, что в данных условиях это приведет к великому смущению среди православных, и так уже пострадавших непрекращающимися распрями архи-

Митрополит Агафангел
(Преображенский)

ереев. Чтобы выйти из тупика, я бы предлагал образовать нечто вроде третейского суда: Ваше Высокопреосвященство укажете шесть архиереев, и я укажу других шесть, а председателем может быть Экзарх Украины. Кого может из указанных, он пригласит к себе на совещание, кого не может, запросит от них письменного отзыва. А потом объявит нам о результатах. Заранее объявляю, что подчинюсь решению этого Собора и с радостью признаю Вас, если заключение будет в пользу признания Вас. Думаю, что не будет возражать и митрополит Петр. В крайнем случае он может потом возбудить дело пред совершенным Собором. Точно так же и остальная иерархия и миряне, думаю, подчинятся такому суждению»¹⁴. Истинных причин, по которым он мог бы просить митрополита Агафангела воздержаться от вступления в должность местоблюстителя, митрополит Сергей в письме не называет. Безусловно, он лукавил, поскольку знал, что в данный момент большинство епископата выскажется за него. Его личный авторитет за последние полгода неизмеримо вырос в борьбе с «григорианским» расколом. Он вновь явил себя умным и дальновидным церковным политиком. Даже учитывая высокий авторитет митрополита Агафангела, большинство епископата отдавало себе отчет, что два года ссылки и почтенный возраст отдалили святителя и он вряд ли сразу сможет разобраться в том, что происходит с Церковью.

1 мая 1926 года митрополит Агафангел прибыл в Ярославль. На вокзале его встретило духовенство. Митрополит сразу уведомил их, что согласно завещанию патриарха Тихона он воспринял церковную власть и является местоблюстителем. Он вручил духовенству по экземпляру своего обращения и попросил их распространить его в храмах города и епархии. В самой епархии тут же произошел раскол — викарные архиепископы Иосиф (Петровых) и Серафим (Самойлович) искренне считали, что митрополит Агафангел незаконно захватил церковную власть. Они всячески убеждали владыку отказаться от местоблюстительства. Третий викарий, архиепископ Варлаам (Ряшенцев), встал на сторону митрополита Агафангела, но в разгоревшийся конфликт не вмешивался. Раскол достиг и приходов — часть из них перестали почитать митрополита Агафангела, но большинство признало законность его полномочий как местоблюстителя. 13 мая 1926 года оба митрополита встретились в Москве. Митрополит Сергей попытался объяснить митрополиту Агафангелу, что их просто-напросто срашивает

ГПУ. Он надеялся, что за две недели пребывания в Ярославле и бесед с викариями митрополит Агафангел уяснил себе истинное положение церковных дел. Однако владыка настаивал лишь на том, чтобы митрополит Сергей передал ему полномочия патриаршего местоблюстителя, и не желал входить ни в какие объяснения. Видимо, Тучков успел подготовить владыку еще в Перми, а пребывание в Ярославле и споры с викариями только усилили его намерение принять власть в свои руки. Митрополит Сергей, видя, что споры ни к чему не приведут, уступил владыке и пообещал, что, как только вернется в Нижний Новгород, сразу подготовит необходимые документы.

Вместо передачи полномочий 16 мая митрополит Сергей обратился к митрополиту Агафангелу с очередным письмом. В нем он подробно аргументирует, почему в данный момент не может передать ему церковную власть. Сама аргументация сегодня представляет ничтожный интерес, поскольку митрополит Сергей учитывал, что его письма перлюстрируются и внимательно изучаются Тучковым. Он также знал, что единственный способ уведомить епископат о своей позиции — ознакомить его с содержанием писем. Поэтому он не препятствовал их распространению верующими. Выстраивая громоздкую и весьма шаткую аргументацию, основанную на тщательном анализе поручения, данного Собором Святейшему патриарху Тихону в 1917 году, митрополит Сергей предлагает митрополиту Агафангелу: «...Впредь до окончания дела митрополита Петра, т.е. до произнесения окончательного приговора или утверждения приговора Верховным Судом, Местоблюстителем Патриаршего Престола остается митрополит Петр, а имя его, согласно ст. 8 вышеуказанного определения Собора 1917—1918 гг., возносим во всех православных храмах Союза, а я сохраняю за собой полномочия Заместителя. Если дело закончится оправданием или освобождением митрополита Петра, я передаю ему власть, и Ваше Высокопреосвященство имеете тогда вести рассуждения уже с самим митрополитом Петром. Если же дело окончится осуждением, Вам предоставляется взять на себя инициативу возбуждения вопроса о предании митрополита Петра церковному суду. Когда митрополит Петр будет предан суду, Вы можете предъявить свои права, как старейшего, на должность Заместителя митрополита Петра, а когда суд объявит последнего лишенным должности, Вы будете вторым после митрополита Кирилла

кандидатом в Местоблюстители Патриаршего Престола»¹⁵. Митрополит Агафангел усмотрел в письме митрополита Сергея нежелание передать ему полномочия и 20 мая направил телеграмму: «Вы обещали прислать проект письма Владыкам о передаче мне полномочий церковной власти, благоволите ускорить»¹⁶.

Признавая правоту митрополита Сергея в этой спровоцированной Тучковым полемике, все же трудно не заметить, что его стремление удержать во что бы то ни стало в своих руках довольно прозрачную с любой точки зрения церковную власть вызывает изумление. Оба митрополита перенесли тюремное заключение, оба томилась в ссылке — страдания экзотов им были знакомы не понаслышке. Когда митрополит Сергей предлагает предать томящегося в тюрьме митрополита Петра в случае его освобождения еще и церковному суду, это вызывает по меньшей мере недоумение. На заседании 24 апреля 1926 года Антирелигиозная комиссия приняла решение по делу митрополита Петра: «2. а) направление дела в суд признать политически нецелесообразным;

б) о Петре дело выделить и продолжать дальнейшее следствие в течение 1 1/2—2 месяцев. Поручить ОГПУ этим временем окончательно выяснить положение и взаимоотношения местоблюстителей Сергея и Агафангела, после чего и решить вопрос о дальнейшем содержании Петра;

в) о других обвиняемых (вместе с митрополитом Петром была арестована близкая к нему группа епископов и духовенства — С.Б.) дело поставить на особое совещание при коллегии ОГПУ на предмет их высылки и заключения в концлагерь в зависимости от степени виновности каждого»¹⁷. Это означало, что следствие по делу митрополита Петра должно стать перманентным. Пока распря между двумя митрополитами умело разжигалась Тучковым, митрополит Петр должен был находиться где-то поблизости — поначалу он томился в тюрьмах Москвы, затем в Суздальском политизоляторе.

Только 5 ноября 1926 года, когда окончательно выяснился расклад сил в Русской Церкви, митрополит Петр был приговорен к 3 годам ссылки и в декабре этапом отправлен в Тобольск. По поводу выступления митрополита Агафангела Антирелигиозная комиссия на этом же заседании от 24 апреля приняла решение: «...выступление Агафангела с воззванием к верующим о принятии на себя обязанностей местоблюстителя признать своевременным и це-

лесообразным»¹⁸. Поскольку митрополит Петр не согласился пойти ни на какие компромиссы, следствие против него продолжалось более 10 лет, вплоть до расстрела в 1937 году. 20 мая митрополит Сергей направил митрополиту Агафангелу телеграмму: «Проверив справку, я убедился в отсутствии Ваших прав, подробности письмом. Усердно прошу: воздержитесь от решительного шага»¹⁹. Тучков торжествовал — распря митрополитов разгоралась не на шутку. 21 мая митрополит Агафангел направил в Нижний Новгород очередную телеграмму: «18 мая после всестороннего обсуждения вопроса о моих правах Вы при свидетелях определенно изъявили согласие передать мне права, дела, управление, обещаясь известить иерархов об этой передаче, все это зафиксировано стенограммой, результаты мною сообщены многим, сделаны некоторые предварительные распоряжения. Теперь Вы, к удивлению моему, отказываетесь от передачи и тем готовите новую смуту. Вынужден буду сделать решительный шаг, опубликовав через особое послание результаты нашего соглашения и Ваш последующий отказ. Всякую ответственность за последствия с себя снимаю»²⁰. Это был полный разрыв отношений с митрополитом Сергием и объявление войны.

Тучков, скорее всего, принял решение: в этой схватке следует поддерживать обоих митрополитов, стремительно углубляя наметившийся раскол. Поэтому он проинформировал заключенного митрополита Петра о новом расколе. 22 мая митрополит Петр направил митрополиту Агафангелу письмо: «Из донесения на мое имя Его Высокопреосвященства митрополита Сергея я узнал, что Ваше Высокопреосвященство вступили в отправление обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. С любовью и благожелательностью приветствую это Ваше вступление. По выходе на свободу, если угодно будет Господу Богу, переговорим лично о дальнейшем возглавлении Православной Церкви. О настоящем моем решении благоволите сообщить митрополиту Сергию. С разрешения властей я сообщил своему келейнику Григорию Лихоманову о предоставлении Вашему Высокопреосвященству в моей квартире нижнего этажа, верхние же две комнаты я оставляю за собой...»²¹

Казалось, что после этого письма, подтверждающего полномочия митрополита Агафангела и законность его притязаний на местоблюстительство, отомрут все распри. Митрополит Сергий, до которого еще не дошла весть о передаче митрополитом Петром

своих полномочий митрополиту Агафангелу, направил в Ярославль на имя владыки еще одно письмо, от 23 мая, которое в отличие от прежних носит угрожающий характер: «...Оказывается (как я утверждал это раньше), что прав на возглавление нашей Церкви или на Местоблюстительство Вы не имеете, и, следовательно, присвоение Вами этой должности должно быть рассматриваемо как самочинное восхищение достоинства и власти первого епископа, т.е. весьма тяжкое преступление против канонов, караемое, как известно, лишением сана. Тому же наказанию подлежал бы, конечно, и я, как соучастник Вашего деяния, если бы, по исполнении нашего соглашения, все-таки передал Вам должность, зная, что это незаконно...»²² Митрополит Сергей решил бороться за сохранение довольно-таки призрачных полномочий заместителя патриаршего местоблюстителя не только потому, что разгадал план Тучкова. Через доверенных лиц Тучков убеждал митрополита Сергея, что ему ни в коем случае не стоит уступать своих полномочий, более того, следует готовить документы для регистрации епархиальных собраний и Декларацию. Уже в мае 1926 года митрополит Сергей вплотную работал над составлением этих документов. План Тучкова заключался в том, чтобы углубить раскол между двумя митрополитами и свергнуть Церковь в худшую пучину бедствий. Он руководствовался старым римским принципом: «Разделяй и властвуй»,

В письме от 23 мая к митрополиту Агафангелу митрополит Сергей прибегает к довольно странной аргументации: «Ясно, что соглашение, заключенное при таких ошибочных данных, никогда не может быть признано обязательным и подлежит немедленной отмене, ни Вы не имеете права (а убедившись, не будете иметь и желания) настаивать на непременном его исполнении и на передаче Вам Местоблюстительства, ни я не имею права уступать Вашим требованиям. Да иначе и быть не может в таком важном и святом деле, как дело церковное, где все должно делаться по праву и совести, а не по случайным формальностям. У нас ведь происходила не коммерческая сделка какая-нибудь, когда договаривающиеся стороны, равнодушные к принципам, думают только о том, как побольше получить и поменьше отдать. У нас дело шло о власти церковного епископа, и решить этот вопрос мы не могли по нашему усмотрению или удобствам. В сущности, для нас обоих, как епископов, одинаково безразлично, останется ли эта власть еще

некоторое время у меня, перейдет ли к Вам или же еще к кому-нибудь третьему. Мы оба одинаково заинтересованы в том, чтобы осталось незыблемым каноническое основание власти нашего первого епископа, потому что на законности этой власти зиждется наше церковное благосостояние»²³. С богословской, как, впрочем, и с канонической точки зрения аргументация митрополита Сергея не выдерживает никакой критики — Русская Церковь находилась в тяжелейшем состоянии, которое никак нельзя было назвать «благосостоянием». Многим христианам, в том числе и епископам, уже в это время было понятно, что централизация церковной власти ставит под удар само существование Церкви в России. Как только у кормила церковного корабля вставал законно избранный епископ, как это было с патриархом Тихоном, вся тяжесть безбожного государственного насилия обрушивалась на него.

Эта тяжесть обрушилась в этот момент на плечи митрополита Агафангела. В 1926 году ему исполнился 71 год — позади оставались недоверие паствы, тюрьмы и ссылка. Покоя он не нашел и в собственной епархии — досаждали постоянные нестроения. Часть духовенства во главе с викариями искренне считала, что митрополит Агафангел хочет похитить из рук митрополита Сергея церковную власть. Дело дошло даже до того, что значительная часть духовенства перестала почитать своего архиерея за богослужением. Распря с митрополитом Сергием начала утомлять его, а нашептывания Тучкова казались подозрительными — не о благе Церкви заботился «игумен», подталкивая на конфликт с митрополитом Сергием. Под тяжестью этих событий митрополит Агафангел принял неожиданное решение, о котором не считал нужным даже предупредить Тучкова. 27 мая 1926 года он отправил в Нижний Новгород телеграмму: «Продолжайте управлять Церковью. Я воздержусь от всяких выступлений. Распоряжение о поминовании митрополита Петра сделаю, так как предполагаю ради мира церковного отказаться от местоблюстительства»²⁴. Прошло несколько дней, и митрополит Агафангел получил письмо, отправленное митрополитом Петром из тюрьмы, в котором он приветствовал его вступление в должность местоблюстителя. 1 июня митрополит Агафангел приехал в Москву. Он пригласил приехать и митрополита Сергея, намереваясь в присутствии московских епископов показать ему письмо митрополита Петра. Однако это не входило в планы Тучкова — митрополит Сергей по-прежнему был связан подпиской о не-

выезде. 4 июня, так и не дождавшись в Москве митрополита Сергия, митрополит Агафангел отправил ему письмо, приложив копию письма митрополита Петра. Тучков, как и предписывало решение Антирелигиозной комиссии, продолжал углублять раскол между двумя митрополитами, не переставая поддерживать ВВЦС и архиепископа Григория. Получив письмо митрополита Агафангела и копию письма митрополита Петра, митрополит Сергей понял, что борьба продолжается, и решил прибегнуть к более жестким мерам.

24 мая 1926 года, еще не получив телеграммы митрополита Агафангела, он направил ему письмо, в котором вновь проанализировал все акты передачи церковной власти, и завершил его: «...Правда, при этом руководила мною надежда, что митрополит Агафангел, выйдя из атмосферы диспута, а потом и ознакомившись ближе с современной церковной жизнью, сам откажется от своего не полезного для Церкви начинания. Каково же было мое удивление, когда, прочитав подлинный текст примечания, я убедился, что оно говорит прямо противоположно тому, что в нем заставляли предполагать слова митрополита Агафангела. Если он сам проверил справку, которой с такой уверенностью хотел меня убедить (кстати, действительно убедил во время личного свидания в Москве! — С.Б.), значит, он сознательно прибег к подложным данным. А так как предполагать этого нельзя, значит, он приводил свою решающую справку, не проверив ее, что говорит о непростительно легком отношении к одному из серьезных вопросов нашей церковной жизни. Но какое бы объяснение такой странности ни приводить, все равно она дает тон, усугубляющий ответственность за учиненное митрополитом нарушение канонов. Так как соблазнительность поступка тем больше, чем выше и значительнее лицо, совершившее проступок, то и деяния митрополита Агафангела, как старейшего из митрополитов, произведут величайший соблазн в церковном обществе и дадут богатую пищу врагам нашей веры для издевательств и без того обуреваемой Православной Церкви. Ввиду вышеизложенного и во исполнение лежащего на мне долга первого епископа блюсти в Русской Церкви благочиние, я властью, мне данной, предаю митрополита Ярославского Агафангела суду архиереев...»²⁵ Далее идет скрупулезное перечисление правил Соборов. Митрополит Сергей посчитал, что его собрат нарушил 6 с половиной правил, и это, по его мнению, угрожает старцу лишением са-

Епископ Серафим (Силичев)

на. Временно управлявший Московской епархией епископ Серпуховской Алексей отдал распоряжение епископу Серафиму (Силичеву) Рыбинскому, недавно освободившемуся с Соловков и временно пребывавшему в Москве, собрать мнения архиереев по этому спорному вопросу.

В начале июня 1926 года уже 24 епископа самых различных епархий России и Украины откликнулись на письмо митрополита Сергия и предложили ему запретить митрополита Агафангела в священнослужении. В это же время, утомленный всем пережитым и решив укрепить расстроенное здоровье, митрополит Агафангел временно удалился от управления епархией. Он уехал на Волгу, снял комнату в деревне, неподалеку от Толгского монастыря. Накануне отослал письмо митрополиту Петру, не поддавшись на очередные уговоры Тучкова, в котором писал: «...принять на себя обязанности Местоблюстителя Патриаршего Престола не могу, ввиду преклонности лет и крайне расстроенного здоровья. При сем позволяю себе рекомендовать Вашей Святыне передать вместо меня Патриаршее Местоблюстительство первоиерархам Кириллу (Смирнову), митрополиту Казанскому, или Арсению (Стадницкому), митрополиту Новгородскому...»²⁶ На этот раз митрополит Агафангел решительно и окончательно отказался от борьбы, навязанной ему Тучковым. Это, конечно, не входило в планы Антирелигиозной комиссии. Влияние ВВЦС после удара, нанесенного ему митрополитом Сергием, оставалось ничтожным, несмотря на то что «григорианским» раскольникам активно помогало ГПУ. События, видимо, вышли из-под контроля Тучкова — 13 июня митрополит Сергей наложил резолюцию на определении 24 епископов: «...признаю возможным, не приводя в исполнение вышеуказанной подсудной меры, предложить еще раз митрополиту Агафангелу в недельный срок по получении сего письма заявить о своем отказе

от незаконных притязаний на местоблюстительство. При неисполнении сего требования митрополит Агафангел будет подвергнут запрещению»²⁷.

Узнав о том, что митрополит Агафангел отказался от своих прав на местоблюстительство и удалился в глухую ярославскую деревню, митрополит Сергей все же направил ему 13 июня 1926 года очередное письмо. Оно более откровенно, нежели предыдущие: «Я получил Вашу телеграмму с приглашением меня в Москву, но не мог ни приехать, так как связан подпиской о невыезде из Нижнего Новгорода, ни ответить Вам, не зная Вашего московского адреса... по общему нашему убеждению, Ваше Высокопреосвященство не может в настоящее время занять должность Местоблюстителя ни помимо митрополита Петра, как Вы это пытались сделать, издав свое Пермское послание, ни через митрополита Петра, как это Вы надеетесь сделать теперь. В первом случае не можете потому, что не имеете на это звание и должность никаких лично Вам принадлежащих прав, как это стало очевидным по проверке указанных Вами ссылок и как я старался выяснить в своих к Вам письмах. Во втором случае потому, что митрополит Петр, передавший мне, хотя и временно, но полностью права и обязанности Местоблюстителя (возможно ли вообще передачу прав Местоблюстителя признать строго каноничной? — С.Б.) и сам лишенный возможности быть надлежаще осведомленным о состоянии церковных дел, не может уже ни нести ответственности за течение последних, ни тем более вмешиваться в управление ими»²⁸. Последняя фраза этого письма еще раз подтверждает: митрополит Сергей разгадал тактику Тучкова, который постоянно дезинформировал заключенного митрополита Петра, пытаясь сделать его разрушительным орудием АРК.

В этом письме митрополит Сергей впервые открыто говорит об ответственности епископа, взявшего на себя крест управления в тяжелых условиях большевистских гонений: «С другой стороны, я (или кто будет после меня), восприняв на себя вместе с должностью Местоблюстителя и всю ответственность за правильное течение церковных дел, не могу относиться к распоряжениям митрополита Петра, исходящим из тюрьмы, иначе, чем только как к распоряжениям или, скорее, к советам лица безответственного, т.е. могу принимать их к исполнению лишь под своею ответственностью постольку, поскольку нахожу их полезными для Церкви.

Такое понимание смысла и последствий временной передачи Местоблюстителем своей должности, несомненное по существу, является для нас и практически необходимым, потому что только при нем мы можем считать обеспеченной каноническую устойчивость нашего церковно-правительственного строя. Вспомним урок, данный нам истекающим полугодием нашей церковной жизни»²⁹.

Митрополит Сергей открыто говорит о постоянном вмешательстве ГПУ в церковные дела и своей борьбе с Тучковым: «...14 декабря я вступил в должность и почти с первых же шагов должен был вести полемику с пресловутым ВВЦС. И вот, когда казалось, что борьба уже кончена и самочинный ВВЦС обречен на небытие, неожиданно, как будто для того, чтобы поддержать утихающую смуту, появляется резолюция митрополита Петра от 1 февраля... В апреле-мае история повторяется. Появляется всех нас глубоко опечалившее послание Вашего Высокопреосвященства, в котором Вы объявляете себя Местоблюстителем... Допустим на минуту, что я бы изменил свое отношение к распоряжениям, исходящим из тюрьмы, и, возлагая всю ответственность за последствия на митрополита Петра, передал бы Вам должность. Весьма вероятно, и Вам пришлось бы бороться с каким-нибудь самочинным покусением на власть «первого епископа». Правда и успех на Вашей стороне, борьба готова кончиться благополучно. И опять Вам в спину из тюрьмы исходит распоряжение, признающее законным Местоблюстителем того, против которого Вы боролись. Сами получив власть через такое же, исходящее из тюрьмы, распоряжение, Вы лишены будете возможности что-нибудь возразить против нового, тоже тюремного распоряжения, и наша Церковь окажется на краю анархии»³⁰. Разгадав тактику Тучкова, митрополит Сергей предлагает митрополиту Агафангелу, а также епископату Русской Церкви (переписка двух митрополитов широко распространялась верующими — С.Б.) оставить без изменений сложившуюся ситуацию: «...пусть митрополит Петр остается законным Местоблюстителем и пусть его имя возносится за богослужением, но исполнение его распоряжений, исходящих из тюрьмы, мы отложим до того времени, когда он сам возвратится к власти и, вполне отвечая за свои действия, решит, исполнять ли эти распоряжения или нет»³¹.

Июнь 1926 года завершился полной победой митрополита Сергея. 17 июня он получил телеграмму от митрополита Агафангела, которой тот уведомлял его: «Я, по крайне растроенному здоровью,

уже отказался от замещения должности Патриаршего Местоблюстителя, о чем и должно мною Его Высокопреосвященству Местоблюстителю Патриаршего Престола митрополиту Петру Крутицкому от 12 июня и доведено до сведения Советской власти»³². Кажется, что козни АРК были разрушены, но Тучков не остался в долгу. В течение лета 1926 года готовилась брошюра, которая была опубликована в ноябре этого же года, — «Правда о Временном Высшем Церковном Совете и Нижегородском митрополите Сергии». Она вышла в Воронеже и была «утверждена» (как явствует из резолюции на титуле — *С.Б.*) митрополитом Донским Митрофаном (Симашкевичем). Автор брошюры широко пользуется сведениями, которые никак не могли быть известными простому смертному: «...Желая успокоить своих последователей, скорбящих о нелегальном управлении Церковью, митрополит Сергий не удерживал своих соратников, как, например, бывшего епископа Аксайского Митрофана (Гринева) и иже с ним, распространять среди верующих утверждения, что «легализация церковного управления есть признак неправославия», а потом, в конце концов, решил сам добиться себе регистрации, этого «признака неправославия», и в своем послании от 10 июня с.г. говорит: «Я обратился к народному комиссару внутренних дел с просьбой о регистрации и теперь имею радость сообщить вам, что моя просьба правительством удовлетворена», т.е. что он теперь зарегистрирован, но, по приведенным нами справкам, оказалось, что правительство никакой регистрации ему на управление всею Русской Церковью не давало, а митрополит Сергий эту неправду за своей подписью распространяет»³².

Текст этой брошюры свидетельствует, что Тучков принимал в ее создании непосредственное участие. Поэтому она сегодня никак не может рассматриваться как беспристрастный документ, достойный доверия. Никто, кроме него, не мог располагать текстом проекта первой Декларации митрополита Сергия. Тучков знал, что в проекте была фраза о регистрации Синода, но проект оставался проектом до тех пор, пока не был утвержден властью. Но это не единственная ложь брошюры, направленная на компрометацию митрополита Сергия. Тучков объявил войну митрополиту Сергию, мстя за разоблачение ВВЦС и за провал попытки рассорить его с митрополитом Агафангелом. Он не оставил ему ни малейшей надежды на то, что возможно достичь хотя бы некоего подобия кон-

кордата между Церковью и государством. Большинство епископата шло за митрополитом Сергием, всецело доверяя ему. Поместный Собор не успел провести необходимую кодификацию церковных канонов, большинство из которых безнадежно устарело. Не были выработаны новые правила, необходимые для жизни христиан в условиях постоянных гонений. Ситуацию усугубляло отсутствие у Церкви своих органов массовой информации. Более того, АРК намеренно дезинформировала христиан не только в СССР, но и за рубежом.

ХП. ТАЙНЫЕ ВЫБОРЫ ПАТРИАРХА

1926 год вошел в историю Советского Союза как ключевой — на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), проходившем в октябре, по предложению Ленинградской парторганизации из состава Политбюро был выведен Л.Д. Троцкий. Это был самый серьезный противник Сталина, мешавший ему в создании единоличной диктатуры. Наряду с Ульяновым-Лениным Лев Bronштейн-Троцкий был одним из самых деятельных и влиятельных борцов с Русской Церковью. В 1922 году он, по совету Ленина оставаясь в тени, направлял в Антирелигиозной комиссии борьбу против Русской Церкви и призвал быть предельно беспощадными к духовенству. В составе Антирелигиозной комиссии находилось немало его единомышленников, часть которых в конце 1926 года вошла в состав возглавляемой Троцким «объединенной левой» оппозиции. Видимо, обострением внутрифракционной борьбы среди большевиков объясняется не столь интенсивная работа Антирелигиозной комиссии в 1926 году. За год было проведено всего 11 заседаний. Сталин еще не имел возможности полностью сосредоточить внимание на борьбе с Русской Церковью — он только набирал силу, постепенно сосредоточивая в своих руках полноту власти.

Начальник 6-го секретного отдела НКВД Евгений Тучков, не смотря ни на что, продолжал внимательно следить за жизнью Церкви и направлять усилия раскольников — не только обновленцев, но и «григориан». Не оставлял он своим вниманием и митрополита Сергия (Страгородского). К нему, как к законному главе Церкви, обратились православные епископы, оказавшиеся в эмиграции и не примкнувшие к «карловацкому» расколу. Их посланники сумели прибыть в Москву с письмом от епископов Феофана (Быстрова) и Серафима (Соболева). Они спрашивали у митрополита Сергия совета, как им поступить в сложившейся ситуации — подчиниться ли Москве или же просить принять их паству в лоно братских Православных Церквей? Митрополит Сергий, словно предвидя будущее порабощение Русской Церкви, посоветовал им войти в состав какой-нибудь из Православных Церквей. Это посещение посланников из-за рубежа не осталось незамеченным Тучковым.

Д.С. Лихачев на строительстве Беломоро-Балтийского канала

1926 год ознаменовался завершением эпохи Новой экономической политики — своеобразной ленинской уступки капиталистическим началам в экономике, которая позволила СССР выйти из кризиса. Академик Дмитрий Лихачев вспоминал: «Двадцатые годы, особенно их начало, были годами интенсивной духовной и интеллектуальной жизни. Атмосфера полной свободы, характерная для начала 20-х, была наиболее благодетельной. Во-первых, ни техника подслушивания еще не была развита, ни сами карательные органы еще не были хорошо организованы. Конечно, в те годы расстреливали, и весьма часто это были или заложники, или люди, занимавшие важные посты в царском правительстве, или активные противники Советской власти. Но эти репрессии проводились не по данным телефонного прослушивания или перлюстрации, даже доноситедьство в те годы не было столь распространено, как в последующие...»¹ Церковный историк Анатолий Краснов-Левитин вспоминал: «И все-таки, когда меня спрашивают о том, как я представляю себе идеальную церковную общину, я всегда вспоминаю Питер 20-х годов. Только недавно закрылись Петроградская духовная академия и семинария, закрылись все церковные журналы, издательства, богословские и философские общества. И все профессора, магистры, кандидаты богословия, церковные писатели — все хлынули на приходы. Стали невозможны диссертации, богословские труды, статьи, монографии — единственное, что осталось — церковная кафедра. Она была в то время относительно свободной: проповедь не запрещалась, если не было непосредственных политических призывов. В то же время священник освободился от стеснительной опеки церковной власти: никаких конспектов, никакого контроля, никаких отчетов — архиереям было не до того. Проповедь в то время стала подлинно творческой. Тогда еще не было принципа принудительной регистрации (то, чего добивался

от патриарха Тихона и митрополита Петра Тучков — С.Б.) священнослужителей, поэтому в Питере, как и в Москве, в это время было много заштатных архиереев и иереев. Приехал из провинции, договорился с настоятелем — и служи себе. Церковная смута способствовала оживлению церковной проповеди, т.к. в связи с расколом возникло множество вопросов: богословских, социальных, канонических. И все они освещались с церковной кафедры. Входили в обычай тематические беседы: по средам и пятницам, после вечерни, читались акафисты, а после акафиста предлагалась «беседа» — собственно, не беседа, а богословская лекция, продолжение предыдущей. В некоторых храмах даже устанавливались скамейки для слушателей»².

Академик Дмитрий Лихачев вспоминал о существовании множества молодежных кружков среди университетской молодежи, к одному из которых принадлежал и он: «С каждым годом моей юности я ощущал надвигающийся гнилостный дух, убивавший удивительную благотворную силу, исходившую от старшего поколения русской интеллигенции. Дневная эпоха сменялась ночной, люди не спали ночами. Люди жили в ожидании, что перед их окнами вот-вот возникнет и замолкнет шум мотора автомобиля и в дверях квартиры появится «железный» следователь в сопровождении бледных от ужаса понятых... Почти одновременно с Октябрьским переворотом начались гонения на Церковь. Эти гонения были настолько невыносимы для любого русского, что многие неверующие начали посещать Церковь, психологически отделяясь от гонителей... Чем шире развивались гонения на Церковь и чем многочисленнее становились расстрелы на «Гороховой, два», в Петропавловке, на Крестовском острове, в Стрельне и т.д., тем острее и острее ощущалась нами жалость к погибающей России. Наша любовь к Родине меньше всего походила на гордость Родиной, ее победами и завоеваниями. Сейчас это многим трудно понять. Мы не пели патриотических песен — мы плакали и молились»³. Но уже в 1927 году он был арестован вместе с другими членами кружка, хотя обсуждали они не политические, а в основном или сугубо научные, или же духовные проблемы.

Конец 20-х годов ознаменовался печально известными политическими процессами, которые положили начало иной эпохе и которую западный историк Роберт Конквест назвал эпохой «большого террора». Сталин, уничтожая политических противников,

большинство из которых помогли ему прийти к власти, продолжил ленинскую политику «войны против собственного народа». Введение частной собственности во время Новой экономической политики воспринималось правоверными большевиками как временная уступка капитализму. Это в корне противоречило марксистской догме и мешало сосредоточению всей полноты власти в одних руках. Современный французский мыслитель Ален Безансон справедливо полагает: «В центре находится партия, а внутри партии — ее руководящий круг. В первый период правления он еще полностью находится во власти идеологии. Именно тогда он занимается ликвидацией «классовых врагов». Обладая совершенно отравленной совестью, он уничтожает во имя утопии целые категории людей»⁴. По приблизительным подсчетам, в эти первые периоды правления коммунистов ими уничтожается примерно около 10 процентов населения. Но социализм так и не приходит: «Когда оказывается, что утопический сон по-прежнему не сбывается, а принесение в жертву каждого десятого ни к чему не привело, наблюдается сползание утопии к простому сохранению власти. Поскольку объективный враг уже истреблен, нужно следить, чтобы он не возник заново, вплоть до возможности появления его в самих рядах партии. Это момент второго террора, который кажется абсурдным, потому что не соответствует общественно-политическому сопротивлению и направлен на установление полного контроля над всеми людьми и всеми мыслями. Тогда страх делается всеобщим, распространяется и в самой партии, каждый член которой чувствует себя в опасности. Все доносят на всех, все предают друг друга»⁵.

Сергей Дурылин, уже успевший отбыть в 1922 году тюремное заключение и ссылку, отказавшись по совету Луначарского от священнического служения, весной 1926 года проживал в подмосковном Мураново. Он записал в дневнике: «Я давно знал, что самое сильное на земле — элементарное. Но я еще не знал, до чего оно удушливо. Воздух весь выкачан. Дышать нечем. Бежать за воздухом некуда. «Дыханье множит муки»⁶. Церковная ситуация была настолько запутанной, что в провинции нельзя было понять, в чьих руках находится центральная церковная власть. Историк Русской Церкви Анатолий Краснов-Левитин приводит интересный пример: «Вот перед нами «Протоколы епархиального съезда Семипалатинской области» (Семипалатинск, 1926 г.) Открывая съезд,

один из протоиереев (епископа в этот момент в городе не было) докладывает, что руководящая группа духовенства разыскивала, у кого теперь находится церковная власть (sic!). С этой целью священники обратились с запросом к бывшему епископу Бийскому Иннокентию, проживающему на покое в Николо-Угрешском монастыре, под Москвой. Епископ Иннокентий ответил, что он обращался по этому вопросу к епископу Серпуховскому Алексею (Готовцеву), который сообщил, что церковная власть находится у епископа Угличского Серафима. Таким образом, целая епархия разыскивает церковную власть, точно иголку в стоге сена»⁷. Епархиальный съезд в Семипалатинске проходил в конце 1926 года, когда митрополит Сергей находился под арестом.

В эти годы вопрос о взаимоотношениях Церкви и государства занимал лучшие умы России. Но атеистическое государство надеялось правом выстраивать эти отношения Антирелигиозную комиссию — по замыслу большевиков, Церкви вновь предстояло стать государственным ведомством, как это было задумано и осуществлено Петром I. Это понимали и патриарх Тихон, и митрополит Петр (Полянский). Поэтому их противостояние государству увенчалось мученичеством. Они понимали, что между Петром I и большевиками простерлась бездонная пропасть — первый русский император не был безбожником и не ставил своей задачей уничтожение Церкви. Он был верующим и церковным человеком, хотя многие его поступки вряд ли можно назвать христианскими. Место Церкви в Государстве Российском Петр определил как Духовную Коллегию, поставив ее под контроль государства. Начало Манифеста 1721 года говорит об этом: «Между многими, по долгу Богоданья Нам власти, попеченьми о исправлении народа Нашего, и прочих поданных Нам Государств, посмотри на Духовный чин, и видя в нем много нестроения и великую в делах его скудость, несуетный на совести Нашей возымели Мы страх, да не явимся неблагодарни Вышнему, аще толика от Него получив благопоспешества в исправлении как Воинского, так и Гражданского чина, пренебрежем исправления и чина Духовного...»⁸ В манифесте упомянуты две основные причины упразднения патриаршества: «Понеже в единой персоне не без страсти бывает, к тому же не наследственная власть, того ради вящще не брегут». Смысл этой витиеватой фразы Феофана Прокоповича прост: поскольку власть патриарха не наследственная, то этой властью не дорожат так, как ею дорожат цари.

Поэтому: «Уставляем Духовную Коллегию, то есть Духовное Соборное Правительство, которое по следующем зде Регламенте, имеет всякие Духовные дела во Всероссийской Церкви управлять»⁹. И несмотря на то что уже на первом заседании Духовной Коллегии 14 февраля 1721 года она была переименована в Святейший Правительствующий Синод, клятва, которая предписывала всему российскому духовенству, от митрополитов до простых священников, доносить в соответствующие государственные органы «об ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке», просуществовала вплоть до 1901 года. Петр поработил Церковь. Он создал прецедент, который был воспринят большевиками как образец для подражания. Русскую Церковь, лишь в феврале 1917 года освободившуюся от пут государства и деятельно реформирующую собственную жизнь, большевики попросту приняли уничтожать.

Они не скрывали своих задач, которые по существу были демоническими и богоборческими. Поначалу им казалось, что можно наскоком уничтожить Русскую Церковь, искоренив в душах людей даже упоминание о Боге. Наиболее трезвым человеком среди большевиков оказался, как это ни странно, Феликс Дзержинский. 4 декабря 1920 года начальник Секретного отдела ВЧК Тимофей Самсонов, которого на этом посту сменил в 1923 году Евгений Тучков, направил ему письмо, в котором развернул основные положения борьбы с религией: «...1. Тов. Лацис глубоко прав, когда

Лагерная зона

говорит, что коммунизм и религия взаимно исключаются, а также глубоко прав и в том, что религию разрушить не сможет никакой другой аппарат, кроме аппарата ВЧК.

2. Линия, принятая ВЧК по разрушению религии, с практической стороны в принципе верна, за исключением вопроса о возможности разложения религии из центра, через лиц, занимающих высшие посты церковной иерархии. Прделанный ВЧК опыт в этом отношении потерпел фиаско. Так, «Исполкомдух» (Исполнительный комитет по делам духовенства — С.Б.) принял ложное направление и стал приспособлять православную церковь к новым условиям и времени, за что был нами разгромлен, а отцы духовные, вроде Архиепископа Владимира (Пензенского) Путяты, оказались несостоятельными по той простой причине, что у него, как у заклятого врага сов. власти, не оказалось достаточной смелости духа и воли для того, чтобы развернуть свою работу во всю ширь и глубину и нанести церкви разрушительный удар, вместо этого Путята склочничает в ВЧК на Тихона, в то же время как сам практически ничего не делает для разрушения церкви. Даже такой решительный и смелый вояка в рясе, как Иллиодор Труфанов, даже он в паутине церкви не нашел присутствия духа для того, чтобы открыто ударить церковной иерархии прямо в лоб...»¹⁰

Уже в это время в недрах ВЧК рождается замысел уничтожить Церковь руками священнослужителей: «...СОВЧК (Секретный отдел ВЧК — С.Б.) за последнее время в своих планах по разложению церкви сосредоточивает все свое внимание именно на поповскую массу, и что только через нее мы сможем, путем долгой, напряженной и кропотливой работы, разрушить и разложить церковь до конца. Некоторые успехи в этом отношении уже отмечаются, правда, пока что не в большом масштабе. Этот путь верен тем более потому, что церковные старые волки, каковы Тихон, Владимир Путята и др., они могут действовать для нас лишь постольку, поскольку нужно им для того, чтобы спасти свою шкуру, душа же их видит и делает другое, тогда как низшее поповство, освободившись от волчьих когтей больших церковных волков, иногда совершенно искренне работает на нас и с нами, и, кроме того, непосредственно работая в верующей массе, низшие попы, проводя нашу линию, разложение будут вносить в самую гущу верующих, а это все»¹¹.

Чекисты верно поняли, что между епископатом и священством

существует антагонизм и что его необходимо использовать в своих целях. Епископ в России слишком часто был и остается «князем Церкви». И в царское время, и в советский период, особенно после сталинского конкордата 1943 года, епископат Русской Церкви пользовался привилегиями, которые были недоступными духовенству. Самое печальное — епископы слишком часто считали и до сих пор считают, что священники и миряне — нечто вроде их слуг, которые существуют для того, чтобы ублажать их, создавая условия для безбедной жизни. Это искажение Христовых заветов: «Ибо Я действительно Учитель и Господь. Итак, если Я умыл вам ноги, Я, Господь и Учитель, и вы должны друг другу умывать ноги. Ибо Я дал вам пример для того, чтобы, как Я сделал вам, и вы делали» (Ио. 13, 14–15). И оно, это глубинное искажение, в годы становления большевизма было успешно использовано атеистами для разрушения Церкви. Хотя Поместный Собор 1917–1918 гг. ограничил архиерейский произвол и предоставил духовенству и мирянам большие права, однако эти решения были претворены в жизнь лишь частично. Все это создало благоприятную почву для церковных расколов.

В своем письме Самсонов предлагал Дзержинскому: «...До сих пор ВЧК занималась только разложением православной церкви, как наиболее могущественной и большой, чего недостаточно, так как на территории Республики имеется еще ряд не менее сильных Религий, каков Ислам и пр., где нам также придется шаг за шагом внести то же разложение, что и в православной церкви...» Этот пункт привел в уныние Дзержинского, который на полях написал: «Опасная вещь, и нам за это браться не следует». Письмо Самсонов завершил жалобой: «...5. Работа по рассеянию религиозного мрака чрезвычайно трудная и большая, поэтому рассчитывать на скорый успех нельзя. Для этой работы нужны крепкие и умелые люди, чего, к сожалению, мы не имеем, так как Цека нам их не дает»¹². Дзержинский, в юности мечтавший стать католическим монахом, представлял себе, в отличие от пылкого Самсонова, насколько тяжелой и бесперспективной может оказаться борьба с религией в России. Поэтому в первые годы существования Советской власти большевики решили сосредоточиться на разложении и уничтожении Православной Церкви, хотя это и не означало того, что другим религиям было предоставлено право свободного существования. На ислам, буддизм и иудаизм, как и на католицизм,

репрессии большевиков обрушились позднее, когда удалось сломить сопротивление Русской Церкви.

Натиск, который обрушили на Церковь большевики, ничуть не уступал по ярости гонениям Нерона. Но ни один римский император не гнал Церковь так длительно и безжалостно, как большевики. У многих христиан в 20-е годы возникло ощущение, что наступил конец времен. Многие ожидали прихода Антихриста. В переписке иерархов и мирян постоянно звучат апокалиптические нотки. Георгий Федотов писал в 1926 году: «Многие видят теперь в коммунизме предельное выражение антихристового натиска на христианство. Пусть так. Но что открыла нам Россия? Неужели коммунизм может быть причислен к типу гуманистических мировоззрений, а творимое им дело к соблазну добром? Для марксизма, особенно русского, характерна с самого начала положительная ненависть к этическому обоснованию своих целей. Для него нет ничего презреннее «слюньюго идеализма». Не состраданием и даже не справедливостью соблазняет он («разве есть внеклассовая справедливость?»), а только удовлетворением интересов, не благом, а благами и, еще в подсознательном, но действительном центре своем, сладостью мести, пафосом классовой ненависти»¹³.

Федотов глубоко прав — в отличие от образа Антихриста, созданного творческой фантазией Владимира Соловьева, российские коммунисты не маскировались, а выступали как последовательные и жестокие богоборцы. Только в процессе борьбы с Церковью, обнаружив, что нуждаются в финансовой поддержке Запада, они начали слегка маскироваться, никогда не отказываясь от поставленных целей. Поэтому, погружаясь в изучение документов той далекой эпохи, порой теряешься: почему епископы, призванные быть учителями духовенства и мирян, порою так тщательно искали оправдания жестокостям большевиков и союза с безбожной властью? Скорее всего, это объясняется не только консервативным сознанием, которое формировалось из поколения в поколение. Рабская покорность властям во всем, что бы они ни предпринимали, была унаследована еще с царских времен, когда Церковь находилась целиком под контролем государства. Гонения большевиков не оставляли христианам большого выбора. Оставалось лишь два пути: путь сотрудничества с богоборческой властью или путь исповедничества и мученичества. Не все представители духовенства оказались готовыми принять мученические венцы.

В тексте первого проекта Декларации, которую митрополит Сергей подготовил уже в июне 1926 года, он заявлял: «Однако отсутствие свободы регистрации для наших церковно-правительственных органов создает для иерархии много практических неудобств, придавая ее деятельности какой-то скрытый или даже конспиративный характер, что, в свою очередь, порождает много всяких недоразумений и подозрений. В целях найти выход из такого положения и следуя примеру Св. Патриарха, я обратился в НКВД с просьбой о регистрации нашего церковного управления... Получая таким образом права легального существования, мы ясно отдаем себе отчет в том, что вместе с правами на нас ложатся и обязанности по отношению к той власти, которая нам эти права дает»¹⁴. Если Церковь отделена от государства, то для чего церковным управлениям необходима государственная регистрация? Если власть регистрирует епархиальное управление или Синод, то почему это следует считать «правами»? Если все же власть зарегистрировала епархиальное управление, то почему оно чем-то обязано этой власти? Самое поразительное в этом заявлении, что митрополит Сергей ни словом не упоминает о церковных структурах, которые он намерен зарегистрировать. Именно в этот период происходит полное отречение от решений Поместного Собора, который установил двухпалатную систему управления Церковью — Священный Синод и Высший Церковный Совет. Он словно забыл еще об одном важном постановлении Высшего Церковного Управления.

Вопрос о судьбе Церкви в условиях гонений стоял настолько остро с самого момента Октябрьского переворота 1917 года, что еще в мае 1920 года патриарх Тихон и Священный Синод вместе с Высшим Церковным Советом издали постановление, в котором предусматривались действия епархиальных епископов на тот случай, когда потеряна связь с церковным центром. В ноябре 1920 года, словно предвидя возможность разгона большевиками Священного Синода и Высшего Церковного Совета, рассылается еще одно постановление. Пункт второй постановления предписывал: «...В случае, если епархия, вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы и т.п., окажется вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением или само Высшее Церковное Управление прекратит свою деятельность, епархиальный архиерей немедленно входит в сношение с архиереями сосед-

них епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях (в виде ли Временного Высшего Церковного Правительства, или Митрополичьего округа, или еще иначе)¹⁵. К концу 1920 года Гражданская война, развязанная большевиками, была завершена. В результате Польской кампании, которая была проиграна Красной армией, часть областей и епархий отошла к Польше. Но исконные российские территории продолжали оставаться под властью большевиков. Патриарха Тихона беспокоило не столько настоящее, сколько будущее. Пункт 4-й постановления говорит: «В случае невозможности установить сношения с архиереями соседних епархий и впредь до организации Высшей Церковной Власти, епархиальный архиерей воспринимает на себя всю полноту власти, предоставленной ему церковными канонами»¹⁶. В этом пункте постановления нет ничего необычного или противного церковным традициям. Древнехристианский принцип гласит: «Где епископ, там и Церковь». Более того, предвидя будущие гонения, постановление предписывает епископам, дабы не прервалось апостольское преемство: «...архиерей... предоставляет преосвященным своим викариям, пользующимся ныне, согласно наказу, правами полусамостоятельных, все права епархиальных архиереев, с организацией при них управления, применительно к местным условиям и возможностям»¹⁷. Именно поэтому в 1926 году, когда Семипалатинская епархия стала искать высшую церковную власть, обнаружилось, что она находится в руках викарного епископа Серафима Угличского, которому перед арестом успел передать ее митрополит Сергей.

Это постановление великолепно работало в годы гонений. Не только в 20-е, но даже в 30-е и 40-е годы. Когда арестовывали епархиального епископа, власть переходила в руки викарного. Каждый епархиальный архиерей успел рукоположить несколько викариев. Поэтому, когда по указанию Тучкова арестовывали одного епископа, на его место вставал другой, третий, четвертый. В двадцатые годы совершалось немало епископских хиротоний, причем во второй половине их старались не афишировать, чтобы избежать преждевременных арестов. Летом 1926 года Антирелигиозная комиссия неожиданно обнаружила, что в Москве и Московской области проживает слишком много епископов. Поэтому этот вопрос был поднят на очередном заседании Антирелигиозной комиссии

от 3 июля: «...2. Ввиду того, что в Москве скопилось около 50 чел(овек) епископов, в то время как для обслуживания религиозных потребностей Москвы и губ(ернии) церковниками установлен штат в 5 человек, признать пребывание такого количества епископов политически вредным и поручить ОГПУ (т. ТУЧКОВУ), не прибегая к арестам, путем предложения каждому в отдельности — принять меры к выезду наиболее вредных для жительства в монастырях по его (ОГПУ) усмотрению»¹⁸. Естественно, Тучков принял соответствующие меры. Следует признать, что постановление 1920 года не только было хорошо известно российскому епископату, но и активно претворялось в жизнь на протяжении не только 20-х годов. Если бы это было не так, вряд ли Антирелигиозной комиссии пришлось бы обращать внимание всеильного Тучкова на несоразмерное количество епископов, осевших в Москве и Подмосковье. Но постановление требовало от епископов не только богословской подготовки, ни и личного мужества, умения и желания брать на себя ответственность за принимаемые решения. Таких епископов было немало, хотя они составляли меньшую часть российского епископата.

Большинство же, особенно архиереи «старой закалки», предпочитали жить по старинке. Решения Поместного Собора 1917—1918 гг. многим казались излишне революционными и нежизненными (как, впрочем, до сих пор большинству современных епископов Русской Православной Церкви). Поэтому образование единого церковного центра, да еще во главе с привычным Синодом, вполне бы их устроило. Проблема отношений Церкви и власти, лишь затронутая, но не решенная Собором, волновала не только богословов, церковных правоведов, но и свободных мыслителей. Глубоко писал о природе власти Николай Бердяев, прочитавший немало лекций на эту тему в Советской России до своей высылки в 1922 году: «В государстве есть мистическая основа, и эта мистическая основа должна была бы быть признана и с позитивной точки зрения, как предельный факт, не поддающийся объяснению. Начало власти — совершенно иррациональное начало. Во всякой власти есть гипноз, священный или демонический гипноз... Власть всегда есть проникновение какого-то таинственного начала в человеческие отношения, исходящего от Бога или от дьявола... Бытие государства есть факт мистического порядка... Революция всегда хочет разрушить священный гипноз власти. Но сама

Архиепископ Иларион
(Троицкий) на Соловках

она немедленно попадает под власть другого гипноза. Существует неразрушимая магия власти, которая лишь переходит из одного состояния в другое. И новая революционная власть обладает магией власти, она заимствует ее от магии старой власти, она пользуется старым и вечным гипнозом масс... Покорность масс всякой государственной власти есть всегда безумие, есть состояние гипноза, есть трепетание народа перед реальностями, превышающими эмпирическую жизнь людей¹⁹. Эти мысли Бердяева, выношенные им в Советской России и изложенные сразу же после высылки, помогают понять многое из того, что происходило в 20-е годы. Он смело бросает вызов большевикам: «Вы

хотели бы сорвать дело всемирной истории. Это ложь, что христианство анархично, что христианство отрицает государство. Сам Христос учил воздавать кесарево кесарю. Но Он воспретил воздавать кесарю Боже... Государство противится греховному хаосу, мешая окончательному распадению греховного мира, подчиняя его закону. Вл. Соловьев хорошо сказал, что государство существует не для того, чтобы превратить земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад»²⁰.

Бердяев точно разгадал безграничные претензии новой власти: «В христианском мире царство кесаря ограничено Церковью Христовой и бесконечной природой человеческого духа, раскрывшейся через Христа. Источник ограничения власти государственной чисто религиозный, духовный. В первооснове своей это не есть ограничение государства обществом и общественными группами, требующими тех или иных конституционных гарантий, это есть прежде всего ограничение государства Церковью и душой человеческой. В христианском откровении заключалась совсем осо-

бая «декларация прав» человеческой души, усыновленной через Христа Богу. В христианском мире государство не может уже претендовать на человека целиком, власть его не распространяется на глубину человека, на его духовную жизнь. Глубина человека принадлежит Церкви, а не государству... Всякое ограничение притязаний государства и всякое утверждение прав человека имеет своим источником христианскую Церковь и христианское откровение о богосыновстве человека. Это забыли люди нашего времени. И потому, когда они в революциях хотели освободить человека и утвердить его право, они создавали новую и более страшную тиранию самодержавия общества и народа»²¹. Не отрицая ценности государства как некоей высшей ступени в процессе эволюционного развития человечества, Бердяев предупреждал о страшной опасности, которую несет не только своим гражданам, но и окружающим государствам тоталитарное государство: «Царство кесаря огромная ступень в иерархии бытия. Оно не есть само по себе царство зла, царство дьявола. Оно становится царством зла лишь тогда, когда требует себе Божеских почестей, когда его обоготворяют, когда им подменяют Царство Божие, когда оно посягает на глубину человеческого духа, на бесконечную его природу. Вот почему так важно различие и разграничение двух царств, которое навеки предугазано Христом. Государство имеет религиозную основу, и разложение этой религиозной основы подвергает его опасности разложения»²².

Советское государство требовало от своих граждан не только поклонения, но и полной и всецелой отдачи всех своих сил, как физических, так и духовных. Поскольку Христос призывает Своих последователей идти за Ним, отдавая Ему сердце, то на Русскую Церковь большевики смотрели как на нежелательного конкурента. Поскольку нахрапом уничтожить Церковь не удалось, большевики решили изменить тактику и подчинить ее, чтобы через послушных епископов управлять ею. Летом 1926 года начались высылки епископов из Москвы и Подмосковья. Особняком среди них стоит фигура епископа Платона (в миру Николай Николаевич Руднев). Он окончил перед войной Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1923 году был хиротонисан во епископа Богородского. Служил вплоть до ареста в 1924 году в Богородске (Ногинске). Ему прислуживал будущий патриарх Пимен (Извеков), родом из Богородска. После вынесе-

Профессор И.В. Попов

ния приговора в 1925 году епископ Платон попал на Соловки. Он стал капитаном катера.

Летом и осенью 1926 года на Соловках в заключении находилось около 150 представителей российского духовенства. Это были лучшие представители российского епископата: Антоний (Панкеев), Василий (Зеленцов), Алексей (Палицын), Прокопий (Титов), Амвросий (Полянский), Тихон (Шарапов), Платон (Руднев) и многие другие. Признанным главой соловецкой общины был архиепископ Иларион (Троицкий). Но первенство он добровольно уступил епископу Воронежскому Петру (Звереву).

Послание соловецких епископов составлялось совместно Иваном Васильевичем Поповым, профессором Московской духовной академии, близким соратником патриарха Тихона, и архиепископом Иларионом Троицким. Но обсуждались они соборно.

Священник Петр Шипков заведовал каптеркой в соловецком лагере. Именно у него проходили так называемые «соловецкие соборы». Знаменитое Послание соловецких епископов Советскому правительству, а также ответ на Декларацию митрополита Сергия вывез на катере на «большую землю» епископ Платон в 1926 году. После отбытия срока в Соловках был сослан в Усть-Сысольск. Был последовательным противником Декларации митрополита Сергия. После ссылки недолго жил во Владимире, а затем был сослан в Алма-Ату. В 1935 году был вновь арестован, а в 1937 расстрелян.

В августе 1926 года епископ Рыбинский Серафим (Силичев) получил от епископа Платона два документа — послание заключенных соловецких епископов к Правительству СССР и письмо к собратьям-епископам, находившимся на свободе, с предложением тайно избрать патриарха, дабы прекратить церковную смуту. Оба документа благодаря епископу Серафиму попали в руки епископа Павлина (Крошечкина).

После окончательного отказа митрополита Агафангела от прав на местоблюстительство обстановка не только не разрядилась, но еще более осложнилась. Тучков, уязвленный сокрушительной критикой ВВЦС и спорами с митрополитом Агафангелом, которые разрушили его замысел, видимо, на время решил «забыть» о митрополите Сергии, сосредоточив основное внимание на проблемах обновленцев и ВВЦС. В августе 1926 года обновленческий Синод посетили американские религиозные деятели, что преподносилось советской печатью как юридическое признание. Обновленческий Синод был почти уже признан патриархом Иерусалимским Дамианом. Каноническое общение обновленцев с патриархами Константинопольским, Александрийским и Антиохийским было установлено еще раньше. В августе 1927 года Антирелигиозной комиссией готовился созыв Всеправославного Собора в Москве. Обновленцы претендовали на то, чтобы именно они представляли российское православие на Соборе.

В этой непростой ситуации наиболее активная молодая часть российского епископата предприняла еще одну, ставшую последней, попытку сохранить, как они понимали, каноническое возглавление РПЦ, восстановленное Поместным Собором 1917—1918 гг. Было принято решение избрать патриарха. Инициатором тайных выборов патриарха осенью 1926 года, как следует из архивных материалов ОГПУ, был архиепископ Свердловский Корнилий (в миру Гавриил Гаврилович Соболев), в прошлом ученик и постриженник митрополита Сергия по Санкт-Петербургской академии. Отбыв трехлетнюю ссылку в Нарымской области, он в 1926 году вернулся во Владимир и поселился там. В начале октября 1926 года в Нижний Новгород к митрополиту Сергию приехал епископ Павлин (Крошечкин). Он решил накануне выборов патриарха обратиться к нему, как наиболее авторитетному епископу, за советом и поддержкой. А в начале декабря 1926 года, спустя два месяца после приезда епископа Павлина, митрополит Сергей был аресто-

Профессор И.В. Попов.
Следственное фото. 1935 г.

Архиепископ Корнилий
(Соболев)

ван в Нижнем Новгороде и привезен в Москву. На допросе от 20.XII.1926 года митрополит Сергей заявил: «Раньше ноября сего года ко мне в Нижний Новгород приехал епископ Павлин Рыльский и повел беседу о необходимости для выхода из создавшегося церковного положения выборов патриарха путем подачи голосов епископами, т.е. путем далеко не обычным. Такое избрание было бы спорным, как применяющееся, по видимому, в первый раз. Павлин привез с собой обращение ко мне, с просьбой дать делу ход, подписанное самим Павлином и епископом Афанасием Свирским (на самом деле на документе стояла подпись епископа Афанасия Сахарова, и митрополит

Сергей прекрасно это знал, но указал на vicарного Киевского епископа Афанасия Сквирского — С.Б.). Впрочем, там была на первом месте подпись епископа Корнилия, хотя, может быть, он подписал эту бумагу потом, а на первое место его подпись попала как подпись архиепископа, каковым он является... Но после моего возвращения из Москвы, куда я ездил для ведения переговоров, епископ Павлин опять приехал, привезя с собой тот же документ, но уже снабженный 25, кажется, подписями. Хотя я допускаю, что это могло произойти и до моего последнего отъезда в Москву. Я хорошенько не помню. Я взял от Павлина его документ, прочитал его, написал обращение к иерархии с предложением высказаться по существу, не входя сам в рассмотрение этого вопроса. Отдал его Павлину. Отзывов по этому документу я еще до ареста не имел... из местных русских документов припоминаю сейчас письма Зеленцова епископа, а именно: его письмо к Агафангелу, снабженное подписями нескольких епископов, его статью о патриаршестве, его отзывы на мою декларацию совправительству (речь идет о первом варианте Декларации митрополита Сергея, написанной им еще летом 1926 года — С.Б.), в которых он говорит, что Церковь, признававшая монархию вследствие того, что народ сам себе из-

брал эту форму правления, теперь так же, по тем причинам, признает и Соввласть, что верующие будут подчиняться всем велениям этой власти, если они не противоречат их религиозным взглядам...»²³. В Нижнем Новгороде обращение подписал и епископ Григорий Козлов.

А вот еще свидетельство. Допрос от 22 декабря: «Епископ Павлин во время приезда ко мне с обращением, уже снабженным подписями, в беседе мне сообщил, что находящиеся в Соловках епископы думают также, что выборы патриарха необходимы и произвести их можно путем подачи мнений епископами, т.е. так же, как думает епископ Павлин». Архимандрит Таврион (Батозский) рассказывал мне, что в первый приезд епископа Павлина в Нижний Новгород митрополит

Архиепископ Павлин (Крошечкин)

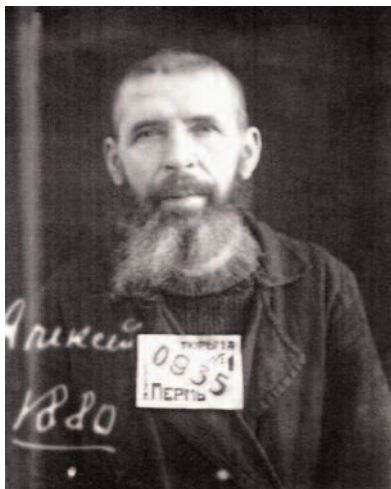
Сергей отказался участвовать в тайных выборах. Видимо, он прекрасно представлял, какую опасность несет в себе это начинание. Скорее всего, он не верил в успех тайных выборов. Поэтому попросил епископа Павлина собрать голоса епископата, еще оставшегося в Москве и Подмоскowie, и выяснить их мнение о целесообразности проведения выборов. Вскоре епископ Павлин вновь приехал в Нижний, но уже с мнениями епископов, в том числе и соловецких. На допросе от 1 января 1927 года он показал: «Я получил этот документ в ноябре месяце, вероятно, в Ленинграде. Содержание его таково: от лица заключенных в соловецком концлагере епископ, подписавший документ, сообщал, что эти заключенные имели разговор о кандидатуре в патриархи и остановились на

Епископ Григорий (Козлов)

митрополите Кирилле... Я точно не помню, кто именно из ленинградских епископов подал мне этот документ и составил его; возможно, что Зосима, или Серафим, или Савватий... (епископ Павлин намеренно старался ввести в заблуждение следователей, называя имена соловецких святых, основателей монастыря, Зосимы и Савватия — С.Б.)»²⁴. Важно учитывать, что в это время отношение к исповедникам еще не было обесценено позднейшими заявлениями о том, что они якобы уголовники и отбывают сроки за совершение уголовных преступлений.

Более того, еще в 1923 году, находясь уже на свободе, патриарх Тихон издал указ, согласно которому епископы, отбывавшие наказание на Соловецких островах (первый советский образцовый концлагерь — С.Б.), почитались первенствующими, то есть их мнение в спорных вопросах следовало признавать решающим. Митрополит Сергей прекрасно осознавал, что общие симпатии епископата на стороне исповедника-митрополита Кирилла (Смирнова), который ничем не запятнал себя в годы гонений. Почти 10 лет, с редкими перерывами, он по милости ОГПУ томился то в тюрьмах и лагерях, то в ссылках. Тем более что именно он был назван патриархом Тихоном первым в списке возможных преемников. Опросив архиереев, оставшихся на свободе, епископу Павлину удалось собрать 25 подписей. Стало быть, к ноябрю 1926 года в Мос-

Иеромонах Андроник (Лукаш).
1939 г. Следственное фото

кве и Подмоскowie оставалось из 50 лишь 25 епископов. Митрополит Сергей не смог на этот раз отступить перед натиском епископа Павлина и, поскольку почитался всеми заместителем местоблюстителя, написал обращение к православному епископату, в котором предлагал высказать свое мнение и назвать имя епископа, достойного стать патриархом.

Епископ Павлин на допросах признал, что тайные выборы патриарха действительно состоялись. Но из трех его посланников ОГПУ арестовало только одного Ивана Кувшинова. Тучкову на этот раз не удалось заполучить самого важного: ни списков голосовавших епископов, ни их решения относительно будущего патриарха. Впрочем, оно и без того было известно Тучкову — всеобщие симпатии были на стороне митрополита Кирилла (Смирнова). Иеромонахи Глинской пустыни Андроник (Лукаш) и Таврион (Батозский), сподвижники епископа Павлина, а также мирянин Иван Кувшинов успели объехать большинство епископов, в том числе и ссыльных. Можно представить, какие невероятные трудности испытывали курьеры, объезжая ссыльных епископов. И все же эти трудности были преодолены, и в предельно краткий срок было собрано более 70 голосов — все они были поданы за митрополита Кирилла (Смирнова), находившегося в это время в заключении в Зырянском крае.

Цифра 20, названная митрополитом Сергием во время допроса, недостоверна. За проведение тайных выборов высказалось 25 епископов, проживавших в Москве и Подмоскowie. Курьеры, поделившие Россию на четыре округа и успевшие объехать немало городов, собрали гораздо большее количество голосов. То, что митрополит Сергей сознательно занизил цифру, говорит лишь о том, что ОГПУ не сумело завладеть материалами тайных выборов. Иван Кувшинов, избранный епископом Павлином хранителем до-

Архимандрит Таврион
(Батозский). 1928 г.

кументов, сумел еще до ареста надежно спрятать их. Епископ Павлин был арестован первым, в то время, когда приехал в Москву. Это свидетельствует о том, что ОГПУ получило оперативные данные — то есть результаты слежки. Они-то, скорее всего, и послужили причиной для ареста епископа Павлина. В конце ноября 1926 года по России прокатилась волна арестов среди православного епископата. В Нижнем был арестован митрополит Сергей и вскоре перевезен в Москву, во внутреннюю тюрьму ОГПУ. Во Владимире арестован архиепископ Корнилий. Он был вскоре осужден и отправлен на Соловки. В Зырянском крае арестован митрополит Кирилл (Смирнов) и переведен в Вятскую тюрьму. До сих пор остается нераскрытым вопрос — как ОГПУ узнало о тайных выборах? Бытует версия, согласно которой тайные выборы патриарха были инспирированы ОГПУ. Но против нее свидетельствует тот факт, что не были арестованы монахи Таврион и Андроник, бывшие курьерами.

Тайные выборы патриарха осенью 1926 года — пока одна из самых таинственных и ключевых страниц в новейшей истории Русской Православной Церкви. Парадоксально, но гораздо больше известно о них из западных, прежде всего католических источников. Это лишний раз свидетельствует о том, что за 10 лет гонений епископат, духовенство и миряне прекрасно изучили приемы гонителей и сумели противопоставить им жесткую конспирацию. На этот раз приемы революционной конспирации были с успехом применены христианами. Именно поэтому на допросах так спокойно беседовал со следователем митрополит Сергей. Мужественно вел себя Иван Кувшинов, отрицая даже показания епископа Павлина.

Следователь пытался добиться от Ивана Кувшинова чистосердечных признаний. На допросе от 23 мая 1927 года прозвучал вопрос: «Вот епископ Павлин показал, что он, приехав в Москву, передал так называемую «Соловецкую декларацию» вам. (Следователь зачитал Кувшинову показания епископа Павлина. — С.Б.). Что вы теперь скажете по этому поводу?»

Ответ: «Я не помню, чтобы епископ Павлин передавал мне такой документ».

Вопрос: «А знаете ли вы Клавдию Нефедову, проживающую в Шикаловском переулке около Спасской заставы? Что она вам передавала? Какие документы?»

Ответ: «Я Клавдию Нефедову не знаю».

Вопрос: «А какие-либо документы после ареста епископа Павлина вы получали? Имели ли вы какие-либо указания насчет дела по избранию Кирилла на случай ареста епископа Павлина?»

Ответ: «Нет».

«Следователь зачитывает и дает прочесть обвиняемому показания епископа Павлина по обоим затронутым в протоколе допроса от 23 мая 1927 года моментам (Соловецкая декларация, а также упоминание о Клавдии Нефедовой), показывает подписи епископа Павлина в следственном производстве. И.И. Кувшинов все отрицает»²⁵.

А вот копия показаний епископа Павлина Крошечкина, предъявленная следователем Ивану Кувшинову: «Я по приезде в Москву отдал его Кувшинову И.И. на хранение и, передавая его, также сказал, что это декларация Соловецкая» (Следует подпись епископа Павлина от 15 января 1927 года). Внимательно еще раз перечитаем показания епископа Павлина: «Эти отзывы, в числе около двадцати, были мной переданы на хранение женщине по имени Клавдия Нефедова, проживающей в Шикаловском переулке у Спасской заставы, дом, если не ошибаюсь, №1. Этой последней я дал указание передать пакеты в случае каких-либо недоразумений именно Кувшинову. Далее епископ Павлин показал, что Соловецкая декларация была в единственном экземпляре». Подпись: начальник 6-го отдела СООГПУ: Евгений Тучков». Тот же Павлин показал, что Кувшинов вообще является поверенным черносотенной группировки, добивавшейся избрания в патриархи митрополита Кирилла как

Епископ Афанасий (Сахаров)

наиболее активного антисоветского деятеля... и что ему даже было поручено весь нелегальный архив по избранию хранить и направить по принадлежности»²⁶.

Многие православные публицисты стремятся представить митрополита Сергия злым гением Русской Церкви. Рядом с ним, едва ли не провокатором, представляют епископа Павлина (Крошечкина). Острословы уже в те годы окрестили возникшую после ареста епископа Павлина ситуацию «Павлин в клетке». Но в тот период в тюремной клетке оказались лучшие епископы Русской Церкви. Тучков сумел воспользоваться безысходным положением епископата и убедил митрополита Сергия в тщете нелегальных попыток избрать патриарха. Он прекрасно понимал опасность возникшего положения — если бы тайные выборы увенчались успехом и митрополит Кирилл был избран, то весть об этом мгновенно обошла бы православные приходы. В этом случае бессмысленно было бы и далее держать его в заключении. Во-первых, в глазах остального мира (СССР в этот период был еще достаточно открытым обществом, в котором могли бывать иностранцы и даже общаться с россиянами — *С.Б.*) большевики выглядели бы гонителями христианства. Внешняя же политика большевиков строилась на отрицании каких-либо гонений за веру. Во-вторых, даже нелегально избранный патриарх, томящийся в заключении, продолжал бы управлять Церковью и в том случае, если бы у него возникали лишь эпизодические возможности общения с епископатам и паствой. Тучков понимал, что отношения с Русской Церковью достигли критической точки и на карту поставлена и его судьба. Поэтому необходимо было именно сейчас, тогда, пока в тюрьме находился митрополит Сергий, добиться от него согласия на сотрудничество. Тучков был прекрасным психологом, и он не один год работал с митрополитом Сергием. Он же, измученный годичной борьбой, проведя три месяца в жестком тюремном режиме, лишенный каких-либо известий с воли, скорее всего, пришел к выводу, что иного пути, кроме того, который предлагает Тучков, не существует. Хотя существовал иной путь! Его явили митрополиты Петр и Кирилл, тысячи других исповедников. Однако митрополит Сергий избрал другой — путь компромисса с безбожным государством.

Вряд ли он предал кого-либо в тот страшный период тюремного заключения зимой 1926–1927 годов. Протоколы допросов рису-

ют нам его как человека еще не сломленного. Допрос от 3 января 1927 года: «Митрополиту Сергию предъявляется фотография документа от 30 августа 1926 года по старому стилю и 12 сентября того же года по новому стилю. Документ подписан «Митрополит Сергий», писан (стиль следователя — *С.Б.*) почерком, тождественным с почерком гражданина Страгородского Сергия, и содержащий указания заграничным церквам, вернее, эмигрантской церкви, во избежание путаницы в вопросе о заграничном Синоде, прикрепиться к местным (по месту нахождения) православным церквам». Следователь: «Что вы скажете по поводу предъявленного вам документа? Признаете ли вы его своим?»

Ответ: «Да, этот документ мой, писан мною в ответ на письмо частное, епископов Феофана и Серафима. Я полагал, что говорить мне о нем, как об ответе на частное письмо, на следствии не обязательно, и умолчал о нем. Прошу обратить внимание на соответствие этого моего письма с моими принципиальными взглядами, высказанными мною в мае месяце, и последними набросками Декларации. 30 августа 1926 года я получил письмо с оказией из-за границы»²⁷. Митрополит Сергий не только предвидел возможный провал тайных выборов, но успел до ареста нелегально обратиться с посланием к зарубежным православным епископам, советуя им войти в юрисдикции других Православных Церквей — Греческой или Константинопольского патриархата. Он понимал, что обрываются все возможные связи между Матерью-Церковью в России и русским зарубежьем.

Сохранилось несколько устных свидетельств о пребывании митрополита Сергия сначала в нижегородской, а затем в московской тюрьмах. Ныне покойный священник Николай Педашенко рассказывал мне, что в тюрьме митрополита кормили селедкой и не давали пить. Митрополит Сергий (Воскресенский), близкий сотрудник митрополита Сергия, трагически погибший в Прибалтике от рук партизан в 1944 году, рассказывал, что в тюрьме митрополиту пригрозили расстрелом сестры (она все же была расстреляна в 1937 году — *С.Б.*), а также многих арестованных епископов²⁸. В январе 1927 года митрополиту Сергию исполнилось 60 лет. Только что провалилась попытка нелегального избрания патриарха. Он прекрасно понимал, что ОГПУ ни в коем случае не допустит повторной попытки. Митрополит Сергий также понимал, что отныне митрополита Кирилла власти ни за что и никогда не освободят

из заключения. Находясь в тюремной камере, не имея никаких сведений с воли, он пытался найти выход из создавшегося положения. Митрополита Сергия допрашивал Тучков, прекрасно изучивший как сильные, так и слабые его стороны.

Мы никогда не сможем в полноте понять и восстановить, что побудило митрополита Сергия продолжить переговоры с Тучковым. Тот же прием, впервые разработанный чекистами при допросах патриарха Тихона, был применен и к митрополиту Сергию. Поначалу за основу был взят первоначальный вариант Декларации, датируемый маем 1926 года. Но как только Тучков получил согласие митрополита Сергия, началась долгая и кропотливая работа над текстом, который неузнаваемо менялся на глазах. Одно дело, когда его читали свежим взглядом люди на воле, и совсем другое, когда в камере его перечитывал измученный митрополит Сергий. Вряд ли он отдавал себе отчет, какова будет реакция епископата, духовенства и мирян. Работа над текстом продолжалась и после освобождения митрополита Сергия — вплоть до момента опубликования Декларации 19 августа 1927 года. И над окончательным текстом митрополит Сергий был уже не властен. Существуют убедительные свидетельства, что в 1926 году, когда митрополит Агафангел окончательно отказался от претензий на местоблюстительство, Тучков беседовал с митрополитом Кириллом (Смирновым), предлагая ему возглавить Русскую Церковь: «...Когда Тучков вызвал митр. Кирилла, последний давал согласие на занятие этой должности, но не принял предложенных условий. «Если нам нужно будет удалить какого-нибудь архиерея, — сказал Тучков, — вы должны будете нам помочь». — «Если он будет виновен в каком-либо церковном преступлении, да. В противном случае я скажу: брат, я ничего не имею против тебя, но власти требуют тебя удалить и я вынужден это сделать». — «Нет, не так. Вы должны сделать вид, что делаете это сами, и найти соответствующее обвинение!»»

Владыка Кирилл отказался. Рассказывают, что он ответил: «Евгений Александрович, вы не пушка, а я не бомба, которой вы хотите взорвать изнутри Русскую Церковь!»²⁹ Митрополит Кирилл разгадал ловушку, которую хотел подстроить ему Тучков. Митрополит Сергий, скорее всего, прекрасно понимал и предвидел последствия. Но провал тайных выборов патриарха не оставлял ему иного выбора, кроме мученичества. Он же избрал путь компро-

Первый состав Синода митрополита Сергия

мисса. Митрополит Сергий пошел на сотрудничество с Советской властью еще и потому, что уже до ареста понял — большевики в России всерьез и надолго. Время же для компромисса было избрано Тучковым конгениально — епископат нарушил негласную договоренность и попытался в обход властей избрать первосвященителя. Митрополит Сергий понимал, какими могли бы стать последствия нового уголовного процесса.

Если бы Тучков и Антирелигиозная комиссия захотели, это могло бы стать повторением кровавого 1922 года. Вряд ли нижегородский владыка рассчитывал на понимание современников. И все же он решился на этот шаг. Горькая пилюля для митрополита Сергия была смягчена психологом Тучковым. В период тюремного заключения митрополит Сергий начал примерять для себя новое назначение. Летом 1926 года он называет себя «исправляющим обязанности Местоблюстителя Патриаршего Престола». Точно так же он именуется в обращениях в НКВД в мае 1927 года, освободившись из заключения. Декларация 1927 года подписана: «За Патриаршего Местоблюстителя — Сергий, Митрополит Нижегородский». Но уже в октябре того же, 1927 года, он именуется «заместителем Патриаршего Местоблюстителя». С согласия Туч-

кова он придумал новую должность, которой никогда не существовало в Русской Церкви. После опубликования Декларации, церковным людям стало ясно, что она не только не принесла мира Русской Церкви, а наоборот, привела к возникновению новых расколов.

Накануне своего ареста, осенью 1926 года, в письме к епископам Феофану и Серафиму митрополит Сергей советовал им войти в состав местных Православных Церквей: «...такое отдельное существование скорее предохранит от взаимных недоразумений и распрей, чем старание всех удержать и подчинить искусственно созданному центру...»³⁰ Это письмо свидетельствует, что уже в 1926 году он понял всю тщетность попыток управлять зарубежными приходами РПЦ из Москвы, находясь под пристальным контролем ОГПУ. И тем не менее, в тюрьме под давлением Тучкова принял решение о создании «искусственно созданного центра», который получит название Временного Священного Синода. Известно, что нет ничего более постоянного, чем временное. Временный Синод митрополита Сергея просуществовал 16 лет! В 1906 году, когда обер-прокурором К.П. Победоносцевым епархиальным архиереям были разосланы вопросы о желательности проведения реформ в Русской Церкви, архиепископ Сергей (Страгородский) резко высказался против чрезмерных прав Святейшего Синода. Он считал, что компетенция Синода в делах законодательных должна сводиться лишь к комментированию существующих церковных канонов. А проблемы канонические и вероучительные должны находиться в ведении Поместного Собора. Прошло чуть более 20 лет. Теперь, в новых условиях, не шло речи о том, чтобы восстановить Высшее Церковное Управление, совершенно новую структуру, утвержденную Поместным Собором. По сути, Высший Церковный Совет, в который наряду с епископами входили священники, монахи и миряне, был упразднен митрополитом Сергием. Причем так основательно, что даже в наши демократические времена никто и не вспоминает о необходимости восстановления канонического возглавления Русской Церкви.

2 апреля 1927 года митрополита Сергия освободили из тюрьмы, а через несколько дней — и епископа Павлина. Кувшинов все еще находился в заключении, и допросы продолжались. Тучков не терял надежды заполучить материалы тайных выборов патриарха. 18 мая митрополит Сергей в Москве провел совещание епископов и

Синод митрополита Сергия. 1930 г.

сформировал состав Временного Священного Синода. А через несколько дней получил справку из НКВД о разрешении деятельности Синода. Большинство верующих осознало, что во время заключения между митрополитом Сергием и органами ОГПУ было достигнуто некое соглашение. В конце мая последовал указ митрополита Сергия по епархиям, который предписывал епископам подать в местные органы власти заявления с просьбой о регистрации. На протяжении апреля, мая и июня согласовывался и оттачивался текст Декларации. Все это происходило в глубокой тайне. Наконец 29 июля 1927 года работа над текстом была завершена, но опубликование Декларации по-прежнему оттягивалось. Тучков все лето 1927 года вел переговоры с епископами, стремясь выяснить их отношение к Декларации. Несогласных арестовывали и высылали. С этого момента Декларация стала своеобразным камнем преткновения и соблазна для верующих, а для следователей — лакмусовой бумажкой. Если епископ или священник отказывались признать Декларацию, этого было вполне достаточно для ареста и бессудной ссылки. Наконец 19 августа 1927 года текст Декларации был опубликован в «Известиях». Но по приходам ее начали рассылать лишь в сентябре. Осенью же 1927 года началось массовое возвращение текста Декларации в Москву. Подавляющее большинство епархий не приняли Декларацию. Она почти мгновенно достигла Соловков, и находящиеся в заключении епископы

уже 27 сентября отозвались очередным посланием. Они заявляли, что не могут «принять и одобрить Послание в его целом...»

Договариваясь с митрополитом Сергием о сотрудничестве, Тучков не забывал ни обновленцев, ни «григорианцев». Они по-прежнему пользовались поддержкой Антирелигиозной комиссии и НКВД. Важно помнить, что большевики готовились в ноябре отмечать 10-летие революции. Им необходимы были зримые достижения к «великому юбилею». Разгром троцкистской оппозиции и полное подчинение Русской Церкви становились лучшими подарками богоборческой власти. Так завершалась в конце 20-х годов искусственная селекция — непослушные уничтожались, а более гибкие получали возможность проявить себя на церковном поприще.

ХIII. ДЕКЛАРАЦИЯ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ — СПОРЫ И РАЗДЕЛЕНИЯ

Сравнительный анализ различных текстов, предшествующих появлению Декларации митрополита Сергия, и в первую очередь завещания патриарха Тихона, а также также проекта Декларации, созданного еще в мае 1926 года, показывает, как мало они отличались между собою. Быть может, это объясняется тем, что у всех этих текстов был один редактор — АРК. Не стоит забывать, какое смятение и неприятие верующих вызвало опубликование в «Известиях» завещания патриарха Тихона. Если проект Декларации митрополита Сергия, а также проект его доклада предполагаемому Поместному Собору, который планировалось созвать в 1924 году, не выходили за пределы замкнутого круга, то его Декларация сразу получила широкую известность не только в СССР. В начале 1927 года среди православных появилось рукописное Обращение к Правительству СССР соловецких епископов. Оно произвело огромное впечатление на современников не только потому, что этот документ был создан исповедниками, томящимися в концлагере. Этот документ создавался в тот же самый период, когда митрополит Сергей трудился над текстом Декларации. Еще осенью 1926 года он получил Обращение соловецких епископов от епископа Павлина (Крошечкина). Продолжая работу над текстом Декларации уже после освобождения из заключения весной 1927 года, митрополит Сергей постоянно полемизировал с Обращением. Скорее всего, не без помощи, а может быть, и по настоянию Тучкова неоднократно возвращаясь к этому тексту. Поэтому без сравнительного анализа этих двух текстов невозможно понять ни существенных расхождений во взглядах на возможное сосуществование Церкви и государства между исповедниками, томившимися в Соловецком концлагере, и митрополитом Сергием (Страгородским). Важно помнить, что оппоненты находились в неравных условиях — соловецкие епископы томились в заключении, чаще всего без предъявления обвинений и сроков. Митрополит Сергей только что был освобожден из заключения, но с определенным условием. В случае невыполнения этого условия — подготовки и опубликования Декларации, в которой Церковь заявляла о лояль-

ности к богоборческому государству и о готовности сотрудничать с ним, — митрополита Сергия вновь ждала тюрьма и бессрочное заключение.

В Обращении к Правительству СССР соловецкие епископы четко определили расхождения, существовавшие между Церковью и атеистическим государством: «...С высот философского мирозерцания идеологическое расхождение между Церковью и государством нисходит в область непосредственного практического значения, в сферу нравственности, справедливости и права, коммунизм считает их условным результатом классовой борьбы и оценивает явления нравственного порядка исключительно с точки зрения целесообразности. Церковь проповедует любовь и милосердие, коммунизм — товарищество и беспощадность борьбы. Церковь внушает верующим возвышающее человека смирение, коммунизм унижает его гордостью. Церковь сохраняет плотскую чистоту и святость плодородия, коммунизм не видит в брачных отношениях ничего, кроме удовлетворения инстинктов. Церковь видит в религии животворящую силу, не только обеспечивающую человеку постижение его вечного предназначения, но и служащую источником всего великого в человеческом творчестве, основу земного благополучия, счастья и здоровья народов. Коммунизм смотрит на религию как на опиум, опьяняющий народы и расслабляющий их энергию, как на источник их бедствий и нищеты. Церковь хочет процветания религии, коммунизм — ее уничтожения»¹.

Соловецкие епископы в Обращении к правительству не затуманивали расхождений. Напротив, как и полагается пастырскому посланию, которое адресовано *ubi et ubi*, оно напоминало колеблющимся и сомневающимся: «При таком глубоком расхождении в самых основах мирозерцания между Церковью и государством не может быть никакого внутреннего сближения или примирения, как невозможно примирение между утверждением и отрицанием, между да и нет, потому что душою Церкви, условием ее бытия и смыслом ее существования является то самое, что категорически отрицает коммунизм. Никакими компромиссами и уступками, никакими частичными изменениями в своем вероучении или перетолковываниями его в духе коммунизма Церковь не могла бы достигнуть такого сближения. Жалкие попытки в этом роде были сделаны обновленцами... Эти опыты, явно неискренние, вызывали глубокое негодование людей верующих. Православная Церковь

Синод митрополита Сергия. Начало 30-х гг.

никогда не станет на этот недостойный путь и никогда не откажется ни в целом, ни в частях от своего, обвеянного святыней прошлых веков, вероучения в угоду вечно сменяющимся общественным настроениям. При таком непримиримом идеологическом расхождении между Церковью и государством, неизбежно отражающемся на жизнедеятельности этих организаций, столкновение их... может быть предотвращено только последовательно проведенным законом об отделении Церкви от государства, согласно которому ни Церковь не должна мешать гражданскому правительству в успехах материального благополучия народа, ни государство стеснять Церковь в ее религиозно-нравственной деятельности...»²

Обращение соловецких епископов было внимательно изучено не только митрополитом Сергием, но и АРК. В Декларации митрополита Сергия мы встречаем конкретный ответ соловчанам: «...Мешать нам может лишь то, что мешало и в первые годы Советской власти устроению церковной жизни на началах лояльности. Это недостаточное сознание всей серьезности совершившегося в нашей стране. Утверждение Советской власти многим представлялось каким-то недоразумением, случайным и потому недолговечным. Забывали люди, что случайностей для христианина нет и что

в совершившемся у нас, как везде и всегда, действует та же десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели. Таким людям, не желающим понять «знамений времени», может казаться, что нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с Православием. Такое настроение известных церковных кругов, выразившееся, конечно, и в словах, и в делах и навлекшее подозрения Советской власти, тормозило и усилия Святейшего Патриарха установить мирные отношения Церкви с Советским правительством. Недаром ведь Апостол внушает нам, что «тихо и безмятежно жить» по своему благочестию мы можем, лишь повинаясь законной власти (1 Тим., 11, 2), или должны уйти из общества. Только кабинетные мечтатели могут думать, что такое огромное общество, как наша Православная Церковь со всей Ее организацией, может существовать в государстве спокойно, закрывшись от власти». Соловецких епископов называть «кабинетными мечтателями» нельзя. Их обращение было продиктовано перед лицом близкой смерти, а значит, перед Ликом Божиим. С другой стороны, весьма странно воспринимается цитата из послания апостола Павла к Тимофею — о каком «тихом и безмятежном житии» можно было мечтать при большевиках?

Арестованные русские епископы на Соловках

Соловецкие епископы стремились называть происходящее в СССР своими именами: «В порядке управления правительство принимает все меры к подавлению религии — оно пользуется всеми поводами к закрытию церкви и обращению их в места публичных зрелищ и упразднению монастырей, несмотря на введение в них трудового начала, подвергает служителей Церкви всевозможным стеснениям в житейском быту, не допускает лиц верующих к преподаванию в школах, запрещает выдачу из общественных библиотек книг религиозного содержания и даже только идеалистического направления и устами самых крупных государственных деятелей неоднократно заявляло, что та ограниченная свобода, которой Церковь еще пользуется, есть временная мера и уступка вековым религиозным навыкам народа. Из всех религий, испытывающих на себе всю тяжесть перечисленных стеснений, в наиболее стесненном положении находится Православная Церковь, к которой принадлежит огромное большинство русского населения, составляющего подавляющее большинство и в государстве. Ее положение отягчается еще обстоятельством, что отколовшаяся от нее часть духовенства, образовавшая из себя обновленческую схизму, стала как бы государственной Церковью, которой Советская власть, вопреки ей же изданным законам, оказывает покровительство в ущерб Церкви Православной... Православная Церковь не может по примеру обновленцев засвидетельствовать, что религия в пределах СССР не подвергается никаким стеснениям и что нет другой страны, в которой она пользовалась бы полной свободой. Она не скажет вслух всего мира этой позорной лжи, которая может быть внушена только лицемерием, или сервилизмом, или полным равнодушием к судьбам религии, заслуживающим полного осуждения в ее служителях»⁴.

Пройдет ровно три года, и 15 февраля 1930 года митрополит Сергий, выступая сначала перед советскими, а затем перед иностранными журналистами, заявит, что в СССР нет гонений на веру: «Репрессии, осуществляемые Советским правительством в отношении верующих и священнослужителей, применяются к ним отнюдь не за их религиозные убеждения, а в общем порядке, как и к другим гражданам, за разные противоправительственные деяния. Надо сказать, что несчастье Церкви состоит в том, что в прошлом, как это хорошо известно, она слишком срослась с монархическим строем. Поэтому церковные круги не смогли своевремен-

но оценить всего значения совершившегося социального переворота и долгое время вели себя как открытые враги соввласти (лексика, употребляемая митрополитом Сергием, явно не церковная, явственно ощущается вмешательство Тучкова — С.Б.) (при Колчаке, Деникине и пр.). Лучшие умы Церкви, как, например, Патриарх Тихон, поняли это и старались исправить создавшееся положение, рекомендуя своим последователям не идти против воли народа и быть лояльными к советскому правительству. К сожалению, даже до сего времени некоторые из нас не могут понять, что к старому нет возврата, и продолжают вести себя как политические противники Советского государства»⁵. Таким образом, епископы, священнослужители и миряне, которые томились в сталинских тюрьмах и лагерях, заместителем местоблюстителя Русской Церкви были поставлены на одну доску с уголовными преступниками. Это было самое великое достижение Антирелигиозной комиссии — разрушение Церкви совершалось руками православного митрополита, заверившего паству, что остается верен заветам патриарха Тихона. Уже в 1928 году, согласно решению Антирелигиозной комиссии, в месячный срок были закрыты немногие оставшиеся монастыри, а с февраля 1929 началось повальное снятие колоколов со всех храмов. К 1937 году в СССР, опять-таки согласно решению Антирелигиозной комиссии, должны были исчезнуть все храмы, молитвенные дома и даже внешние виды религии.

Но вернемся к Обращению соловецких епископов. Они предлагали государству строить отношения с Церковью на иной основе, нежели прежде: «Свое собственное отношение к государственной власти Церковь основывает на полном и последовательном проведении в жизнь принципа раздельности Церкви и государства. Она не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участия в деяниях, направленных к этой цели, она никогда не призывает к оружию и политической борьбе, она повинуется всем законам и распоряжениям гражданского характера, но она желает сохранить в полной мере свою духовную свободу и независимость, предоставленные ей Конституцией, и не может стать слугой государства»⁶. Последнее предложение — буквальная цитата патриарха Тихона, часто повторявшего в последний год своей жизни: «Я не могу отдать Церковь в аренду государству». Быть может, эта скрытая цитата продиктована архиепископом Иларионом (Троицким), близким сподвижником покойного пат-

риарха, томившимся в 1926 году на Соловках. Соловецкие епископы прекрасно понимали: «Лояльности Православной Церкви Советское государство не верит. Оно обвиняет ее в деятельности, направленной к свержению нового порядка и восстановлению старого. Мы считаем необходимым заверить правительство, что эти обвинения не соответствуют действительности. В прошлом, правда, имели место политические выступления Патриарха, дававшие повод к этим обвинениям, но все изданные Патриархом акты подобного рода направлялись не против власти в собственном смысле. Они относятся к тому времени, когда революция проявляла себя исключительно со стороны разрушительной, когда все общественные силы находились в состоянии борьбы, когда власти в смысле организованного правительства, обладающего необходимыми орудиями управления, не существовало»⁷.

Сегодня с печалью перечитываем эти строки, потому что послания патриарха Тихона времен Гражданской войны абсолютно точно соответствуют духу и букве Священного Писания. Его голос в эти смутные годы звучал с подобающей его сану силой — он не только обличал сограждан, потерявших человеческий облик, но и поддерживал тех, кто потерял духовные и нравственные ориентиры в братоубийственной бойне. Кажется странным, что после освобождения в 1923 году Святейший патриарх, а после его смерти митрополит Сергей почитали необходимым или отмежеваться от этих выступлений, или же каким-то образом оправдывать их. В Обращении соловецких епископов необходимость посланий патриарха объясняется многовековыми традициями: «Проникнутая своими государственными и национальными традициями, унаследованными ею от своего векового прошлого, Церковь в эту критическую минуту народной жизни выступила на защиту порядка, полагая в этом свой долг перед народом. Но в этом случае она не разошлась со своим вероучением, требующим от нее послушания гражданской власти, ибо Евангелие обязывает христианина повиноваться власти, употребляющей свой меч во благо народа, а не анархии, являющейся общественным бедствием»⁸.

Соловецкие епископы указывали на голословность обвинений со стороны властей: «Со времени издания его (речь идет о воззвании патриарха Тихона 1923 года, в котором он говорит о признании Советской власти и о лояльности Церкви — С.Б.) нельзя указать ни одного судебного процесса, на котором было бы доказано

участие православного клира в деяниях, имевших своей целью ниспровержение Советской власти. Епископы и священнослужители, в таком большом количестве страждущие в ссылке, тюрьмах или на принудительных работах, подверглись этим репрессиям не по судебным приговорам, а в административном порядке, без точно сформулированного обвинения, без правильно расследованного дела, без гласного судебного процесса, без предоставления им возможности защиты, часто даже без объяснения причин, что является бесспорным доказательством отсутствия серьезного обвинительного материала против них»⁹.

И тем не менее, соловецкие епископы не протестовали против Конституции, которая дискриминационно лишила всех священнослужителей избирательных прав: «Основной закон нашей страны устраняет Церковь от вмешательства в политическую жизнь. Служители культа с этой целью лишены как активного, так и пассивного избирательного права, и им запрещено оказывать влияние на политическое самоопределение масс силою религиозного авторитета. Отсюда следует, что Церковь, как в своей открытой деятельности, так и в своем интимном пастырском воздействии на верующих, не должна подвергаться критике или порицанию гражданские мероприятия правительства, но отсюда вытекает и то, что она не должна и одобрять их, т.к. не только порицание, но и одобрение правительства есть вмешательство в политику, и право одобрения предполагает право отрицания или хотя бы право воздержания от одобрения, которое всегда может быть понято как знак недовольства и неодобрения...»¹⁰ Перечитывая Декларацию митрополита Сергия, мы вновь натываемся на скрытую полемику: «...Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому (имеется в виду недавнее убийство посла Войкова — С.Б.), сознается нами как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза «не только из страха, но и по совести», как учил нас Апостол (Рим., 13, 5). И мы надеемся, что с помощью Божией, при вашем общем содействии и поддержке эта задача будет нами разрешена»¹¹. Именно эти строки Декларации вызвали всеобщее возмущение и

неприятие как в России, так и за рубежом. Более того, с этого момента саму Декларацию стали издевательски называть «ваши радости — наши радости». Многие современники описываемых событий живо помнили осторожность Обращения соловецких епископов по отношению к проблеме Церковь — государство. Как можно быть полноправным гражданином государства, которое лишило христиан элементарных гражданских прав? Лояльность и верноподданность отстоят друг от друга так же далеко, как север от юга.

Сознательно декларируя отстраненность Церкви от участия в политике, соловецкие епископы требовали от правительства полного невмешательства во внутреннюю жизнь Церкви: «Совершенное устранение Церкви от вмешательства в политическую жизнь в Республике с необходимостью влечет за собой и Ее уклонение от всякого надзора за политической благонадежностью Своих членов (на этом неоднократно настаивал Тучков — он полагал, что политический сыск и доносительство духовенства должны стать нормой. С момента конкордата между Церковью и государством в 1943 году эта практика повсеместно, но не всегда успешно внедрялась государством — С.Б.). В этом лежит глубокая черта различия между Православной Церковью и обновленческим расколом, органы управления которого и его духовенство, как это видно из их собственных неоднократных заявлений в печати, взяли на себя перед правительством обязательство следить за лояльностью своих единомыслителей, ручаться в этом отношении за одних и отказывать в поручке другим. Православная Церковь считает сыск и политический донос совершенно несовместимым с достоинством пастыря. Государство располагает специальными органами наблюдения, а члены Церкви, Ее клир и миряне ничем не отличаются в глазах современного правительства от прочих граждан и потому подлежат политическому надзору в общем порядке. (Христиане в Советском государстве были поставлены вне закона наряду с «кулаками», «троцкистами», «бывшими» — все они считались «лишенцами», поскольку лишены были права голосовать. — С.Б.) Из этих принципов вытекает недопустимость церковного суда по обвинению в политических преступлениях»¹².

Антирелигиозная комиссия постоянно настаивала на том, чтобы Русская Церковь и ее руководство резко осуждали, вплоть до предания церковному суду (который, несмотря на решение По-

местного Собора, так и не был создан — С.Б.) зарубежных епископов, находившихся в ее юрисдикции. Этому требованию воспротивился еще патриарх Тихон, поскольку предание епископа суду требует тщательного разбора обстоятельств, опроса свидетелей, а это все было невозможно, поскольку СССР уже в те годы становился закрытым обществом. Невозможно было покинуть страну, тем более нельзя было вызвать зарубежного епископа для суда в Москву. Это означало бы предание его в руки властей. Соловецкие епископы напоминали: «В качестве условий легализации церковных учреждений представителем ОГПУ неоднократно предъявлялось Патриарху Тихону и его заместителям требование доказать свою лояльность по отношению к правительству путем церковного осуждения русских епископов, действующих за границей против Советской власти. Исходя из изложенных выше принципов, мы не можем одобрить обращения церковного амвона и учреждений в одностороннее орудие политической борьбы, тем более что политическая заинтересованность зарубежного епископата бросает тень на представителей Православной Церкви в пределах СССР, питает недоверие к их законопослушности и мешает установлению нормальных отношений между Церковью и государством. Тем не менее, мы были бы поставлены в большое затруднение, если бы от нас потребовали выразить свое неодобрение в каком-нибудь церковном акте судебного характера, т.к. собрание канонических правил, как было сказано, не предусматривает суда за политические преступления»¹³. Соловецкие исповедники не оставили без внимания ни одного из тех требований, которые выдвигали большевики. Они ответили развернуто и с богословской точки зрения аргументированно, потребовав, в свою очередь, от власти, чтобы она не чинила препятствий в деле выборов патриарха и нормализации церковной жизни.

Обращение завершается вполне конкретными требованиями, которые большевики не рассчитывали услышать из уст бесправных и униженных нечеловеческими условиями концлагеря заключенных. Дух епископов оказался несломленным: «Всецело подчиняясь этому закону (имеется в виду Конституция — С.Б.), Церковь надеется, что и государство добросовестно исполнит по отношению к Ней те обязательства по сохранению Ее свободы и независимости, которые в этом законе оно на себя приняло. Церковь надеется, что не будет оставлена в этом бесправном и стесненном по-

ложении, в котором Она находится в настоящее время, что законы об обучении детей закону Божию и о лишении религиозных объединений прав юридического лица будут пересмотрены и изменены в благоприятном для Церкви направлении, что останки святых, почитаемых Церковью, перестанут быть предметом кощунственных действий и из музеев будут возвращены в храм. Церковь надеется, что Ей будет разрешено организовать епархиальное управление, избрать Патриарха и членов Священного Синода, действующих при нем, созывать для этого, когда Она признает это нужным, епархиальные съезды и Всероссийский Православный Собор. Церковь надеется, что правительство воздержится от всякого гласного или негласного влияния на выборы членов этих съездов (Собора), не стеснит свободу обсуждения религиозных вопросов на этих собраниях и не потребует никаких предварительных обязательств, заранее предрешающих их будущих постановлений. Церковь надеется также, что деятельность созданных таким образом церковных учреждений не будет поставлена в такое положение, при котором назначение епископов на кафедры, определения о составе Священного Синода, им принимаемые решения проходили бы под влиянием государственного чиновника, которому, возможно, будет поручен политический надзор за ними»¹⁴.

Соловецкие епископы не были кабинетными мечтателями — они прекрасно понимали, с каким государством им приходится иметь дело. Уже при вступлении на соловецкую землю они слышали грозное предупреждение начальников: «Там власть Советская, а здесь Соловецкая!» На них обрушивались побои, унижения, обыски, бессудные расстрелы, голод, тяжелый физический труд, карцеры, но не могли предположить, что в то самое время, когда они ожидали ответа правительства на свое Обращение, митрополит Сергей готовил свою Декларацию, совершенно иную по духу и букве: «...Ныне жребий быть временным Заместителем Первосвященителя нашей Церкви опять пал на меня, недостойного митрополита Сергия (Страгородского), а вместе со жребием пал на меня и долг продолжать дело Почившего (речь идет о патриархе Тихоне — С.Б.) и всемерно стремиться к мирному устройению наших церковных дел. Усилия мои в этом направлении, разделяемые со мною и Православными архиереями, как будто не остаются бесплодными: с учреждением при мне Временного Патриаршего Священного Синода укрепляется надежда на приведение всего нашего

церковного управления в должный строй и порядок, возрастет и уверенность в возможности мирной жизни и деятельности нашей в пределах закона. Теперь, когда мы почти у самой цели наших стремлений, выступления зарубежных врагов не прекращаются: убийства, поджоги, налеты, взрывы и им подобные явления подпольной борьбы у нас всех на глазах. (Можно подумать, что Русская Православная Церковь имела ко всему этому какое-то отношение. Это было начало раздувания Сталиным истерии всероссийского масштаба и поиска врагов. — С.Б.) Все это нарушает мирное течение жизни, создавая атмосферу взаимного недоверия и всяческих подозрений. Тем нужнее для нашей Церкви и тем обязательнее для всех нас, кому дороги Ее интересы, кто желает вывести Ее на путь легального и мирного существования, тем обязательнее для нас теперь показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством»¹⁵.

Высшей ценностью для митрополита Сергия на тот момент оказалось создание Временного Патриаршего Священного Синода — единого церковного центра, который, по мнению его главы, способен осуществить нормальную жизнедеятельность Церкви: «Ходатайство наше о разрешении Синоду начать деятельность по управлению Православной Всероссийской Церковью увенчалось успехом. Теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление, а мы надеемся, что легализация постепенно распространится и на низшее наше церковное управление: епархиальное, уездное и т.д. Едва ли нужно объяснять значение и все последствия перемены, совершающейся таким образом в положении нашей Православной Церкви, Ее духовенства, всех церковных деятелей и учреждений... Вознесем же наши благодарственные молитвы ко Господу, тако благоволившему о святой нашей Церкви. Выразим всенародно нашу благодарность и Советскому Правительству за такое внимание к духовным нуждам Православного населения, а вместе с тем заверим Правительство, что мы не употребим во зло оказанного нам доверия»¹⁶. Этот пассаж Декларации — продолжение полемики с обращением соловецких епископов. Они подчеркивали, что создание и признание государством единого церковного центра желательно, но не обязательно: «...Если предложения Церкви будут признаны приемлемыми, Она

возрадуется о правде тех, от кого это будет зависеть. Если ходатайство будет отклонено, Она готова на материальные лишения, которым подвергается, встретит это спокойно, памятуя, что не в целостности внешней организации заключается Ее сила, а в единении веры и любви преданных Ей чад, наипаче же возлагает Свое упование на непроборимую мощь Ее Божественного Основателя и на Его обетование о неодолимости его создания»¹⁷. Соловецкие епископы отдавали отчет в опасности создания церковного центра на условиях полного его подчинения большевистскому обер-прокурору. Поэтому они не настаивали на создании и легализации Священного Синода, ставя прежде всего перед Церковью максимальную задачу: созыв Собора и выборы патриарха. Существование Синода и его легализация были для них лишь одним из возможных путей существования Церкви в условиях гонений.

Сегодня кажется странным, что митрополит Сергей включил в состав Синода двух архиереев — митрополита Арсения (Стадницкого) и архиепископа Севастиана (Вести) — без их согласия. Митрополит Арсений в 1927 году находился в ссылке в Ташкенте, продолжая числиться Новгородским, но реально никакой кафедры не занимал и позиции митрополита Сергия по отношению к властям не разделял. Поскольку митрополит Арсений был одним из кандидатов на патриарший престол в 1917 году, ученым монахом и достаточно гибким церковным политиком, Тучков решил подсластить пилюлю — он настоял на том, чтобы митрополит Арсений был введен в состав Синода. Указание на то, что он вошел в состав Синода, должно было убедить верующих, что столь авторитетный человек, как митрополит Арсений, поддерживает политику митрополита Сергия.

В своих воспоминаниях Н.Ю. Фиолетова свидетельствует, что в 1927 году митрополит Арсений находился в оппозиции к митрополиту Сергию. Примирение якобы произошло уже после 1930 года. Тучков вел переговоры и с митрополитом Арсением, и с архиепископом Севастианом, подпись которого есть под другими документами Синода, созданного митрополитом Сергием. Однако вряд ли архиепископ Севастиан (Вести) всецело разделял взгляды митрополита Сергия — он был арестован уже в 1929 году. Состав Синода на протяжении года, протекшего со дня опубликования Декларации, претерпел существенные изменения. Подписи под Декларацией митрополита Арсения (Стадницкого) нет. Долгими и порою

безуспешными переговорами с представителями АРК объясняется то обстоятельство, почему столь длительный период прошел с момента направления Декларации правительству до ее публикации в печати. Подавляющее большинство епископата не верило в то, что большевистское государство может быть честным партнером. За 10 лет своего существования Советское правительство успело доказать обратное — Конституция и законы оставались пустым звуком, в стране царил произвол ГПУ, и часть епископата догадывалась, что большевики готовят новые репрессии не только против Церкви, но и против своего народа.

Едва ли не первыми откликнулись на Декларацию митрополита Сергия соловецкие епископы. Их отклик датирован 27 сентября 1927 года. Одобряя факт обращения митрополита Сергия к Советскому правительству и его стремление нормализовать отношения между Церковью и государством, соловецкий епископат (осенью 1927 года в Соловецком концлагере находилось 17 епископов, немало духовенства и мирян) во второй половине отклика высказывает резкое несогласие с позицией митрополита Сергия: «...Но мы не можем принять и одобрить послания в его целом, по следующим соображениям:

а) В абзаце 7 мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категоричной и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и государства...

б) Послание приносит правительству «всенародную благодарность за внимание к духовным нуждам православного населения». Такого рода выражение благодарности в устах Главы Русской Церкви не может быть искренним и потому не отвечает достоинству Церкви...

в) Послание Патриархии без всяких оговорок принимает официальную версию и всю вину в прискорбных столкновениях между Церковью и государством возлагает на Церковь...

г) Послание угрожает исключением из клира Московской Патриархии священнослужителям, ушедшим с эмигрантами, за их политическую деятельность, т.е. налагает церковное наказание за политические выступления, что противоречит постановлению Всероссийского Собора 1917—1918 гг. от 3 (16) августа 1918 г., разъяснившего всю каноническую недопустимость подобных кар и реабилитировавшего всех лиц, лишенных сана за политические пре-

ступления в прошедшем (Арсений Мациевич, священник Григорий Петров).

4. Наконец, мы находим послание Патриаршего Синода неполным, недоговоренным, а потому недостаточным...»¹⁸

Находившийся в это время в Соловецком концлагере епископ Прилуцкий Василий (Зеленцов), выступивший с безоговорочной поддержкой митрополита Сергия в 1926 году, когда он вынужден был бороться с «григорианском» расколом, счел необходимым высказать особое мнение относительно Декларации: «...К сожалению, эта попытка митрополита Сергия и его Св. Синода не только не дала нам еще Христова мира с большевиками, но пока не дает и надежды на такой мир, и то не по одному лишь упорству большевиков во вражде к Православной Церкви, но и потому, что попытка митрополита Сергия и его Синода начата ими и движется вперед не по каноническим рельсам, следовательно, не по пути церковной правды. Есть еще и другие недочеты в ней с церковной точки зрения, о которых скажем в другой раз, если Бог даст возможность сказать. Требуется немедленно ввести эту попытку митрополита Сергия и его Св. Синода в каноническое русло церковной правды и прежде всего заявить большевикам, что только Всероссийский Поместный Собор православных епископов (одних или с расширенным участием клириков и мирян в форму общецерковного Всероссийского Собора) вправе говорить о политике и совершать какую-либо политическую деятельность от имени нашей Церкви...»¹⁹ Среди откликов современников на Декларацию митрополита Сергия помещены на первое место мнения и суждения соловецких епископов. Именно их еще в начале 20-х годов патриарх Тихон признал первенствующими как мучеников и исповедников, как в первохристианские времена.

Высказали свое мнение и епископы, оставшиеся на свободе. В октябре 1927 года высказались украинские епископы, еще в 1926 году поддержавшие митрополита Сергия в его борьбе с «григорианским» расколом: «...Раз Местоблюститель жив, то, естественно, его Заместитель не может без согласия с ним предпринимать никаких существенных решений, а должен только охранять и поддерживать церковный порядок от всяких опасных опытов и уклонений от твердо намеченного пути. Митрополит Сергий, «сторож» Русской Церкви, не имеет права без санкции митрополита Петра и сонма русских иерархов... декларировать и предпринимать ответ-

ственнейшие решения, которые должны определить жизнь церковного организма в каждой клеточке его. Наличие при митрополите Сергия так называемого «Временного Синода» не изменяет положения: «Синод» митрополита Сергия организован совершенно не так, как предполагает Постановление Московского Собора 1918 г., он не избран соборно, не уполномочен епископатам, потому он не может и считаться представителем епископата при митрополите Сергии. Он поставлен самим митрополитом Сергием и потому является, собственно говоря, как бы его личной канцелярией, частным совещанием при нем. Все это говорит за то, что, поскольку Заместитель Местоблюстителя декларирует от лица всей Церкви и предпринимает ответственные решения без согласия Местоблюстителя и сонма епископов, он явно выходит за пределы своих полномочий...»²⁰ В этом отклике, известном как «Киевское воззвание», точно определены не только границы полномочий митрополита Сергия («сторож» Русской Церкви), но и существенные ошибки, допущенные им. Первая Декларация не была согласована с митрополитом Петром, местоблюстителем патриаршего престола. Именно поэтому митрополит Кирилл (Смирнов) считал, что митрополит Сергий узурпировал церковную власть, и называл его «узурпатором». На самом деле митрополит Сергий вместе с АРК назначил членов Синода, который сразу же стал распадаться. Уже в следующем году пришлось вводить в его состав новых членов. Непонятно, чьи интересы призван был защищать назначенный таким образом Синод.

Декларация митрополита Сергия не внесла умиротворения в Русскую Церковь, напротив, усилила соблазны и разделения. 90% православных приходов вернули Декларацию митрополиту Сергию. Первой жертвой Тучкова стал митрополит Иосиф (Петровых), назначенный митрополитом Сергием на Ленинградскую ка-

Будущий епископ Гловский
Димитрий (Любимов)

федру, но не успевший доехать до Ленинграда. По указанию Тучкова митрополит Сергий был вынужден перевести митрополита Иосифа на Одесскую кафедру. Он отказался подчиниться этому указу. В конце 1927 года возник очередной раскол, позже получивший название «иосифлянского». 21 октября 1927 года митрополит Сергий издал указ за № 549, в котором предписывает епископам и духовенству поминать на литургии властей и не поминать епархиальных архиереев, находящихся в тюрьмах и ссылках. Это были первые зримые плоды сотрудничества с АРК. 12 декабря 1927 года представители духовенства и мирян Ленинграда во главе с vicарным епископом Димитрием (Любимовым) пришли на прием к митрополиту Сергию. Сохранилась запись длительной (два с половиной часа) беседы, во время которой митрополит Сергий читал письма епископата, духовенства и мирян, отвечая на вопросы делегатов:

Митр. Сергий: «А молитва за ссыльных и в тюрьмах находящихся исключена потому, что из этого делали политическую демонстрацию».

Мы: «А когда, Владыко, будет отменена 9-я заповедь блаженства, ведь ее тоже можно рассматривать как демонстрацию?»

Митр. Сергий: «Она не будет отменена, это часть литургии!»

Мы: «Так и молитва за ссыльных тоже часть литургии! Мы пришли не спорить к Вам, а заявить от многих, пославших нас, что мы не можем, наша религиозная совесть не позволяет нам принять тот курс, который Вы проводите. Остановитесь, ради Христа, остановитесь!»

Митр. Сергий: «Эта ваша позиция называется исповедничеством. У вас ореол...»

Мы: «А кем должен быть христианин?»

Митр. Сергий: «Есть исповедники, мученики, а есть дипломаты, кормчи, но всякая жертва принимается! Вспомните Киприана Карфагенского».

Мы: «Вы спасаете Церковь?»

Митр. Сергий: «Да, я спасаю Церковь!»

Мы: «Церковь не нуждается в спасении, а Вы сами через Нее спасаетесь».

Митр. Сергий «Ну, да, конечно, с религиозной точки зрения бессмысленно сказать: «Я спасаю Церковь», но я говорю о внешнем положении Церкви»²¹.

В православном богословии до сих пор популярна теория симфонии — мирного и равноправного сосуществования Церкви и государства. На протяжении веков эта теория неоднократно вспоминалась в самые различные периоды русской истории. Фальшивая и антихристианская по своей сути — достаточно вспомнить слова Христа о предназначении Церкви, — она оказалась весьма живучей. В письме к духовному чаду архиепископ Иларион (Троицкий) 4 ноября 1927 года сообщал: «...Церковные события последних недель не являются ли подтверждением этих предчувствий? То жуткое, что предощущалось душой 2—3 года тому назад, не придвинулось ли к нам вплотную с вторичным вступлением митрополита Сергия в управление Русской Православной Церковью?»

Вызавшее многообразные и вполне заслуженные отрицательные критики послание митрополита Сергия и его Синода не бросило ли возглавляемую им церковную организацию в омерзительные, прелюбодейные объятия атеистической, богохульной и христорборной (антиХристовой) власти (разнообразные эпитеты, прилагаемые мною к советской власти, я употребляю не в ругательном, а в существенном, строго определенном смысле — *а.И.*) и не внесло ли страшное нечестие в недра нашей Церкви? ...В результате этой симфонии богоборной власти и православной законной иерархии получают уже некие «благие» плоды: епископы (правда, далеко не высшего качества и не очень «виновные») возвращаются из ссылок (правда, не далеких) и поставляются на епархии (правда, не на те, с которых были изгнаны), при исполняющем обязанности Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии имеется Синод (правда, похожий скорее на обер-прокурорскую канцелярию) из законных иерархов (правда, большей частью «подмоченных», т.е. весьма в церковном отношении скомпрометированных своей давнишней и прочной ориентацией на безбожное ГПУ, да и не этим одним), имя митрополита

Архиепископ Иларион
(Троицкий)

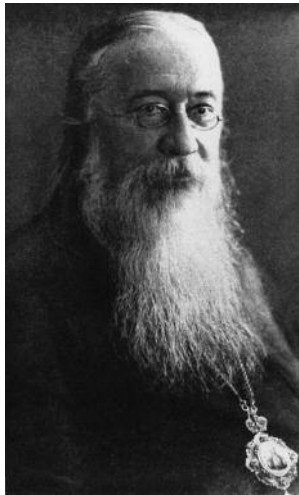
Сергия произносится всеми как имя действительного кормчего Русской Церкви, но, увы! имя это является фальшивой монетой, так как фактически распорядителем судеб Русской Церкви и Ее епископов, как гонимых, так и протезируемых, т.е. милуемых и поставляемых на кафедры (последнее особо печально!) является нынешний обер-прокурор «Православной Русской Церкви» Евгений Александрович Тучков. (Всего этого не осмелится отрицать митрополит Сергий, явившийся несчастным инициатором, вернее, орудием чудовищного замысла осоюзить Христа с Велиаром — *а.И.*)»²².

Это письмо написано из Соловецкого концлагеря и проникнуто глубокой горечью. Архиепископ Иларион пророчески предвидел плоды соглашательства церковного руководства с богорбеческим государством. Далее в письме он прибегает к апокалиптическим образам, прилагая их к переживаемому времени. Конец 1927 года был полон возмущенными посланиями самых различных представителей верующих — епископата, духовства, бывших профессоров духовных академий, мирян к митрополиту Сергию. Тональность и содержание их были схожи — они содержали просьбы, а иногда и требования разорвать противоестественный союз с государством. Однако митрополит Сергий твердо придерживался тех обязательств, которые были взяты им во время заключения.

1927 год завершился еще одним посланием митрополита Сергия, которое вместе с ним подписали члены Синода, правда, в измененном составе. Декларацию часто отсылали обратно в Москву, расколы множились, поэтому митрополит Сергий попытался еще раз обосновать избранный им путь: «...В административном отделении от нас хотят быть лишь те, кто не может отрешиться от представления о христианстве как силе внешней и торжество христианства в мире склонен видеть лишь в господстве христианских народов над нехристианскими. Начало упорядочения церковных дел очевидно. Однако церковная разруха все же велика, и нужны, может быть, несколько лет совокупных усилий всех нас: и Синода, и Архипастырей, и клира, и мирян, чтобы разрушенное восстановить, собрать рассеянное, обманутых убедить, заблудших вразумить, и все это, если Господь примет наши покаянные молитвы и увенчает успехом наши старания. К таким молитвам и к такой совместной и единомушной деятельности мы призывали вас, возлюбленные отцы, братие и сестры, нашим первым посланием,

призываем и теперь. Но чтобы совместная наша деятельность имела успех, необходимо между нами взаимное доверие, а его-то именно и стараются всячески подорвать некоторые, кто злонамеренно, кто по недомыслию, не желая понять, что они работают на разрушение Церкви»²³.

Митрополит Сергей уговаривал своих оппонентов и паству обратить внимание на апостольское преемство единомышленных с ним архиереев, на православие своего Синода, на то, что никаких нововведений он не предпринимает: «...уже в первом послании (имеется в виду Декларация – С.Б.) мы ясно и определенно выразили нашу волю «быть православными», и от этого своего решения мы ни на йоту не отступили и, Богу поспешествуя, не отступим и впредь... Забота о спасении души естественно порождает во всех нас боязнь, как бы не утратить союза со Христом, как бы не оказаться вне спасительного ковчега Св. Его Церкви. Эта боязнь внушает нам особую осторожность при встрече со всяким новым церковным явлением, осторожность, нужно сказать, вполне оправдываемую всем тем, что происходит у нас на глазах в церковной жизни в последнее время. Но благоразумная осторожность христианина – совсем не враждебная подозрительность фанатика или фарисея, который уже заранее готов всех, кроме себя, считать предателями... Христианину свойственно бояться, как бы не утратить союза со Христом, но боязнь эта не переходит у него в слепую панику, в растерянную напуганность, готовую бежать за всяким, кто только имеет смелость сказать, что только он один православен и что только у него Христос. Ведь во все времена находились люди, увлекающиеся легкой возможностью вести за собой напуганное стадо...»²⁴ Под этим посланием уже нет подписи митрополита Арсения (Стадницкого), а вместо нее – подпись митрополита Михаила (Ермакова), экзарха Украины. В нем не ощущается руки Тучкова – нет советских штампов, но присутствует страх одиночества. В раскол после опубликования

Митрополит Евлогий (Георгиевский). 1930-е гг.

Декларации уходили лучшие епископы, священники и миряне. Не менее тяжелая проблема встала перед зарубежными приходами, которые сохраняли верность Москве.

Митрополит Евлогий (Георгиевский), управлявший зарубежными приходами, вспоминал: «Вскоре после закрытия Епархиального Съезда я отправился на Вселенскую Конференцию в Лозанну. Там я и получил указ № 93 от 14 июля (1927 г.) зам. местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергея, и опять всколыхнулись и забушевали в моей пастве успокоившиеся было политические страсти. Новое тяжкое испытание... Указ обвинял эмигрантское духовенство за открытые выступления против Советской власти и предлагал мне, как управляющему русскими церквями в Западной Европе, и через меня всем заграничным архиереям и священнослужителям дать письменное обязательство (за собственноручной подписью) «лояльности» по отношению к советскому правительству и предписывал немедленно, не дожидаясь этих подписей, доложить заместителю патриаршего местоблюстителя, согласен ли я исполнить это обязательство.

Связь с Матерью Русской Церковью была мне очень дорога. Непримируемой позиции «карловчан», которые после грозного Патриаршего указа (от 22.IV–5.V.1922 г. № 349) скрепя сердце признавали Московскую Патриархию, я не разделял. Мне хотелось, не подчиняясь Советской власти и оставаясь самостоятельным, найти какую-нибудь линию поведения, дабы с Москвой не рвать. С целью выяснения настроений в своей пастве я устроил совещание, в котором приняли участие о. Сергей Булгаков, А.В. Карташев, кн. Г.Н. Трубецкой, М.Н. Гирс, И.П. Демидов и др. Мнения резко разделились. М.Н. Гирс высказался весьма резко против соглашения с м(итрополитом) Сергием, о(тец) Булгаков, Карташев, Демидов... стояли за соглашение. Эти два противоположных мнения отражали настроение моей паствы. Объединенная вокруг меня и мне преданная, она была Указом митрополита Сергея озадачена, встревожена и смущена... Я решил исполнить требование митрополита Сергея не безусловно, а при условии, что термин «лояльность» означает для нас аполитичность эмигрантской Церкви, т.е. мы обязуемся не делать амвона ареной политики, даже если это обязательство облегчит трудное положение родной нашей Матери-Церкви, быть же «лояльными» по отношению к советской власти мы не можем: мы не граждане СССР, и таковыми нас СССР

и не признает, а потому политическое требование с канонической точки зрения для нас необязательно»²⁵.

На первом этапе объяснение митрополита Евлогия устроило митрополита Сергия, хотя отношения между ними оставались весьма напряженными. Уже 3 сентября 1927 года в парижском ежемесячнике «Россия» откликнулся на Декларацию известный русский богослов, проживавший в Софии, Н.Н. Глубоковский: «...Между Церковью и государством, даже советским, должны быть какие-то отношения. Не может быть Церковь только гонимой мученицей. Неверно, что такого положения не бывало раньше: вспомните Византийскую Церковь после взятия Константинополя, там поминали султана. То, что произошло, есть плод взаимных уступок Советской власти и Церкви. Во всяком случае оно означает ликвидацию всяких церковных новообразований (Глубоковский наивно полагал, что после опубликования Декларации государство не только перестанет поддерживать обновленцев и прочих раскольников, но и будет способствовать их ликвидации — С.Б.). Это неполный мир, но, может быть, путь к миру внутри Церкви, пребывающей под советской властью, а также и за рубежом...» Не сомневаясь в подлинности Декларации, Глубоковский считает, что одной из причин появления Декларации является желание митрополита Сергия «...освободить себя от тех бедствий, которые причиняет ему наша политическая «невоздержанность». Он хочет снять с себя ответственность за нас. Заметьте, что в послании нет никаких указаний на возможность прещений, лишения сана или каких-либо других репрессий. Послание преследует, думается мне, благие цели как для Церкви в России, так и для нас, и я не вижу оснований смотреть на него пессимистически. Конечно, требуемую подписку (речь идет о требовании митрополита Сергия дать подписку о лояльности зарубежного епископата и духовенства по отношению к Советской власти — С.Б.) давать невозможно. Как можно обязать не делать того, что «может быть принято» кем-то за нелояльность по отношению к Советской власти, а ведь именно так говорится в послании?»²⁶

Осенью 1927 года в парижской газете «Последние новости» появилась статья Н.А. Бердяева «Вопль Русской церкви». Бердяев всегда стоял особняком, не примыкая ни к каким течениям и партиям. Он был выслан из Советской России в 1922 году, а до этого пережил обыски, допросы, гонения. Он обозначил то различие,

которое существовало тогда и существует поныне между людьми, испытавшими тяжесть большевистских гонений, и теми, кто не знал их: «...Многими в эмиграции послание митрополита Сергия и предъявленное им требование митрополиту Евлогию было воспринято как крик, как приказание, как насилие над совестью. И вот, прежде всего хочется сказать, что внутренний смысл этого послания совсем иной. Понять это до конца могут лишь люди, которые пережили годы в Советской России и потому способны воспринимать события, там происходящие, изнутри, а не извне. В действительности послание митрополита Сергия есть вопль сердца Православной Церкви в России, обращенный к Православной Церкви за рубежом: сделайте, наконец, что-нибудь для нас, для Матери-Церкви, подумайте о нас, облегчите нашу муку, принесите для Русской Церкви хоть какую-нибудь жертву, до сих пор безответственные слова ваших иерархов (Карловацкий Собор и Синод) вели нас в тюрьму, под расстрел, на мученичество, подвергли Православную Церковь в России опасности быть совершенно раздавленной и уничтоженной, да не будет этого больше. Карловацкий Собор был виновником ареста Патриарха и гонений против Церкви. Я был в это время в Москве и знаю, как это воспринималось православными кругами России»²⁷. Полемика «парижан» с «карловчанами» достигла в этот период наивысшей точки. Но вряд ли арест патриарха Тихона был вызван только выступлениями карловчан. Протоколы Антирелигиозной комиссии говорят об обратном. Хотя, конечно, большевики воспользовались выступлениями монархически настроенных епископов, группировавшихся вокруг митрополита Антония (Храповицкого), для арестов и обвинений Русской Церкви в контрреволюции.

Бердяев пытался рассмотреть Декларацию митрополита Сергия в ином свете: «Православная Церковь в России жертвенная совсем в ином смысле и претерпевает нравственное мученичество, неведомое и часто непонятное для церковных кругов эмиграции. Православная Церковь в России в лице своих водительствующих иерархов должна совершать жертву своей видимой красотой и чистотой, она нисходит в мир, находящийся в состоянии смертного греха. Жертва эта совершается во имя спасения Православной Церкви и церковного народа в России, во имя охранения ее в эти страшные годы испытаний... Патриарх Тихон, митрополит Сергий не отдельные, частные лица, которые могут думать только о себе.

Перед ними всегда стоит не их личная судьба, а судьба Церкви и церковного народа как целого. Они могут и должны забывать о себе, о своей чистоте и красоте и говорить лишь то, что спасительно для Церкви. Это есть огромная личная жертва. Ее принес патриарх Тихон, ее приносит митрополит Сергей. Некогда эту жертву принес св. Александр Невский, когда ездил в Ханскую Орду... Православная Церковь не только переживает очищающее Ее мученичество, Она переживает один из величайших моментов Своей исторической судьбы. В кровавых муках освобождается Она от власти царства кесаря. Мы живем в эпоху углубления церковного сознания, очищения Церкви от искажавших Ее исторических наслоений. Разрыв обязательной связи Православной Церкви с самодержавной монархией, которая длинному ряду поколений представлялась абсолютной и почти догматической по своему значению, есть великое благо. Церковь возвышается над царством кесаря. Отсюда бесконечная сложность исторической судьбы Церкви, Ее видимость замаранность. История Церкви полна соглашениями и конкордатами, которые не менее тягостны, чем лояльность в отношении советской власти. Церковь всегда будет стремиться христианизировать всякую природно-историческую среду, всякое общество, всякое государство, всякую культуру, но Она не может признать вполне и окончательно Своей, христианской, никакую природно-историческую среду, никакое государство»²⁸.

Полемизируя с «карловчанами», которые уже в те годы гордились своей «незапятнанностью» (отсюда режущий слух термин Бердяева о «замаранности» Русской Церкви) и чистотой риз, философ уходит от рассмотрения сути Декларации. Он переводит вопрос в иную плоскость, пытаясь рассмотреть его чисто богословски, но все же, как и Глубоковский, вспоминая, как в Константинополе после взятия его турками поминали за богослужением султана, искал исторических аналогий, вспоминая святого Александра Невского. Но и Глубоковский, и Бердяев не отдавали отчета в том, что столкнулись с совершенно иной, ни с чем в истории не сопоставимой, совершенно новой реальностью, которую необходимо осмысливать в ее данности, не прибегая к историческим аналогиям. Глубоко и верно понял суть Декларации А.В. Карташев, выступив 3 сентября 1927 года в той же парижской «России»: «Митрополит Сергей, еще год тому назад блестяще доказывавший в записке Советскому правительству невозможность

для Православной Церкви оказывать ему активные услуги и, очевидно, со всеми читателями покойного патриарха видевший в том его завет, сейчас резко изменил этому принципу и перешел к старому началу – услужению Церкви государству, только в парадоксальной обстановке власти активно антихристианской. Как ни радостно будет массе заблудившихся обновленцев примкнуть к митрополиту Сергию, но всех православных, чтущих заветы патриарха Тихона, гонимых и мучимых советской властью, он не соберет. Как видно из энергичной записки епископов, томящихся в Соловках, они твердо стоят на отделении Православной Церкви от Советского государства. И надо думать, что не все епископы склонны будут легко изменить тому, что исповедовали еще вчера, «переломить себя» по призыву митрополита Сергия. А доверие больших православных масс к ним за эту верность Святейшему патриарху Тихону им также обеспечено»²⁹.

Но особую остроту церковная ситуация приобрела в 1930 году, когда митрополит Сергей выступил перед иностранными журналистами с интервью. Он утверждал, что в СССР нет гонений на Церковь. Митрополит Евлогий вспоминал: «Связь с Московской Патриархией сохранялась, но непрочная, слабая, вот-вот готовая порваться. Каждое мое неосторожное слово подвергалось в Москве критике и осуждению. В течение трех лет между митрополитом Сергием и мною поддерживалась тягостная, безрезультативная полемика. Митрополит укорял меня за нарушение данного ему слова о невмешательстве в политику, а я обвинения опровергал, разъясняя, почему то или иное мое выступление нельзя назвать «политическим» — надо назвать молитвенно-церковным и религиозно-нравственным пастырским воздействием на паству, от которого ни я, ни мое духовенство никогда не отказывались и отказываться не можем. Свою позицию я разъяснял и моей пастве. Так, на общем собрании приходов моей юрисдикции (в Лондоне) 21 марта 1930 года я дал всестороннее разъяснение моей линии поведения и заверил, что «сам не пойду и мою паству не поведу по путям, имеющим хоть какое-либо соприкосновение с Советской властью»³⁰. Летом 1930 года архиепископ Кентерберийский пригласил митрополита Евлогия принять участие в однодневном молении за страждущую Русскую Церковь. Когда же он поехал в Лондон, митрополит Сергей потребовал отчета: «...на каком основании вы позволили себе разъезжать по Англии, призывая к протесту против

СССР?»³¹ Попытка митрополита Евлогия объяснить, что эта молитва не носила характера политического выступления, привела лишь к тому, что митрополит Сергей издал указ от 11 июля 1930 года об увольнении митрополита Евлогия от управления Русской Церковью в Западной Европе. Переписка между двумя митрополитами длилась еще несколько месяцев. Она завершилась тем, что митрополит Евлогий вынужден был обратиться к Константинопольскому патриарху и русские приходы перешли в его юрисдикцию. Парадоксально, но в августе 1926 года, незадолго до ареста, митрополит Сергей писал епископам Феофану и Серафиму о необходимости именно таким образом устраивать жизнь зарубежных приходов.

В полемику в зарубежной прессе довольно длительное время вступал Георгий Федотов. В конце августа 1927 года он лишь ограничился личным письмом к митрополиту Евлогию, в котором сообщал о приезде из России в Париж профессора Бенешевича: «Может быть, он осведомлен о настроениях в Русской Церкви более, чем кто-либо здесь, и мог бы сказать, соответствует ли точка зрения митрополита Сергея церковному общественному мнению. Этим летом как раз из Москвы дошел сюда предостерегающий голос против митрополита Сергея... Для меня неясно: как относиться к шагу митрополита Сергея митрополит Петр и другие исповедники в заточении?»³² Федотов счел возможным выступить лишь после того, как в начале 1930 года появилось интервью митрополита Сергея иностранным журналистам. В первую очередь он поставил проблему понимания эмигрантами того, что происходит в России: «Спорным и трудным для понимания является, собственно, не положение Русской Церкви перед лицом государства, пред лицом врагов, но путь церковного водительства, политика ее верховных иерархов. Правда, сама эта политика может уясниться лишь для того, кто отчетливо представляет себе всю сложность русской жизни. Здесь, в эмиграции, это не легко, это требует внимательного изучения материалов, постоянного пересмотра предвзятых взглядов. Трудно представить себе конкретно ту обстановку полулегальности, в которой живет Церковь. Храмы открыты, но храмы взрываются динамитом. Епископы и священники в торжественных облачениях совершают свое служение у алтаря, и они же тысячами ссылаются в Соловки и Сибирь за это дозволенное законом, открыто совершаемое служение. Конституция и декреты объявляют

свободу совести, но открытое исповедание себя христианином для большинства означает потерю работы, голод, гражданскую смерть»³³. Федотов оказался единственным из российских церковных историков, который ясно отдавал себе отчет в том, что наступила совершенно иная эпоха, которую нельзя, неправомерно сравнивать ни с какой другой: «История говорит нам о том, что в те героические времена (имеются в виду гонения первых трех веков – С.Б.) пламенной веры отступничество в эпоху гонений бывало массовым явлением. Держалось стойко лишь меньшинство, бежавшее, укрывавшееся или в тиши ожидавшее своего часа. И среди этого меньшинства мученичество было единичным, исключительным явлением. Это объясняет общее благоговейное почитание мучеников, с самого момента их славной кончины, а часто даже и при жизни. С прекращением гонения начинается возврат в Церковь падших и слабых, которые принимаются через публичное покаяние. Русская Церковь дала Христу тысячи мучеников, особенно в первые годы революции. Гонения воспламенили веру и ревность избранного меньшинства. Давно Русская Церковь не знала такого цветения святости, как в наши дни. Мы все с любовью и надеждойзираем на чистую кровь новых мучеников, это «семя Церкви», по слову древнего отца»³⁴.

Но Федотов говорит о существенном отличии нового времени от первохристианских времен: «И однако, при сравнении нашей эпохи с древнехристианской, не может не поражать один факт: крайняя и всеобщая терпимость по отношению к отступничеству. Если бы к современной России применить древнюю строгость, мало кто мог бы считать себя членом Церкви. В России не требуют воскурения фимиамы, но требуют на каждом шагу отречения от Бога. От учителя – атеистической пропаганды в школе, от артиста и художника – участия в безбожных спектаклях, изданиях, плакатах и проч., от всех советских служащих и рабочих – участия в процессиях под знаменами с кощунственными и антихристианскими лозунгами. Наконец, почти каждый рабочий и служащий должен быть членом профессионального союза, и на его профсоюзной книжке написано, что он входит в состав III Интернационала, принципиально атеистическая доктрина которого всем известна. С точки зрения Древней Церкви почти все православные граждане СССР libellatici, а многие и traditores (почти все священнослужители), выдавшие врагам церковные святыни. Удивительно не

то, что масса людей под угрозой голодной смерти совершает кощунственные акты, но то, что совершают их верующие, церковные люди, которые и не помышляют хотя бы временно выйти из состава церковного общества или искупить свое публичное отступничество публичным покаянием. И если мы склонны извинить несчастных невольных демонстрантов, то уже с ужасом думаем о профессорах и педагогах, которые ходят в церковь и читают материалистические и атеистические лекции, или о набожных актерах, которые на подмостках глумятся над Христом. Это вещи, которые не могут быть ничем и никогда оправданы, извинены, а только прощены, при условии раскаяния. Самая возможность их свидетельствует о глубокой деморализации, которая господствует в России, верующей и неверующей, а с другой стороны — об утрате символического сознания. Символ — знак, внешне выражение веры, исповедание ее перестает казаться вещами важными. Лишь бы иметь Бога в душе. Но это презрение к символу таит большие догматические опасности и вместе с тем угрозу для единства и крепости церковного тела»³⁵.

Анализируя последние послания патриарха Тихона, Федотов отмечает важную особенность: «И, однако, при всем благоговении к личности почившего патриарха и признании его правды, можно указать одну слабую сторону его дела, в которой лежат зародыши грядущих тяжелых падений. Та форма, в которую патриарх облек свои исторические акты 1923 и 1925 года, мучительно не соответствовала их подлинному церковному значению. Изложенные советским стилем, быть может, продиктованные в советских канцеляриях (поражаешься глубине прозрения и точности формулировок! — С.Б.) акты эти с внешней стороны были унижительны для Церкви. Патриарх не допускал в них никакой лжи, но между его мыслью и словом было, несомненно, большое качественное несоответствие. Церковное общество, которое сначала не хотело признавать подлинности этих актов, скоро привыкло к ним, закрывало глаза на их форму, прощало ее из глубокого уважения к патриарху. Трудно судить теперь, насколько эта форма была неизбежна: удовлетворились бы враги заявлениями, облеченными в более достойные, церковно оправданные слова? Возможен вопрос: не сказался ли здесь общий в России нашего времени недостаток чувства слова, символа, формы, о котором мы говорили выше? Слишком легко относятся к сказанному слову, еще легче к напечатанному, к

советскому, газетному, которому привыкли не верить. Патриарх, несомненно, знал, что впечатление от напечатанных его слов будет невелико, и эта малость общественного впечатления облегчала ему его тяжелый компромисс. Эта форма, или, вернее, это отсутствие формы, было жертвой, было унижением и, если говорить церковно, — точно было грехом: малым грехом, который патриарх принял на свою святую совесть для спасения своего народа. Грех этот прощен ему на земле — верим, прощен и на небесах. Но свойство каждого ничтожного греха — оставлять за собой след: быть источником новых искушений, новых соблазнов»³⁶.

Когда Федотов осторожно утверждает, что в последних посланиях патриарха не было «никакой лжи», это не так. «Злонамеренные люди», якобы толкавшие его на противостояние властям во время Гражданской войны, о которых патриарх упоминает в посланиях 1923 года, вряд ли на самом деле были злонамеренными. Можно ли отнести к таким злонамеренным людям ближайшее окружение патриарха — архиепископа Илариона (Троицкого), других епископов и духовенство? Тональность посланий 1923 года резко отличается от Посланий последнего года жизни, когда патриарх Тихон вполне осознавал значимость сказанного и печатного слова. Но Федотов точно отмечал свойство лжи: малая ложь влечет за собой большую. Стремясь обосновать основные положения своей Декларации, митрополит Сергей ссылаясь на эти вынужденно подписанные патриархом послания 1923 года и на предсмертное завещание, подлинность которого весьма и весьма спорна.

Федотов тонко почувствовал и определил суть складывающихся взаимоотношений между митрополитом Сергием и АРК: «Митрополит Сергей, как и Петр, первый местоблюститель патриаршего престола, продолжал церковную политику патриарха. По отношению к Советской власти она сводилась к им формулированной, на не совсем церковном языке, лояльности. Лояльность означала средний путь между обновленчеством, принявшим и благословившим коммунистическую революцию, и карловацким отколом, стоявшим за церковно-политическую контрреволюцию. Несмотря на некоторые трения, которые митрополит Сергей встретил среди иерархии (митрополит Агафангел, потом «григорьевцы»), его церковное руководство нашло одобрение со стороны огромного большинства верующих и, что особенно важно, со стороны исповедников (соловецкая группа), которым естественно принадле-

жит право блюсти церковную чистоту. (Недостаточная информированность Федотова в данном случае подвела его. Митрополита Сергия действительно поддержали в борьбе с «григорианским» расколом, но почти единодушно, включая соловецких епископов, отвергли Декларацию. — С.Б.) Опираясь на поддержку общецерковного мнения, митрополит Сергий вел деятельные переговоры с властью, целью которых была легализация Православной Церкви, ее центральных и местных учреждений, духовной школы и печати. Летом 1927 года появилась Декларация митрополита Сергия, которая имела целью купить у власти эти уступки. Документ этот, имеющий длительную предысторию, представляет странную и соблазнительную смесь чисто церковных, оправданных жизнью и опытом патриарха Тихона формулировок и политических выпадов, грубость которых заставляет предполагать их источник в казенных перьях ГПУ. Лояльность, о которой говорит здесь митрополит, понимается им, в сущности, как новый союз Церкви с властью принципиально-атеистической и не прекратившей ни на минуту гонения на Церковь»³⁷. Федотов нашел точное определение сущности новых отношений между Церковью и государством. Сегодня мы бы назвали их рыночными. Митрополит Сергий сделал определенные уступки Тучкову, а взамен попросил его в своем заявлении в ОГПУ от 7 октября 1927 года об амнистии заключенных и ссыльных епископов. Но ОГПУ не собиралось выполнять своих обещаний. Более того, репрессии против епископата, не согласного с Декларацией, усиливались.

XIV. ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Грустно, что он (митрополит Сергий) и его друзья взялись за спасение хозяйства (Церкви), забывши, что они сами спасаются хозяйством и в хозяйстве. Они забыли, что Основатель хозяйства имеет на то все права, а они уже лишили Его этого права, усумнились в Его возможности спасти хозяйство — почти последнее за простое смиренное учреждение. Это уже ниспровержение того Высшего достоинства, которое принадлежало только одному Основателю нашего хозяйства. Это уже не только ересь, это отступничество от нашего Основателя...

Из письма архиепископа Серафима (Самойловича) архимандриту Неофиту (Осипову). 1933 год

Митрополит Кирилл (Смирнов) был назван первым в завещании патриарха Тихона, составленном еще в годы Гражданской войны, как возможный местоблюститель в случае смерти или ареста патриарха. После тайных выборов 1926 года большинством российских православных он почитался как предстоятель Русской Церкви. Карьера митрополита Петра была слишком стремительной. За несколько лет он проделал путь от мирянина до митрополита. Он не служил на приходе, не знал всех тонкостей епископского служения. Многих отталкивал его сложный, порою капризный характер. Митрополит Кирилл начинал как приходской священник. Пережил семейную трагедию. Был епископом в тяжелые годы войны в самой отдаленной и сложной епархии. Он никогда не кривил душой в отношениях с большевиками, захватившими власть. Его духовный авторитет среди верующих был непререкаем.

Будущий святитель, в миру Константин Смирнов, родился 26 апреля 1863 года в Кронштадте, в семье псаломщика. Избрал духовный путь служения и в 1887 году окончил Санкт-Петербургскую академию. После женитьбы, 21 ноября 1887 года был рукоположен ректором академии, епископом Выборгским Антонием (Вадковским), который оказал огромное влияние на будущего святителя. Поначалу служил в Воскресенском храме Общества трезвости Санкт-Петербурга. Потом был направлен законоучителем елизаветпольской гимназии. В 1894 году вернулся в Петербург и

Митрополит Антоний
(Вадковский)

был назначен законоучителем 2-й петербургской гимназии. Спустя шесть лет вернулся в Кронштадт и стал настоятелем Троицкого кладбищенского храма. В 1902 году в семье произошла трагедия — дочь Ольга проглотила иголку и вскоре скончалась. Не прережив горя, вскоре скончалась и супруга отца Константина. 10 мая 1902 года он принял монашество, получив имя Кирилл — в честь равноапостольного Кирилла, просветителя Руси. В том же году в сане архимандрита он был направлен в Урмийскую миссию, в Персию, где прослужил два года. Он трудился среди православных айсоров — потомков ассирийцев. В приложениях к «Церковным ведомостям» за 1903 год были опубликованы его путевые заметки. В 1904 году был вызван в Россию и хиротонисан в епископа Гдовского, третьего викария Санкт-Петербургской епархии. В том, что он стал епископом, немалая заслуга его учителя еще по академии, митрополита Антония Вадковского. Сам владыка Кирилл вспоминал впоследствии: «Когда меня назначили в Петербург викарием к Антонию, один человек говорит мне: «Вас, владыка, сюда назначили по росту, как в гвардию»¹. Высокого роста, с густыми волосами, ниспадающими на плечи, наделенный большим обаянием, епископ Кирилл всегда был любим прихожанами. Пятнадцать лет он прослужил на различных приходах. Трудная школа брака многому научила его, и прежде всего — с пониманием относиться к людским немощам. Примечательно, что и его духовный наставник, владыка Антоний (Вадковский), стал епископом после того, как овдовел. На духовное формирование будущего святителя оказал влияние еще один известный подвижник — отец Иоанн Кронштадтский. Перед кончиной в 1908 году он просил, чтобы его отпевал епископ Кирилл, которого он хорошо знал по служению в Кронштадте.

Епископ Гдовский Кирилл

В течение пяти лет продолжалось служение епископа Кирилла в столичной епархии. Но в 1909 году был переведен в Тамбов. Он оказался единственным епископом в Петербурге, который отказался исполнять решение Святейшего Синода освящать на Крещение только кипяченую воду. В это время наблюдались вспышки холеры, и поэтому Синод принял такое решение. Епископ Кирилл воскликнул: «А где же вера?» Полиция поставила на Неве, близ иордани, чан с кипяченой водой. Но епископ Кирилл освятил речную воду в иордани. В Тамбове владыка быстро завоевал любовь и преданность прихожан. Благодаря его усилиям в 1914 году состоялось причисление к лику святых первого тамбовского епископа — Питирима. Накануне созыва Поместного Собора архиепископ Кирилл был избран членом Предсоборного Совета. Активно участвовал в работе Поместного Собора и был избран председателем Отдела о преподавании Закона Божия. После большевистского переворота, 1 апреля 1918 года был назначен митрополитом Тифлиским и Бакинским, экзархом Кавказским.

Лишь 6 мая митрополит Кирилл добрался до Баку. Епархия пребывала в совершенном разорении. Грузия объявила об отделении от Русской Церкви, а в Баку и других местах свирепствовали разбойники. Сохранилось несколько его писем, адресованных патриарху Тихону. В одном из них он пишет: «Из 47 православных приходов в Мучанской степи усидели на месте после набега персидских разбойников не более десяти, остальные искали спасения в бегстве и через это совершенно разорились. К сожалению, в некоторых местах первыми побежали пастыри, бросившие на произвол судьбы и святыню храмовую, и паству. Бежали главным образом в Баку, а отсюда в Россию, когда открылось сообщение с Астраханью. Некоторые задержались в Баку за недостатком перево-

Архиепископ Тамбовский и
Шацкий Кирилл

зочных средств и теперь начинают подумывать о возвращении обратно на Мучан или в другие места, где окажутся засеянные и брошенные хозяевами поля. Места такие имеются в Кубинском уезде. Там кровавые ужасы были страшнее мучанских и доселе еще не прекратились...»²

В Тифлис пробраться не было возможности, а церковные дела в Баку и окрестностях необходимо было привести в порядок в течение лета, чтобы в сентябре успеть вернуться в Москву для продолжения работы в комиссии Поместного Со-

бора. Церковную жизнь в Баку удалось понемногу нормализовать. Митрополит Кирилл сообщал об этом патриарху: «Вчера состоялось собрание представителей всех приходов гор(ода) Баку. Собрание это, под моим председательством, должно было заменить нам Собрание Епархиальное, каковое устроить в надлежащем составе и порядке нет никакой возможности. К тому же вне Баку почти не осталось наших православных приходов, а если где и усидели на месте, то сноситься с ними нет способов, кроме очень рискованных и совершенно случайных возможностей. На этом собрании мы избрали прежде всего пять членов (три пресвитерского сана и два мирянина) для нашего Временного Бакинского Епархиального Совета; действовать без него, при отсутствии сношений с Тифлисом, совершенно невозможно. Кроме того, избрали заместителя на Собор преосвященному Григорию, который представлял там бакинский клир, а теперь, естественно, утратил свои полномочия... Когда соберется Собор? Благоволите приказать уведомить о сем телеграммой Астраханского владыку, а он сообщит мне»³. Лето 1918 года прошло в неустанных трудах, но владыке Кириллу удалось достичь многого — в Баку установился мир и постепенно церковная жизнь нормализовалась. В очередном письме патриарху митрополит Кирилл сообщал: «...Главный из этих вопросов — о грузинской автокефалии — я просил отложить

рассмотрением до моего прибытия на Собор. К числу менее важных следует отнести вопрос о составе и границах экзархата, вернее назвать эти вопросы — менее сложными. Для пользы дела следовало бы Дагестанскую область отнести к экзархату, равно и всю береговую полосу на восток и юг от Каспия... Вообще должен исповедовать, что отношение ко мне бакинской паствы трогательно-внимательное и заботливое. Есть, конечно, и недовольные с инженером Косюра во главе, но группа этих лиц не велика и по настроению своему едва ли церковна. Высижены они курицею, но из утиных яиц; к тому же и сама наседка (преосв(ященный) Григорий) улетела. Потому с ними и нет сладу. Помолитесь и благословите мой путь в Тифлис. Если попаду туда, то буду стараться к августу прибыть на Собор»⁴. Осенью 1918 года митрополит Кирилл вернулся в Москву. Россия, и в том числе Закавказье, оказалась вскоре охвачена Гражданской войной. В Баку владыка больше не вернулся.

В конце 1919 года он был впервые арестован органами ВЧК и обвинен в «контрреволюционной агитации путем рассылки воззваний и сношении с Колчаком и Деникиным». Провел два месяца в тюрьме и в начале 1920 года освобожден за недоказанностью обвинений. В апреле 1920 года назначен митрополитом Казанским и Свяжским. В мае этого же года стал постоянным членом Священного Синода. В начале июля прибыл в Казань, а уже в августе арестован за то, что якобы без разрешения ВЧК выехал из Москвы.

Его делом занимался Президиум ВЧК. Поначалу его приговорили к заключению в концлагере до окончания Гражданской войны, затем приговор заменили пятью годами лагеря. С октября 1920 года находился в Таганской тюрьме вместе с епископами Феодором (Поздеевским) и Гурием (Степановым). В это же время в тюрьме томились митрополит Серафим (Чичагов), архиепископ Филарет (Никольский), епископ Анатолий (Грисюк), епископ Петр (Зверев) и член Поместного Собора А.Д. Самарин. Митрополит Кирилл освобожден только в конце 1921 года по амнистии и вернулся в Казань. Но уже в апреле 1922 года был вновь арестован и препровожден в Москву. До января 1923 года томился в московской тюрьме. Затем был отправлен в ссылку в Зырянский край. Сын московского священника Иосифа Фуделя, Сергей, сидевший вместе с митрополитом Кириллом в тюрьме, вспоминал: «Архиереи, которых я встречал в

Епископы Феодор (Поздеевский)
и Анатолий (Грисюк)

тюрьмах, были, конечно, разные. Были такие, как Кирилл Казанский, — светлые и верные Христовы рабы. Были добрые, искренние и простые. Были усталые старички, которые, думаю, были бы не прочь сыграть в преферанс. Были такие, которые не знали, что такое Оптиная пустынь, про Флоренского не слышали и втайне были уверены, что скоро опять будут ездить в каретах и носить ордена»⁵.

Митрополит Кирилл прекрасно понимал, что наступили новые времена, которые требуют от христиан прежде всего жертвенности и готовности к исповедническому подвигу. Он не был начетчиком и понимал, что «Типи-

кон», как прежде, уже не может быть руководством к жизни. «Если Церкви нужно изменить что-то в ее обрядовых обычаях, которые Она никогда не воспринимала как неизменяемые, то это Она делает просто и без всякого ореола. Митрополит Кирилл, сидя во «внутренней», спокойно, как он мне сам с улыбкой говорил, ел и постом баланду из кроликов, будучи монахом. В церкви бутырской камеры не было ни иконостаса, ни уставных книг, престол мог стоять на восток, а мог стоять и на запад, один священник причащался по-священнически в пиджаке, архиереи служили даже без омофора...»⁶ В январе 1923 года митрополит Кирилл был отправлен в ссылку в Красноярский край.

Сергей Фудель вспоминал: «Образ митрополита Кирилла Казанского, конечно, неизгладим из памяти. Высокий, очень красивый, еще сильный, несмотря на большие годы, он нес свое величие и светлость по тюрьмам и этапам России. Помню его входящего, точно в богатую приемную залу архиерейского дома, в нашу маленькую и невероятно клопину камеру вятской тюрьмы. На

нем была не громоздкая и нелепая шуба, а теплый меховой подрясник, твердо опоясанный ремешком, как древний кафтан, высокая меховая шапка и шарф, закрученный поверху, с концами за пазухой, как это делали когда-то московские извозчики. Это был Илья Муромец, принявший под старость священство. В той камере нас застало Рождество 1922 года, и была отслужена всенощная, и митрополит громогласно воспевал праздничный канон на пару с одним эсером, неожиданно оказавшимся хорошим церковным певцом. Мы стояли перед голой стеной, и облачений, конечно, уже не было, ведь мы были на этапе, но ирмосы канона звучали убедительно, как всегда.

Этапный период — самое тяжелое время для заключенного, но в присутствии старого митрополита унывать было совершенно невозможно. На худой конец он и в шахматы заставит играть, чтобы не падать духом. Помню, он играет с певчим эсером, и тот, переставляя фигуру, с некоторым ехидством ему говорит: «Известно, что восточные патриархи курят. А вы, владыко, курите?» «Мало ли что еще делают восточные патриархи», — с горечью отвечает митрополит. В нем совсем не было иерархической елейности. Помню его, принимающего меня на исповеди у себя в комнате в зырянской ссылке. Епитрахиль на серебристой волне волос, опускающаяся на плечи, на руке синие, нитяные, затертые от молитвы четки, низкий голос говорит: «Мы, священники, видим в этом таинстве свое, особое назначение». Потом его рука прижимает к груди мою голову, и чувствуешь холодок и запах епитрахили и все тепло этого простейшего человека. Он все собирался венчать меня с моей невестой и совершить это у себя в комнате, но неожиданно до назначенного срока его перевели в Усть-Кулом...

«Наша епархия теперь вот! — сказал как-то митрополит Кирилл и широким жестом показал на сидевших в комнате двух-трех близких ему людей. — Теперь мы совсем по-иному должны осознавать свои задачи. Довольно мы ездили в каретах и ничего не знали...» Помню, как в Прощеное воскресенье он — старый, грузный — опускается на колени, чтобы поклониться до земли своей келейнице Евдокии, несшей всю тяготу его скитальческой жизни... С владыкой Кириллом мне пришлось проделать целое этапное путешествие на лошадях в январе 1923 года. В Вятке мы сначала сидели, как уже сказал, в маленькой клопину камере в очень небольшом составе: кроме владыки Кирилла и меня, там было еще четы-

ре человека: архиепископ Фаддей, архимандрит Неофит (секретарь патриарха Тихона), певчий эсер... и один врангелевский офицер... Сидеть там было хорошо, но вскоре нас перевели в тюрьму при управлении ГПУ. Это был громадный сарай позади особняка на одной их центральных улиц, и там мы попали в большую компанию эсеров и эсдеков. Совершать службу стало уже как-то затруднительно: кругом были, так сказать, не Мити Карамазовы и даже не Смердяковы, а просвещенные потомки Чернышевского, вежливо, но чуть презрительно поглядывавшие на попов и совершенно не понимающие, почему они, собственно, оказались вместе под тюремной крышей. Поэтому сидение наше в этом вятском сарае было неудобное, и мы были рады, когда нас вызвали на этап, построили и повели. Скоро мы миновали центр и пошли пустырями. Был хороший зимний вечер с добрым русским снежком, тихо опускавшимся на землю...

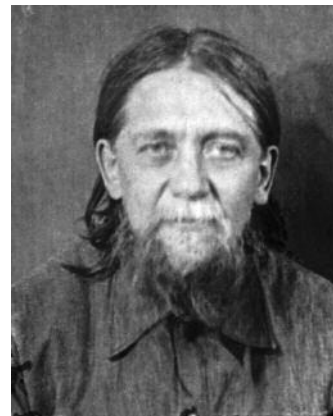
На вокзале нас посадили в один вагон, но скоро мы и расстались: их повезли, кажется, в Котлас, а нас высадили задолго до него, на станции Мураши, чтобы везти 300 километров на лошадях в Усть-Сысольск: железной дороги тогда к нему еще не было... Путешествие длилось с неделю: ехали не спеша, так как начались большие морозы и мы, замерзая в санях, уговаривали своего проводника делать почаще привалы. Мы были, наверное, одной из первых партий массовой ссылки и уже несомненно первой церковной, поэтому на всех остановках и ночлегах к нам в избу сходился удивленный народ. Зырянский край был тогда еще совсем глухой, везде по избам пряли пряжи и горела, потрескивая, березовая лучина в поставце на железном подносе. Народ удивлялся, конечно, не нам, мирским и обычным, а невиданным фигурам архиереев да еще почему-то ссылаемым к ним. Ко мне подошел как-то один мужичок и, хитро подмигнув, спросил: «За золото?» А к владыке Кириллу подошел другой мужичок и, молча встав перед ним на колени, вытащил из-за пазухи длинную бумагу. Оказалось, что он истец по многолетнему бракоразводному процессу, затерянно-му в давно исчезнувших дореволюционных консисториях.

Небывалость явления ссыльных архиереев приводила тогда в некоторое недоумение и растерянность даже начальство. Когда мы, наконец, прибыли в Усть-Сысольск, нам это начальство предоставило для первого ночлега одну большую комнату. Вскоре появился самовар, и мы в полном составе и благодущии пили чай,

когда открылась дверь и вошли два высоких человека в военных шинелях. Они подошли к столу, и один из них, глядя на сидевшего в центре владыку Кирилла, как-то приосанился и четко сказал: «Позвольте представиться: я начальник местного ГПУ (он назвал фамилию, но я забыл ее), а это мой заместитель товарищ Распутин». (Эта фамилия, конечно, запомнилась.) Тогда с добродушной улыбкой в глазах поднялся во весь свой рост владыка Кирилл, на любезность отвечая любезностью, сказал: «Позвольте и нам представиться», — и он назвал себя и каждого из нас»⁷.

Из Усть-Сысольска (нынешнего Сыктывкара) владыку Кирилла вскоре перевели дальше на север, в глушь, в Усть-Кулом. А затем в город Котельнич Вятской губернии. Весной 1924 года он был освобожден и приехал в Москву. В это время Тучков навязывал патриарху Тихону наиболее одиозного из обновленцев — священника Владимира Красницкого в качестве члена Высшего Церковного Совета. Митрополит Кирилл резко противостоял этому желанию Тучкова и членов Антиралигиозной комиссии. В очерке «Крестный путь преосвященного Афанасия Сахарова» подробно описывается эта беседа: «Еще при жизни Святейшего Тихона, в 1924 году, владыка Кирилл возвращался из Зырянского края, и ему было предписано явиться в Москву к Тучкову, никуда не заезжая. Однако владыка Кирилл первым делом все же отправился к патриарху, который только что подписал согласие принять в общение

обновленца Красницкого. На вопрос, зачем Святейший это делает, владыка Кирилл услышал ответ: «Я болею сердцем, что столько архипастырей в тюрьмах, а мне обещают освободить их, если я приму Красницкого». На это владыка Кирилл сказал: «Ваше Святейшество! О нас, архиереях, не думайте. Мы теперь только и годны на тюрьмы...» Святейший вычеркнул фамилию Красницкого из только что подписанной бумаги, а владыка Кирилл направился к Тучкову, где при разговоре на ту же тему — о Красницком — его упрекнули в том, что он не слушает-

Епископ Афанасий (Сахаров).
Следственное фото

ся Святейшего, который хочет принять Красницкого. «Не понимаю, — сказал владыка Кирилл, — год тому назад на этом самом месте вы меня обвиняли в чрезмерном повиновении патриарху, а теперь требуете обратного»⁸.

Уже в июле 1924 года митрополит Кирилл был вновь арестован и отправлен в ссылку. 7 января 1925 года, незадолго до смерти, Святейший патриарх Тихон написал еще одно завещание. Предвидя скорую кончину и понимая, что большевики ни в коем случае не дадут созвать Собор для выборов следующего патриарха, он указал трех возможных епископов, которые смогли бы осуществлять возглавление Русской Церкви. Первым кандидатом на должность местоблюстителя патриаршего престола был назван митрополит Кирилл. Но Антирелигиозная комиссия не позволила ему даже присутствовать на отпевании и похоронах Святейшего патриарха. Местоблюстителем стал митрополит Крутицкий Петр (Полянский). Давление продолжалось и на него. В течение 1925 года он мужественно противостоял давлению Антирелигиозной комиссии, которая добивалась публикации Декларации, в которой не только подчеркивалась бы полная лояльность Церкви по отношению к Советской власти, но и был бы введен принцип регистрации священнослужителей. Но митрополит Петр не пошел на уступки. Пытаясь передать высшую власть в Церкви, он, вопреки церковным канонам, назначил своим заместителем митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского). Так впервые за 1000-летнюю историю Русской Церкви возник неведомый прежде титул — заместитель патриаршего местоблюстителя.

Большая часть епископата прекрасно понимала, что необходимо восстановить преемство и избрать патриарха. Но все они понимали, что большевики не позволят созвать для этой цели Поместный Собор. Поэтому осенью 1926 года было принято решение избрать патриарха тайно, путем опросов епископата. Тайные выборы патриарха прошли успешно, но ОГПУ стало известно, что прошел опрос ссыльных епископов. Более того, стали известны и результаты тайных выборов: 72 епископа (подавляющее большинство!) высказались за кандидатуру митрополита Казанского и Свяжского Кирилла. Большая часть епископата была вновь арестована. Подвергся очередному аресту в январе 1927 года и митрополит Кирилл. Он был препровожден в Вятскую тюрьму. 23 марта 1927 года был осужден и приговорен к 3 годам ссылки. Два года провел на

станке Хантайка Туруханского района Красноярского края. С мая по декабрь 1929 года находился в ссылке в городе Енисейске. В этот период митрополит Кирилл узнал, что митрополит Сергей (Страгородский) создал Временный Синод и подписал Декларацию, в которой говорилось о полной лояльности Русской Церкви по отношению к новой власти. Митрополит Сергей управлял Церковью как патриарх — назначал и смещал епископов, издавал указы, вел переговоры с властью. Митрополит Кирилл, ознакомившись с обстановкой, вступил в переписку с митрополитом Сергием. Он указал ему не только на превышение полномочий, но и на неканоничность самого поста заместителя патриаршего местоблюстителя.

Сохранилась большая часть переписки митрополита Кирилла не только с митрополитом Сергием, но и с духовно близкими ему епископами, священниками и мирянами. С 1929 года митрополит Кирилл возглавил оппозицию митрополиту Сергию. В отличие от крайней позиции митрополита Иосифа (Петровых) и единомысленных с ним епископов, которые подвергали сомнению действительность таинств, совершаемых духовенством, сохранившим верность митрополиту Сергию, митрополит Кирилл занимал умеренную позицию. Он признавал действительность таинств, но самого митрополита Сергия считал «узурпатором». Он убеждал, что политика постоянных компромиссов с безбожной властью приведет, в конце концов, к полному и безоговорочному подчинению Церкви государству. Он писал митрополиту Сергию: «Во всей полноте свое воздержание (от совместного служения литургии — С.Б.) я отношу только к Вам и единомысленным с Вами архиереям, но не к рядовому духовенству и тем менее к мирянам. Среди рядового духовенства очень немного сознательных идеологов Вашей церковной деятельности»⁹.

Особенно резко критиковал митрополит Кирилл заместителя патриаршего местоблюстителя за то, что тот начал прибегать к запрещениям в священнослужении тех епископов, которые отказались признать его линию: «Не забудьте, что вражду такую Вы создадите своим синодским постановлением (№ 1864 — в этом постановлении митрополит Сергей признавал недействительными те священнодействия, которые совершались епископами и священниками, отделившимися от него и его Синода. Более того, это постановление запрещало даже отпевать отделившихся от митропо-

лита Сергия епископов и священников — С.Б.) главным образом с теми, кто за время существования обновленчества разных призывов своим православным чутьем, не зная писаных законов, безошибочно определяли подлинную церковную правду и возвращали к ней самих пастырей, пошатнувшихся было на своей церковной стезе, вследствие книжнического пользования писаными церковными правилами. В постановлении Вашего Синода за № 1864 послышался мне подобный же приговор иудейских первосвященников: «Народ сей, иже не весть закона, прокляти суть» (Ин. 7,49)¹⁰.

Митрополит Кирилл считал, что в сложившейся обстановке нарастающих гонений бессмысленно искать компромисса с властями. В апреле 1928 года Сталин, готовивший наступление на кулаков, напомнил партийцам о необходимости проведения «самой боевой работы в массах». Более того, он вспомнил голод 1921 года и наиболее жестокое преследование Церкви: «Получилась в известной степени такая же комбинация (конечно, с соответствующими оговорками), какая имела место в 1921 году, когда партия во главе с Лениным, ввиду голода в стране, поставила вопрос об изъятии ценностей из церквей на предмет приобретения хлеба для голодающих районов... и когда попы, уцепившись за ценности, выступили на деле против голодающих масс и тем самым вызвали озлобление голодающих масс против церкви вообще... против попов и их руководителей в особенности... Дело в том, чтобы связать широкую массовую антирелигиозную кампанию с борьбой за кровные интересы народных масс и повести ее таким образом, чтобы она, эта кампания, была понятна для масс, чтобы она, эта кампания, была поддержана массами»¹¹. На протяжении 1928 года Сталин неоднократно выступал и напоминал о необходимости искоренения кулаков вместе с «реакционным духовенством», которое якобы стоит за спиной кулака. В

Емельян Ярославский

Л.М. Каганович

беседе с первой американской рабочей делегацией Сталин заявил, что партия не может быть нейтральной в отношении «реакционного духовенства, отравляющего сознание трудящихся масс. Подавили ли мы реакционное духовенство? Да, подавили. Беда только в том, что оно не вполне еще ликвидировано»¹².

В начале 1929 года Лазарь Каганович и Вячеслав Молотов выступили инициаторами разработки нового документа, который мог бы послужить руководством к действию на местах в деле ликвидации религии.

В феврале 1929 года было разослано в республиканские, краевые, областные, губернские и окружные партийные комитеты письмо ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» за подписью секретаря ЦК Лазаря Кагановича. В нем утверждалось, что произошло «смыкание» контрреволюционных и религиозных организаций. Заявления митрополита Сергия и его Синода о лояльности Русской Церкви по отношению к Советской власти воспринимались большевиками как «прикрытие» антисоветских настроений. 8 апреля 1929 года Президиум ВЦИК издал постановление «О религиозных объединениях», которое приняло силу закона и просуществовало, с небольшими исправлениями и добавлениями, вплоть до 1990 года. Это постановление гласило, что Церковь в СССР не может заниматься какой-либо деятельностью, кроме как удовлетворением религиозных потребностей, преимущественно в рамках молитвенного здания. «Постановление было направлено на окончательное вытеснение Церквей из всех сфер общества с полным запретом какой-либо общественной деятельности. Религиозные общества, по сути, превращались в некие «резервации» для исповедующих те или иные религиозные убеждения»¹³.

Постановление развязало руки местным властям. Подавляющее большинство духовенства, лишённое избирательных прав или ограниченное в отдельных политических и гражданских правах, облагалось повышенным налогом и вынуждено было платить в казну 75% с «нетрудовых доходов». Духовенство подвергалось мас-

Слева направо: Анастас Микоян, Иосиф Сталин, Серго Орджоникидзе.
Конец 20-х гг.

сированной дискриминации — их выселяли из квартир как «лишенцев», а если они селились где-либо, то вынуждены были платить за жилье вдвое или втрое. Но самым тяжелым ударом явилась необходимость регистрации священнослужителей со стороны властей. Без регистрации, которая являлась, по сути, разрешением епископу или священнику совершать богослужения, не могло существовать ни одно религиозное объединение. Более того, постановление предоставило местным властям по собственному усмотрению давать или не давать регистрацию. Епископы и священники, отбывшие тюремные или лагерные сроки, возвращались домой, но их выбрасывали на улицу. Их душили непомерными налогами. В этот период появились странствующие священники, которые переходили из села в село, из города в город с нехитрым богослужебным набором. Тайно они крестили, венчали, отпевали, служили литургию. Воинствующие атеисты называли таких священников «поп-передвижка». Причем местные власти не делали никаких различий между духовенством, сохранившим верность митрополиту Сергию, или, напротив, не поминавшим заместителя патриаршего местоблюстителя.

8 апреля 1929 года Президиум ВЦИК образовал постоянную комиссию по вопросам культа под председательством Петра Сми-

довича. В нее вошли представители НКВД и уполномоченный ОГПУ при СНК РСФСР. В мае этого же года прошел XIV Всероссийский съезд Советов. На нем немалое внимание было уделено антирелигиозной пропаганде. Наиболее резко выступали председатель Совнаркома РСФСР Алексей Рыков и нарком по просвещению Анатолий Луначарский. Он утверждал: «Культурное строительство должно сопровождаться борьбой со всевозможными церквями и религиями в каких бы ни было формах... Это враг социалистического строительства, и он борется с нами на культурной почве. Школа и все культурные учреждения — батареи, которые обращены против религии со всеми ее ужасами, пакостями...»¹⁴

В июне 1929 года прошел II съезд Союза безбожников. На этом съезде был выдвинут лозунг: «Борьба с религией есть борьба за социализм». На съезде выступил Николай Бухарин: «Борьба с религией стоит в порядке дня, она актуальна... Но она является актуальной и с точки зрения той особой, специфической, оригинальной полосы, в которой мы живем, когда заострение классовой борьбы обрисовалось по всему фронту и когда наши противники используют формы религиозного лозунга, религиозного пароля, религиозной человеческой организации, начиная с церкви и кончая различными видами сектантских организаций, для борьбы с социалистической серединой нашего хозяйства, для ожесточенного сопротивления повседневному продвижению социалистических форм нашего хозяйства, для использования в реакционных целях наших трудностей, наших прорех, наших болезней. Особенность переживаемой полосы заключается, между прочим, и в том, что всякий оттенок нашего классового противника хочет закрепиться в ряде организаций религиозного типа. Антирелигиозный фронт кричаще ясно виден как фронт классовой борьбы»¹⁵. Съезд продолжался 6 дней, и в его работе приняло участие около тысячи делегатов. На съезде было принято решение переименовать Союз безбожников в Союз воинствующих безбожников. Это решение съезда приветствовал Максим Горький, который призвал делегатов относиться к своей работе «с огоньком, а не как к какому-то обычному делу, ибо речь идет о выкорчевывании того, что веками внедрялось в сознание людей»¹⁶. Статистика свидетельствовала об усилении гонений на Церковь — только в Московской области осенью 1929 г. — зимой 1929—1930 гг. было закрыто 696 храмов.

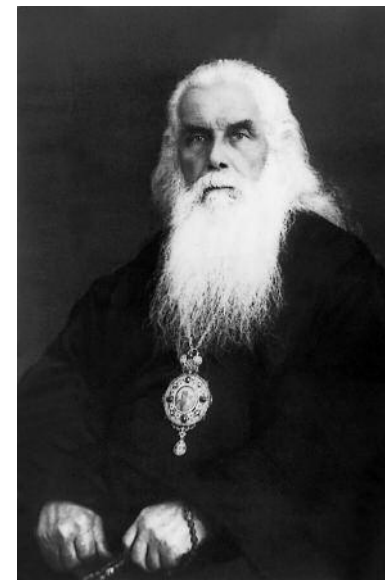
А 30 ноября 1929 года была ликвидирована Антирелигиозная

комиссия при Политбюро ЦК ВКП(б). Формулировка гласила: «Считать необходимым ликвидацию Антирелигиозной комиссии ЦК, передав все дела антирелигиозной пропаганды в Секретариат ЦК». Поскольку религиозные организации не вели контрреволюционной деятельности, ее придумывали чекисты. Так, в конце 1930 года было сфабриковано дело о Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников «Истинно-православная церковь». Чекисты «раскрыли» 300 повстанческих ячеек, а их руководителями оказались профессор Алексей Лосев, а также известный православный публицист, когда-то толстовец Михаил Новоселов, ставший в конце 20-х епископом Марком. В 1929 году были расстреляны оставшиеся в живых отшельники-«имяславцы» в Абхазии. Было сфабриковано очередное дело, где они именовались повстанческой организацией. 1929 год стал «годом великого перелома», ознаменовав собою ликвидацию последних оппозиционных «генеральной линии» течений в ВКП(б) и переход к «ликвидации кулачества как класса». Этот год стал началом полного искоренения немарксистских течений в исторической науке. Весной 1929 года только что избранный академиком марксист Михаил Покровский выдвинул лозунг: «Надо переходить в наступление на всех научных фронтах. Период мирного сожительства изжит до конца». Осенью того же года произошли первые аресты по делу академиков, а в 1931 году ранее арестованные академики-историки Платонов, Николай Лихачев, Михаил Любавский и Евгений Тарле были обвинены в «контрреволюционном заговоре», лишены званий академиков и осуждены к ссылке.

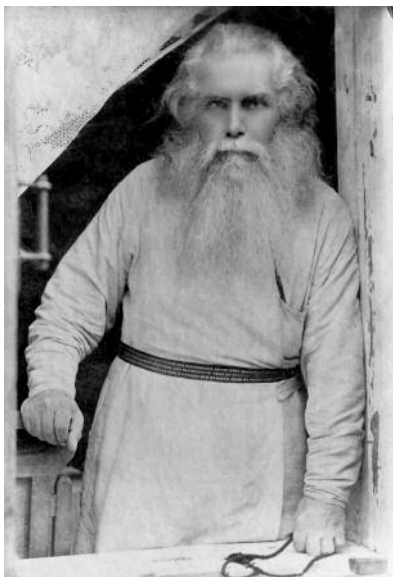
Находясь в ссылке, митрополит Кирилл был в какой-то мере оторван от мира. Но то, что происходило с Церковью в России, волновало его, и он пытался разобраться в происходящем. Он считал, что попытка митрополитов Петра, а затем и Сергия сохранить единый церковный центр обречена на неудачу. Поэтому он напоминал своим сторонникам об указе патриарха Тихона от 20 ноября 1920 года, согласно которому епископы должны были создавать местное самоуправление, если вдруг нарушалась связь с церковным центром или он прекращал свое существование. Об этом митрополит Кирилл напоминал еще со станка Хантайка: «Митрополит Сергий и его сотрудники не могут не знать резолюции Святейшего патриарха Тихона от 26 июня 1924 года за № 523, которою патриарх счел благовременным совершенно прекратить дело об

организации при нем Высшего Церковного Управления. Посему до тех пор, пока митрополит Сергий не уничтожит учрежденного им Синода, ни одно из его административно-церковных распоряжений, издаваемых с участием так называемого Патриаршего Синода, я не могу признавать для себя обязательным к исполнению. Такое отношение к митрополиту Сергию и его Синоду я не понимаю как отделение от руководимой митрополитом Сергием части Православной Церкви, так как личный грех митрополита Сергия относительно управления Церковью не повреждает содержимого и этой частью Церкви — православно-догматического учения, но я глубоко скорблю, что среди единомысленных митрополиту Сергию архипастырей в нарушение братской любви уже применяется по отношению к несогласным и обличающим их неправоту кличка отщепенцев-раскольников»¹⁷.

Письма митрополита Кирилла отсылались не только в Москву. Они доставлялись верными людьми в Казань и по всем уголкам России, где томились ссыльные епископы и священники. Это раздражало митрополита Сергия, и он начал угрожать митрополиту Кириллу запрещением в священнослужении. Митрополит Кирилл точно подметил некоторые опасные черты правления митрополита Сергия: «...Вы составляете списки приглашаемых членов Синода, приглашаете их и т.п., но, в отличие от образа поведения патриарха, делаете Синод вашим соправителем, чтобы, как заявляете Вы, не править монархически. Но почивший патриарх не правил монархически. Он имел постоянных около себя советников, называя их совокупность Синодом, пользовался для проверки своей архипастырской совести и суждениями прилучившихся архиереев, но никого не ставил рядом с собою для переложения ответствен-

Митрополит Кирилл.
Гжатск, 1934 г.

Митрополит Кирилл в ссылке

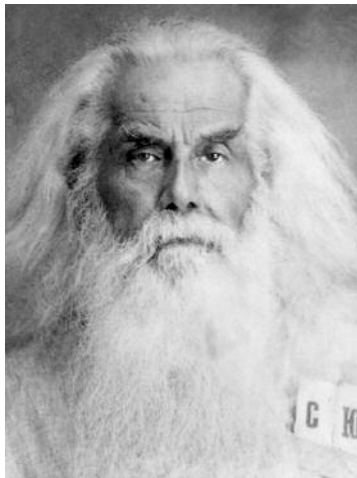
ности со своей головы на другие...»¹⁸ Пытаясь воздействовать на митрополита Сергия, владыка Кирилл умолял его распустить Синод, поскольку «...вместо радости учреждение Вами Синода возбуждает тревоги, опасения и страстные споры, найдите благовременным распустить Ваш Синод, успокойте смущенные души, с любовью отдавшиеся Вашему руководству, пока не становились Вы на путь ненужных новшеств... Становясь на Вашу точку зрения равенства Ваших прав с правами митрополита Петра, мы, при наличии подобных актов, имели бы одновременно два возглавления нашей

Церкви: митрополита Петра и Вас. Но этого в Церкви быть не может, и Ваши права в Ней — только отражение прав митрополита Петра и самостоятельного самолучения не имеют... Как бы ни подчеркивали Вы строгость суждения канонов, на какие ссылаетесь в обличение непослушных Вам, Ваши толкования производят малое впечатление и на непослушных, и на все церковное общество, совершенно переставшее доверять диалектической канонике, развившейся у Вас до ужасающих размеров с появлением обновленчества... Самый переход патриарших прав и обязанностей к митрополиту Петру совершился в небывалом и неведомом для канонического порядка, но церковное сознание восприняло этот небывалый порядок как средство сохранения целостности патриаршего строя, считая последний главным обеспечением нашего православного бытия, особенно ввиду обновленческого отрицания идеи Патриаршества»¹⁹. Многие мысли митрополита Кирилла оказались пророческими. Наиболее важно его следующее прозрение в этом письме: «...для меня, например, остается несомненным, что с учреждением Вашего Синода пред Церковью встала уже не угроза целостности патриаршего строя, а действительная подмена этого строя

синодальным управлением»²⁰. Реформа, проведенная митрополитом Сергием в 1927—1930 гг., привела к полному отказу от решений Поместного Собора 1917—1918 гг., отбросив Русскую Церковь на столетия назад — к петровским преобразованиям. Она поставила ее под абсолютный контроль безбожного государства.

Из Енисейска митрополит Кирилл отправил несколько писем патриаршему местоблюстителю митрополиту Петру, в которых он высказал свою точку зрения на курс, избранный митрополитом Сергием. Митрополит Петр откликнулся двумя письмами, адресованными митрополиту Сергию. Из местечка Хэ Обдорского района, почти на берегу Ледовитого океана, он писал: «Я постоянно думаю о том, что Вы являлись прибежищем для всех истинно-верующих людей. Признаюсь, что из всех огорчительных известий, какие мне приходилось получать, самыми огорчительными были сообщения о том, что множество верующих остаются за стенами храмов, в которых возносится Ваше имя. Исполнен я душевной боли и о возникших раздорах вокруг Вашего управления и других печальных явлениях. Может быть, эти сообщения пристрастны, может, я достаточно не знаком с характером и стремлением лиц, пишущих мне. Но известия о духовном смятении идут из разных мест, и главным образом от клириков и мирян, оказывающих на меня сильное давление. На мой взгляд, ввиду чрезвычайных условий жизни Церкви, когда нормальные правила управления подвергаются всяким колебаниям, необходимо поставить церковную жизнь на тот путь, на котором она стояла в первое Ваше заместительство. Вот и благоволите вернуться к той, всеми уважаемой Вашей деятельности...»²¹ Митрополит Петр упоминал в этом письме о деятельности митрополита Сергия с декабря 1925 года, когда местоблюститель был арестован, а его заместителю почти в течение года пришлось бороться с новым, григорианским расколом. Переписка между двумя митрополитами — Сергием и Кириллом — оборвалась в 1929 году. В весьма пространном письме от 2 января 1929 года митрополит Сергей поставил ультиматум владыке Кириллу: «...1. Преосвященного митрополита Казанского и Свияжского Кирилла (Смирнова) предать суду Собора архиереев по обвинению во вступлении в общение с обществом, отделившимся от законного церковного священноначалия и образовавшим раскол. ...4. Назначить преосвященному митрополиту Кириллу крайним сроком 15 февраля 1930 года для выражения им канонического по-

Митрополит Кирилл. Одно из последних следственных фото

слушания и отказа от общения с раскольниками. Если до означенного числа заявлений указанного содержания митрополита Кирилла не последует, считать настоящее постановление вступившим в силу с нижеписанного числа. Эта новая отсрочка, даже при отсутствии твердой надежды на благоприятный исход, да будет Вам свидетельством, насколько всем нам тяжело Вас потерять и насколько сильно наше желание остаться с Вами в братском общении и единомыслии...»²² Покаяния митрополит Кирилл не принес, поэтому с 1930 года считался уволенным на покой. Сегодня трудно понять, за-

чем понадобилось митрополиту Сергию угрожать, а затем и уволнять на покой, а то и запрещать в священнослужении епископов, находившихся в тюрьмах и ссылках? Эти действия отвращали от него духовенство и мирян, которые оставались верны евангельским заветам и помнили о блаженстве гонимых и проклинаемых.

Новый всплеск гонений на Русскую Церковь вызвал обеспокоенность западных христианских конфессий. 2 февраля 1930 года Папа Римский Пий XI обратился к верующим всего мира с призывом молиться за гонимую Русскую Церковь: «...мы испытываем глубочайшее волнение при мысли об ужасных и святотатственных преступлениях, которые умножаются и усиливаются с каждым днем и которые направлены как против Господа Бога, так и против душ многочисленного населения России, дорогого нашему сердцу, хотя бы из-за величия его страданий...»²³ Спустя две недели после обращения Папы Римского, 15 февраля, прошло первое интервью митрополита Сергия, а 18 февраля 1930 года — второе. Оба интервью вызвали бурю протестов как в СССР, среди верующих, так и за рубежом. Митрополит Евлогий вспоминал: «Когда митрополит Сергей в 1930 году заявил иностранным журналистам, что в Советской России гонений на Церковь нет, в эмиграции поднялось сильнейшее возмущение столь явной неправдой. Мое положение

стало весьма тягостным. Некоторые лица моей паствы снова требовали немедленного разрыва с Москвой. Мог ли я митрополита Сергия оправдать, сказав, что черное — белое? Конечно, можно было сказать, что митрополит Сергей был вынужден на лож какими-нибудь высокими мотивами, которые нам неясны, неизвестны, но лож оставалась ложью...»²⁴

В 1930 году Георгий Федотов писал: «Окончательное осуждение политики митрополита Сергия жизнь принесла в последние годы, с началом нового кровавого гонения на религию в России. Все стремления к конкордату с государством были опрокинуты Сталиным, который теперь не делает различия между христианином и евреем, обновленцем и сергианцем. Гонение на веру в последний год свирепствует в своем наиболее чистом виде, обнажая гонителя и облегчая совесть исповедников. Массовое уничтожение храмов указывает, что власть теперь не останавливается перед уничтожением культа, ради сохранения которого митрополит Сергей принес такие жертвы. Для всех ясно, что не изъявлениями политической покорности можно купить милость гонителей. Если они останавливаются в своем походе на веру, то исключительно перед силой: народных масс внутри России или мирового давления извне. В такой трагической обстановке митрополит Сергей дает свои интервью, в которых отрицает наличие гонений в России. Ни у кого не возникло сомнений в авторстве этого постыдного документа. Нам сообщили, что м(итрополит) Сергей подписал его не читая. Он действовал в состоянии морального принуждения — в этом отличие нового шага от Декларации 1927 года. Это акт не мудрости, не расчета, а отчаяния... Не знаем, смягчило ли хоть на каплю преступление м(итрополита) Сергия страдания Русской церкви, но имело те последствия, которых и следовало ожидать: крушение иерархического авторитета и церковный раскол...»²⁵

В январе 1930 года митрополит Кирилл был вновь этапирован — в Туруханский район Красноярского края. 19 августа 1933 года закончился срок ссылки, и он вернулся в Центральную Россию, поселившись в Смоленской области, в городе Гжатске. Это был последний свободный миг — всего полгода он находился на свободе. В Гжатске он принимал всех единомышленников, стремясь выработать новую церковную линию в условиях жесточайших гонений. В этот неполный год им были написаны самые важные письма и даны необходимые указания верным ему церковным общинам. Он

указал верующим епископов, которым можно вполне доверять. Он по-прежнему считал, что Церковь в условиях тотальных гонений может выжить лишь в небольших нелегальных общинах, руководимых священниками или епископами. Митрополит Сергей и его Синод воспринимались митрополитом Кириллом как органичное продолжение политики обновленцев. В письме единомысленному с ним епископу в феврале 1934 года он писал: «...Почует ли на этом начинании митрополита Сергея благословение Божие, мы не дерзаем судить, доколе законный Собор своим приговором не изречет о нем суда Духа Святого, но как и все, обновленчеству сродное, не можем признать обновленное митрополитом Сергием и церковное управление нашим православным, преемственно идущим от Святейшего патриарха Тихона, и потому, оставаясь в каноническом единении с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром, при переживаемой невозможности сношения с ним признаем единственно закономерным устройство церковного управления на основе патриаршего указа 20 ноября 1920 года»²⁶. При столь критическом подходе к церковной политике митрополита Сергея, владыка Кирилл не отрицал благодатности таинств, совершаемых епископами и священниками, сохранившими верность митрополиту Сергию: «...но таинства, совершаемые сергианами, правильно рукоположенными во священнослужении, не запрещенными, являются, несомненно, таинствами спасительными для тех, кои приемлют их с верою, в простоте, без рассуждений и сомнения в их действительности и даже не подозревающих чего-либо неладного в сергианском устройении Церкви. Но в то же время они служат в суд и осуждение самим совершителям и тем из приступающих к ним, кто хорошо понимает существующую в сергианстве неправду и своим непротивлением ей обнаруживает преступное равнодушие к поруганию Церкви. Вот почему православному епископу или священнику необходимо воздерживаться от общения с сергианами в молитве. То же необходимо для мирян, сознательно относящихся ко всем подробностям церковной жизни»²⁷.

В мае 1934 года Священным Синодом было принято решение: «...Посему, приняв во внимание вышеизложенное и продолжающееся вдовство кафедры Первого епископа страны, мы, митрополиты Русской Православной Церкви и члены Патриаршего Священного Синода, в безграничной преданности Вашему Высокопреосвященству, как своему правящему Первоиерарху, единоглас-

ным решением своим положили: усвоить Вашему Высокопреосвященству, в соответствии Вашему высокому и особому положению правящего Первоиерарха Русской Церкви, титул Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского»²⁸. Этот пышный документ подписали 22 епископа. Многим тогда казалось, что боготорческое государство одержало еще одну победу — Синод митрополита Сергея стал послушным орудием в руках атеистического государства. Декларация же митрополита Сергея не принесла никаких видимых результатов.

Союз воинствующих безбожников в 1930 году объявил так называемую «безбожную пятилетку», согласно которой к 1935 году на территории СССР должны были исчезнуть все храмы, молитвенные дома и другие внешние признаки религии. В Гжатск митрополит Кирилл прибыл в августе 1933 года. Поскольку церковная ситуация была весьма смутной, он решил принимать всех приезжавших к нему, разъясняя свою точку зрения на происходящие события. Последней 14 июля 1934 года у него была М.В. Тепнина, прихожанка архимандрита Серафима (Батюкова). Она уехала от него в 6 часов вечера, а спустя 4 часа за ним снова пришли. Ему исполнился 71 год. Он успел передать верных ему христиан окормлению двух епископов, которым он всецело доверял, — Арсению (Жадановскому) и Афанасию (Сахарову). Поскольку епископ Арсений был арестован, непоминающие обратились к епископу Афанасию. Вплоть до выборов патриарха в 1945 году епископ Афанасий осуществлял духовное руководство разрозненными общинами — «катакомбной» Церковью.

Митрополита Кирилла после ареста в Гжатске этапировали в Москву, и он вновь оказался в Бутырской тюрьме. Его обвинили в контрреволюционной деятельности: «19 августа 1933 года по окончании срока ссылки в гор(оде) Гжатск Зап(адной) области прибыл митрополит Смирнов Константин (он же Кирилл) Илларионович, который задался целью воссоздания к.-р. организации «Истинно-православная церковь». Смирнов К.И. установил письменную связь с активными деятелями ИПЦ (Истинно-православная Церковь — С.Б.) Парфением Брянских, Серафимом Самойловичем, Дамаскиным и др., совместно с которыми приступил к разработке программных положений организации. В результате продолжительной переписки с указанными архиереями уже начали намечаться общие контуры этой программы. При обыске у Смирнова

обнаружено письмо епископа Дамаскина, в котором излагаются следующие взгляды: «...Совершается суд Божий над Церковью и народом русским... Совершается отбор тех истинных воинов Христовых, кои только и смогут... противостоять самому зверю. Времена же приблизились несомненно апокалиптические... Все наши усилия теперь должны быть направлены на установление прочных связей между пастырями и пасомыми... и по возможности исправить совершенный грех путем противодействия злу, до готовности даже кровию омыть грех свой»²⁹. В 1935 году был распущен Синод, существовавший до этого времени при митрополите Сергии. Из 22 епископов, выразивших полную поддержку митрополиту Сергию, на свободе осталось лишь четверо. Карательные органы уже не делали каких-либо различий между сергианами и непоминающими.

Оперуполномоченный 3-го отделения Толстой пытался понять это письмо епископа Дамаскина (Цедрика). Митрополит Кирилл объяснял ему суть мыслей, высказанных его собратом: «...Смысл этих воззрений состоит в том, что русским народом совершен общий грех перед Церковью... и вина в этом лежит главным образом на духовенстве. Задача состоит в необходимости более глубокого воспитания народа, чтобы членами Церкви были истинные христиане... что и означает противопоставление царству злобы. Эти взгляды я высказывал епископам Дамаскину и Афанасию, которые были со мной солидарны по этому поводу»³⁰. Эти слова митрополита Кирилла, донесенные до нас сухим языком следственного дела, содержат глубокий смысл. Находясь на пороге смерти, митрополит Кирилл отказался искать виновных в произошедшей трагедии где-то за пределами России. Он не обращался к яростным обвинениям мифомана Сергея Нилуса и его последователей, которые всю

Епископ Стародубский Дамаскин (Цедрик)

вину перелагали на таинственных жидомасонов. Мученик и исповедник, митрополит Кирилл считал, что основная доля вины лежит на православном духовенстве, которое не сумело привить евангельские истины русскому народу. 2 декабря 1934 года митрополит Кирилл был вновь осужден на 3 года ссылки и отправлен в Казахстан, в поселок Яныкурган. 7 июля 1937 года еще раз арестован, уже в ссылке, и этапирован в тюрьму города Чимкента. А 19 ноября 1937 года он был приговорен к расстрелу. На следующий день вместе с митрополитом Иосифом (Петровых) расстрелян под городом Чимкентом и захоронен в братской могиле.

Яростные споры 20–30-х годов побуждают нас глубже задуматься над природой Церкви. Проблемы экклезиологии сегодня приобретают решающее значение для выхода из тяжелейшего кризиса Русской Православной Церкви. Церковь — это Богочеловеческий организм. И в ней, как и в Богочеловеке Иисусе Христе, согласно Халкидонскому догмату «нераздельно и неслиянно» сосуществуют две природы — божественная и человеческая. Божественная природа — ее Таинства. Стержневое Таинство — Тела и Крови Христовых, которое совершается во время Божественной литургии. Литургическая жизнь Церкви — ее стержень, а ядро Церкви — ее святые, в первую очередь мученики и исповедники. Для того чтобы мистическая жизнь Церкви была полнокровной, не должна прерываться молитвенная и таинственная связь с мучениками. Если происходит разрыв, если Церковь перестает чтить своих мучеников, перестает обращаться к ним с молитвами за помощью, живое древо Поместной Церкви начинает засыхать. Нельзя забывать и о человеческой природе Церкви — ее социальных структурах и социальном служении верующих в обществе. Те преследования, которые обрушились на Русскую Церковь с 1917 года, сначала казнили, а затем постепенно уничтожили структуры, созданные Поместным Собором: Синод, Высший Церковный Совет, епархиальные и приходские советы. В 30-е годы Церковь мучеников и исповедников полнокровно продолжала жить лишь в катакомбах, тюрьмах и лагерях.

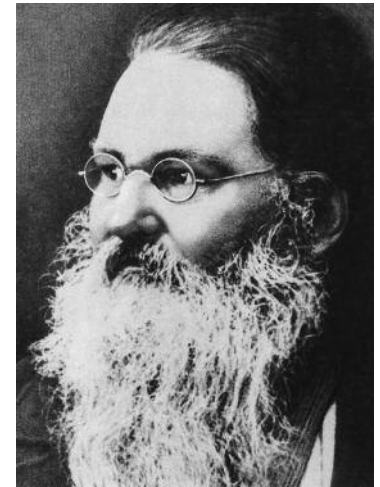
XV. «НА КАМНЕ СЕМ СОЗИЖДУ ЦЕРКОВЬ МОЮ»

Но на деле Церковь живет Царством Божиим, в этом ее жизнь, действительно собственная, ни к чему в мире не сводимая. Этот опыт Царства Церковь призвана нести миру, а это опять значит — в реальность... Церковь в себе, церковность ради церковности — страшное сужение, измена и подмена.

Священник Александр Шмеман

Когда-нибудь, исследуя основы бытия советского общества, ученые придут к выводу, что это было больное общество. Оно было инфицировано душевной болезнью, скорее всего паранойей. Все, кто оставались душевно здоровыми и сопротивлялись паранойе, объявлялись больными и подлежали уничтожению. Подобные исследования уже проведены учеными-социологами, изучавшими нацистскую Германию. Дольше всех сопротивлялись верующие. Их уничтожали особенно методично. Впоследствии было создано гетто, в котором верующие могли обитать только при одном условии — если они признавали паранойяльную систему самой лучшей на свете и помогали ее усовершенствовать. К счастью, оставались катакомбные приходы, которые раз и навсегда отказались от условий, навязываемых безумным государством. Незадолго до кончины, отвечая на вопрос иностранного корреспондента о своей программе действий, патриарх Сергей (Страгородский) ответил: «Моя программа — программа Духа Святого. Я действую по нужде каждого дня». Поставленный в жесточайшие условия выживания, митрополит, а впоследствии патриарх Сергей, пережив сталинские репрессии конца 30-х годов, когда погибли почти все члены его Синода, понимал, что Церковь переживает небывалые в истории испытания. Весьма вероятно, что он не сумел предвидеть последствий конкордата 1927 года, находясь в заключении, но разве это не стало для него очевидным уже в 1930 году? На что он рассчитывал, давая интервью в 1930 году сначала советским, а затем зарубежным журналистам? Что явная ложь заставит задуматься зарубежных христиан над тем, что происходит в СССР? Был ли это действительно «воплъ Русской Церкви», как это воспринял Бердяев? Или это была очередная попытка выжить, приспособиться в страшных условиях сталинских репрессий?

Современник митрополита Сергия, глубоко верующий и церковный человек, переживший аресты в 20-х, сталинские времена и умерший в 1942 году в блокадном Ленинграде, гениальный ученый-физиолог Алексей Ухтомский, размышляя над происхождением душевных болезней, писал: «...И особенно интересны высокообразованные психозы зрелого возраста, так называемые «систематизированные бредовые помешательства», где логическая функция человека безупречна, а беда коренится в психологических глубинах. Строятся подчас удивительно содержательные, цельные («интегральные») и красивые бредовые системы, чего-то ищущие, чем-то вдохновляемые и, однако, бесконечно мучительные для автора. Затравкою при этом всегда служит неудовлетворенный, невыполненный долг перед встретившимся важным вопросом, который поставила жизнь. Человек сдрейфил в мелочи, оказался неполносильным и неполноценным в один определенный момент своей жизненной траектории, и вот от этого «судящего» пункта начинает расти, как снежный ком, сбивающая далее и далее, логически правильная, но уводящая все более и более в сторону бредовая система. Это и есть так называемая паранойя»¹. Чем глубже вчитываешься в статьи и письма митрополита Сергия, написанные им в 30-е годы, тем больше соглашаешься с выводами Ухтомского. Ученый-христианин напоминал: «Все дело в том, чтобы ежеминутно быть в бдительном подвиге перед лицом Собеседника (будет ли это ближайший человек, или Первый и Последний Собеседник)... «В одно мгновение совершается спасение или гибель человека», — говорит Исаак Сириин. Это оттого, что мгновение принесло тебе задачу и вопрос; и смотря по тому, что ты заготовил в себе, ты отвечаешь полносильно, как единый и собранный в себе деятель; или — ты, озирающийся вспять, — отныне идешь надломленный с сознанием своей раздвоенности или даже множественности: «Ле-

А.А. Ухтомский

Современник митрополита Сергия, глубоко верующий и церковный человек, переживший аресты в 20-х, сталинские времена и умерший в 1942 году в блокадном Ленинграде, гениальный ученый-физиолог Алексей Ухтомский, размышляя над происхождением душевных болезней, писал: «...И особенно интересны высокообразованные психозы зрелого возраста, так называемые «систематизированные бредовые помешательства», где логическая функция человека безупречна, а беда коренится в психологических глубинах. Строятся подчас удивительно содержательные, цельные («интегральные») и красивые бредовые системы, чего-то ищущие, чем-то вдохновляемые и, однако, бесконечно мучительные для автора. Затравкою при этом всегда служит неудовлетворенный, невыполненный долг перед встретившимся важным вопросом, который поставила жизнь. Человек сдрейфил в мелочи, оказался неполносильным и неполноценным в один определенный момент своей жизненной траектории, и вот от этого «судящего» пункта начинает расти, как снежный ком, сбивающая далее и далее, логически правильная, но уводящая все более и более в сторону бредовая система. Это и есть так называемая паранойя»¹. Чем глубже вчитываешься в статьи и письма митрополита Сергия, написанные им в 30-е годы, тем больше соглашаешься с выводами Ухтомского. Ученый-христианин напоминал: «Все дело в том, чтобы ежеминутно быть в бдительном подвиге перед лицом Собеседника (будет ли это ближайший человек, или Первый и Последний Собеседник)... «В одно мгновение совершается спасение или гибель человека», — говорит Исаак Сириин. Это оттого, что мгновение принесло тебе задачу и вопрос; и смотря по тому, что ты заготовил в себе, ты отвечаешь полносильно, как единый и собранный в себе деятель; или — ты, озирающийся вспять, — отныне идешь надломленный с сознанием своей раздвоенности или даже множественности: «Ле-

гион имя мое, потому что нас много!» Идешь отныне, «стена и трясяйся», как Каин»².

Митрополит Сергей неоднократно на протяжении 30-х годов размышлял о природе Церкви как социального института. Сохранилась запись беседы с ним представителей ленинградского духовенства во главе с епископом Димитрием (Любимовым) 12 декабря 1927 года. Тогда еще кипели страсти вокруг Декларации. Митрополит Сергей так обосновывал молитвы за власть: «Ну, а чего тут особенного, что мы поминаем власть? ...Раз мы ее признали, мы за нее и молимся. Молились же за царя, за Нерона и других?»

Ленинградцы спросили: — А за Антихриста можно молиться?..

— Нет, нельзя.

— А вы ручаетесь, что это не Антихристова власть?

— Ручаюсь. Антихрист должен быть три с половиной года, а тут уже десять лет прошло»³.

Записанная ленинградцами беседа окрашена полемическим пылом. Нельзя буквально понимать каждую строку столь символической книги, каковой является Апокалипсис. Если там сказано, что Антихрист будет властвовать три с половиной года, то это лишь указывает на некую неполноту и недолговечность его власти. Но дальнейшая беседа складывалась неординарно.

Ленинградцы спросили:

«— Вы спасаете Церковь?»

— Да, я спасаю Церковь»⁴.

Это был весьма опрометчивый ответ митрополита Сергея. Ленинградцы возразили:

«— Церковь не нуждается в спасении, а вы сами через нее спасаетесь»⁵.

Митрополит Сергей вынужден был уточнить: «Ну да, конечно, с религиозной точки зрения бессмысленно сказать: «Я спасаю Церковь», но я говорю о внешнем положении Церкви»⁶. Аргументация митрополита Сергея, его попытки отделить внутреннюю жизнь Церкви от внешней свидетельствуют о неразработанности в православии экклезиологии — богословского учения о Церкви. И митрополит Сергей, как богослов, остро ощущал и даже пытался восполнить этот существенный пробел.

Сохранилась его работа, созданная им, видимо, в середине 30-х годов, но опубликованная лишь в 1944 году: «Есть ли у Христа наместник в Церкви?» Раскрывая богословскую интуицию апостола

Павла, митрополит Сергей утверждал: «Как в браке два соединяются в плоть едину и отसेле живут нераздельною жизнью, так и Христос — Глава с Церковью — Телом Своим составляет единое бытие, живущее единою жизнью, причем обе стороны дополняют друг друга и уже неотделимы до конца века. Христос благодатно «питает и греет Церковь» и этим в Ней спасает людей, а Церковь, повинувшись Христу, тем деятельно участвует в спасении людей. В сознании этого своего существенного единства со Христом Церковь и дерзает исповедовать себя единственной на земле носительницей неповрежденного Христова учения, сокровищницей всяких благодатных даров, единственную дверь ко спасению. Много значит для Церкви и Ее внешний канонический строй, усердие и мудрость Ее земных правителей»⁷. Полемизируя с католическим учением, согласно которому папа является наместником Христа, митрополит Сергей отмечал: «В свете апостольского учения о существенном единстве Христа — главы с Его Телом — Церковью становятся, в сущности, немислимыми никакие рассуждения о каком-то наместничестве в Церкви. Об этом можно говорить лишь до тех пор, пока мы рассматриваем Церковь как земную, человеческую организацию, хотя и с небесными задачами. На первом плане здесь администрация, а для администрации не важно, от кого исходит распоряжение, лишь бы данное лицо имело надлежащие полномочия (разрядка наша — С.Б.). Но при указанном апостольском учении говорить о замене Христа кем-либо другим не только неприемлемо, но не лишено даже значительной доли кощунства для чуткой христианской совести»⁸.

Казалось бы, богословствуя, митрополит Сергей не придавал особого значения земной структуре Церкви. Хотя в его статье ощущается скрытая полемика с митрополитом Кириллом и единомысленными ему епископами, духовенством и мирянами. Почему же он с такой решимостью принялся отстаивать административную структуру, тот зыбкий церковный центр, который он создал и возглавил? Хотя считал, что основная опасность для Церкви проистекает прежде всего от церковных людей: «...враждебный Христу мир не только будет стремиться погасить светильник Христов всякими гонениями и другими внешними средствами. Мир сумеет проникнуть внутрь самого корабля Христова: среди поставленных Христом блюстителей церковных сумеет найти себе слуг, чтобы их руками разрушать дело Божие»⁹. Он понимал, что Церковь

жива лишь до тех пор, пока остается верна Христу, Его заветам: «...С удалением Его остается лишь форма Церкви, пустая, безблагодатная и неспасительная, чему церковная история представляет немало примеров... *та же церковная история делает нам и суровое предостережение против особых надежд на внешнюю систему* (разрядка наша — С.Б.). Достаточно вспомнить имена Нестория, Диоскора и им подобных, возглавлявших патриархаты, или Римских Пап последующего времени. Целые народы, когда-то блиставшие православием, славные мученичеством и подвижничеством, а теперь отпавшие от Церкви, остаются печальными памятниками человеческого несовершенства системы при всей ее мудрости. Как учреждение Божественное и с задачами вышесмирными, Церковь не может существовать лишь человеческими средствами и человеческой мудростью»¹⁰.

Неужели митрополит Сергей не отдавал отчета в том, что он и верные ему епископы оставлены на свободе Сталиным только для того, чтобы их, в случае необходимости, можно было продемонстрировать Западу? Большевики громко заявляли, что никаких гонений за веру в СССР не существует. Они пытались предстать перед капиталистическим Западом вполне цивилизованными политиками, поскольку сильно зависели от него. Важно было торговать с Западом, получать новые технологии. Загнав оставшихся на свободе православных епископов в гетто, большевики заставляли их лгать, лжесвидетельствовать перед остальным миром, что большевики вполне легитимны и не являются преступниками. Тем самым митрополит Сергей и верный ему епископат становились соучастниками творившихся преступлений против собственного народа и остального мира. Как тогда, так и сегодня ряд епископов всерьез считают, что митрополит Сергей «переиграл» Сталина. И что это подтвердилось значительно позже, после встречи Сталина с тремя митрополитами в сентябре 1943 года. Сподвижники митрополита Сергея в один голос говорили о его мудрости и дальновидности. В их воспоминаниях звучит один мотив — будто бы он предвидел дальнейшее развитие событий и поэтому шел на все ради того, чтобы сохранить апостольское преемство. Что было бы, восклицают они, если бы Сталин решил, что возглавить Русскую Церковь должны обновленцы? Но к 1943 году различия между православными и обновленцами стерлись настолько, что многих обновленцев после покаяния митрополит Сер-

Протопресвитер Александр Шеман

гий принимал в сущем сане. Если принять их аргументацию, то получается, что на самом деле митрополит Сергей «спас Русскую Церковь»¹¹.

Но может ли церковная организация стать самоцелью? Об этом в начале 70-х годов XX столетия размышлял профессор-протопресвитер Александр Шеман: «В том, однако, все и дело, в том вся антиномичная глубина Церкви, что «неотмирная» Ее сущность оставлена Господом в «мире сем» ради мира, ради спасения его (мира) путем обращения ко Христу, к жизни во Христе человека. В каждом человеке гибнет или спасается весь мир, и потому к каждому человеку направлена и обращена Церковь и

ради одного, бесценного и купленного «дорогой ценой», призвана все время оставлять 99. Не для себя существует Церковь и не в самосохранении внутренний духовный двигатель ее жизни. А потому пребывает в Ней очень тонкая, огромным числом «церковников» слишком часто не замечаемая черта, отделяющая подлинное и праведное охранение Церкви от соблазнительного самосохранения: когда церковное общество начинает, почти бессознательно, служить себе, а не назначению Церкви в мире. Когда верующие начинают ощущать Церковь, как существующую только для них и для удовлетворения их «религиозных нужд», и в этих нуждах, в этих церковных навыках, в своем духовном удовлетворении полагать мерило всего в жизни Церкви. Когда по видимости все остается таким же благолепным, молитвенным, духовным, утешительным, а на глубине уже искривлено тонким — самым тонким из всех! — духовным эгоизмом и эгоцентризмом. И потому главной заботой церковной совести не должна быть забыта эта черта, чтобы праведное охранение Церкви не превращалось в духовно-опасное, ибо двусмысленное и соблазнительное самосохранение...

Мученичество и исповедничество всегда остаются долгом христиан»¹².

В течение 30-х годов митрополит Сергей внимательно следил за церковной жизнью эмиграции. Более того — вопреки собственным советам постоянно вмешивался в жизнь зарубежных приходов. 27 апреля 1934 года Синод торжественно присвоил митрополиту Сергию титул Московского и Коломенского, хотя местоблюстителем — митрополит Крутицкий Петр (Полянский) был еще жив. Так продолжались искривления церковной жизни, которые не принимались ни «катакомбниками», ни зарубежными приходами, сохранившими верность митрополиту Евлогию в Европе, а в Америке — митрополиту Платону, а затем его преемнику — митрополиту Феофилу. 22 июня 1934 года сергианский Синод запретил в священнослужении «карловацких» епископов. В январе 1935 года последовало запрещение всех епископов Северо-Американской епархии, включая умершего к тому времени митрополита Платона. А в конце этого же года возникли споры вокруг учения протоиерея Сергия Булгакова о Софии. Начали его «карловацкие» епископы осенью 1935 года. Застрельщиком этого скандала стал сын известного богослова Николая Лосского — Владимир, бывший членом парижского братства святого Фотия, которое сохраняло верность митрополиту Сергию. Он публично обвинил отца Сергия в том, что он распространяет еретические суждения о Софии. Владимир Лосский обратился с обширным сочинением, которое позже, в 1936 году, вышло отдельной книгой: «Спор о Софии»¹³. Оно было отослано митрополиту Сергию (Страгородскому), который ознакомился с учением отца Сергия Булгакова не по его книгам, а в изложении Владимира Лосского. Из Москвы вскоре последовало церковное осуждение учения отца Сергия. В указе, адресованном митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию, который, в отличие от митрополита Евлогия (Георгиевского), перешедшего в юрисдикцию Константинопольского патриархата, сохранил верность Московской патриархии, значилось: «...по своему сану (протоиерей) и по своей должности (профессор догматики в Православном Богословском институте) Булгаков является в некотором роде официальным представителем Православной Церкви, и последней отнюдь не безразлично, что проповедуется им в качестве ее учения... Система Булгакова создана тоже не только философской мыслью, но и творческим воображением.

Это тоже есть поэма, увлекающая и высотой, и своим внешним видом: она оперирует терминами и понятиями, обычными в православной догматике, в Св. Писании и под(одобными). Но вот вопрос: церковное ли содержание влагает Булгаков в эту новую форму? Может ли наша Православная Христова Церковь признать учение Булгакова своим учением? Для решения этого вопроса не нужно излагать и разбирать всю систему Булгакова. Чтобы не быть ею загипнотизированными, подойдем к ней со стороны: возьмем несколько основных положений православной догматики и посмотрим, во что они превращаются в толковании Булгакова»¹⁴.

Митрополит Сергей, имевший репутацию видного богослова, не имел возможности непосредственно ознакомиться с книгами Булгакова. Поэтому осуждение было произнесено лишь по докладу членов парижского братства святого Фотия — священника Алексея Ставровского и мирянина Владимира Лосского. Указ митрополита Сергия гласил: «Учение проф(ессора) прот(оиерея) С.Н. Булгакова, своеобразным и произвольным (софианским) истолкованием часто искажающее догматы Православной веры, в некоторых своих пунктах и прямо повторяющее лжеучения, уже соборно осужденные Церковью, в возможных же из него выводах могущее быть даже и опасным для духовной жизни, признать учением чуждым Святой Православной Христовой Церкви и предостеречь от увлечения им всех верных ее служителей и чад... О самом прот(оиерее) С.Н. Булгакове, как состоящем вне общения с Православной Церковью Московского патриархата, особого суждения в настоящее время не иметь, но в будущем, в случае возникновения дела о принятии прот(оиерея) Булгакова в общение, поставить условием такого принятия, а равно и разрешения священнодействий, письменный его отказ от своего софианского истолкования догматов веры и от других своих вероучительных ошибок и письменное же обещание неизменной верности учению Православной Церкви»¹⁵.

Никого не интересовало, что отец Сергей свою «софиологию» никогда не выдавал за церковное учение. Основные положения «софиологии» он сам считал лишь теологуменами, т.е. частным богословским мнением, которого никому не навязывал. В дискуссии были вовлечены преподаватели Богословского института. Хотя осуждение учения отца Сергия со стороны Московского патриархата и «Карловацкого» Синода состоялось, оно не повлияло на его

преподавательскую деятельность, поскольку митрополит Евлогий (Георгиевский), являвшийся первосвятителем Парижского экзархата, относился дружелюбно к отцу Сергию. И все же он был вынужден создать комиссию, которая должна была рассмотреть учение Булгакова и вынести свое суждение. Позже он вспоминал: «Одновременно с этой комиссией (она была создана, чтобы рассмотреть «Проект временного управления Русской Церковью за границей», принятый «карловчанами» на Соборе в Белграде, где присутствовал митрополит Евлогий — С.Б.) возникла в те дни другая — для разбора учения прот(оиерея) С. Булгакова, под председательством протопресвитера И. Смирнова, в составе прот(оиерея) И. Ктитарева и профессоров: архим(андрита) Кассиана, прот(оиерея) Г. Флоровского, А.В. Карташева, В.В. Зеньковского и Б.И. Сове»¹⁶. Непонятно, зачем митрополиту Сергию понадобилось осуждение книг протоиерея Сергия Булгакова?

Эту инициативу уже не припишешь всесильному Е.А. Тучкову, который к этому времени уже был особоуполномоченным по Уралу, или АРК, которая также прекратила свое существование. И Синоду митрополита Сергия оставалось существовать совсем недолго — он был упразднен в 1935 году. А в 1937 году за борьбу с религией, после того как всенародная перепись показала, что большинство жителей СССР продолжают считать себя верующими, взялся нарком НКВД Николай Ежов. Массовые аресты стали обычным делом. Арестовывали уже без разбора — не только духовенство и интеллигентов, но и маршалов, красных командиров, партчиновников, рабочих и крестьян. Просматривая уголовные дела этих лет, приходишь к выводу, что их штамповали. Свидетели случайные, обвинения трафаретные, приговоры одинаковые: тюрьма, расстрел, крайне редко — ссылка. Только за 1937 год было закрыто 8 тысяч храмов, ликвидировано 70 епархий и викариатств, расстреляно 60 православных епископов.

Георгий Федотов в 1939 году так комментировал внешнюю и внутреннюю политику вождя большевиков: «Все подозревают Сталина в расчетах на мировую революцию, в том, что он предает Россию испанцам, китайцам, не знаю кому. Какая слепота! Что может быть бесспорнее предательства Сталиным революции в Европе! Предательства республиканской Испании, предательства чешских коммунистов. Думают, что если тиран душил Россию, то обязательно в интересах Интернационала, и не догадываются, что

служение Интернационалу тоже требует самоотречения, жертвенности, т.е. тех добродетелей, на которые Сталин неспособен. Быть полновластным хозяином страны, связать навеки свое имя с ее историей и пожертвовать этой страной в интересах человечества, братства трудящихся, поистине для этого требуется сверххристианская жертвенность. Всякий бандит, овладевший государством, перестает отделять интересы этого государства от своих собственных. Сталин, как немецкие императоры в Петербурге XVIII века, прежде всего хозяин России. Но хозяин хищнический, варвар, головопая, который, ради своих капризов или по своей тупости, губит землю или истощает ее силы. К естественному варварству прибавьте страх. Борьба за личную безопасность, за сохранение власти для тирана заслоняет все. Накануне войны он разрушает армию, чтобы обезопасить себя от заговоров, — в этом весь Сталин»¹⁷.

Важно еще раз прислушаться к голосам современников митрополита Сергия, особенно к тем, кто тогда находился в эмиграции и мог говорить свободно. Николай Бердяев отмечал: «Та природно-историческая среда, то царство кесаря, с которым Церковь встретилась в Римской империи, или в средневековом феодальном обществе, или в капиталистическом обществе нового времени, сами по себе не более христианские, чем рабоче-крестьянское государство, чем коммунистическое общество, если бы оно когда-либо осуществилось. Капиталистическое государство с церковно-христианской точки зрения не имеет никакого преимущества перед социалистическим государством. Церковь стремится только изнутри духовно христианизировать всякую встретившуюся ей природно-историческую среду, и всегда удается это Ей лишь отчасти вследствие сопротивления человеческого греха. Церковь не может иметь никакого политического идеала и не может быть связана ни с какой политической партией. Положительный идеал Христовой Церкви есть Царство Божие, т.е. личное, социальное и космическое преображение, обожение, новое небо и новая земля. Все земные политические формы для Церкви преходящи. Церковь лояльна в отношении государственной власти, хотя бы то была власть языческого кесаря Нерона или власть антихристианского Совета народных комиссаров, в том лишь смысле, что Она не ведет политической борьбы, не может быть одной из сторон в столкновениях, происходящих в царстве кесаря. Оценки Церкви остаются исключительно религиозными и нравственными... Комму-

нистическая власть родилась в состоянии смертного греха, она совершила много преступлений, убивала, истязала людей, развращала души детей, отравляла опиумом безбожия народную душу. Церковь не может не осуждать духовно зла и греха, не может не бороться духовно против дехристианизации русского народа. Но это не означает политической борьбы Церкви против советского строя, против рабоче-крестьянского государства, не означает склонности Церкви к контрреволюции и реставрации... Церковь может примириться и с коммунизмом, как природно-историческим фактом, стремясь его христианизировать. Но Церковь останется непримиримой в отношении антихристовой коммунистической идеологии...»¹⁸ В этой статье Бердяев полемизировал с «карловчанами», которые только себя считали подлинной Русской Церковью и ставили своей целью реставрацию монархии в России. Политиканство митрополита Антония (Храповицкого) и его единомышленников принесло немало бед гонимой Русской Церкви еще при жизни патриарха Тихона¹⁹.

Но Бердяев недооценил трагический надлом церковной жизни в России, который произошёл в 1927 году и привел вскоре к печальным последствиям. Георгий Федотов, размышляя над истоками этого события, писал: «Каким образом могло случиться, что путь патриарха Тихона, столь благодатный для Русской Церкви, в своем последовательном развитии привел Ее к развалу? Виной именно эта роковая «последовательность», которая противоречит принципу икономии. Компромисс допустим в определенное время и место, в определенных границах. Эти границы указываются внутренним тактом, духовной мудростью. За икономией и выше ее стоит нравственный и канонический закон, никогда не подлежащий отмене. Его нарушение может быть прощено в отдельном случае, но никогда не обращено в принцип, в норму поведения. Из малого, легкого, почти «святого» греха патриарха м(итрополит) Сергий создал традицию — традицию лжи, которой, к счастью для России, не вынесла русская церковная совесть. Ошибки и грехи иерархов и церковных политиков бессильны уничтожить то богатство святости, которое накапливается в Русской Церкви. Кровь мучеников, исповедничество десятков тысяч, незримое подвижничество новой русской Фиваиды, жаркие молитвы малого стада — все это может с избытком уравновесить в очах Божиих и в судьбах России эти ошибки и эти грехи. Талант организации никогда не давал-

ся Востоку, особенно России. Утрата единства церковной организации (не исключая ни наличности иерархии и действительности таинств) — последнее испытание, которое Бог посылает Русской Церкви. Будем верить, что Она выйдет из него снова единой, чистой, окрепшей и юной»²⁰.

Федотов поставил несколько важных проблем, которые не утратили своей актуальности и сегодня. Первая: можно ли выстроить церковную политику на односторонних компромиссах? Последствия сервилитета ужасны, поскольку обесценены вечно живые в Церкви понятия исповедничества и мученичества. Поначалу митрополит Сергий под давлением большевиков поставил российских мучеников на одну доску с уголовными преступниками. После конкордата 1943 года тех епископов и представителей духовенства, которые выступали против политики митрополита Сергия, из лагерей и тюрем не выпустили. Когда после Великой Отечественной войны их начали освобождать, многих не принимали наследники митрополита Сергия — они оставались за бортом церковной жизни. Уже после крушения коммунизма возникла необходимость реабилитировать их специальными государственными актами. Комиссия по канонизации при Священном Синоде поначалу рассматривала не столько подвиг мучеников, сколько их лояльность по отношению к митрополиту Сергию и проводимой им политике. Вторая, не менее важная проблема — признание ошибок митрополита Сергия и выстроенной им политики. А ей следовали его преемники — патриархи Алексий (Симанский) и Пимен (Извеков), который дважды был арестован и перенес лагеря и ссылку, был одно время среди «непоминающих». Признать позицию митрополита Сергия ошибочной означает для нынешних иерархов Русской Церкви, что ошибались и они, отрекаясь от исповедников и мучеников не только сталинской, но и хрущевской и брежневской эпох. Все это приводит к необходимости переосмысления пройденного в XX столетии Русской Церковью пути.

Один из церковных историков XX столетия, профессор-протопресвитер Иоанн Мейендорф заметил: «Нет основания думать, что «выбор», сделанный митрополитом Сергием, был следствием его личного малодушия. Никаких особенных привилегий он легализацией не достиг. «Легализация» 1927 года ничего не обеспечила ни духовенству, ни верующим. Помимо самого митрополита Сергия, семь архиереев подписали «Послание» 1927 года, но трое из

них вскоре погибли мученической смертью... Сотни других, менее известных представителей Сергиевского духовенства, а также приближенные самого митрополита погибли в кровавых сталинских чистках. Собственно, власть так и не признавала никакой разницы между Патриархией и церковными группами, отколовшимися от нее... Митрополит Сергей знал, что Советская власть — безжалостная и тоталитарная — могла легко разрушить церковную организацию. Но сохранение этой организации он считал своим архиерейским долгом. Другой, самый важный вопрос: нужна ли вообще церковная «организация», когда она лишена возможности говорить правду, а должна, наоборот, лгать не только в политической области, защищая сталинскую тиранию, но лгать о себе самой, отказываясь от своих мучеников, как это неоднократно принужден был делать митрополит Сергей и его преемники? В этой ужасной духовной дилемме — настоящий «соблазн» Сергиевской церковной линии: является ли церковная «организация» целью в себе? Не для того ли она существует, чтобы провозглашать истину, а не ложь?»²¹ Вряд ли можно согласиться с отцом Иоанном, что в поступке митрополита Сергия отсутствует такой мотив, как малодушие. Христиане, пережившие гонения, каким бы мужеством они ни обладали, вспоминают прежде всего испытание страхом. Холодный беспросветный ужас одиночки, бесконечные допросы, ощущение богооставленности — все это требует от христианина крайнего напряжения всех сил и беспредельного доверия Богу. Важная деталь, подмеченная историком, — ложь, произносимая от имени Церкви, неминуемо искривляет ее пути и требует публичного покаяния.

Отец Иоанн Мейендорф поставил еще одну важную проблему, которую можно обозначить как помутнение церковно-канонического сознания. Он писал: «Нынешняя путаница в нашем каноническом мышлении явно происходит от постоянного непонимания истинной природы канонического предания, выражающего понимание Церковью самой себя в таких выражениях, которые нельзя всецело сводить к категориям закона. Те, кто пытается утверждать абсолютную правовую действительность всех канонов, оказываются перед фактом, что Церковь не вспоминает некоторые из них вот уже несколько столетий. Те же, кто, наоборот, пытается обесценить все каноническое предание, по существу, отвергают саму Церковь»²². Манипулирование канонами, которое осуществлял

митрополит Сергей в конце 20-х и в 30-е годы, напоминает эквилибристику. Он пользовался канонами как оружием, направляя их против не согласных с ним епископов и духовенства. Раскрывая смысл богословского понятия «икономии», отец Иоанн Мейендорф писал: «Совершенно ошибочна, по моему мнению, концепция икономии, представляемой иногда в узком юридическом смысле «освобождения от действий закона», в противовес «строгому соблюдению закона»... Такое употребление этого термина правильно в некоторых случаях, когда икономия, т.е. забота о человеческом спасении, требует действий, противоречащих букве закона; но есть и такие случаи, когда забота о человеческом спасении, т.е. икономия, требует абсолютной строгости (даже превосходящей букву закона)... Икономия поэтому не есть понятие произвольное... Это есть признание того, что Бог продолжает действовать для спасения человечества иногда и не соответствующими канонам средствами. Распознавать это божественное действие есть не только право, но и обязанность Церкви, так же как долгом ее является отказ от признания всякой возможности присутствия божественной благодати в тех группировках, которые нацелены на разрушение Церкви Божией или на разрыв ее богодухновенного Предания»²³.

Симбиоз Церкви и государства, закрепленный на встрече трех митрополитов со Сталиным в 1943 году, привел к тяжелейшим последствиям. Сохранилась запись беседы Сталина с тремя митрополитами, которая произошла в Кремле 4 сентября 1943 года. Ее сделал видный чекист, впоследствии возглавивший Совет по делам Русской Православной Церкви, Георгий Карпов. Во время беседы с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) Сталин касался самых различных вопросов, в том числе и бытовых: «Тов. Сталин сказал, что церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку Правительства во всех вопросах, связанных с ее организационным укреплением и развитием внутри СССР, и что, как он говорил об организации духовных учебных заведений, не возражая против открытия семинарий в епархиях, так не может быть препятствия и к открытию при епархиальных управлениях свечных заводов и других производств. Затем, обращая ко мне, т. Сталин сказал: «Надо обеспечить право архиерея распоряжаться церковными суммами. Не надо делать препятствий к организации семинарий, свечных

заводов и т.д.» Затем т. Сталин, обращаясь к трем митрополитам, сказал: «Если нужно сейчас или нужно будет в дальнейшем, государство может отпустить соответствующие субсидии церковному центру». После этого т. Сталин, обращаясь к митрополитам Сергию, Алексею и Николаю, сказал им: «Вот мне доложил т. Карпов, что вы очень плохо живете: тесная квартира, покупаете продукты на рынке, нет у вас никакого транспорта. Поэтому Правительство хотело бы знать, какие у вас есть нужды и что вы хотели бы получить от Правительства?»... Через несколько минут представленный т. Сталину т. Поскребышевым план особняка по Чистому переулку, дом 5, с его подворными постройками и садом был показан для ознакомления митрополитам, причем было условлено, что на другой день, 5 сентября, т. Карпов предоставит возможность митрополитам лично осмотреть указанное выше помещение. Вновь затронув вопрос о продовольственном снабжении, т. Сталин сказал митрополитам: «На рынке покупать продукты вам неудобно и дорого, и сейчас продуктов на рынок колхозник выбрасывает мало. Поэтому государство может обеспечить продуктами вас по государственными ценам. Кроме того, мы завтра-послезавтра предоставим в ваше распоряжение 2–3 легковые машины с горючим».

Тов. Сталин спросил митрополита Сергия и других митрополитов, нет ли у них каких-либо еще вопросов к нему, нет ли других нужд у церкви, причем об этом т. Сталин спросил несколько раз.

Все трое заявили, что особых просьб больше они не имеют, но иногда на местах бывает переобложение духовенства подоходным налогом, на что т. Сталин обратил внимание и предложил мне в каждом отдельном случае принимать соответствующие меры проверки и исправления.

После этого т. Сталин сказал митрополитам: «Ну, если у вас больше нет к Правительству вопросов, то, может быть, будут потом. Правительство предполагает образовать специальный государственный аппарат, который будет называться Совет по делам Русской Православной Церкви, и председателем Совета предполагается назначить т. Карпова. Как вы смотрите на это?»

Все трое заявили, что они весьма благожелательно принимают назначение на этот пост т. Карпова»²⁴.

С момента этой беседы высший епископат Русской Православной Церкви был причислен к партийной номенклатуре и всем его льготам. Что такое продукты по «государственным ценам» в пе-

риод войны и голода? Это означало, что отныне продукты питания для архиереев будут поставляться из специальных кремлевских хозяйств. К числу номенклатурных льгот следует отнести: спецавтомобили, специальное медицинское обслуживание, спецсанатории, зарубежные поездки. Все это привело к тому, что высшая иерархия Русской Православной Церкви вошла в состав новой партийной знати, но уже откровенно богоборческого государства. Даже хрущевские гонения 1959 года, которые значительно поколебали многих российских христиан в правильности избранной митрополитом Сергием политики, не изменили благосостояния высшего епископата. Так постепенно возникал тот трагический разрыв между рядовыми верующими и высшим церковным управлением, который сохраняется и доныне. Беды простого церковного народа остаются для «синодалов» тайной за семью печатями. Они искренне недоумевали в годы брежневского правления: чего хотят церковные диссиденты? Хрущевское гонение захлебнулось, но ведь были открыты храмы, монастыри, существовали три духовные семинарии, две академии. Казалось — чего еще нужно прихожанам? Ныне покойный митрополит Питирим (Нечаев), находясь в зарубежной поездке в 1974 году, заявил, что не стоит крестить маленьких детей — пусть вырастут и тогда уже сами решают, принимать ли им крещение. За номенклатурные льготы необходимо платить — многие православные епископы в СССР принимали предложения спецслужб и сотрудничали с ними. Они регулярно снабжали КГБ необходимой информацией, получали клички и задания. Сегодня лишь единственный епископ — митрополит Литовский и Вильнюсский Хризостом — публично покался в том, что он сотрудничал с КГБ.

Преемники митрополита Сергия пытались оправдать его поступки. Избранную им церковную политику не подвергали сомнению патриархи Алексей I и Пимен. Неоднократно о верности избранного пути размышлял Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексей II: «Катакомбная» Церковь тридцатых и сороковых годов дала великое множество новых мучеников российских, благодаря молитвам которых стало возможным то робкое возрождение духовной жизни, которое мы сегодня переживаем. Важно узнать, как в посткоммунистической России оценивает православная иерархия давние события: «Декларация» 1927 г., еще раз повторю, сиюминутного реального плода не принесла. Но

курс, намеченный еще патриархом Тихоном и развитый митрополитом Сергием, все же помог сохранить Церковь и дожить до сегодняшнего дня. Этот курс был брать на свою совесть меньший грех, дабы избежать греха большего. Так солдат на войне убивает (и это грех), но отдать на погубление врагу своих ближних, с точки зрения Церкви, было бы грехом несравненно большим. Личное совершенство иногда приходится принести в жертву ради блага других.

Патриарх или митрополит, подставляющий под заведомый разгром свою паству, согрешил перед Богом, людьми и Россией больше, чем если бы компромиссом он заслонил Церковь. А заслонять пришлось разными путями, в том числе и провозглашением лояльности. Это больно. Но не может многомиллионная Церковь в тоталитарном государстве уйти в катакомбы. Мы грешили. Но виновны мы не перед народом. Ради него, ради возможности не уходить окончательно из реальной жизни сотен миллионов людей и иерархи Церкви брали на душу грех молчания, грех неправды. И за него перед Богом мы каялись всегда²⁵. Трудно согласиться с доводом, что Церковь в СССР была многомиллионной. В 20–30-е годы ее численность вряд ли превышала несколько сотен тысяч. В период Великой Отечественной войны началось постепенное возвращение россиян в лоно Церкви. Но, опять-таки, оно не было массовым. Сегодня трудно определить, какой грех был меньшим или большим. Ложь всегда остается ложью.

Сталин добился того, что «приручил» более чем на полвека православных иерархов, предоставив Церкви возможность существования в коммунистическом гетто. С точки зрения материалистов это была более высокая ступень бытия, нежели мученическая кончина или рабское существование в тюрьмах и лагерях. Но длительное пребывание в гетто вырабатывает определенное сознание и ущербную философию. Мир суживается до мыслимых пределов, а все, что существует за границами этого мирка, — некое враждебное марево, сон, почти вымысел. Все необходимое для существования в гетто, считает его обитатель, есть — это литургия, Типикон, аскеза, Предание, Священное Писание. Читая призывы Иисуса Христа «идти и проповедовать всему миру», христианин, воспитанный в гетто, оправдывает свое бездействие тем, что настали последние времена. Верных осталось немного, поэтому необходимо лишь хранить то малое, что осталось. Но вот авторитарная система рух-

нула. Страшный суд отодвинулся. Стены гетто рухнули, и перед христианами предстал несчастный, полный горя и проблем мир. Перед Церковью встает задача христианизации одичавшего за годы правления коммунистов населения. Выясняется, что за время полувекового прозябания в гетто Церковь не только утратила миссионерские навыки, но и не понимает, почему и зачем христиане должны идти к согражданам и благовествовать им. Люди, приходящие в храм, мешают постоянным прихожанам. И их начинают вытеснять. Возникает конфликт.

Важно обратиться к опыту зарубежного, католического богословия. Кардинал Анри де Любак утверждает: «Будучи переживаемой в вере тайной, Церковь от этого не перестает реально присутствовать в мире сем. В нем Она пребывает до скончания времен, в нем Она повсюду оставляет отпечаток Своего присутствия, в нем Она отстаивает свои права. Повсеместно Церковь влетает в ткань общества, изменяя тем самым ее текстуру. Называя себя «совершенным обществом», Она до какой-то степени дублирует общество мирское, чем сдерживает или стремится сдержать его в определенных рамках. В связи с этим между ними неизбежно возникает соперничество, разгорается непрестанная борьба. И Церковь, и мирская власть сетуют на «притязания» противной стороны». Нет ничего более шаткого, более непрочного, чем равновесие между ними. «Даже когда люди с той и с другой стороны искренне ищут согласия, крайне редко случается, чтобы два законодательства приходили в соответствие одно с другим. Едва удается урегулировать тот или иной конфликт, как немедленно возникают новые: в скрытом или откровенно-яростном, нелепом или трагическом обличье. Разве не подтверждается это двадцативековой историей, на всем протяжении которой с великим трудом можно отыскать краткие моменты равновесия? То Церковь преследуется государством, то, напротив, церковные иерархи узурпируют принадлежащие государству права. Ни одна из известных форм разделения Церкви и государства, равно как и их слияния, не решает проблемы в целом. Даже случаи самого совершенного симбиоза чреваты тяжкими последствиями. Самое что ни на есть лучшее здесь легко обращается в худшее. Определить, какая из двух властей стоит на службе у другой, практически невозможно; то ли Церковь господствует над миром, то ли мир подчиняет себе Церковь. Если удастся избежать разрыва, то лишь по недоразумению; прояснение же

недоразумения неизбежно порождает новые точки противостояния...»²⁶

«С полным основанием, пожалуй, можно утверждать, что Христос вложил в человека принцип духовной свободы — требующей от человека гораздо большего, чем может требовать любой тиран, — уже тем, что открыл ему его предназначенность к высшему бытию, к «земле, на которой обитает правда», что, произнеся «Царство Мое не от мира сего» и говоря ученикам: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу», Христос основал «царство духа», которое судит и определяет относительную ценность всех земных царств»²⁷. Рассматривая события прошлого, XX столетия, Анри де Любак замечает: «Государство... восстанавливается в своем древнем притязании быть высшей ценностью для каждого и превратиться — в лице тех, кто собой воплощает его власть, — в предмет почитания. Верующие христиане здесь снова становятся «безбожниками» и «врагами рода человеческого», каковыми они некогда виделись язычникам. Перед лицом такого рода успехов, угроз и притязаний насколько свежее и глубже звучит для христиан известная аксиома: «Ничего не любит Бог, как свободу Своей Церкви!»²⁸

В 1927 году государство считало, что оно полностью подчинило Церковь. С середины 30-х годов, сосредоточив в своих руках всю полноту власти, Сталин решил восстановить империю. В 1935 году он снова ввел в Красной армии офицерские и маршальские звания. Когда в 1936 году придворный поэт Демьян Бедный написал антирелигиозную пьесу «Крещение Руси», в дело вмешался ЦК партии. Пьеса была признана антинациональной и запрещена к постановке. Но эти акты Сталина не означали, что меняется его отношение к Церкви. Репрессии против собственного народа ужесточались. «В какой-то мере это было частью его общего похода против культуры, духовности, против народа; но здесь присутствовал еще один скрытый мотив, важный лично для вождя. Неуклонно и целенаправленно, следуя рецептам «маккиавелизма», строил он здание абсолютной диктатуры. С холодным расчетом убирал с пути все и вся, что могло иметь хотя бы тень опасности для его самодержавия. Нельзя было больше отделять от его личности и воли ни науку, ни искусство, ни литературу. Ни тем более религию. Но сохранять ее даже в «прирученном» виде было рискованно. Бог должен быть один — тот, что в Кремле, и вера в него призвана стать господствующей государственной идеологией.

Вождь — единственный оракул и носитель истины. Его не лимитирует даже формально исповедуемый им марксизм, ибо сам вождь полностью олицетворяет его доктрину»²⁹.

Сегодня в Русской Церкви, освобождающейся от пут коммунизма, мы наблюдаем две тенденции. Часть мирян и священнослужителей стремится освободиться от медвежьих объятий государства. Но епископат, в подавляющем большинстве, вновь ищет финансовой и даже моральной поддержки у государства, забывая, что за тесную связь с властью приходится слишком дорого платить. Более того — настаивают на том, чтобы православие было признано в России государственной религией. Христос на все призывы учеников воспользоваться Своим могуществом и встать во главе государства предупреждал: «Царство Мое не от мира сего». Об этом же в прошлом столетии напоминал русский мыслитель Георгий Федотов: «Всякая теократия таит в себе опасность насилия над совестью меньшинства. Раздельное, хотя и дружеское сосуществование Церкви и государства является лучшим решением для сегодняшнего дня»³⁰.

Страсть судить всех и вся, несмотря на, казалось бы, праведный пафос, все же остается страстью. Православная аскетика призывает нас бороться со своими страстями, какими бы благородными они нам ни казались. Не дело церковного историка выносить свои приговоры тем или иным историческим деятелям сталинского прошлого. Время и церковное сознание расставили свои акценты в давнем споре между митрополитом Сергием (Страгородским) и митрополитом Кириллом (Смирновым). На юбилейном Архиерейском Соборе в августе 2000 года митрополит Кирилл был причислен к лику святых, вместе с сотнями единомысленных с ним епископов, священников и мирян.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА I

- 1 Левитин Анатолий, Шавров Вадим. Очерки по истории Русской церковной смуты. Kusunacht, 1978.
- 2 Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. Париж, 1977.
- 3 Fletcher William C. A Study in Survival. The Church in Russia 1927–1943. London, S.P.C.K., 1965.
- 4 Curtis John Shelton. The Russian Church and the Soviet State. 1917–1950. Gloucester Mass. 1965.
- 5 Там же. С. 177.
- 6 Карр Э. История Советской России. Лондон, 1952.
- 7 Аксенов Г.П. Вернадский. М., 2001. С. 293.
- 8 Безансон А. Бедствие века. М., 2000. С. 73.
- 9 Там же. С. 74–75.
- 10 Шмеман Александр, *протоиерей*. Проповеди и беседы. М., 2000. С. 122, 123.
- 11 Там же. С. 94.
- 12 Там же. С. 97.
- 13 Шаламов В. Левый берег. М., 1989; Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1990; Мандельштам Н.Я. Воспоминания. Вторая книга М. 1990; Гинзбург Е. Крутой маршрут. Франкфурт-на-Майне, 1967.
- 14 Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. М., 1981. С. 196.
- 15 Ортега-и-Гассет Хосе. Восстание масс. В сб.: Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 317.
- 16 Там же. С. 318–319.
- 17 Там же. С. 324.
- 18 Там же. С. 326, 330.
- 19 Флоровский Г.В., *профессор-протоиерей*. Затруднения историка-христианина. Журнал «Мера». 1994, № 1. С. 9.
- 20 Там же. С. 9.
- 21 Там же. С. 15.
- 22 Там же. С. 23.
- 23 Мансуров Сергей, *священник*. Очерки из истории Церкви. Богословские труды. № VI, 1970; Карташов А.В. Вселенские Соборы. М., 1994.
- 24 Мансуров Сергей, *священник*. Очерки из истории Церкви. С. 79–80.
- 25 Карташев А.В. Вселенские Соборы. С. 7.
- 26 Флоровский Г.В., *профессор-протоиерей*. Затруднения историка-христианина. С. 10.
- 27 Акты Святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы. М. 1994.

- 28 Флоровский Г.В., *профессор-протоиерей*. Затруднения историка-христианина. С. 23.
- 29 Цыпин Владислав, *протоиерей*. История Русской Православной Церкви. 1917–1999. М., 1994.
- 30 Там же. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997.
- 31 Флоровский Г.В., *профессор-протоиерей*. Затруднения историка-христианина. С. 13–14.
- 32 Там же. С. 10–11.
- 33 Там же. С. 11.
- 34 Русак Владимир, *диакон*. Свидетельство обвинения. М., 1993. Т. 1–3.
- 35 Флоровский Г.В., *профессор-протоиерей*. Затруднения историка-христианина. С. 11.
- 36 Дамаскин (Орловский), *иеромонах*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия (жизнеописания и материалы к ним). Тверь, 1992, т. 1, Тверь, 1996, т. 2. Тверь, 1999, т. 3.
- 37 Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. М., 1996.
- 38 Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. М., 1997.
- 39 Флоровский Г.В., *профессор-протоиерей*. Затруднения историка-христианина. С. 12.
- 40 История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. 1917–1970. СПб., 1997.
- 41 Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. М., 1994–2000. Т. 1–10.
- 42 Серия: Российская Церковь в годы революции. Николай Любимов, *протопресвитер*. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля – 12 июня 1917 г.); Голубцов Георгий, *протоиерей*. Поездка на Всероссийский Церковный Собор. Дневник (29 января – 18 апреля 1918 г.). М., 1995.
- 43 Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.
- 44 Савельев С.Н. Ночь будет очень долгой. В журнале: «Знания – народу» № 9, 1990; Сб.: Религия и свободомыслие в культурно-историческом процессе. Под редакцией профессора С.Н. Савельева, СПб., 1991; Бог и комиссары (к истории Комиссии по отделению Церкви от государства при ЦК ВКП (б) – антирелигиозной комиссии). В сб.: Религия и демократия. М., 1993.
- 45 Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000.
- 46 Там же. С. 784–804.
- 47 Флоровский Г.В., *профессор-протоиерей*. Затруднения историка-христианина. С. 11–12.

ГЛАВА II

- 1 Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 101.
- 2 Ортега-и-Гассет, Хосе. Эстетика. Философия культуры. М.1991. С. 345.
- 3 Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998. С. 485, 486.
- 4 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 625.
- 5 Локкарт Р. Г. Брюс. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991. С. 111.
- 6 Там же. С. 157.
- 7 Булгаков С.Н. *протоиерей*. Автобиографические заметки. Париж, 1991. С. 73–74
- 8 Церковный Вестник. № 9–15, 1917. С. 57.
- 9 Карташев А.В. «Революция и Собор 1917–18 гг. Наброски для истории Русской церкви наших дней. Богословская мысль. Труды Православного Богословского института в Париже, вып. IV. С. 79.
- 10 Можайский В. Новая эпоха церковно-общественной жизни. Богословский вестник. № 6–7, 1917. С. 128–129.
- 11 Карташев А.В. Революция и Собор 1917–18 гг. Наброски для истории Русской церкви наших дней. С. 77–78.
- 12 Любимов Николай, *протопресвитер*. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля – 12 июня 1917 г.). В сб.: Российская Церковь в годы революции. М., 1995. С. 34.
- 13 Карташев А.В. Временное правительство и Русская Церковь. В сб.: Из истории христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 14–15.
- 14 Любимов Николай, *протопресвитер*. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода. С. 32–33.
- 15 Там же. С. 94–95.
- 16 Там же. С. 97.
- 17 Там же. С. 104.
- 18 Там же. С. 115.
- 19 Там же. С. 116.
- 20 Бердяев Н.А. Свободная Церковь и Собор. Собр. Соч. Т. 4. Париж, 1990. С. 208–209.

ГЛАВА III

- 1 Лебон Густав. Психология масс. М., 1998. С. 70–71. Первое издание этой книги на русском языке появилось в Петербурге в 1898 году. Книга Лебона находилась в библиотеке В.И. Ульянова (Ленина).

- 2 Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 97.
- 3 Когда Николай Бердяев утверждал, что Ленин не был дурным человеком, то перемещал тем самым проблему личности в истории в область морали. Вряд ли задача историка состоит в том, чтобы выяснять, был ли тот или иной государственный деятель или политик дурным или добрым человеком. О политике говорят его дела.
- 4 Дейч Г.М., Еврейские предки Ленина. Нью-Йорк, 1991. С. 30.
- 5 Там же. С. 20.
- 6 Валентинов Н. Недорисованный портрет. М., 1993. С. 73–74.
- 7 Там же. С. 170.
- 8 Ульянов (Ленин) В.И. Кто такие друзья народа и как они воюют против социал-демократов.
- 9 Валентинов Н. Недорисованный портрет. С. 218.
- 10 Там же. С. 141–142.
- 11 Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. с. 251.
- 12 Валентинов Н. Недорисованный портрет. с. 142.
- 13 Там же. С. 142–143.
- 14 Там же. С. 56.
- 15 Лебон Густав. Психология масс. С. 81.
- 16 Безансон Ален. Бедствие века. М., 2000. С. 6.
- 17 Валентинов Н. Недорисованный портрет. С. 31.
- 18 Земан З., Шарлау В. Парвус – купец революции. Нью-Йорк, 1991. С. 248.
- 19 «Условия поездки были оговорены заранее. В самом конце вагона в отдельном купе разместились два немецких офицера; перед их купе на полу мелом провели линию, отделявшую «российскую» часть вагона от «немецкой». Знаменитое название «пломбированный вагон» не следует воспринимать буквально, так как только трое дверей вагона были опечатаны, а четвертая, рядом с купе немецких офицеров, оставалась открытой. Эмигранты могли общаться с людьми, заходившими в поезд по дороге. Во Франкфурте Платтен (Фриц Платтен – швейцарский социалист, один из «левых» оппонентов Ульянова, вместе с Парвусом принявший активное участие в переговорах с немцами о проезде большевиков через территорию Германии – С.Б.) вышел, чтобы купить для пассажиров пиво и газеты, и попросил нескольких солдат помочь ему занести покупки в вагон. Вместе с солдатами в вагон заглянули железнодорожные рабочие. Неугомонный Карл Радек сразу же занялся любимым делом – начал агитировать рабочих совершить революцию в Германии». Роберт Сервис. Ленин. Минск, 2002. С. 293–294.
- 20 Вернадский Г.В. Ленин – красный диктатор. М., 1998. С. 146.
- 21 Безансон Ален. Бедствие века. М., 2000. С. 35.
- 22 Аксенов Г.П. Вернадский. М., 2001. С. 212.

ГЛАВА IV

- 1 Бердяев Н.А. Свободная Церковь и Собор. Собр. Соч. Т. 4. Париж, 1990. С. 208, 213.
- 2 Булгаков Сергей, *протоиерей*. Православие. Париж, 1985. С. 113.
- 3 Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994, т. I. С. 98.
- 4 Там же. Т. I. С. 99.
- 5 Мень Александр, *протоиерей*, Демократия и толпа. В сб.: Трудный путь к диалогу. М., 1992. С. 181–182.
- 6 Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. Т. I. Деяние XIV. С. 160.
- 7 Евлогий (Георгиевский), *митрополит*. Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 296.
- 8 Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. Т. 2. Деян. XXIV. С. 228–229.
- 9 Евлогий (Георгиевский), *митрополит*. Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 302–303.
- 10 Журнал Московской патриархии. 1990. № 4. С. 69.
- 11 Там же. С. 69–70.
- 12 Евлогий (Георгиевский), *митрополит*. Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 305.
- 13 Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1996. т. 5. С. 299–300.
- 14 Там же. Т. 6. Деян. 60. С. 301.
- 15 Первое Советское правительство. М., 1991. С. 15–16.
- 16 Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1996. Т. 6. Деян. 62. С. 349–350.
- 17 Там же, Т. 6. Деян. 66. С. 4–5.
- 18 Там же. Т. 6. Деян. 66. С. 5.
- 19 Там же. Т. 6. Деян. 69. С. 74.
- 20 Там же. Т. 8. Деян. 102. С. 29.
- 21 Там же. Т. 6. Деян. 67. С. 21.
- 22 Там же. Т. 6. Деян. 67. С. 43, 44, 45.
- 23 О религии и церкви: сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. М., 1981. С. 114–116.
- 24 Голубцов Георгий, *протоиерей*. Поездка на Всероссийский церковный Собор. В сб.: Российская Церковь в годы революции. М., 1995. С. 206–207.
- 25 Церковные ведомости. № 9–10. 1918.
- 26 Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1999. т. 8. Деян. 104. С. 58, 59, 60, 61.

- 27 Голубцов Георгий, *протоиерей*. Поездка на Всероссийский Церковный Собор. С. 167.
- 28 Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1999. Т. 8. Деян. 105. С. 80.
- 29 Там же. Т. 8. Деян. 106. С. 107.
- 30 Там же. Т. 8. Деян. 111. С. 151.
- 31 Там же. Т. 8. Деян. 115. С. 197.
- 32 Голубцов Георгий, *протоиерей*. Поездка на Всероссийский Церковный Собор. С. 215–216.
- 33 Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 2000. Т. 9. Деян. 118. С. 9.
- 34 Там же. С. 24.
- 35 Там же. С. 25.
- 36 Безансон Ален. Бедствие века. М., 2000. С. 33.
- 37 Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 2000. Т. 9. Деян. 129. С. 137–138.

ГЛАВА V

- 1 Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. СПб., 1908. Т. I. С. 2, 3, 6.
- 2 Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 17–18.
- 3 Киприан (Керн), *архимандрит*. О религиозном пути Александра Блока. Вестник русского студенческого христианского движения. I–II, 1968. С. 68–69.
- 4 Франк С.Л. Биография П.М., Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 120.
- 5 Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции. в сб. Из глубины. М., 1990. С. 32.
- 6 Там же. С. 33.
- 7 Аксенов Г.П. Вернадский. М., 2001. С. 262.
- 8 Бердяев Н.А. Души русской революции. В сб.: Из глубины. М., 1990. С. 60.
- 9 Булгаков С.Н. На пиру богов. В сб.: Из глубины. С. 134.
- 10 Струве П.М., Исторический смысл русской революции и национальные задачи. В сб.: Из глубины. С. 246.
- 11 Франк С.Л. De profundis. В сб.: Из глубины. С. 254.
- 12 Там же. С. 256.
- 13 Киприан (Керн), *архимандрит*. О. Антонин Капустин. М., 1997. С. 102.
- 14 Устав братства апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Конец 70 – начало 80-х годов (архив автора).
- 15 Бердяев Н.А. Спасение и творчество. Журнал «Путь». № 2, январь 1926. С. 26.

16 Церковные ведомости. 1918, № 5.

17 Архив автора.

18 Рассказ о дмитровском периоде жизни епископа Серафима составлен по машинописному сборнику «Материалы к биографии еп. Серафима Звездинского». Сразу по приезду, собрав дмитровских священников, епископ Серафим отслужил благодарственный молебен. В течение трех лет он находился на Дмитровской кафедре. Ежедневно, сначала в Подлипечьи, а затем в домашнем храме во имя преподобного Серафима Саровского, владыка служил литургию. Еп. Серафим был человеком доступным, часто навещал свою паству. Даже возвращаясь поздно, он заезжал к своим чадам. Келейник так и говорил ему: «Владыка, вот огонек, не нас ли ждут? Не всех успели объехать!» Не довольствуясь общей исповедью, владыка перед литургией часто сам исповедовал причастников, хотя до своего епископства никогда не исповедовал. (Архив автора). В начале 80-х годов часть архивов удалось передать в Париж, где Н.А. Струве сначала в «Вестнике русского христианского движения», № 133, опубликовал краткое житие епископа Серафима Звездинского, а затем издал книгу — «Архиепископ Серафим Звездинский. Житие, проповеди».

19 Текст акафиста сохранился в архиве автора.

20 Матушка Фамарь, в миру Тамара Александровна Марджанова. Родилась в конце 60-х годов XIX столетия в богатой и культурной грузинской семье. Приняла монашество в Грузии, в Бодбийском монастыре, с именем Ювеналии. В 1902 году стала игуменьей этого монастыря. Во время революционных волнений 1905 года указом Святейшего Синода она была переведена в Москву и назначена настоятельницей Покровской общины. В Москве она сблизилась с великой княгиней Елизаветой Федоровной. В 1912 году под Москвой было окончено строительство Серафимо-Знаменского скита, который был основан ею по велению Божьей Матери, когда она гостила в Дивеевской обители. Скит просуществовал недолго — двенадцать лет — и был разрушен коммунистами в 1924 году. Постригшись в схиму, матушка приняла новое имя — Фамарь. Сохранился портрет матушки работы Павла Корина из цикла к его полотну «Реквием». Матушку Фамарь с епископом Серафимом Звездинским и его другом — епископом Арсением Жадановским связывали тесные духовные отношения. Более подробно см.: Матушка Фамарь, сборник воспоминаний. New York, RBR (без года).

21 Соколова М.Н. Жизнеописание московского старца отца Алексея Мечева. М., (без года). С. 40—41.

22 Там же. С. 68.

23 Епископ Серпуховской Арсений (Александр Иванович Жадановский), (1874—1937). Родился в Харьковской губернии в семье священника. Закончил Харьковское духовное училище, а затем в 1894 году — семинарию. Работал в Харьковском духовном училище надзирателем. В

1899 году, уже будучи монахом, поступил в Московскую духовную академию. В 1903 году окончил академию и был назначен казначеем Чудова монастыря в Кремле. В 1904 году стал архимандритом и заместителем Чудова монастыря. Развернул большую миссионерскую и издательскую деятельность. Издавал «Духовные дневники», религиозно-просветительскую литературу под названием «Лепта обители святителя Алексия», а затем, с 1912 года — журнал «Голос Церкви», который считался одним из наиболее живых и содержательных богословских ежемесячников. В 1914 году был хиротонисан во епископа Серпуховского. В советский период несколько раз подвергался арестам, ссылкам, лагерям. После 1927 года находился в оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). С епископом Серафимом (Звездинским) его связывала многолетняя духовная дружба. Последний раз был арестован 14 апреля 1937 года. 27 сентября 1937 года был расстрелян. Похоронен в братской могиле в поселке Бутово под Москвой.

24 Соколова М.Н. С. 89—90.

25 Московский священник Валентин Амфитеатров (1836—1908) был настоятелем Архангельского собора в Кремле. Известен как проповедник и духовный писатель. В 1916 году вышли «Духовные поучения, проповеди Валентина Николаевича Амфитеатрова, бывшего настоятеля московского придворного Архангельского собора, записанные с его слов одной из его духовных дочерей». Переиздано его жизнеописание: Подвижник веры и благочестия протоиерей Валентин Амфитеатров. М., 1995.

26 Соколова М.Н. Указ. соч. С. 92—93.

27 Там же. С. 116.

28 Там же. С. 111, 113.

29 После смерти Т.И. Куприяновой в 1954 году ее муж Борис Александрович Васильев собрал свидетельства и воспоминания об отце Алексии Мечева в книгу. В конце 60-х годов она была передана протоиереем Александром Менем в Париж, где была издана в 1970 году: Отец Алексей Мечев. Воспоминания. Проповеди. Письма. Вторым изданием книга вышла в Париже в 1989 году. Часть воспоминаний, собранных Б.А. Васильевым, не вошла в основной корпус и была издана в 1994 году в Москве: Московский батюшка. Борис Александрович собрал в единый том дневниковые записи Татьяны Ивановны и ее переписку с отцом Сергием Мечевым, находившемся в заключении. (Архив автора.) В 2001 году после причисления к лику святых священников Алексия и Сергия Мечевых, автором этих строк материалы были собраны и изданы в сборнике: Маросейка.

30 Дневники Т.И. Куприяновой. (Архив автора.)

31 Там же.

32 Серафим (Батюков), *архимандрит*. См.: Василевская В.Я. Катакомбы XX века. М., 2001.

33 Мень Александр, *протоиерей*, в книге: Васильев Б.А. Духовный путь Пушкина. М., 1994. С. 297.

ГЛАВА VI

- 1 Евлогий (Георгиевский), *митрополит*. Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 95–96.
- 2 Там же. С. 98.
- 3 Ежегодник Православной Церкви в Америке. 1975. Кн. 1. С. 3.
- 4 Евлогий (Георгиевский), *митрополит*, Путь моей жизни. С. 98–99.
- 5 Ежегодник Православной Церкви в Америке. 1975. Кн. 1. С. 5.
- 6 Зайченко П. профессор. Воспоминания. // ЖМП. № 4. 1990. С. 71.
- 7 Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор Деяний. Третья сессия. М., 2000. С. 28.
- 8 Там же. С. 66–67.
- 9 Там же. С. 153.
- 10 Церковные ведомости. № 9–10. 1918.
- 11 Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор Деяний. Третья сессия. М., 2000. С. 169.
- 12 Там же. С. 239–240.
- 13 Там же. С. 244–245.
- 14 Там же. С. 248.
- 15 Следственное дело патриарха Тихона. М., 2000. С. 100.
- 16 Патриарх Тихон и история Русской церковной смуты. СПб., 1994. С. 238–239.
- 17 Акты Святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. Составитель М.Е. Губонин. М., 1994. С. 160–161.
- 18 Российский Государственный архив социально-политических исследований. Ф. 17. Оп. 3. 184. Л. 1.
- 19 Акты Святейшего патриарха Тихона. С. 176–177.
- 20 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 261. Л. 6.
- 21 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 261. Л. 13–14.
- 22 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 244. Л. 29.
- 23 Акты Святейшего патриарха Тихона. С. 190.
- 24 Там же. С. 191.
- 25 Ленин В.И. Письмо В.М., Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 г. // Известия ЦК КПСС, № 4. 1990. С. 191.
- 26 Ленин В.И. О религии и церкви. М., 1966. С. 95–96.
- 27 Там же. С. 96.
- 28 Политбюро и Церковь. 1922–1925. Книга 1. Новосибирск-Москва, 1997. С. 133–134.
- 29 Политбюро и Церковь. 1922–1925. Книга 2. Новосибирск-Москва, 1998. С. 395–396.
- 30 Ленин В.И. «Письмо В.М., Молотову для членов Политбюро ЦК КПСС от 19 марта 1922 г. С. 194

ГЛАВА VII

- 1 Васильева О. Серый кардинал ВЧК. «Новое время», № 46, 1993. С. 43. В архиве Е.А. Тучкова сохранился машинописный лист с его правкой, который свидетельствует о том, что первоначальный набросок представления к награждению был составлен им.
- 2 Ярославский Е. Против религии и церкви. М., 1933, т. II. С. 161.
- 3 Губонин М.Е. Патриарх Тихон и история русской церковной смуты. СПб., 1994. С. 197–199.
- 4 Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925. Новосибирск–Москва., 1998, часть 2. С. 355–356.
- 5 РГАСПИ, Ф. 5, Оп. 2. Д. 55. Л. 43.
- 6 Там же. Л. 43.
- 7 Там же. Л. 41–42.
- 8 Шрейдер Михаил. НКВД изнутри. М., 1995. С. 9.
- 9 Там же. С. 9.
- 10 Васильева О. Серый кардинал ВЧК. с. 43.
- 11 Там же. С. 43.
- 12 Там же. С. 43.
- 13 Архив Е.А. Тучкова.
- 14 Там же.

ГЛАВА VIII

- 1 Политбюро и Церковь. 1922–1925. Книга 1. С. 282–283.
- 2 Акты Святейшего патриарха Тихона. С. 280–281.
- 3 Мы никогда не сможем в полноте понять и восстановить, как проходили переговоры патриарха Тихона и митрополита Петра с Тучковым. Зная позднейшую технологию допросов ВЧК, попытаемся реконструировать тогдашнюю ситуацию. Во многом она напоминает арест и позднейшее раскаяние в 1980 году священника Димитрия Дудко. После освобождения он рассказывал мне, что поначалу (он был арестован в январе) держался твердо и отказывался от показаний. Но вскоре следователь, чисто по-человечески беседуя с ним, без протоколов, сумел найти общий язык и начал убеждать его, что своей деятельностью он только вредил Церкви и государству. Уже в марте было достигнуто соглашение, что отец Димитрий выступит с обращением, причем текст этого обращения он начал писать сам. Но как только подобное соглашение было достигнуто, началась долгая и выматывающая работа над текстом, которая длилась три с половиной месяца! От первоначального варианта отца Димитрия почти ничего не осталось. Но отступить было поздно — измотанный заключением пожилой человек, уже испытывавший все прелести сталинских концлагерей, капитулировал, подписав тот вариант раскаяния, который был подготовлен уже не им, а группой следователей.

- 4 Савельев С.Н. Бог и комиссары. В сб.: Религия и демократия. М., 1993. С. 191.
- 5 Акты Святейшего патриарха Тихона. С. 282.
- 6 Там же. С. 282.
- 7 Там же. С. 283.
- 8 Там же. С. 283.
- 9 Там же. С. 284–285.
- 10 Там же. С. 286.
- 11 Там же. С. 287.
- 12 Савельев С.Н. Бог и комиссары. С. 192.
- 13 Акты Святейшего патриарха Тихона. С. 288.
- 14 Савельев С.Н. Бог и комиссары. С. 192.
- 15 Политбюро и Церковь. 1922–1925. Книга 2. С. 395–396.
- 16 Там же. С. 401–402.
- 17 Там же. С. 402–403.
- 18 Там же. С. 403.
- 19 Там же. С. 406–407.
- 20 Там же. С. 408.
- 21 Там же. С. 408–409.
- 22 Савельев С.Н. Бог и комиссары. в сб. Религия и демократия. М., 1993. С. 198.
- 23 Дневник дежурного врача В.И. Ленина в 1922–1923 гг. Вопросы истории КПСС, № 9, 1991. С. 53.

ГЛАВА IX

- 1 Федотов Г.П. О Русской Церкви. Собр. Соч., Т. 2, М., 1998. С. 5–6.
- 2 Акты Святейшего патриарха Тихона. С. 313.
- 3 Там же. С. 314.
- 4 Там же. С. 317.
- 5 Федотов Г.П. О Русской Церкви. С. 11–12.
- 6 Савельев С.Н. Бог и комиссары. С. 190.
- 7 Акты Святейшего патриарха Тихона. С. 325.
- 8 Там же. С. 326.
- 9 Там же. С. 332–333.
- 10 Там же. С. 336.
- 11 Там же. С. 340, 344.
- 12 Следственное дело патриарха Тихона. С. 397.
- 13 Там же. С. 403.
- 14 Там же. С. 407.
- 15 Регельсон Л.Л. Трагедия Русской Церкви. Париж, 1977. С. 383.
- 16 Там же. С. 374.
- 17 Свет России (Московские воспоминания. 1923–1927). Журнал «Церковно-исторический вестник», № 9, 2002. С. 21–22.

- 18 Регельсон Л.Л. Трагедия Русской Церкви. С. 377–378.
- 19 Корин П. Избранные произведения. М., 1985. С. 3.
- 20 Акты Святейшего патриарха Тихона. С. 361.
- 21 Регельсон Л.Л. Трагедия Русской Церкви. С. 386.
- 22 Акты Святейшего патриарха Тихона. С. 362.
- 23 Трубецкой Г.Н. Памяти св. Патриарха Тихона. Журнал «Путь», № 1, Париж, 1925. С. 88.
- 24 Там же. С. 88.
- 25 Федотов Г.П. О Русской Церкви. Собр. Соч. Т. II, М., 1998. С. 12.
- 26 Акты Святейшего патриарха Тихона. С. 418, 420.
- 27 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Ед. хр. 775, Л. 3.
- 28 Там же. Л. 39.
- 29 «Известия», 15 ноября 1925 г.
- 30 РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Ед. хр 14. Л. 39.
- 31 Акты Святейшего патриарха Тихона. С. 425
- 32 Там же. С. 425.
- 33 Там же. С. 425.

ГЛАВА X

1 Достаточно перечитать сборник «Патриарх Сергей и его духовное наследство» (М., 1947). Тогда еще не успела развеяться эйфория у епископата и духовенства, сохранившего верность митрополиту Сергию, от встречи трех митрополитов с Иосифом Сталиным в сентябре 1943 года и от неожиданного поворота в отношениях Церкви и государства. У многих церковных людей того времени возникло ощущение, что только мудрость и прозорливость митрополита Сергия позволили Русской Церкви выжить в СССР.

- 2 Регельсон Л.Л. Трагедия Русской Церкви. Париж, 1977. С. 121.
- 3 Крахмальникова З.А. В поисках обещанного рая. М., 1993. С. 37. Крайним проявлением подобных взглядов стала книга «Красная патриархия. Волки в овечьей шкуре». Она опирается на исследование Л.Л. Регельсона, а также на статьи З.А. Крахмальниковой, Г.П. Якунина, А.И. Нежного. Книга, изданная «Богородичным центром» в 1993 г., более представляет интерес для психиатров, нежели для историков. Жаль, что тираж ее достаточно велик – 50 тысяч экз.
- 4 Проценко П.Г. Биография епископа Варнавы (Беляева). Нижний Новгород, 1999. С. 288.
- 5 Георгиевский Г.П. Патриарх Сергей Страгородский. В сб. Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947. С. 192.
- 6 Там же. С. 203.
- 7 Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия. Париж, 1947. С. 109.
- 8 Антоний (Храповицкий), *архимандрит*, цит. по: Архиепископ Сер-

гий Страгородский. Православное учение о спасении. М., 1991. С. 257. Труд архимандрита, впоследствии архиепископа Сергия (Страгородского) выдержал до революции пять изданий. В 1991 году вышло 6-е — массовым тиражом.

9 Патриарх Сергий и его духовное наследство. М., 1947. С. 195, 197, 198.

10 Соколов В.А. в кн.: Архиепископ Сергий Страгородский. Православное учение о спасении. М., 1991. С. 263.

11 Антоний (Вадковский), *митрополит*. Речи, слова, и поучения. Изд. 1—3, СПб., 1890, 1901, 1912. Цит. по: Бронский В.И. Памяти митрополита Антония (Вадковского). ЖМП, № 6, 1973. С. 63.

12 Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский. М., 1990. С. 366.

13 Записки Петербургских Религиозно-Философских Собраний. СПб, 1906. С. 159, 163, 164.

14 Там же. С. 164.

15 Любимов Николай, *протопресвитер*, Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода. В сб.: Российская Церковь в годы революции. М., 1995. С. 92.

16 Стеклов Ю.М., Год борьбы за социальную революцию. М., 1919, ч. II. С. 301 (статья в «Известиях» за 10 декабря 1917 г.).

17 Фиолетова Н.Ю. История одной жизни. В сб.: Минувшее. М., 1992, № 9. С. 3.

18 РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 196. Л. 1.

19 Там же. Л. 2.

20 Там же. Л. 3.

21 Цит. по Регельсон Л.Л. Трагедия Русской Церкви. Париж, 1977. С. 303—304.

22 Там же. С. 304.

23 Евлогий (Георгиевский), *митрополит*, Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 197—198.

24 Бердяев Н.А. Свободная Церковь и Собор. Собр. Соч. Т. 4, Париж, 1990. С. 213.

25 Архивы Кремля. Политбюро и Церкви. 1922—1925. М., 1998, т. 2. С. 445.

26 Записка митрополита Сергия (Страгородского). Православная Русская Церковь и Советская власть (к созыву Поместного Собора Православной Российской Церкви). В сб.: Следственное дело патриарха Тихона. М., 2000. С. 785.

27 Там же. С. 786—787.

28 Там же. С. 788—789.

29 Там же. С. 790.

30 Там же. С. 794.

31 Там же. С. 795.

32 Там же. С. 796—797.

33 Там же. С. 797.

34 Там же. С. 798.

35 Там же. С. 799.

36 Там же. С. 801.

37 Там же. С. 802.

38 Елевферий (Богоявленский), *митрополит*. Неделя в патриархии. В сб.: Из истории христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 236.

39 Александр (Толстопяттов), *епископ*. В Бозе почивший патриарх Сергий. В сб.: Патриарх Сергий и его духовное наследство. М., 1947. С. 223—224.

40 Там же. С. 225.

41 Иоанн (Разумов), *архимандрит*. Христианский уклад домашней жизни Святейшего патриарха Сергия. В сб.: Патриарх Сергий и его духовное наследство. М., 1947. С. 232—233. Нигде не сохранилось каких-либо свидетельств о сексуальной ориентации митрополита Сергия. Однако его келейник, с 1936 года эконоом Московской патриархии, затем — архимандрит, а впоследствии митрополит Псковский и Порховский Иоанн (Разумов) был гомосексуалистом. Он подбирал в Псковской епархии духовенство соответствующей ориентации. В годы правления коммунистов подобные епископы поддерживались Советом по делам религий. Считалось, что верующие, сталкиваясь с пороками епископата и духовенства, утратят веру и будут покидать церковь. Таким образом, в борьбе с религией будут достигнуты большие успехи.

42 Биографическая справка. И. Сталин: Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства. Публикация М.И. Одинцова в журнале «Диспут», М., 1992, № 3. С. 145.

ГЛАВА XI

1 Акты Святейшего патриарха Тихона. С. 428.

2 Там же. С. 429.

3 Там же. С. 430.

4 Там же. С. 431.

5 Там же. С. 431.

6 Там же. С. 432, 434.

7 Там же. С. 435.

8 Там же. С. 436—437.

9 Там же. С. 438.

10 Там же. С. 440.

11 Там же. С. 440. Законным распоряжение митрополита Петра, назначившего местоблюстителя вместо себя, или, точнее, каноническим никак не назовешь. Подобного этому прецедента в истории Церкви не сыщешь, и даже тогдашним ненормальным условиям церковной жизни вряд ли оно соответствовало.

- 12 Там же. С. 441–442.
 13 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Ед. хр. 353. Л. 9.
 14 Акты Святейшего патриарха Тихона. с. 458. Письмо от 30 апреля 1926 г.
 15 Там же. С. 461. Письмо от 16 мая 1926 г.
 16 Там же. С. 462.
 17 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Ед. хр. 353. Л. 9–10.
 18 Там же, Л. 9.
 19 Акты Святейшего патриарха Тихона. С. 462.
 15 Там же. С. 462.
 16 Там же. С. 465.
 17 Там же. С. 465.
 18 Там же. С. 467.
 19 Там же. С. 468–469.
 20 Там же. С. 475.
 21 Там же. С. 477. Письмо от 13 июня 1926 года.
 22 Там же. С. 478.
 23 Там же. С. 478.
 24 Там же. С. 478.
 25 Там же. С. 479.
 26 Там же. С. 487.

ГЛАВА XII

- 1 Беседа с академиком Д.С. Лихачевым. (Архив автора.)
 2 Краснов-Левитин А.Э. Лихие годы. Париж, 1977. С. 73–74.
 3 Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 118, 119, 120.
 4 Безансон Ален. Бедствие века. М., 2000. С. 38.
 5 Там же. С. 39.
 6 Дурылин С.Н. В своем углу. М., 1991. С. 236.
 7 Краснов-Левитин А.Э. Лихие годы. Париж, 1977. С. 86–87.
 8 Полное собрание законов Российской империи с 1646 года. М., 1830, т. IV. С. 314.
 9 Там же. С. 314.
 10 Правда для служебного пользования. Из документов личного архива Ф. Дзержинского. (1918–1921). В сб.: Неизвестная Россия. XX век. Т. I, М., 1992. С. 34–35.
 11 Там же. С. 35.
 12 Там же. С. 35.
 13 Федотов Г.П. Об антихристовом добре. Собр. Соч. Т. II, М., 1998. С. 26.
 14 Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. М., 1999. С. 221–222.
 15 Цит. По: Регельсон Л.Л. Трагедия Русской Церкви. Париж, 1977. С. 269–270.

- 16 Там же. С. 270.
 17 Там же. С. 269.
 18 РГАСПИ. Протоколы Антиралигиозной комиссии. Протокол № 75 от 3 июля 1926 г. Л. 2.
 19 Бердяев Н.А. Философия неравенства. Париж, 1971. С. 52, 53.
 20 Там же. С. 66, 67.
 21 Там же. С. 68.
 22 Там же. С. 68.
 23 ЦА ФСМ., Дело № Н. 4290. Л. 6.
 24 ЦА ФСМ., Дело № 601064. Л. 6.
 25 ЦА ФСМ., Дело № Н. 4290. ЛЛ. 7,9.
 26 ЦА ФСМ., Дело № 601064. Л. 6. Впервые и наиболее полно для тех страшных времен обстоятельства тайного избрания патриарха были освещены в журнале русских католиков «Благовест», Париж, 1931, № 4 (сентябрь – октябрь).
 27 Там же. Л. 6.
 28 Архив автора. Рассказы священника Николая Педашенко, бывшего близким к митрополиту Сергию, а также ныне покойного священника Николая Трубецкого, хорошо знавшего митрополита Сергия (Воскресенского). Рассказы архимандрита Тавриона (Батозского). Передавая мнение епископа Павлина о тайных выборах патриарха, отец Таврион говорил, что митрополит Сергей уклонился от участия в тайных выборах патриарха, лишь благословив это начинание. Показания митрополита Сергия противоречат рассказу епископа Павлина. Митрополит Сергей все же пошел на риск, обратившись к иерархии с призывом принять участие в тайных выборах.
 В период заключения епископ Павлин дал показания против Ивана Кувшинова. Семья Кувшиновых проживала на Швивой горке, улица Володарского, д. 7, кв. 2. Отец, Иван Алексеевич Кувшинов, происходил из купеческого рода и служил при магазине шоколадной фабрики Симанова и Сельман на Тверской. В 1926 году ему исполнилось 50 лет. Сын – Иван Иванович – родился 7 января 1897. Окончил Московскую практическую коммерческую академию в 1918 году, проживал на Гончарной улице. Иван Кувшинов, в отличие от епископов, был арестован позднее – в начале 1927 года. У него хранились все документы по тайным выборам патриарха. ЦА ФСБ, дело № Н 4290. Первый приговор, вынесенный Ивану Кувшинову: 1 июля 1927 года: в концлагерь на три года. Потом добавили: 23 апреля 1930 года – выслать в Северный край на три года (Л. 7). Судьба Ивана Ивановича складывалась трагично. В 1931 году был арестован вторично вместе с большой группой духовенства. И, несмотря на то что времена были еще достаточно «вегетарианскими», он был приговорен к расстрелу.
 29 Регельсон Л.Л. Трагедия Русской Церкви. Париж, 1977. С. 413.
 30 Там же. С. 405. Об этом письме зарубежным иерархам во время допросов в 1927 году митрополиту Сергию был задан особый вопрос.

ГЛАВА XIII

- 1 Акты Святейшего патриарха Тихона. С. 501.
- 2 Там же. С. 501–502.
- 3 Там же. С. 512.
- 4 Там же. С. 502–503.
- 5 Там же. С. 683.
- 6 Там же. С. 503.
- 7 Там же. С. 503.
- 8 Там же. С. 504.
- 9 Там же. С. 504.
- 10 Там же. С. 502.
- 11 Там же. С. 510–512.
- 12 Там же. С. 505.
- 13 Там же. С. 506.
- 14 Там же. С. 507.
- 15 Там же. С. 510.
- 16 Там же. С. 510.
- 17 Там же. С. 507.
- 18 Там же. С. 516.
- 19 Там же. С. 521.
- 20 Там же. С. 518.
- 21 Там же. С. 537.
- 22 Там же. С. 525.
- 23 Там же. С. 548–549.
- 24 Там же. С. 549.
- 25 Евлогий (Георгиевский), *митрополит*. Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 618–619.
- 26 Цит. по: Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. М., 1999. С. 245, 246.
- 27 Там же. Бердяев Н.А. Вопль Русской Церкви. С. 251.
- 28 Там же. С. 251, 253.
- 29 Там же. Карташев А.В. Поражение и победа Православия. С. 247
- 30 Евлогий (Георгиевский), *митрополит*. Путь моей жизни (воспоминания митрополита Евлогия). Париж, 1947. С. 620.
- 31 Там же. С. 622.
- 32 Цит. по: Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. М., 1999. С. 244–245.
- 33 Федотов Г.П. Собр. Соч. Т. II. К вопросу о положении Русской Церкви. М., 1998. С. 155–156.
- 34 Там же. С. 156–157.
- 35 Там же. С. 157–158.
- 36 Там же. С. 160–161.
- 37 Там же. С. 161–162.

ГЛАВА XIV

- 1 Фудель С.И. Собр. Соч. Т. 1. С. 101.
- 2 Святитель Тихон и его время. В сб.: Богословский сборник, М., 2000. С. 10.
- 3 Там же. С. 12–13.
- 4 Там же. С. 15.
- 5 Фудель С.И. Собр. Соч. Т. 1. С. 99.
- 6 Там же. С. 99–100.
- 7 Там же. С. 101–102.
- 8 Крестный путь преосвященного Афанасия Сахарова. Вестник РХСД. 1973, № 107. С. 186.
- 9 Акты Святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М., 1994. С. 655–666.
- 10 Там же. С. 655.
- 11 Сталин И.В. Собр. Соч. Т. 10 с. 324.
- 12 Там же, Т. 10. С. 133.
- 13 Кашеваров А.Н. Государство и Церковь. СПб, 1995. С. 93.
- 14 XIV Всероссийский съезд Советов РСФСР. Бюллетени. М., 1929. С. 24–25.
- 15 Бухарин Н.И. Реконструктивный период и борьба с религией. Доклад на 2-м Всесоюзном съезде безбожников. М., 1929. С. 6–7.
- 16 Стенографический отчет II Всесоюзного съезда воинствующих безбожников. М., 1930. С. 93.
- 17 Акты Святейшего патриарха Тихона. С. 638.
- 18 Там же. С. 652.
- 19 Там же. С. 652–653.
- 20 Там же. С. 651.
- 21 Там же. С. 691.
- 22 Там же. С. 680–681.
- 23 Китеж. 1930, № 1. С. 1–5.
- 24 Евлогий (Георгиевский), *митрополит*. Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 620.
- 25 Федотов Г.П. Собр. Соч. Т.2. М., 1998. К вопросу о положении Русской Церкви. С. 163–164.
- 26 Акты Святейшего патриарха Тихона. С. 701.
- 27 Там же. С. 702.
- 28 Там же. С. 703.
- 29 ЦА ФСБ РФ. Дело по обвинению митрополита Кирилла Смирнова. Л. 4ВВ.
- 30 Там же.

ГЛАВА XV

- 1 Ухтомский А.А. Интуиция совести. Письмо А.А. Золотареву, осень 1927 г. СПб., 1996. С. 437–438. Размышляя над природой паранойи, Ух-

томский писал: «...параноик есть прежде всего «определенный социальный тип, поставленный перед определенной нравственной проблемой». Затем, это человек, глубоко и тонко чувствующий, требовательный к себе, способный к углубленному самоанализу. Наконец, это деятельный человек, экспансивный, не успокаивающийся в пассивной ресиньяции (покорность судьбе (фр.) — С.Б.), ...Паранойя не разовьется ни у пассивного мечтателя, ни у спортсмена... Кречмер думает, что вот такие люди, носящие в себе задатки внутреннего конфликта, и являются наиболее творческими натурами, говорящими человечеству наиболее ценные слова. Но вместе с тем, это и наиболее благоприятные натуры для развития параноических бредов...» (С. 439)

2 Там же. С. 439–440.

3 Акты Святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. Составитель М.Е. Губонин. М., 1994. С. 537.

4 Там же. С. 537.

5 Там же. С. 538.

6 Там же. С. 538.

7 Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947. С. 66.

8 Там же. С. 67.

9 Там же. С. 65.

10 Там же. С. 69–70.

11 Наиболее ярко эта точка зрения была изложена ныне покойным священником Николаем Педашенко в его стихотворении:

Стихи к синаксарию в день памяти святейшего патриарха Сергия

В «зминой мудрости» оставив голубей
Скитаться в милотех» под бременем скорбей,
Склонять свои главы к Голгофскому подножью;
«В вертепах и горах», близ северных морей,
Вымалывать себе и миру милость Божью,
«Замче» Блаженнейший «зияния зверей»,
Купив Жемчужину «смотрительною ложью».

Все стихотворение построено на цитатах из Священного Писания — Послание к Евреям (11, ст. 37–38): «Скитались в милотех и козых кожах, терпя скорби, озлобления, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущелиям». А также книга пророка Даниила (6, 22): «Бог мой послал ангела своего и заградил уста львам». Жемчужина — это, конечно же, Русская Церковь, которую митрополит Сергей (избранный им титул — Блаженнейший) покупает у Сталина (Антихриста) «смотрительною ложью». Теория «смотрительной лжи» была разработана святым Григорием Нисским: «В Христе он (сатана) привлечен и как бы очарован (а не уstraшен) необычайностью жизни и чудесами. Он спрашивает цену и получает в надежде, что если через смерть он овладеет плотью, то овладеет и всею на-

ходящейся в ней силой. Расчет обманщика был обманут — проглотив приманку плоти, пронзается удою Божества». Профессор-протоиерей Георгий Флоровский писал, что эту теорию опровергал уже современник святого Григория Нисского — святой Григорий Богослов.

Священник Николай Педашенко (1894–1980) родился в Москве, окончил с серебряной медалью гимназию, а в 1917 году — историко-филологический факультет Московского университета. Еще в годы учения в университете под влиянием профессора МДА и новомученика И.В. Попова активно занимался церковной историей. В 1923 году прочитал курс лекций по церковной истории Синодального периода на курсах Московской духовной академии. В 1947 году стал воспитателем в возрожденной Московской духовной академии. За два года самостоятельно изучил семинарский курс и сдал экзамены. 31 октября 1949 года был рукоположен во иерея епископом Ижевским и Удмуртским Иеронимом (Захаровым). Служил в Сарапуле в Воскресенском храме. В 1965 году стал настоятелем этого храма. В 1967 году вышел по болезни в заштат. Жил в Москве, а летом на даче в поселке Клязьма. Для многих представителей московской интеллигенции был духовным наставником. Автор данного труда встречался с ним на его даче в 1974 году, когда отец Николай и передал свое стихотворение.

Некролог см. в ЖМП, 1981, т. 3. С. 29–30.

12 Шмеман Александр, *профессор-протопресвитер*. О духовности, церковности и мифах. ВРХСД № 106, IV, 1972. С. 256.

13 В 1996 году в Москве были собраны и переизданы работы В.Н. Лосского: Спор о Софии. Статьи разных лет.

14 Указ Московской патриархии преосвященному митрополиту Виленскому и Литовскому Елевферию. В сб.: Спор о Софии. М., 1996. С. 81–82. Важные материалы о споре вокруг учения протоиерея Сергия Булгакова содержатся в журнале «Символ», № 39, 1998. В 2000 году вышла книга «Братство святой Софии. Материалы и документы» (Москва-Париж). В этой книге содержатся весьма неелстные характеристики священника Алексея Ставровского (1905–1972), бывшего студента Свято-Сергиевского богословского института (он его не закончил). Он считается основателем Братства святого Фотия. С 1931 года был членом епархиального совета Виленской епархии. С 1948 по 1956 гг. жил в Аргентине, затем переселился в Мадрид.

15 Там же. С. 90.

16 Евлогий (Георгиевский), *митрополит*. Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 642.

17 Федотов Г.П. Защита России. Париж, 1988. С. 214.

18 Цит. по: Одинцов М.И. Русские патриархи XX века; Бердяев Н.А. Вопль Русской Церкви. М., 1999. С. 253–254.

Примечательно, что во время беседы затрагивались самые различные вопросы, кроме одного — о необходимости освободить из лагерей остав-

шихся в живых епископов, священников и мирян Русской Православной Церкви. Не случайно Сталин предложил назначить Георгия Карпова (1897–1967) председателем Совета по делам РПЦ. Он с 1937 по 1938 гг. был начальником псковского окружного отдела НКВД. С 1940 года, уже при Берии, возглавил отдел, ведавший церковными делами в центральном аппарате НКВД. В 1943 году был полковником и прекрасно известен митрополиту Сергию и его окружению.

19 Федотов Г.П. Собр. Соч. М., 1998. Т. II. К вопросу о положении Русской Церкви. С. 165–166.

20 Хотя еще в 1905 году митрополит Антоний первым обратился к императору Николаю II с призывом созвать в самое ближайшее время Поместный Собор РПЦ для решения накопившихся неотложных церковных проблем. Он был поборником восстановления патриаршества и освобождения Церкви от пут государства.

21 Мейендорф Иоанн, *профессор-протопресвитер*. О путях Русской Церкви. В сборнике: Православие в современном мире Нью-Йорк, 1981. С. 192–193.

22 Мейендорф Иоанн, *профессор-протопресвитер*. Живое предание. СПб., 1997. С. 136.

23 Там же. С. 137, 138.

24 Цит. по Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. М., 1999. С. 288–290.

25 Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Литературная газета, 28.11.1990.

26 Анри де Любак, *кардинал*. Мысли о Церкви (Москва-Милан), 1994. С. 129–130.

27 Там же. С. 134.

28 Там же. С. 135.

29 Мень Александр, *священник*. Религия, культ личности и секулярное государство (заметки историка религии). В сборнике: На пути к свободе совести. М., 1989. С. 106.

30 Федотов Г.П. Республика Святой Софии. Цит. по публикации в журнале «Путь», Нью-Йорк, 1997, №10–11. С. 17.

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Агафангел (Преображенский), митр. – 277
 Александр (Введенский), митр. – 113
 Алексей, старец Зосимовой пустыни – 91
 Амбарцумов В., свящ. – 147
 Анатолий (Грисюк), еп. Самарский – 354
 Андроник (Лукаш), архим.* – 308
 Антоний (Вадковский), митр. – 350
 Антоний (Храповицкий), митр. – 199
 Антонин (Грановский), еп.* – 185, 205
 Арсений (Жадановский), еп. – 145
 Арсений (Стадницкий), архиеп. (позже – митр.) – 102, 273
 Артоболовский И.А., свящ. – 95
 Афанасий (Сахаров), еп. Ковровский – 311, 357
 Афанасий (Сахаров), иером. – 156
 Барабанов Е.* – 9
 Булгаков С.Н. – 52
 Бухарин Н.И. – 163
 Василий (Зеленцов), еп. – 275
 Васильев А.В. – 112
 Васильев Б.А. – 146
 Вениамин (Казанский), митр. Петроградский – 43, 171
 Вите С.Ю. – 33
 Владимир (Богоявленский), митр. Киевский – 38
 Ганецкий Я.* – 78
 Гельфанд И. (Парвус А.)* – 76
 Григорий (Козлов), еп. – 308
 Григорий (Яцковский), архиеп. – 267
 Громогласов И.М. – 103
 Губонин М.Е. – 21
 Дамаскин (Цедрик), еп. Стародубский – 372
 Дзержинский Ф.Э. – 160
 Димитрий (Любимов), еп. Гдовский – 334
 Евдоким (Мешерский), еп. Алеутский – 207, 251
 Евлогий (Георгиевский), митр. – 87, 338
 Елизавета Федоровна, великая княгиня – 35
 Зеленцов В. – 94
 Зиновьев (Радомышльский-Апфельбаум) Г.Е. – 79
 Иларион (Троицкий), архиеп. – 54, 302, 336
 Ильин И.А. – 122
 Иосиф (Петровых) митр. – 272
 Каганович Л.М. – 361

Калинин М.И.* – 165
 Карташев А.В. – 18
 Кирилл (Смирнов), митр. – 223, 365, 366, 368
 Кирилл, архиеп. Тамбовский и Шацкий – 352
 Кирилл, еп. Гдовский – 351
 Корнилий (Соболев), архиеп. – 306
 Котляревский С.А. – 121
 Красиков П.А.* – 73
 Красницкий В.Д.* – 169
 Краснов-Левитин А.Э.* – 6
 Кузнецов Н.Д. – 108
 Куприянова Т.И. – 144, 146
 Лахотский П., прот. – 109
 Ленин (Ульянов) В.И. – 58, 65, 100, 210, 212
 Лихачев Д.С. – 291
 Луначарский А.В. – 183
 Львов В.Н. – 41
 Любимов Н.А., протопресв. – 50
 Мандельштам Н.Я. – 13
 Мануил (Лемешевский), еп. – 208
 Матфей (Померанцев), архим. – 111
 Медведь Р., свящ. – 136, 137
 Мейендорф И., протопресв. – 27
 Менжинский В.* – 178
 Мень А., прот. – 29
 Мечев А., свящ. – 139
 Мечев С.А., свящ. – 140, 142, 143
 Микоян А.И.* – 362
 Митрофан (Краснопольский), еп. Астраханский – 89
 Михаил (Ермаков), митр. Киевский – 276
 Молотов В.М.* – 167
 Нестор (Анисимов), еп. Камчатский – 106
 Николай II, имп. – 34
 Орджоникидзе С.* – 362
 Павлин (Крошечкин), архиеп. Могилевский – 307
 Петр (Полянский), митр. Крутицкий – 220
 Попов И.В. – 304, 305
 Регельсон Л.Л.* – 7
 Родзянко М.В. – 84
 Рождественский А.П., прот. – 47
 Рункевич С. – 46
 Рыков А.И.* – 166
 Самарин А.Д. – 85
 Санковский А.В., прот. – 99

Серафим (Александров), митр. – 218
 Серафим (Звездинский), еп. Дмитровский – 130
 Серафим (Силичев), еп. Рыбинский* – 285
 Сергей Александрович, великий князь – 35
 Сергей (Страгородский И.Н.), митрополит, патриарх – 235, 240, 246, 250, 260, 262, 315, 317, 321
 Сергей (Шеин В.П.), архим. – 170
 Симон (Шлеев), еп. – 157
 Солженицын А.И. – 14
 Сталин (Джугашвили) И.В. – 74, 362
 Таврион (Батозский), архим.* – 309
 Тихон (Белавин), патриарх – 92, 128, 149, 215, 227
 Тихон, архиеп. Литовский* – 42
 Троицкий (Бронштейн) Л.Д.* – 164
 Трубецкой Г.Н., князь – 231
 Трубецкой Е.Н., князь – 158
 Тучков Б.Е.* – 191
 Тучков Е.А.* – 168, 174–176, 180, 184, 186, 189, 191, 193, 195, 219, 224, 257, 269
 Урицкий М.С.* – 161
 Ухтомский А.А. – 375
 Феодор (Поздеевский), еп. – 202, 354
 Фиолетов Н.Н. – 249
 Флоровский Г., прот. – 23
 Фудель С.И. – 134
 Хотовицкий А., протопресв. – 131
 Чагадаев А.Г., князь – 116
 Челпанов Г.И. – 125
 Шавельский Г., протопресв. – 82
 Шаламов В.Т. – 12
 Шмеман А., протопресв. – 10, 379
 Яковлева Е.А.* – 177, 180, 191
 Якунин Г.П.* – 7
 Ярославский Е. – 360

В книге, на стр. 4, воспроизведен портрет маслом архиепископа Ярославского Тихона (Белавина) неизвестного художника (холст, масло). Из коллекции митрополита Алма-Атинского и Астанайского Мефодия (Немцова).

Главы, посвященные Поместному Собору 1917–1918 гг., проиллюстрированы рисунками, хранящимися в составе фонда секретаря Собора Степана Рункевича (ОР РГМ. Ф. 257. С.Г. Рункевич. Папка 10–11). На обложке папки написано: «Писано с натуры членом Собора Богдановичем». Это рисунки Вячеслава Всеволодовича Богдановича (1878–1939?), выпускника КДА. После 1919 года вернулся в Польшу, был сенатором.

* Фотографии публикуются впервые

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авксентьев Н.Д. — 81
 Агафангел (Преображенский), митр. — 7, 42, 49, 235, 236, 276–288, 305–307, 314, 347
 Аггеев К.М., свящ. — 99
 Агранов Я.С. — 177, 183, 188, 189
 Айвазов И.Г. — 48
 Александр (Толстопятов), еп. — 263
 Александр II, имп. — 61, 62, 67
 Александр III, имп. — 63
 Александр (Введенский), митр. — 113
 Александр Невский, св. — 342
 Александра Федоровна, императрица — 33
 Алексеев М.В., генерал — 35
 Алексей Михайлович, царь — 19
 Алексей (Готовцев), еп. Серпуховский — 285
 Алексей (Дороднищын), архиеп. — 50
 Алексей (Палицын), еп. — 304
 Алексей I (Симанский), патриарх — 194, 262, 385, 387, 389
 Алексей II (Ридигер), патриарх — 389
 Алексей Московский, свт. — 81
 Алексей, старец Зосимовой пустыни — 91
 Амбарцумов В., свящ. — 146
 Амвросий (Полянский), еп. — 304
 Амвросий (Гудко), архиеп. Сарапульский — 42
 Амфитеатров В., свящ. — 141
 Анастасий (Грибановский), архиеп. Кишиневский — 98
 Анатолий (Грисюк), еп. — 353
 Андрей (князь Ухтомский), еп. Уфимский — 41, 46
 Андроник (Лукаш), мон. — 274, 308, 309
 Андроник (Никольский), еп. Пермский — 97
 Анри де Любак, кардинал — 391, 392
 Антоний (Вадковский), митр. Санкт-Петербургский — 244, 246, 349, 350
 Антоний (Панкеев), еп. — 304
 Антоний (Сурожский), митр. — 137
 Антоний (Храповицкий), митр. — 43, 82, 84, 85, 91, 92, 98, 99, 111, 198, 199, 201, 202, 241, 243–245, 384
 Антонин (Грановский), еп. — 113, 216, 273
 Антонин (Капустин), архим. — 126
 Арманд И. — 69
 Арнольдов С., сотр. НКВД — 188
 Арсений (Жадановский), еп. — 140, 371
 Арсений (Мациевич), архиеп. — 332

Арсений (Стадницкий), митр. — 38, 50, 51, 81, 84, 91, 98, 99, 102, 103, 116, 154, 156, 235, 273, 275, 285, 331, 338
 Арсеньев Иоанн, свящ. — 131
 Артамонов А.К. — 112
 Артоболовский И.А., свящ. — 95
 Артузов А.Х. — 188
 Арцыбашев Д.Д. — 80
 Аскольдов С.А. — 121, 123
 Астров П.И. — 99, 112
 Афанасий (Сахаров), еп. — 133, 156, 356, 371
 Афанасий (Молчановский) Сквирский, еп. — 306
 Афанасий Великий, св. — 127
 Ахматова А.А. — 81
 Баженов П., свящ. — 134
 Бакунин М.А. — 117
 Барабанов Е. — 5, 27
 Бедный Д. (Ефим Придворов) — 392
 Безансон А. — 8, 74, 293
 Бекаревич Э.А., прот. — 115
 Беликов И.И. — 112
 Белков Е.Х., свящ. — 169
 Беляев А., прот. — 133
 Бенешевич В.Н. — 344
 Бердяев Н.А. — 32, 55, 59, 60, 72, 82, 118, 119, 123, 125, 127, 259, 301–303, 340–342, 356, 374, 383
 Бланк Д. — 61
 Блинов Петр, обновл. свящ., впоследствии митрополит — 218
 Блок М. — 3
 Боголюбский А.И., прот. — 46
 Бокль Генри Томас — 64
 Бонч-Бруевич В.Д. — 108, 117, 182, 185
 Борис (Холчев), архим. — 146, 147
 Брусилов А.А. — 129
 Бубнов А.С. — 180
 Булгаков С.Н., свящ. — 36, 48, 49, 83, 99, 113, 123, 125, 339, 380, 381, 382
 Бурцев В.Л. — 71
 Буткевич, прелат — 171
 Бухарин Н.И. — 163, 177, 182, 363
 Бялыницкий-Бируля Б.Я. — 112
 Варлаам (Ряшенцев), архиеп. — 278
 Варнава (Беляев), еп. — 240
 Варнава (Накропин), архиеп. Тобольский — 42
 Варфоломей (Ремов), архиеп. — 137
 Василевская В.Я. — 144, 146, 147
 Василий (Зеленцов), еп. Прилуцкий — 275, 304, 333
 Василий Великий, св. — 127

Васильев А.В. – 112, 116
 Васильев Б.А. – 143, 146–148, 149
 Васильева О.Ю. – 25
 Введенский А., свящ., обновл. митрополит – 113, 169, 205, 272
 Вениамин (Казанский), митр. Петроградский – 37, 43, 98, 170, 171, 194
 Вернадский В.И. – 8, 80, 123
 Верховский С.К., свящ. – 99
 Виссарион (Зорин), еп. Симбирский – 273, 276
 Виссарион, архим. – 99
 Витте С.Ю. – 32
 Владимир (Богоявленский), митр. Киевский – 39, 81, 91–95, 99, 102, 103
 Владимир (Путята), архиеп. Пензенский – 113, 185, 186, 251, 252, 296
 Владимир (Соколовский), еп. – 151
 Войков П.Л. – 326
 Волконский С.М. князь – 247
 Волошин М. – 57, 118
 Вольский (Валентинов) Н. – 64, 68, 75
 Воронский В.В. – 78
 Востоков В.И., свящ. – 103, 112
 Вырубова А. – 33
 Гавриил (Красновский), митр. Клинский – 237, 269
 Галкин (Горев) М., свящ. – 113, 181, 184, 225, 231, 267, 184
 Гегель Г.В.Ф. – 68, 117
 Гельфанд Израиль (Парвус А.) – 76
 Георгиевский Г.П. – 241
 Гермоген, патриарх – 87, 93
 Герцен А.И. – 65
 Гинзбург Е. – 12
 Гиппиус З. – 245
 Гирс М.Н. – 339
 Гитлер А. – 15
 Глаголев М.Ф. – 155
 Глубоковский Н.Н. – 340, 342
 Гоголь Н.В. – 123
 Головин, предс. Мензелинской ЧК – 176
 Голубцов Г., прот. – 26, 27, 106, 109, 114
 Голубцов Н., свящ. – 147
 Горький М. – 11, 76, 167, 168, 258, 363
 Гофман Макс, нем. ген. – 78
 Григорий (Козлов), еп. – 307
 Григорий (Лебедев), еп. – 276
 Григорий (Яцковский), еп. Екатеринбургский – 112, 218, 236, 240, 267–276, 285, 352
 Григорий VIII, патриарх Константинопольский – 216
 Громогласов И.М. – 99, 103, 104, 112
 Губонин М.Е. – 21–23, 160, 181

Гувер Г.К. – 164
 Гурий (Степанов), еп. – 353
 Гурский – 108, 109
 Гусев П.Н. – 31
 Гучков А.И. – 35, 252
 Дамаскин (Орловский), иером. – 24, 27
 Дамаскин (Цедрик), еп. – 372
 Дамиан (Воскресенский), еп. – 268–270, 273, 276
 Дамиан, патриарх Иерусалимский – 305
 Данилушкин М.М., – 25
 Дарвин Ч. – 64
 Деянов И.Д. – 65
 Демидов И.П. – 339
 Деникин А.И. – 324, 353
 Дерibas Т. – 181, 184, 188
 Дзержинский Ф.Э. – 96, 159, 160, 169, 173, 177, 175, 179, 182, 187, 188, 213, 250, 295, 297
 Димитрий (Беликов), архиеп. Томский – 218, 272, 273
 Димитрий (Любимов), еп. – 276, 335, 376
 Димитрий Ростовский, свт. – 20
 Диоскор – 378
 Дмитриев В., свящ. – 25
 Дмитрий Павлович, великий князь – 34
 Добролюбов Н.А. – 45, 63, 64
 Достоевский Ф.М. – 60, 64
 Дудко Д., свящ. – 27
 Дулов Н., свящ. – 133
 Дурьлин С. – 293
 Евдоким (Мещерский), архиеп. Нижегородский и Арзамасский – 216, 207, 251
 Евлогий (Георгиевский), митр. – 27, 87, 88, 91, 98, 149, 242, 252, 253, 338–341, 343, 344, 368, 380–382
 Ежов Н.И. – 382
 Екатерина II, императрица – 257
 Елевферий (Богоявленский), митр. Литовский и Виленский – 229, 261, 262, 380
 Елизаров М., – 108, 109
 Ермоген (Голубев), архим. – 239
 Жанна Д'Арк – 72
 Желудков С.А., свящ. – 27
 Жиделев Н. – 175
 Журавский А.В. – 2
 Завитневич В.З. – 35
 Залуцкий П.А. – 163
 Засулич В. – 73
 Зеленцов В. – 94, 95, 96, 106, 112, 275, 304, 306, 307, 333

Зеньковский В.В. – 382
 Зиновьев (Радомышельский-Апфельбаум) Г.Е. – 52, 79, 165, 177, 182
 Зосима, св. – 308
 Зотиков Илья, свящ. – 131
 Иван Грозный – 34
 Иванов В.И., поэт, мыслитель – 121, 148
 Иванов-Разумник Р.В. – 118
 Ивановский П., прот. – 133
 Иезекиль, прор. – 93
 Иеракс (Бочаров), иером. – 146
 Иеремя, прор. – 139
 Иларий (Троицкий), архим. – 49, 182, 210, 211, 223, 304, 324, 337, 347
 Ильин И.А. – 125, 144
 Иннокентий (Бусинов), еп. – 273
 Иннокентий (Просвирнин), архим. – 26
 Иннокентий Московский, свт. – 152
 Иннокентий (Соколов), еп. Бийский – 294
 Иоанн (Василевский), еп. – 269
 Иоанн (Разумов), архим. – 263
 Иоанн Златоуст, свт. – 260
 Иоанн Кронштадский, св. прав. – 245, 350
 Иосиф (Петровых), митр. – 190, 272, 278, 334, 359, 373
 Иосиф Волоцкий, преп. – 257, 260
 Иоффе А.А. – 96
 Каганович Л.М., – 182, 361
 Калинин М.И. – 159, 162, 165, 182,
 Калиновский С.В., свящ. – 169, 205
 Кальнев М.А. – 111
 Каменев Л.М. – 52, 165, 168, 177, 182, 183
 Капитанчук В. – 5
 Каплан Ф.Е. – 120, 156
 Карпов Г. Г. – 195, 264, 387, 388
 Карр Э. – 8
 Карташев А.В. – 18, 19, 20, 39, 41, 44, 49, 81, 86, 99, 339, 342, 382
 Кассиан (Безобразов), архим. – 382
 Катанский А.Л. – 243
 Каутский К. – 67
 Керенский А.Ф. – 81, 108
 Керенский Ф. – 63
 Керзон Д.Н., лорд – 171
 Кертис Дж. Ш. – 7
 Киприан (Керн), архим. – 119
 Киприан Карфагенский – 335
 Кирилл (Гундяев), митр. Смоленский и Калининградский – 17, 30
 Кирилл (Смирнов К.И.), митр. Казанский и Свяжский – 7, 30, 89, 98,

101, 112, 133, 134, 222, 223, 228, 235, 279, 285, 308–315, 334, 349, 350–360,
 364–373, 377, 393
 Книппер-Чехова О.Л. – 161
 Ковшаров И.М. – 171
 Козловский М.Ю. – 79
 Коллонтай А.М. – 177
 Колчак А.В. – 324, 353
 Конквест Р. – 292
 Константин Великий, имп. – 19
 Копытин Д., свящ. – 132
 Корин П. – 228
 Корнеева В.А. – 29
 Корнилий (Соболев Г.Г.), архиеп. Свердловский – 305, 306, 310
 Корнилов Л.Г. – 81
 Косюр, бакинский инженер – 353
 Котляревский С.А. – 121
 Коутс В.П. – 203
 Красиков П.А. – 73, 165, 180, 181, 182, 184, 185, 187, 234
 Красин Л.М., – 173
 Красницкий В.Д., свящ. – 113, 165, 169, 205, 207, 216–220, 261, 272,
 357, 358
 Краснов-Левитин А.Э. – 5, 26, 194, 291, 293
 Кривова Н.А. – 25, 26
 Кроче М., – 21, 25
 Крупская Н.К. – 66, 69, 177, 182
 Крыленко Н.В. – 182
 Киттарев И., прот. – 382
 Кувшинов И.И. – 309–312, 317
 Кудрявцев П.П. – 99
 Кузнецов Н.Д. – 108–110, 112, 113
 Куляшев А.Г. – 99
 Куприянова Т.И. – 138, 143, 144, 146, 147
 Курский Д.И. – 215
 Кутузов Б.П. – 25
 Кушнерев, владелец московской типографии – 121
 Лакобе Н. – 45
 Лапин П.Д. – 99
 Лафарг П. – 67, 68
 Лахостский П.Н., прот. – 89, 109, 112, 115, 116
 Лацис М.Я. – 250, 295
 Лебон Г. – 58, 71, 72
 Лелевич Г. (Кальмансон Л.) – 173
 Ленин (Ульянов) В.И. – 8, 13, 15, 28, 56, 58, 59, 60, 62, 65, 68–79, 95,
 100, 107–109, 120, 143, 164, 165, 168–172, 175, 177–180, 182, 188, 196, 210,
 212, 215, 250, 256, 263, 290, 360

Леонид, обновл. еп. — 205
 Лепешинский П.Н. — 69
 Лесков Н.С. — 123, 155
 Литвинов М. — 163, 182
 Лихачев Д.С. — 291, 292
 Лихачев Н. — 364
 Лихоманов Г. — 281
 Локкарт М., — 35
 Лосев А.Ф. — 190, 364
 Лосский В.Н. — 380, 381
 Лосский Н.О. — 380
 Лука, ап. — 19
 Луначарский А.В. — 52, 113, 177, 182, 183, 184, 250, 251, 293, 363
 Лурье И.Л. — 188
 Лыкова Л.А. — 31
 Львов В.Н. — 39, 40–44, 46, 48–50, 86, 239, 248
 Любавский М., — 364
 Любимов Н.А., протопресв. — 26, 27, 42, 44, 46, 47, 49–51, 81, 89, 92, 99, 248, 252
 Людендорф, ген. — 78
 Мазырин А. — 2
 Макарий (Булгаков), митр. — 22, 39
 Макарий (Невский), митр. Московский — 42
 Максим Исповедник, св. — 127
 Мандельштам Н.Я. — 12
 Мансуров С., свящ. — 19
 Мануил (Лемешевский), митр. — 212, 251
 Мария Федоровна, императрица — 38
 Марк (Новоселов М.А.), еп. — 126, 190, 363
 Маркс К. — 13, 58, 60, 62, 64–68, 75, 259
 Матфей (Померанцев), архим. — 103, 111–114
 Маяковский В.В. — 60, 121
 Медведков Н.Н. — 114
 Медведь Р., свящ. — 135–137
 Межов А.И. — 229
 Мейендорф И., протопресв. — 27, 28, 385, 386
 Мейер А.А. — 125
 Мелетий, патриарх Константинопольский — 197, 198, 200
 Мелехов Д.Е. — 29
 Менжинский В.Р. — 170, 173, 178, 181, 182, 187, 204, 206
 Мень А., прот. — 29, 147
 Мень Е.С. — 29, 147
 Мережковский Д. — 244
 Мефодий (Немцов), митр. Астанайский и Алма-Атинский — 30
 Мечев А.А., свящ. — 126, 138, 139, 145, 147, 198
 Мечев С.А., свящ. — 126, 135, 140, 142–147

Миролюбов В. — 244
 Мироненко С.В. — 31
 Миртов П.А., прот. — 113, 154
 Митрофан (Гринев), еп. Аксайский — 288
 Митрофан (Симашкевич), митр. Донской — 288
 Митрофан (Краснопольский), еп. Астраханский — 89
 Михаил (Ермаков), митр. — 272, 275, 276, 338
 Михаил (Мудьюгин), архиеп. — 15
 Михаил (Романов), великий князь — 38
 Михаил (Богданов), еп. Самарский — 42
 Мишенькин А.С. — 126
 Моисей — 93
 Молотов В.М., — 163, 164, 167, 168, 180, 361
 Моор К. — 78
 Морозов С. — 76
 Москвин И.И. — 161
 Муравьев И.В., свящ. — 133, 134
 Муравьева В.Н. — 121
 Муссолини М. — 15
 Нансен Ф. — 164
 Наполеон Бонапарт — 72
 Нариманов Нариман — 183
 Нахамкис (Стеклов) Ю.М. — 249
 Нежданова А.В. — 161
 Некрасов Н.А. — 64
 Неофит (Осипов), архим. — 349, 356
 Нерон, имп. — 298, 376, 383
 Нестеров М.В. — 142
 Нестор (Анисимов), еп. Камчатский — 106
 Несторий — 378
 Нефедова К. — 311
 Никандр, еп. Вятский — 112
 Николай (Добронравов), архиеп. Владимирский — 272
 Николай (Касаткин), архиеп. — 242
 Николай (Могилевский), еп. Тульский — 273
 Николай (Ярушевич), еп. — 133, 387
 Николай I, имп. — 61
 Николай II, имп. — 33–38, 44, 75, 183, 217, 246
 Николай Мирликийский, свт. — 129
 Николай Николаевич, великий князь — 136
 Никольская Т.К. — 25
 Никон, патриарх — 93, 114
 Нилус С.А. — 25, 373
 Новгородцев П.И. — 121
 Новицкий Ю.П. — 171
 Одинцов М.И. — 26

Олсуфьев Д. — 100
 Ортега-и-Гассет Х. — 33
 Островский И.М. — 188
 Островский А.Н. — 123
 Павел I, имп. — 34
 Павел, ап. — 11, 150, 322, 376
 Павлин (Крошечкин), еп. — 274, 304–312, 317, 319
 Парфений (Брянских), еп. — 372
 Пастернак Б.Л. — 59
 Пашкевич К. — 225
 Педашенко Н., свящ. — 29, 313
 Пестов Н.Е. — 29, 147
 Петр (Зверев), еп. — 304, 353
 Петр (Полянский), митр. Крутицкий — 7, 24, 26, 27, 133, 210, 222, 223, 225, 227–237, 261, 266–274, 277–288, 292, 294, 313, 333, 334, 344, 347, 349, 358, 364, 366, 367, 70, 380
 Петр Великий, имп. — 34, 247, 257, 294, 295
 Петр, митр. Московский, свт. — 93
 Петров Г., свящ. — 333
 Петров С.Г. — 17
 Пий XI, Папа Римский — 368
 Пимен (Извеков), патриарх — 303, 385, 389
 Писарев Л.И. — 99
 Питирим (Нечаев), митр. — 24, 389
 Питирим (Окнов), митр. Петроградский — 41, 42
 Пихоя Р.Г. — 31
 Платон (Рождественский), митр. Одесский — 41, 44, 46, 49, 50, 84, 93, 98, 101, 112, 113, 248, 380
 Платонов С.Ф., историк, академик — 364
 Плеханов Г. М.— 62, 67, 71–73
 Покровский И.А. — 121
 Покровский М.Н. — 364
 Покровский Н.Н. — 17
 Полозов Я. — 221, 222
 Пономарев, свящ. — 115
 Попов В.Н. — 128, 129, 135
 Попов И.В. — 304
 Поселянин (Погожев) Е. — 24
 Поскребышев А.Н. — 388
 Поспеловский Д. — 27
 Постников В.Е. — 68
 Потресов А.Н. — 71, 73
 Прокопий (Титов), архиеп. — 223, 304
 Прокопович Ф. — 294
 Протопопов А.Д. — 36
 Пушкин А.С. — 13, 61, 147

Радек К. — 77, 78
 Радзимовский В.В. — 110
 Раевский С.М. — 100
 Ранке, фон Леопольд — 23
 Распутин Г.Е. — 22, 33, 34, 40–44, 135, 252, 357
 Рафаэль — 19
 Регельсон Л.Л. — 7, 21, 23, 24, 27, 28
 Родзянко М.В. — 34, 81, 84
 Рождественский А.П., прот. — 42, 44–47, 84, 112
 Розанов В. — 244
 Розов К.В., протоиак. — 161
 Романов А.Н., царевич — 33
 Рублев А. — 19
 Рубцов Р.Г. — 112
 Руднев С.П. — 112, 115
 Рудницкий Н., прот. — 155
 Рузский Н.В.— 35
 Рункевич С.Г. — 44
 Русак В., диак. — 24
 Рыков А.И. — 162, 165, 166, 182, 363
 Саблер В.К. — 252
 Савватий, св. — 308
 Савельев С.Н. — 28
 Салтыков-Щедрин М.Е. — 64
 Самарин А.Д. — 81, 108, 353
 Самсонов Т. — 159, 295, 297
 Санковский А.В., прот. — 99, 101
 Свенцицкий В., свящ. — 125, 200
 Севастиан (Вести), архиеп. — 331
 Серафим (Александров), митр. — 112, 218, 223, 229
 Серафим (Батюков), архим. — 135, 146, 371
 Серафим (Звездинский), еп., мч. — 130, 132, 134–136, 269
 Серафим (Остроумов), архиеп. Орловский — 273
 Серафим (Самойлович), архиеп. Угличский — 276, 278, 294, 300, 372
 Серафим (Силичев), еп. Рыбинский — 285, 304
 Серафим (Соболев), еп. — 290, 313, 317, 344
 Серафим (Чичагов), митр. — 353
 Серафим, архиеп. Костромской и Галичский — 252
 Сергей Александрович, великий князь — 36
 Сергей (Воскресенский), митр. — 314
 Сергей (Зверев), еп. Самарский — 223, 273
 Сергей (Страгородский И.Н.), митрополит Нижегородский, патриарх — 16, 27, 29, 30, 37, 42, 50, 53, 98, 137, 174, 184, 186, 196, 218, 223, 235–240, 242, 244–290, 294, 299, 300, 304, 305–321, 323–325, 239–349, 358, 359, 361, 362, 364–372, 374–392
 Сергей (Шеин В.П.), архим. — 171

Сергий Радонежский, св. – 56
 Сергей (Соколов), еп. Новосибирский – 30
 Сильвестр (Братановский), архиеп. Вологодский – 273
 Симон (Шлеев), еп. – 157
 Сирин И. – 375
 Скворцов-Степанов – 183, 231, 234
 Слободский И.П. – 241
 Смилович П. – 8, 182, 187, 362
 Смирнов А. – 61
 Смирнов А.В. – 42
 Смирнов И., протопресв. – 382
 Сове Б.И. – 382
 Соколов В.А. – 245
 Соколов И.И. – 99
 Соколов П.И., свящ. – 99
 Соколова М.Н. – 138, 143, 148
 Солдатов А. – 31
 Солженицын А.И. – 14, 26
 Соловьёв В.С. – 3, 119, 123, 298, 302
 Соловьёв И.В. – 31
 Сольц А.А. – 177, 183
 Спинка Мэтью, проф. – 8
 Ставровский А. – 381
 Стадник С.Я., свящ. – 205
 Сталин (Джугашвили) И.В. – 7, 12, 13, 60, 74, 165, 173, 75, 168, 177, 182, 187–189, 193, 195, 197, 213, 264, 266, 290, 292, 330, 360, 361, 369, 378, 382, 383, 387, 388, 390, 392
 Станиславский А.М., прот. – 99
 Стефан Пермский, свт. – 133
 Столыпин П.А. – 32
 Струве Н.А. – 21
 Струве П.М. – 72, 120, 124, 121
 Струженцев М.И. – 48
 Суменсон Е. – 78
 Сычев В.С. – 28
 Таврион (Батозский), архим. – 6, 27, 274, 307, 309
 Тарле Е. – 364
 Теляковский (Тучков Е.А.) – 186, 234
 Тепнина М.В. – 29, 147
 Тернавцев В. – 244
 Тимофей, апостол – 322
 Тихон (Белавин), патриарх – 7, 21, 26–29, 37, 39, 81, 84, 91, 92, 94, 97, 99, 101, 104, 105, 107, 128, 134, 136, 148, 154, 159, 160–166, 169, 170–174, 185, 189, 193, 196, 197–213, 215–225, 227–255, 261, 265, 267, 271, 276–279, 291, 292, 294, 296, 299, 300, 304, 308, 309, 314, 319, 324, 325, 328, 329, 333, 341–343, 346, 347–349, 351, 356–358, 364, 370, 384, 389

Тихон (Оболенский), митр. – 223, 228
 Тихон (Русинов), еп. – 273
 Тихон (Шарапов), еп. – 304
 Тихон Задонский, свт. – 149
 Толстой, оперуполном. НКВД – 372
 Толстой Л.Н. – 60
 Томский (Ефремов М.П.) – 177
 Трепов А.Ф. – 33
 Трилиссер И.А. – 188
 Троцкий (Бронштейн) Л.Д. – 15, 52, 76, 79, 164, 165, 168, 169, 171, 173, 177, 178, 182, 290
 Трубецкой Г.Н., князь – 99, 231, 232, 339
 Трубецкой Е.Н., князь – 48, 49, 81, 84, 99, 101, 157
 Труфанов И. – 296
 Тураев Б.А. – 156
 Тургенев И.С. – 64
 Тучков Б.Е. – 180, 194
 Тучков Е.А. – 27, 28, 29, 169, 170, 173–195, 197–212, 216–225, 228, 229, 231–238, 253, 260, 261, 265–268, 270–276, 279–288, 290, 292, 295, 300, 301, 305, 309, 312–319, 324, 327, 331, 334, 335, 337, 348, 356, 357, 381
 Тучкова Е.А. (Яковлева Е.А.) – 177, 180, 183, 197
 Ульянов А.И. – 61, 63
 Ульянов Д.И. – 66
 Ульянов И.Н. – 61, 62
 Ульянов Н.В. – 61
 Ульянова А.И. – 63
 Ульянова М.А. – 63, 66
 Ульянова М.И. – 66
 Ухтомский А.А. – 375
 Фаддей (Успенский), архиеп. – 356
 Федотов Г.П. – 125, 214, 215, 217, 233, 298, 344–348, 369, 382, 384, 385, 393
 Феодор (Поздеевский), еп. – 202, 211, 353
 Феодосий Черниговский, свт. – 149
 Феофан (Быстров), еп. – 136, 290, 313, 316, 344
 Феофил (Пашковский), митр. – 380
 Филарет (Дроздов), митр. – 247
 Филарет (Никольский), архиеп. – 353
 Филарет, чудовский иером. – 133, 134
 Филоненко Ф.Д., прот. – 42, 46, 47
 Философов Д. – 244
 Фиолетов Н.Н. – 110, 249
 Фиолетова Н.Ю. – 331
 Флетчер У., англ. историк – 6
 Флоренский П.А., свящ. – 35, 125, 241, 354
 Флоровский Г., прот. – 17, 22, 24, 27, 382
 Фотий, патриарх – 380, 381

Франк С.Л. – 120, 124
 Фудель И, свящ. – 353
 Фудель М.И. – 133
 Фудель С.И. – 133, 353
 Фюрстенберг (Ганецкий) Я. – 78
 Холмогоров М.К., протоиак. – 161
 Хотовицкий А., протопресв. – 131
 Хризостом (Мартишкин), митр. Литовский и Вильнюсский – 389
 Хрусталева-Носарь Г.С. – 76
 Хрущев Н.С. – 147
 Цедербаум (Мартов) Ю. – 67
 Церетели И.Г. – 56
 Цыпин В., прот. – 22
 Чаадаев П.Я. – 119
 Чагадаев А.Г., князь – 116
 Челпанов Г.И. – 126, 144
 Чернышевский Н.Г. – 64, 356
 Чехов А.П. – 147
 Чичерин Г. – 171, 182
 Шавельский Г., протопресв. – 81, 84, 85, 99
 Шавров В. – 5, 26, 194
 Шаламов В.Т. – 12
 Шаляпин Ф.И. – 161
 Шеин В.П. – 81
 Шипков П., свящ. – 146, 304
 Шкаровский М.В. – 25
 Шмеман А., протопресв. – 10, 11, 374, 379
 Шмит Н.Н. – 76
 Шрейдер М.П. – 188
 Штюмер Б.В. – 36
 Шульгин В.В. – 35
 Щапов Я.Н. – 25
 Щукин С., свящ. – 154
 Энгельс Ф. – 60, 62, 65, 75
 Эпикур – 68
 Юденич Н.Н. – 96
 Юсупов Ф.Ф. – 34
 Ягода Г.Г. – 188
 Якунин Г.П. – 7, 27
 Ян (Цепляк), архиеп. – 171
 Ярославский Е. (Губельман Миней) – 42, 165, 178, 179, 183, 184, 192, 360

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИКА-ХРИСТИАНИНА 5
 II. НА ПОРОГЕ ПОМЕСТНОГО СОБОРА 32
 III. ВОЖДИ БОЛЬШЕВИЗМА 57
 IV. ПОМЕСТНЫЙ СОБОР ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ
 ЦЕРКВИ 1917–1918 гг. 81
 V. ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА 118
 VI. ВСЕРОССИЙСКИЙ ПАТРИАРХ ТИХОН И ЕГО ВРЕМЯ 148
 VII. ЧЕКИСТСКИЙ «ИГУМЕН» – ЕВГЕНИЙ ТУЧКОВ 173
 VIII. «Я НЕ МОГУ ОТДАТЬ ЦЕРКОВЬ В АРЕНДУ
 ГОСУДАРСТВУ» 196
 IX. ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ ПАТРИАРХА ТИХОНА 214
 X. МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ СТРАГОРОДСКИЙ 239
 XI. БОРЬБА ЗА ВОЗГЛАВЛЕНИЕ ЦЕРКВИ.
 МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ ПРОТИВ ТУЧКОВА 266
 XII. ТАЙНЫЕ ВЫБОРЫ ПАТРИАРХА 290
 XIII. ДЕКЛАРАЦИЯ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ –
 СПОРЫ И РАЗДЕЛЕНИЯ 319
 XIV. ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ 349
 XV. «НА КАМНЕ СЕМ СОЗИЖДУ ЦЕРКОВЬ МОЮ» 374
 ПРИМЕЧАНИЯ 394
 УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ 415
 ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 418

СЕРГЕЙ БЫЧКОВ

БОЛЬШЕВИКИ ПРОТИВ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ
(1917–1941 гг.)

II том

Оригинал-макет подготовлен
издательством «Тэтис Паблишн»
Москва, ул. Пятницкая, 73

Верстка Е. Долгих

Подписано в печать 17.03.2006. Формат 60х90/16
Печ. л. 27. Тираж 1500 экз. Заказ № 60

Отпечатано в ЗАО СП «Контакт РЛ»
Москва, ул. Валовая, 30/75, стр. 4